Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова»

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Сборник материалов Международной научно-практической конференции

19–20 октября 2017 года

К 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
С56

Редакционная коллегия:
кандидат юридических наук, доцент А. В. Гришин (председатель);
доктор юридических наук, доцент Е. В. Марковичева (заместитель председателя);
кандидат юридических наук, доцент Ю. П. Якубина;
кандидат юридических наук Е. А. Семёнов; кандидат юридических наук О. А. Ветрова;
С. А. Лукьянчикова (ответственный секретарь)

С56 **«Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная науч.-практическая конф. (2017 ; Орёл).** Международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 19–20 октября 2017 года : [к 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции : сборник материалов] / редкол. : А. В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – 456 с.

ISBN 978-5-88872-211-4

В сборник материалов включены статьи профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, докторантов, адъюнктов и аспирантов, представленные для участия в Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (19–20 октября 2017 года).

Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-211-4 **© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017**

Содержание

Авдеев В. Н., Шашкова А. Н. К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА …..……10
Агаева А. В. ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ В РОССИИ XX–XXI В. ..……13
Адигамова Л. Э., Ситдикова Г. З. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ .……18
Айвазова О. В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РЕЖИМ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОТРЕБНОСТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ……23
Андреева О. И., Зайцев О. А. СУЩНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ……..30
Андроник Н. А. ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА ……36
Астрахан В. И., Кононов А. Д. ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ……39
Багжанова А. Ж. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАВШИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКОВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 108, 109 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ……48
Безруков С. С. ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ……..53
Белицкий В. Ю. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, ЛИЧНОСТЬ КОТОРОГО НЕ УСТАНОВЛЕНА ……59
Беляев М. В. О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……63
Блинова Е. В. НАРУШЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ……..66
Бондаренко М. В., Гришин А. В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ……...69

Варданян А. В. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ……73
Васильева М. А. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ……..79
Васюков В. Ф. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ ……..83
Ветрова О. А. ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВАМИ 21 И 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ) ……87
Виноградова В. А. НЕКОТОРЫЕВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ……91
Волынский А. Ф. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИХ ЗНАНИЙ ……97
Габараев А. Ш. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ ……105
Гаврилов Б. Я. ИНСТИТУТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ……..……..109
Гирько С. И. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ……117
Гончаров М. В., Лукьянчикова С. А. О ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНЫХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……..129
Грибунов О. П., Александров А. Н. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИКИ ……..134
Григорьев В. Н., Дикарев В. Г. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ……140

Гришин А. В. СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 15 НОЯБРЯ 2016 Г. № 48 ……..147
Гладышева О. В. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ……165
Давыдов М. В., Харыбин А. Ю. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ НЕОЧЕВИДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ……171
Диденко Н. С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ……..176
Долина М. Ю. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ ГРУЗОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ……180
Егоров Н. Н. СЛОЖИВШИЕСЯ НА ПРАКТИКЕ СЛУЧАИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ЭКСПЕРТОМ ……184
Емельянов Д. В. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА ……188
Журавлева Н. М. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ «СОКРАЩЕННОГО» ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ……192
Зайцева Е. А., Гарисов С. М. СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ……195
Зеленина О. А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ……200
Зырянова Е. Е. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЧАЛЬНИКОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА …..203
Калюжный А. Н. СМЕЖНЫЕ СОСТАВЫ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ И ПРИЗНАКИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ……206
Карпенко О. А. ДОПРОС НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ: ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДАЧИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ ……211
Качалова О. В. ПОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗУМНОСТЬ СРОКА ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ……217

Кириченко Ю. Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕММЫ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГОДЕЛА ……220
Колотушкин С. М. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫМ ПОЛЕТАМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ НАД ТЕРРИТОРИЯМИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ……225
Копыткин С. А., Назарова А. Б. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКОЙ НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РАМКАХ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ……..229
Крайнова О. А. УЧАСТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В РАЗРЕШЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА ……..233
Красильников С. В. К ВОПРОСУ О ВИДАХ ОТВЕТСВЕННОСТИ ЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕСУАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ……237
Крылов А. А. УЧАСТИЕ АДВОКАТА В РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА ……241
Кузьменко Е. С. СУДЕБНЫЙ ШТРАФ – БЛАГО ИЛИ ВРЕД ИНТЕРЕСАМ ПРАВОСУДИЯ? ……246
Кузнецов Д. Ю. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО И ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……252
Курилова Е. В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ …….255
Куценко С. М. СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ……..259
Лазаренко О. Н., Морозова Н. В. ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОГО ПОРТРЕТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ...264
Лапшин В. Е. НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ВЕРСИИ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ, ВЫДВИГАЕМЫЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ……268
Латыпов В. С. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ СОДЕЙСТВИЯ В ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ …….273
Литвин И. И. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ……278
Логачев К. К. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ……282

Марковичева Е. В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ ПРИ ОГЛАШЕНИИ В СУДЕ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ ……285
Мерецкий Н. Е. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДЛОГА В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ……289
Михайлина Ю. В. К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТЕРПЕВШЕГО ……294
Морозова Н. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ……..299
Москвичев С. А. ВИКТИМИЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕРТВ «ГРУПП СМЕРТИ» В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ……305
Муравьев К. В. ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ……..309
Нечушкина К. А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ……314
Николюк В. В. КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В СВЕТЕ ДАННЫХ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ …….320
Новикова Е. А., Чаплыгина В. Н. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗМОЖНЫМ ВНЕДРЕНИЕМ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИВОДСТВО РОССИИ ……329
Овчинников Ю. Г. СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ……334
Омарова М. Р. К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ ……339
Пимакова О. Г. СПЕЦИФИКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВУ ……..342
Пищулин А. И. РОЛЬ УСМОТРЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ….349
Плетников В. С., Плетникова М. С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ……..353
Политыко О. Е. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ …….357
Пушкарев В. В. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯВКИ С ПОВИННОЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ……362

Ретюнских И. А. О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» И «ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ» ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УПК РФ ……365
Россинский С. Б. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ……369
Рудич В. В. ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УКАЗАННЫХ В СТ. 99 УПК РФ, ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО ……..373
Сальников Е. В. ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНКВИЗИЦИОННОГО ПРОЦЕССА КАК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ……378
Семенцов В. А. НОВЕЛЛЫ ЗАКОНА О ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ …..383
Семёнов Е. А., Щербакова Л. Ю. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ ПО УПК РОССИИ И УПК МОНГОЛИИ ……..391
Синенко С. А. К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ ….395
Ситдикова Г. З., Чаплыгина В. Н. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА ……401
Стольников П. М. УСМОТРЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ……408
Сумин А. А. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ……411
Трубникова Т. В. ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ И ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ……415
Хайруллова Э. Т. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С МЫСЛЕННЫМ ОБРАЗОМ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СЛОВЕСНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТОВ ……422
Химичева О. В., Шаров Д. В. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕСЛЕДУЕМЫХ В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ ……425

Чаплыгина В. Н. ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ ПО ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ……..430
Шерстюк О. А. ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ……..434
Шурухнов Н. Г., Гаврилин Ю. В. ИНЫЕ ДАННЫЕ, ДАЮЩИЕ ОСНОВАНИЕ ПОДОЗРЕВАТЬ ЛИЦО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И МЕСТО В НИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ …….439
Юлдошев Р. Р. ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН …….446
Якубина Ю. П. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ……..451

Авдеев В. Н., Шашкова А. Н.

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье обосновывается мнение о том, что уголовное преследование в качестве процессуальной деятельности осуществляется также в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера. Предлагается новая редакция пункта 55 статьи 5 УПК РФ.

Об уголовном преследовании впервые упоминается в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. При этом в тексте данного нормативного акта и в работах процессуалистов тех лет использовались такие термины, как «преследование», «судебное преследование», «уголовное преследование», однако их сущность и содержание были весьма размытыми. В целом же «под судебным преследованием понималась деятельность обвинительной власти» [2].

Соответствующий термин без раскрытия его содержания встречается в ст. 9 УПК РСФСР от 22 мая 1922 года, а затем и в УПК РСФСР от 15 февраля 1923 года.

В УПК РСФСР, принятом 27 октября 1960 года и вступившем в силу с 1 января 1961 г., термин «уголовное преследование» длительное время не использовался. В данный закон он был введен лишь Федеральным законом от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ [1]. Так, последнее предложение ч. 1 ст. 47 указанного уголовно-процессуального закона было изложено следующим образом: «В случае, если к лицу, подозреваемому в совершении преступления, применены иные меры процессуального принуждения или его права и свободы затронуты действиями, связанными с его уголовным преследованием, защитник допускается к участию в деле с начала осуществления этих мер или действий».

В пункте 55 ст. 5 УПК РФ, принятом в декабре 2001 года и вступившем в силу с 1 июля 2002 года, под **уголовным преследованием** понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

В данном случае, как мы видим, законодатель увязывает понятие уголовного преследования с функцией обвинения, а через нее и со стороной обвинения [4, с. 60]. Так, согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ сторонами в уголовном процессе являются «участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения».

Пункт 47 ст. 5 УПК РФ относит к стороне обвинения прокурора, а также следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя.

Исходя из положений п. 55 ст. 5 УПК РФ, следует то, что уголовное преследование осуществляется в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В этой связи, на первый взгляд, можно сделать вывод о том, что в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке гл. 51 УПК РФ уголовное преследование не осуществляется, поскольку в данном случае идет речь не о подозреваемом и обвиняемом, а о лице, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Данное лицо является самостоятельным участником уголовного процесса, и ему согласно ч. 1 ст. 437 УПК РФ должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные статьями 46 и 47 данного закона права (аналогичные правам подозреваемого и обвиняемого), если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права.

Кроме того, в ходе производства по уголовному делу в данном случае следователь доказывает не событие преступления, виновность лица в совершении преступления и другие обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ, а следующее:

- время, место, способ и другие обстоятельства совершенного деяния;

- совершено ли деяние, запрещенное уголовным законом, данным лицом;

- характер и размер вреда, причиненного деянием;

- наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния или во время производства по уголовному делу;

- связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (п.п. 1-5 ч. 2 ст. 434 УПК РФ).

Однако, как представляется, и в данном случае следует говорить в уголовном преследовании. Во-первых, нередко в ходе досудебного производства данные о психическом заболевании лица появляются после приобретения им статуса подозреваемого, а в ряде случаев и статуса обвиняемого. При этом законодатель после появления таких данных не предусматривает необходимости принятия решения о прекращении уголовного преследования и начале производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Во-вторых, ч. 1 ст. 439 УПК РФ предусматривает по окончании предварительного следствия по делам данной категории возможность вынесения постановления о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27 данного закона, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

В ст. 27 УПК РФ законодатель регламентирует именно основания прекращения уголовного преследования. А согласно ч. 3 ст. 24 УПК РФ прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования.

В данном случае следует говорить о том, что уголовное преследование по данной категории дел осуществляется **в целях установления обстоятельств деяния, запрещенного уголовным законом, совершившего его лица и обеспечения применения к нему принудительных мер медицинского характера**.

Аналогичная позиция была представлена и в проекте УПК РФ, принятом в первом чтении в начале 2001 года. В пункте 21 статьи 5 данного проекта под уголовным преследованием понималась «деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления либо запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости».

Разделяет указанную выше позицию и законодатель в Республике Беларусь. Так, в п. 48 ст. 6 УПК РБ под уголовным преследованием понимается «процессуальная деятельность, осуществляемая в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения» [4, с. 31].

С учетом указанного нами выше представляется необходимым изложить п. 55 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «55*) уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, изобличения лица, его совершившего, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовно-правового характера*».

1. Федеральный закон от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Российская газета. 2001. 23 марта.
2. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статус, 2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчук и др.; под науч. ред. М.А. Шостака. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2014.
4. Уголовный процесс: учебник для вузов. 4-е издание переработанное и дополненное / Под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Виктор Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30.

Шашкова Анна Николаевна. Доцент кафедры общеправовых дисциплин. Кандидат юридических наук, судья в отставке.
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30.

Ключевые слова: уголовное преследование, подозреваемый, обвиняемый, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, обстоятельства совершения общественно опасного деяния.

УДК 343.13

Агаева А. В.

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ В РОССИИ XX–XXI ВВ.

Статья знакомит с эволюцией механизма защиты несовершеннолетних обвиняемых в российском уголовном процессе на протяжении XX–

XXI вв. Приводятся различные научные точки зрения на исследуемую проблему.

С использованием историко-правового метода исследования в статье рассматриваются различные подходы к обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетнего в истории российского уголовного процесса. Устанавливается преемственность в функционировании отдельных механизмов защиты несовершеннолетнего обвиняемого.

Достаточно долгое время в рамках отечественного уголовного процесса идет активная научная полемика по вопросу совершенствования производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Закономерным предметом такой научной дискуссии в конце XX века стали вопросы использования современных ювенальных технологий в отечественном уголовном процессе. К сожалению, столь важный вопрос на законодательном уровне так и остался открытым, однако на уровне отдельных регионов произошло экспериментальное внедрение в уголовный процесс некоторых ювенальных технологий.

К сожалению, обычно в основе внедряемых экспериментальных ювенальных технологий лежит зарубежный опыт, то есть модели более или менее успешно апробированные в других государствах. Однако при этом не должно игнорироваться и изучение истории уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних в нашей стране. Это оправдано с точки зрения понимания устойчивости и жизнеспособности определенных процессуальных институтов и в плане поиска дальнейших путей совершенствования механизма обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства.

Длительный исторический период несовершеннолетие не рассматривалось как обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности или смягчающее уголовное наказание. Переломным моментом в изменении отношения общества к проблеме несовершеннолетних правонарушителей стала вторая половина XIX в. Как отмечает Д.Ю. Кузнецов, это было связано с «острой необходимостью оптимизации правовых механизмов уголовной ответственности и наказания лиц, не достигших совершеннолетия, а также организации системы реабилитации, ресоциализации и нравственного перевоспитания криминализованных детей и подростков»[1].

Вполне обоснованно принципиальные изменения системы уголовного преследования несовершеннолетних связываются с судебной реформой 1864 г. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) впервые закрепил личностно ориентированный подход к уголовному преследованию несовершеннолетних. Впервые законодатель закрепил особые процессуальные правила в отношении несовершеннолетних обвиняемых. Нормы УУС, регламентирующие особенности производства в отношении несовершеннолетних, были скорректированы специальным законом 1897 г. «О

малолетних и несовершеннолетних подсудимых». Фактически с его принятием была создана полноценная нормативная база для специализированного ювенального правосудия.

В начале XX в. сформировавшаяся правовая основа для защиты прав несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве претерпевала изменения вместе с происходящими социально-политическими преобразованиями в государстве.

Особенностью процессуального положения несовершеннолетнего обвиняемого в начале XX века явилось его включение в особую процедуру судопроизводства в детских судах. В 1910 г. в России был открыт первый ювенальный суд. В последующем такие суды появились и в других крупных городах [2]. Принципиальной особенностью уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних стала неформальная процедура разбирательства у специального мирового судьи. Обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого в значительной степени способствовали: а) ускоренный порядок рассмотрения уголовного дела; б) сбор информации, характеризующей несовершеннолетнего и его родителей, попечителей; в) проведение судебного заседания в форме воспитательной беседы судьи с подростком-правонарушителем; г) наличие законодательных оснований для привлечения в процесс защитника и законных представителей несовершеннолетнего; д) попечительский надзор как основная мера воспитательного воздействия к несовершеннолетнему правонарушителю.

В целом современники таких судов [3] достаточно высоко оценивали их эффективность и существующий механизм защиты прав несовершеннолетних.

Ювенальные суды были упразднены в ходе революционных преобразований 1917-1918 гг. С этого момента начался непростой, противоречивый и многогранный советский период в формировании процессуального механизма защиты прав несовершеннолетних обвиняемых.

В 20-е годы прошлого века высокий уровень детской беспризорности вкупе с подростковой преступностью потребовал создания государственного механизма реагирования на подобные негативные явления.

В основе защиты прав несовершеннолетнего в этот период первоначально лежала идея о необходимости медико-социальной реабилитации подростка. Несовершеннолетний должен был не уголовно преследоваться и отбывать наказание, а фактически перевоспитываться. По свидетельству современников, это породило противоречивую ситуацию, когда ресоциализация подростков не приводила к снижению преступности несовершеннолетних [3, с. 27]. Основным способом защиты прав несовершеннолетних обвиняемых в период 20-х–начала 30-х гг. стала процедура рассмотрения уголовного дела в специальной комиссии по делам несовершеннолетних с последующим применением к подростку мер медико-педагогической реа-

билитации. Однако уже в середине 30-х годов и позднее, в 40-е гг., происходит ужесточение уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних. К сожалению, специфика ювенального судопроизводства, сохраняющаяся с особенностями даже в послереволюционные годы, в этот период была утрачена. С исторической точки зрения в этот период несовершеннолетний обвиняемый находился в наименее защищенном положении. Такая ситуация сохранилась на практике вплоть до 1960 г.

С принятием УПК РСФСР 1960 г.[6] начался следующий этап в формировании государственной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетнего обвиняемого. В УПК РСФСР 1960 г.[6] появилась специальная глава, посвященная особенностям производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В основу механизма защиты прав несовершеннолетнего обвиняемого были положены: а) обязательное участие защитника в процессе; б) участие законного представителя; в) расширение предмета доказывания; г) процедура выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство; д) процессуальный механизм принятия решения о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. В целом уголовное производство в отношении несовершеннолетних стало носить охранительный характер.

Следующий исторический этап может быть обозначен как период с начала 90-х годов XX в. до 2001 г., когда был принят ныне действующий УПК РФ, закрепивший современную модель обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого. В этот период вопросы обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве начинают рассматриваться в контексте внедрения в России ювенальной юстиции [5, с. 9]. В 90-е годы прошлого столетия было разработано несколько законопроектов, направленных на создание специализированных ювенальных судов и закрепление реабилитационной модели работы с несовершеннолетними обвиняемыми. Поскольку проекты не получили государственной поддержки, ювенальная юстиция трансформировалась в отдельные ювенальные технологии, которые в экспериментальном режиме стали внедряться в уголовное судопроизводство в отдельных регионах. К сожалению, отсутствие полноценной нормативной базы существенно затрудняло трансляцию позитивного опыта. К достижениям таких экспериментов в плане обеспечения защиты несовершеннолетнего обвиняемого следует назвать создание механизма социального сопровождения расследования уголовного дела, использование помощи привлеченных специалистов к получению информации о несовершеннолетнем правонарушителе.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство в целом продолжило историческую традицию, заложенную в УПК РСФСР 1960 г. [6], и не ввело каких-либо революционных изменений в обеспечении прав несовершеннолетних. В то же время следует отметить, что мно-

гие достижения, сложившиеся исторически, не были восприняты современной законодательной моделью и необоснованно утрачены. Очевидно, что разработке дальнейших направлений совершенствования современного ювенального правосудия должен предшествовать период исторической ревизии.

В частности, в УПК РСФСР 1960 г.[6] появилась специальная глава, посвященная особенностям производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних стали принимать участие защитник и законный представитель, существенно расширился предмет доказывания. К этому времени сформировался и четкий законодательный механизм применения принудительных мер воспитательного воздействия. Проблеме преступности несовершеннолетних уделялось особое внимание, в связи с чем была введена персональная подследственность уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Как полагает Е.В. Марковичева, достоинством уголовно-процессуального законодательства этого периода, по сравнению с современным УПК РФ, было закрепление возможности расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних только в форме предварительного следствия. При этом такие дела расследовались наиболее опытными следователями [4, с. 11].

---

1. Кузнецов Д.Ю. Формирование государственно-правовой политики в области противодействия преступности несовершеннолетних в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Современное право. 2012. № 7. С. 155–157.
2. Марковичева Е.В. Правосудие по делам несовершеннолетних в России начала XX века // История государства и права. 2007. № 17. С. 18–20.
3. Тарасова Е.П. Детский суд за границей и в России / Е.П. Тарасова. М.: Тип. Рус. Т-ва, 1912. – 93 с.Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки/ П.И. Люблинский. М., 1923. 301с.
4. Марковичева Е.В. Осуществление защиты по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Е.В. Марковичева // Российский судья. 2008. № 2. С. 9–10.
5. Марковичева Е.В. Производство дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Российский судья. 2008. № 3. С. 11–12.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. С. 592.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Агаева Альбина Владимировна. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории государства и права.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39а.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, ювенальный суд, ювенальная юстиция, обвиняемый, защитник, законный представитель.

УДК 343.115(091)

Адигамова Л. Э., Ситдикова Г. З.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье представлены результаты исследования и разработки предложений, направленных на решение проблем криминального использования Интернета в распространении идеологии экстремизма и склонения граждан России к выезду вместе с детьми в Сирию и Ирак, что представляет существенную угрозу национальной безопасности России.

Доступность и массовое использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет является одним из источников угрозы национальной безопасности Российской Федерации в связи с активным ее использованием в криминальных целях. В п. 11 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года указано, что наиболее опасные виды экстремизма - националистический, религиозный и политический - проявляются в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, в вовлечении отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в проведении несогласованных акций, организации массовых беспорядков и совершении террористических актов [4] .

Организаторы и участники экстремистских групп активно используют в своих целях процесс глобализации, принимая на вооружение новейшие информационные технологии, с помощью которых делают менее уязвимыми для правоохранительных органов элементы своей инфраструктуры. Создаются террористические организации, в основу построения которых заложен принцип сетевой структуры, что, в свою очередь, обуславливает увеличение их потенциала в современных информационно-коммуни-

кативных условиях. Для них характерны единые центры и информационно-коммуникативные каналы, автономный способ существования входящих в сообщество периферийных преступных группировок, взаимодействующих как с центром, так и между собой [6, с.145].

Статистика последних лет свидетельствует, о том, что борьба с экстремизмом активно стала переходить из реального мира в виртуальный, увеличивается количество интернет-ресурсов [10, с.64] в Федеральном списке экстремистских материалов. Так, в 2008 г. их было 25, в 2012 – 264, в 2017 – 4221. Последним внесена листовка экстремистского содержания «Русская перекличка. (Для тех, кто достоин называться русским (русом))», в соответствии с решением Советского районного суда г. Уфы от 27 июня 2017 г [9].

Интернет стал основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, который используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии [4]. Например, в отношении 32-летнего жителя Красноярска, который подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, было возбуждено уголовное дело. С марта 2014 года по июль 2015 года подозреваемый на своей персональной странице в социальной сети «ВКонтакте» размещал изображения, видеоматериалы и текстовые сообщения, которые содержат информацию, способную побудить к насильственным действиям, возбудить ненависть, вражду, а также унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам национальности. Была проведена комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза материалов, размещенных подозреваемым в сети Интернет, которая и подтвердила наличие информации экстремистского содержания [5].

Используя Интернет, преступники активно воздействуют на массовое сознание людей, используя религиозную, финансовую, психологическую и иную мотивацию. Еженедельно в разных регионах России подростки и молодые люди, вступив в переписку с неизвестными им людьми, «уходят» в экстремизм и затем в террор, «стирают» личную информацию в социальных сетях, обрывают все возможные способы их поиска и установления связи. Впоследствии, завербованных по экстремистской мотивации людей, террористы используют для подготовки и совершения терактов. Так, 20 февраля 2017 г. возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 208 УК РФ в отношении гражданина Д., уроженца Республики Казахстан, жителя г. Уфы, который в 2016 году рейсом «Москва-Стамбул» вылетел в Турецкую Республику, после чего, при неустановленных обстоятельствах прибыл на территорию Сирийской Арабской Республики, где вступил в незаконное вооруженное формирование «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», запрещенное законодательством данного государства. В январе 2017 года Д.

вернулся в г. Уфу, где организовал распространение запрещенных экстремистских материалов, привезенных из Сирии.

Помимо отъезда из России молодых людей, завербованных с помощью Интернета в экстремистские и террористические организации, особо актуальной и требующей законодательного регулирования стала проблема вывоза детей, граждан Российской Федерации, в Сирию и Ирак. За последнее время примкнувшие к запрещенной в России террористической группировке «Исламское государство» [7] родители, находясь под воздействием организаторов преступной группировки и выполняя их инструкции, получаемые через Интернет, вывезли из нашей страны около 350 детей [11, с.189]. Большинство детей ранее проживали в Чеченской Республике и Дагестане. Родители, стремившиеся присоединиться к исламистам, вывозили их в районы, контролируемые запрещенной террористической организацией. После этого взрослые бросали их или погибали, в результате дети оставались без присмотра [1]. Многих вывезенных из России детей организаторы преступной группировки принудительно вербуют в отряды по подготовке боевиков и шахидов-смертников [2, с.121].

Отъездам молодых людей и вывозу детей из России способствуют несколько существенных факторов: во-первых, продвижение преступниками идеологии экстремизма через различные сайты, несмотря на предпринимаемые государством меры введения ограничения на территории России информационных ресурсов сети Интернет, не допускающих распространение идеологии. Во-вторых, современное состояние общественных отношений имеет тенденции роста числа агрессивно настроенной молодежи, объединяющейся в группы с общенегативной, антисоциальной мотивацией, активно проявляющих правовой нигилизм, отрицательное до степени вражды или ненависти отношение к представителям власти, иной политической, идеологической культуры, расы, национальности, вероисповедания, социального положения, рода занятий [12, с.77].

Полагаем, эффективными мерами по пресечению вывоза детей в Сирию и Ирак является усиление паспортного контроля на границе Российской Федерации в местах пересечения воздушного, железнодорожного, водного, автомобильного транспорта для выявления лиц, сопровождающих детей и следующих в страны, граничащие с Сирией и Ираком. Особое внимание следует обращать на одного родителя, сопровождающего ребенка, без второго родителя. В этом случае следует предусмотреть процедуру проверки законности вывоза ребенка, согласования с другим родителем и органами опеки. Результативной мерой по пресечению вывоза детей является законодательное регулирование процедуры выезда детей в страны, граничащие с Сирией и Ираком. Полагаем, целесообразно усилить контроль со стороны государства за подготовкой родителей к выезду с детьми в рассматриваемые страны с привлечением оперативных подразделений МВД РФ, участковых уполномоченных полиции по месту жительства се-

мьи, с целью установления связи членов семьи с общественными организациями деструктивного характера. Необходимо также предусмотреть обязанность сотрудников паспортно-визовой службы и органов опеки проводить проверку документальных оснований выезда (наличие туристической путевки, визы, приглашения реальных родственников, чье родство подтверждено). Необходимо предусмотреть обязанность родителей в случае вывоза детей в рассматриваемые страны получать письменное согласование с органами опеки Российской Федерации после проведенной проверки паспортно-визовой службой во взаимодействии с соответствующими подразделениями МВД РФ.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что ежегодно по уголовным делам, возбужденным по факту совершения преступлений экстремистской направленности, в результате объективного расследования, производства многочисленных экспертных исследований [3, с.108], устанавливается наличие в отдельных печатных изданиях информации, содержащей пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. В соответствии со ст. 13 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 № 1313, на Министерство юстиции Российской Федерации возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Например [8], решением Коптевского районного суда САО г. Москвы от 21 мая 2007 г. установлено наличие информации экстремистского содержания в книгах из собрания сочинений Саида Нурси: «Рисале-и Нур» «Истины вечности души», «Истины веры», «Путеводитель для женщин», «Плоды веры», «Основы братства». Решением Октябрьского и Смольнинского районных судов г. Санкт-Петербурга признаны содержащими информацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации и подрыв безопасности государства: Информационный бюллетень Санкт-Петербургской региональной организации Российского национального

единства, листовки «Что и как? Пособие по уличному террору». Решением Ленинского суда г. Новороссийска от 21 июня 2007 г. материалы, опубликованные в отдельных номерах газеты «За Русь!» за 2005-2006гг., содержат информацию экстремистской направленности, вследствие этого внесены в федеральный список экстремистских материалов [10].

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, безусловно, является достижением научно-технического прогресса, эффективным средством общения людей и социального развития, решения вопросов в деловых отношениях, финансового взаимодействия организаций, развития искусства, культуры и спорта, информационного обмена. Вместе с тем, преимущества Интернета, используемые в криминальных целях, являются одним из источников угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

---

1. Кузнецова рассказала, из каких регионов России везут детей в Сирию и Ирак. URL:http://www.rbc.ru (дата обращения 18.09.2017).
2. Латыпов В.С. Несовершеннолетние свидетели в процессуальном законодательстве России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2. С. 121.
3. Латыпов В.С. Оптимизация судебно-экспертной деятельности в России: уголовно-процессуальный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1. С. 107-109.
4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Сайт «Консультант» URL: http://www.consultant.ru.
5. Сайт «Экстремизм.РФ»: Житель Красноярска предстанет перед судом за экстремизм в соцсети. URL: http://xn--e1aecglcxhj1i.xn--p1ai (дата обращения: 09.09.17 г.).
6. Троегубов Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Гуманитарный вектор. 2014.№ 3(39). Политология. С.145.
7. Преступная организация, запрещенная в Российской Федерации.
8. Указанные далее материалы и наименования внесены в список экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации.
9. Федеральный список экстремистских материалов. Министерство юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials (дата обращения 18.09.2017 г.).
10. Чаплыгина В. Н. Особенности алгоритма действий следователя на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных в отношении журналистов в связи с осуществлением их профессиональной деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. Издательство: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина (Белгород). 2017. №2. С.64.

11. Чаплыгина В. Н., Земзикова В. Н. общие черты и особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // News of science and education Издательство: PublishingHouse «EducationandScience» s.r.o. (Прага). 2016. Том.7. С. 189.
12. Чаплыгина В. Н. Общие черты и особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // Современный научный вестник. 2016. Т. 7. № 1. С. 77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адигамова Лилиана Эдуардовна. Студент 3 курса факультета международного права.
МГИМО (У) МИД, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Ситдикова Гузель Зуфаровна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.
Уфимский юридический институт МВД России, 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Ключевые слова: экстремизм, пресечение, идеология, Интернет, вывоз детей, органы опеки, паспортно-визовая служба.

УДК: 316.6, 343.03, 343.98

Айвазова О. В.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РЕЖИМ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОТРЕБНОСТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Автор анализирует дефиницию понятия «неотложные следственные действия», регламентированную уголовно-процессуальным законом, обращает внимание на ряд взаимосвязанных проблем и противоречий, допущенных при конструировании уголовно-процессуального института неотложных следственных действий. Это позволило представить собственную дефиницию указанной уголовно-процессуальной категории.

Действующий уголовно-процессуальный закон формирует дефиницию понятия неотложных следственных действий в п. 19 ст. 5 УПК РФ, а также детализирует основания и порядок реализации данного специфического процессуального режима в ч. 5 ст. 152, ст. 157 УПК РФ.

Под неотложными следственными действиями в п. 19 ст. 5 УПК РФ законодатель понимает «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». Таким образом, в представленном императиве производство неотложных следственных действий сводится к процессуальному реагированию органа дознания на преступление, входящее в подследственность следственных подразделений. Однако анализ взаимосвязанных норм уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о несоответствии данного определения фактической сущности и содержанию института неотложных следственных действий.

Режим производства неотложных следственных действий может быть инициирован не только органом дознания (ч. 1 ст. 157 УПК РФ), но и следователем либо дознавателем подразделений, которым, по общему правилу, не подследственно расследование этих деяний, но они были ими выявлены в ходе выполнения своих служебных обязанностей (ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ при наличии признаков преступления, по которому требуется предварительное следствие, орган дознания в предусмотренном ст. 146 УПК РФ порядке возбуждает уголовное дело и осуществляет неотложные следственные действия. Таким образом, в данном случае законодателем изначально заложен правовой режим немедленного реагирования органами дознания на событие, имеющее признаки преступления, при этом уже на момент поступления сообщения о нем известна его отнесенность к подследственности следственных подразделений.

Ч. 5 ст. 152 УПК РФ тоже говорит о режиме неотложных следственных действий. Но, согласно буквальному прочтению данной нормы, возможно сделать вывод о том, что уголовное дело изначально должно возбуждаться по признакам преступления, входящим в подследственность подразделения следствия или дознания, принимающего решение в порядке ст. 144 – 145 УПК РФ. Однако после возбуждения уголовного дела выявляются обстоятельства, свидетельствующие о наличии признаков иных деяний (совершенных по совокупности с исходно выявленным преступлением, либо требующих переквалификации), которые выходят за пределы компетенции следователя или дознавателя соответствующего подразделения.

Полагаем, что такое толкование не вполне соответствует назначению режима неотложных следственных действий, смысл которого заключается в том, что реагирование на событие, имеющее признаки преступления, происходит не только срочно, но и не терпит какого-либо отлагательства, переноса на более поздний срок, что неизбежно происходит при передаче

сообщения о преступлении и материалов проверки по подследственности, в т.ч. в порядке ст. 145 УПК РФ. При передаче сообщения и материалов по подследственности, в соответствии с ч. 3 ст. 145 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа обязан принять меры по сохранению следов преступления. При этом законодатель не конкретизирует, каковы особенности режима сохранения следов преступления в данном случае, что, как представляется, позволяет обратиться к общим положениям ч. 1 ст. 144 УПК РФ, излагающей ограниченный перечень проверочных мероприятий, а также отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела [1, с. 71 – 74].

Таким образом, на наш взгляд, при наличии качеств высокой динамичности следственной ситуации, недопустимости переноса момента процессуального реагирования или перепоручения его иным лицам без вреда для установления всех обстоятельств преступления, дознаватель или следователь должен быть наделен правом не только производить неотложные следственные действия, но и изначально возбуждать уголовное дело по признакам преступления, не входящего в его предметную, территориальную или персональную подследственность. С другой стороны, если отсутствуют указанные качества, формирующие безотлагательность следственной ситуации, и достаточно мероприятий по закреплению следов преступления в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ с последующей передачей сообщения о преступлении и прилагаемых материалов по подследственности, то возбуждение уголовного дела не требуется.

Вообще анализ приведенных положений, особенно ч. 1 ст. 157 УПК РФ, позволяет сформировать впечатление о том, что органы дознания обязаны возбудить уголовное дело и провести неотложные следственные действия в каждом случае обнаружения преступления, входящего в подследственность органов следствия. Очевидно, что на самом деле, что подтверждается анализом следственно-судебной практики, такой режим носит скорее, исключительный, нежели систематический характер, и инициируется только в ситуациях, когда по тем или иным причинам следователь не в состоянии осуществить мгновенное реагирование, а промедление с ожиданием следователя влечет невосполнимые утраты доказательственной информации.

Полагаем, что не вызывает спору, что все процессуальные действия и решения, по общему правилу, должны приниматься субъектами, обладающими соответствующей компетенцией. Однако практика вызывает к жизни различные ситуации, активизирующие необходимость немедленного процессуального реагирования органами дознания на деяния, изначально не входящие в их подследственность. Примерами таких ситуаций является значительная территориальная удаленность от органов следствия, наличие различных форсмажорных обстоятельств природного или техногенного характера, а также особых условий, вызванных массовыми беспо-

рядками, потребность в немедленной реализации результатов оперативно-розыскной деятельности и т.д.

Кроме того, за пределами правового поля, очерченного режимом неотложных следственных действий, оказались ситуации выявления органом дознания преступлений, подследственных иным органам дознания, расследуемых в различных процессуальных формах (в соответствии с требованиями глав 32 или 32.1 УПК РФ).

Российскому уголовному судопроизводству исторически присущ полиморфизм системы органов дознания, что предопределено общим представлением об органе дознания как о структуре, способной мгновенно реагировать на событие, имеющее признаки преступления [2, с. 5; 3, с. 17 - 20], принимать меры по его пресечению, обеспечению сохранности следов, задержанию субъектов преступления, установлению пострадавших и очевидцев, осуществлению профилактической деятельности [4, с. 81 - 122; 5, с. 63 - 74].

Постепенно органы дознания стали наделяться не только административными или оперативными, но и процессуальными функциями, что, на наш взгляд, является одним из проявлений тенденции формализации доказательств. Перечень субъектов производства неотложных следственных действий в режиме реагирования на преступления, требующие предварительного следствия, представлен в ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Среди них имеются как органы дознания (ст. 40 УПК РФ), так и субъекты, принимающие на себя функции расследования в виде производства неотложных следственных действий эпизодически. В юридической литературе таких субъектов иногда именуют органами дознания эпизодической компетенции.

Полиморфизм органов дознания, предопределенный наделением их совокупностью функций, позволяющих оперативно выявлять, пресекать, раскрывать различные категории деяний, входящих или не входящих, по общему правилу, в их подследственность, по нашему мнению, должен корреспондироваться и с возможностью органов дознания процессуально реагировать в режиме производства неотложных следственных действий на любые деяния, по которым предусмотрено предварительное расследование не только в форме следствия, но и в форме дознания.

В соответствии с п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия производятся после возбуждения уголовного дела. Но, как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ отдельные следственные действия могут быть проведены и на более раннем этапе, т.е. до возбуждения уголовного дела. Фактически, проведение этих следственных действий тоже характеризуется критериями безотлагательности, необходимостью немедленного обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления [6, с. 16 – 21], установления иной доказательственной информации (например, содержащейся в заключении экспертизы [7, с. 67 – 70; 8, с. 168 – 172; 9, с.

274 - 277], результатах иных исследований), позволяющей сделать вывод о признаках события преступления.

Но, несмотря на это, следственные действия, осуществляемые в стадии возбуждения уголовного дела согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не следует относить к категории неотложных в смысле п. 19 ч. 5, ч. 5 ст. 152, ч. 1 ст. 157 УПК РФ. Спору нет, их производство вызвано потребностью в немедленном реагировании на сообщение о преступлении [10, с. 382 – 387], их результаты могут быть значимы не только для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, но и для выявления наличия или отсутствия признаков преступления, что важно для принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела [11, с. 67 – 70; 12].

Но при этом они не характеризуются таким критерием, как невозможность без ущерба для доказательственной базы по делу переноса на другой срок и перепоручения иному лицу, пусть даже и специализирующемуся на расследовании преступлений соответствующей категории. Кроме того, проводить следственные действия в объеме, предусмотренном ч. 1 ст. 144 УПК РФ, может любой субъект, обладающий правом на осуществление процессуальной деятельности, независимо от вверенной ему подследственности.

Перечень следственных действий, признаваемых неотложными, в действующем УПК РФ отсутствует, что является, как нами неоднократно отмечалось [13, с. 101 – 143], определенным достижением в конструкции данного института. В период действия предыдущих процессуальных законов существовал перечень следственных действий, которые органы дознания могли проводить в безотлагательном режиме при осуществлении дознания по делам о преступлениях, требующих предварительного расследования. Однако практика зачастую свидетельствовала о необходимости безотлагательного проведения различных иных следственных действий (очных ставок, проверок показаний на месте, предъявления для опознания), не предусмотренных таким перечнем, что вызывало многочисленные нарекания и пожелания.

Законодатель, восприняв многочисленные предложения и рекомендации ученых и практиков, пошел по пути не перечисления следственных действий, считающихся неотложными, а изложения критериев их неотложности. В п. 19 ст. 5 УПК РФ такими критериями названы: необходимость обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

На наш взгляд, конструкция данной нормы неудачна, поскольку позволяет неоднозначное ее толкование. Не понятно, относится ли словосочетание «требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» только к доказательствам или также и к следам. Если эта фраза относится как к следам, так и к доказательствам, то получаются элементы тав-

тологического характера, а именно: «необходимость обнаружения и фиксации» - «требующих незамедлительного закрепления, изъятия …». По сути, термины «закрепление» и «фиксация» являются равнозначными.

Если эта фраза относится только к «доказательствам», то возникает не меньше вопросов. Каков тогда смысл обнаружения и фиксации следов преступления именно в режиме неотложных следственных действий после возбуждения уголовного дела? Что касается доказательств, то, как известно, действующий процессуальный закон понимает под доказательством сведения, позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, иных обстоятельств, имеющих значение для дела, которые соответствуют требованиям относимости, допустимости, достоверности, получены в предусмотренных ч. 2 ст. 74 формах, и с соблюдением установленного законом порядка. Другими словами, какая-либо информация не может сразу и напрямую стать доказательством, а вначале подвергается процедуре собирания (формирования) доказательств посредством проведения следственных и иных процессуальных действий, затем – проверке и оценке. В данном контексте доказательство (как информация, полученная в предусмотренных законом процессуальных формах и содержащаяся в соответствующих процессуальных источниках) вряд ли вообще нуждается в изъятии. Поэтому остается открытым вопрос, что конкретно имел в виду законодатель под словосочетанием «обнаружение и фиксацию … доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Скорее всего, речь идет о следственных и иных процессуальных действиях, промедление с которыми влечет утрату доказательственной информации по уголовному делу, будь она в виде следов – отображений, следов – предметов или документов, идеальных следов, а также способствует тому, что субъекты преступления примут все возможные меры с целью избежать привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

Итак, по нашему мнению, термин «неотложные следственные действия» целесообразно изложить в следующей редакции, касающейся его названия и содержания: «неотложные следственные и иные процессуальные действия – следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа после возбуждения уголовного дела о преступлении, не входящем, по общему правилу, в его предметную, территориальную или персональную подследственность, в случаях, требующих немедленного процессуального реагирования, если перенос момента проведения данных следственных и иных процессуальных действий в связи с передачей уголовного дела дознавателю, органу дознания, следователю в соответствии с правилами о подследственности, будет способствовать исчезновению, утрате, фальсификации доказательственной информации и (или) сокрытию лица, совершившего преступление, от следствия и суда».

1. Варданян А.В. Некоторые проблемы возбуждения уголовного дела о преступлениях в сфере земельных правоотношений // Юристъ - Правоведъ. 2013. № 6 (61). С. 71-74.
2. Варданян А.В., Плясов К.А. Полномочия органов дознания как субъектов расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 5.
3. Варданян А.В. Совершенствование деятельности субъектов предварительного расследования в сфере рассмотрения сообщений о преступлениях против жизни и здоровья в системе гарантий защиты прав человека // Юристъ - Правоведъ. 2011. № 3. С. 17-20.
4. Варданян А.В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-разыскные аспекты: монография. Ростов-на-Дону, 2016. С. 81–122.
5. Варданян А.В., Антонов В.А., Белохребтов В.С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость. Монография. Иркутск, 2016. С. 63 – 74.
6. Варданян А.В., Мельникова О.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 16-21.
7. Варданян А.В., Овсепян Г.М. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производства // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 67-70.
8. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 168-172.
9. Варданян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России): Сборник материалов междунар. научно-практич. конф. 2016. С. 274-277.
10. Синенко С.А., Кирянина Н.А. Прием заявления о преступлении: правовой и криминалистический аспекты // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 382-387.

11. Синенко С.А. О новых правах потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела в связи с назначением и производством экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 67-70.
12. Марфицин П.Г., Синенко С.А., Филиппов Д.В. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела. Монография. Омск, 2013.
13. Айвазова О.В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 101 – 143.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Айвазова Ольга Владиславовна. Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности.
Ростовский юридический институт МВД России, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: следственные действия, неотложные следственные действия, предварительное следствие, преступление, дознание, орган дознания, следы преступления, доказательства, обнаружение, фиксация.

УДК 343.1

Андреева О. И., Зайцев О. А.

СУЩНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье раскрывается сущность принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве, утверждается, что презумпция невиновности – это объективное правовое положение, определяющее правовой статус, правовое состояние лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Исходя из такого понимания презумпции невиновности, устанавливаются пределы ограничения его действия в упрощенных производствах. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ, проект 16-03-00413.

В современный период в основе происходящей оптимизации уголовно-процессуальной формы лежит, с одной стороны, установление дополнительных гарантий обеспечения права лица на защиту и обеспечения

справедливого судебного разбирательства, с другой, − упрощение уголовно-процессуальной формы и ускорение, удешевление уголовно-процессуальной деятельности.

Изменения в порядках уголовного судопроизводства в целом не повлияли на систему принципов уголовного процесса, которые остались едиными для всех видов производств, в том числе и упрощенных. Этот факт можно было бы отметить как положительный. Законодатель, сохраняя единую систему принципов, тем самым гарантирует наличие условий, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного процесса (независимо от формы уголовного судопроизводства), определяет пределы усмотрения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и суда при производстве по уголовным делам, ограничения возможности злоупотребления правомочиями с их стороны.

Это в полной мере относится и к принципу презумпции невиновности, который является не только гарантией защиты лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, но и гарантией от необоснованного применения мер принуждения, ограничения прав и свобод со стороны должностных лиц правоохранительных органов и суда.

Исходя из положений, закрепленных в Конституции РФ и УПК РФ, презумпция невиновности – это объективное правовое положение, определяющее правовой статус, правовое состояние лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Лицо считается невиновным до тех пор, пока его виновность не доказана в порядке, предусмотренным законом и установлена вступившим в законную силу приговором суда, причем, независимо от того, признает он себя виновным или нет. Как следствие, законодательство гарантирует признание лица виновным в совершении преступления со всеми отрицательными для него последствиями, предусмотренными УК РФ, когда уполномоченные органы докажут его вину, опровергнув при этом доводы в его защиту.

Существует позиция, согласно которой презумпция невиновности относится к принципам уголовно-процессуального доказывания, причем ее содержание зависит от того, насколько проведено в законодательстве начало состязательности [1. С. 290 − 293]. Одновременно указывается, что «утверждать, что именно континентальный «инквизиционный» уголовный процесс построен на презумпции невиновности, а «состязательный» англо-американский – нет, невозможно» [2. С. 31].

Представляется, что причисление конституционного судопроизводственного принципа к принципам доказывания воздействует на гарантированность прав лиц, подвергающихся уголовному преследованию, оказывает влияние на наличие либо отсутствие положений, вытекающих из этого принципа и обеспечивающих справедливое судебное разбирательство. Например, такие положения, следующие из принципа презумпции невиновности, как: предусматривающее право лица на временное освобожде-

ние до начала суда или же положение о том, что никакое решение суда не может предрешать вопрос о виновности лиц, не участвовавших ранее в рассмотренном уголовном деле в качестве подсудимых, вытекают из правового положения этих лиц и напрямую не касаются процесса доказывания.

В юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой презумпция невиновности рассматривается, в первую очередь, как неотъемлемое право личности считаться невиновным, пока не будет доказано обратное, а затем уже как принцип правосудия [3. С. 166]. Необходимо отметить, что в основу подобной позиции положена ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. и ратифицированного СССР 18 сентября 1973 г., которая предусматривает, что "каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону" [4.].

В правовых системах ряда зарубежных стран имеются различные представления относительно сущности принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве. К примеру, во Франции данный принцип рассматривается как субъективное право лица [5. С.94 − 95]. В США общепринятым стало правило, согласно которому, если обвиняемый возражает против выдвинутого обвинения, он фактически не пользуется больше презумпцией невиновности» [6. С.128].

Между тем определение презумпции невиновности, данное в Конституции РФ и в УПК РФ, не исключает права обвиняемого считаться невиновным. В связи с этим, лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, уголовно-процессуальным законом предоставлен большой объем правовых возможностей по защите своих прав и законных интересов.

Как в Конституции РФ, так и УПК РФ речь идет не о субъективном праве лица, а об обязательствах общества по отношению к этому лицу. Указанный вывод следует из публичного характера уголовного судопроизводства.

Подобное отношение к принципу презумпции невиновности прослеживается и применительно к уголовному процессу ФРГ. Например, положение о том, что вина подсудимого должна быть доказана в соответствии с нормами права, рассматривается в рамках принципа правового государства [7. С. 39]. В свою очередь, «принцип «nemoteneturseipsumaccusare/ prodere», являющийся проявлением принципа неприкосновенности человеческого достоинства и обладающий согласно ст. 2 (абз.1) в сочетании со ст. 1 (абз. 1) Основного закона (Конституции) ФРГ конституционным рангом, запрещает принуждение обвиняемого к активному участию в направленном против него в уголовном процессе» [8. С. 39].

Из содержания Конституции РФ и УПК РФ следует, что никаких исключений из принципа презумпции невиновности не предусмотрено.

Между тем необходимо отметить, что принцип презумпции невиновности применительно к упрощенным производствам действует по-особенному, с определенными изъятиями. На это обстоятельство неоднократно было обращено внимание учеными-процессуалистами применительно к особому порядку принятия судебного решения [9. С. 66 – 67; 10. С. 4 – 5]. Мало того, существует позиция, согласно которой в этой процедуре принцип презумпции невиновности вообще не действует [11. С. 634 – 635]. Однако есть и иная позиция. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, регламентированный положениями ст. 314 - 317 УПК РФ, соответствует Конституции РФ [12].

В этой связи следует согласиться с О. В. Качаловой в том, что особый порядок принятия судебного решения, в основе которого лежит отказ от полноценного доказывания, с одной стороны, не отменяет презумпции невиновности в целом, с другой – существенно сокращает и упрощает условия, при которых лицо может быть признано виновным в совершении преступления, что, соответственно, не исключает возможность привлечения к ответственности лица, невиновного в совершении преступления [9. С. 67].

Не опровергая возможности наличия разных условий привлечения лица к уголовной ответственности, следует отметить, что установленный механизм расследования и разрешения уголовного дела не должен изменять суть рассматриваемого принципа. Соответственно, наличие разных условий привлечения лица к уголовной ответственности, как это следует из принципа презумпции невиновности, не может исключать возможность установления достоверного знания об обстоятельствах совершенного общественно-опасного деяния, принятия на этой основе справедливого решения и достижения назначения уголовного судопроизводства. Правосудие – это деятельность, имеющая целью установить, действительно ли подсудимый совершил вменяемое ему деяние и виновен ли он в его совершении. Она осуществляется с соблюдением процессуальных гарантий, и прежде всего гарантий обеспечения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Особый порядок судебного разбирательства, допускающий отказ от исследования и оценки судом доказательств причастности лица к совершению преступления (ч. 5 ст. 316 УПК РФ) в контексте действия презумпции невиновности, порождает определенные противоречия. [9. С. 67]. Данные противоречия возникают между обязанностью суда установить, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч.7 ст. 316 УПК РФ), при отсутствии достаточных правовых средств к этому, и требованием к суду вынести законный и обоснованный приговор при невозможности объективно аргументировать свои выводы (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

В научной литературе содержатся предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, необходимые для устранения указанных противоречий. Так, И.Ю. Мурашкин считает целесообразным ввести правило об исследовании судом при рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ письменных доказательств. Сокращение же судопроизводства, на его взгляд, должно происходить за счет исключения необходимости непосредственного исследования доказательств [10. С. 11]. Данное предложение вызывает возражение в силу того, что рассмотрение судом при разбирательстве уголовного дела письменных доказательств является непосредственным исследованием доказательств и нивелирует сам сокращенный порядок судопроизводства. Между тем является важным и необходимым допрос подсудимого по существу предъявленного обвинения, как это предусмотрено ст. 317.7 УПК РФ. Подобный допрос позволит суду установить, действительно ли подсудимый совершил преступление и виновен ли он в данном деянии.

Для того чтобы судья с необходимой степенью уверенности мог определиться, насколько обоснованно обвинение, он должен получить сведения об обстоятельствах совершенного общественно-опасного деяния непосредственно от подсудимого, то есть допросить его, в том числе по существу предъявленного обвинения. После этого участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы.

Из сказанного вытекают следующие пределы ограничения реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве: правовые предписания не могут вступать в противоречие с теми общественными отношениями, которые они регулируют; установленный механизм расследования и разрешения уголовного дела не должен изменять суть принципа; наличие исключений и ограничений действия принципов уголовного процесса должно быть обоснованным, предусматривать гарантии обеспечения прав и законных интересов, требующих защиты.

---

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1277 с.
2. Головко Л.В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости // Законы России: опыт, анализ и практика. 2016.№ 4. С. 29-34.
3. Галуев А.Р., Балакшина И.В. Презумпция невиновности: российский и зарубежный опыт законодательного закрепления // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5-4. С. 162 – 167.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 7.Ст. 308.
5. Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции. М.: изд-во «Спутник +», 2016. 512 с.

6. Панькина И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса: Дис.... канд.юрид.наук. Калининград, 2001.216 с.
7. Уголовно-процессуальное право ФРГ / В. Бойльке; Пер.с нем. Я. М. Плошкиной; Под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.
8. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона – Потсдам: Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 с.
9. Качалова О. В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах // Lex Russica. 2015. №11. С. 65-74.
10. Мурашкин И. Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 25 с.
11. Макарова З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4 (41). С. 631-636.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 N 968-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 314-317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс. Версия Проф.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Ольга Ивановна. Доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности.
Томский государственный университет, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36.

Зайцев Олег Александрович. Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства.
Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

Ключевые слова: принцип уголовного процесса, презумпция невиновности, пределы ограничения действия принципов, злоупотребление правомочиями.

УДК 343.1

Андроник Н. А.

ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В статье на основе эмпирического материала проведен анализ порядка применения меры пресечения в виде домашнего ареста, сформулированы выводы, содержащие предложения о повышении эффективности реализации данной меры пресечения в правоохранительной деятельности.

В последнее время возросло избрание следователями (дознавателями) меры пресечения в виде домашнего ареста, так как законодательно урегулирован контроль за исполнением данной меры пресечения.

В соответствии с приказом № 26 от 11.02.2016 года «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений». В настоящее время исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста осуществляется Федеральным казенным учреждением уголовно-исполнительной инспекцией ГУФСИН России, отделом исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера (ОИН И ПИМУПХ), (далее по тексту – инспекция)[1].

Рассмотрим пример избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении обвиняемого Тарасова М.А (фамилия изменена). Преступление совершено при следующих обстоятельствах: 04.08.2015 около 18 часов 00 минут на 9 этаже в коридоре дома по адресу: г. Екатеринбург, ул. Кобозева, 31, обнаружен труп Тарасова Е.П., с признаками насильственной смерти в виде 1 ножевого ранения в области груди. Тарасову М.А. в ходе предварительного следствия предъявлено обвинение по ч.1 ст. 105 УК РФ.

Следователь ходатайствовал перед судом об избрании меры пресечения обвиняемому Тарасову М.А. в виде домашнего ареста с учетом тяжести предъявленного обвинения по преступлению, имеющему повышенную общественную опасность. Тарасов М.А. имеет постоянное место жительства, в соответствии со справкой Тарасову М.А. установлена 2 группа инвалидности в связи с общим заболеванием.

06.08.2015 года Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга в отношении Тарасова М.А, избрал меру пресечения - домашний арест и запретил выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает, кроме случаев госпитализации по неотложным медицинским показаниям, за исключением явки на следственные действия и судебные заседания; запретить контактировать с участниками уголовного судопроизводства, в том числе с соседями по месту жительства; запретить отправку и получе-

ние почтово-телеграфных отправлений, кроме получения документов от следователя и суда; запретить использовать средства связи и информационно-телекомуникационной сети Интернет, кроме случаев, связанных с вызовом экстренных служб [2].

1. Инспекция постановление суда регистрирует в журнале входящих документов, в журнале учета лиц, в отношении которых принято решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и ставит лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, на учет.

2. Инспекция оформляет на лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, личное дело.

3. Проводит первоначальную беседу с лицом, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, в которой доводятся:

- условия исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста;- возможность изменения судом наложенных на него ограничений по ходатайству лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, его защитника или законного представителя, а также следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело;

- право инспекции беспрепятственно проводить проверки лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста в любое время суток (за исключением ночного времени);

- возможность изменения меры пресечения в виде домашнего ареста в случае нарушения лицом, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, условий ее исполнения.

Таким образом, на обвиняемого Тарасова М.А. в Федеральном казенном учреждении уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН по Свердловской области было оформлено личное дело, в котором имеется постановление суда от 06.08.2015 года об избрании меры пресечения - домашний арест. У Тарасова М.А. инспектором инспекции отобрана подписка об обязательстве соблюдать условия исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, в том числе наложенные судом запреты и (или) ограничения, и выдана памятка со ссылкой на ст. 107 УПК РФ, в которой разъяснен порядок избрания и применения указанной меры пресечения.

На основании ходатайства обвиняемого Тарасова М.А, постановлением ОИН и ПИМУПХ ФКУ УИИ ГУФСИН России по Свердловской области разрешено последнему выход из жилого помещения до двух часов в сутки для обеспечения своих жизненных нужд и посещения: больницы и магазина по определенным адресам. Кроме того, сотрудник инспекции обязан осуществлять контроль по месту жительства обвиняемого и делать соответствующие отметки в личном деле с указанием даты и времени.

В рамках данного личного дела Тарасова М.А. и в целях контроля за исполнением меры пресечения инспекцией были направлены следующие извещения и запросы:

- извещение в ОУФМС о запретах и ограничениях в отношении обвиняемого Тарасова М.А;

- запрос начальнику почтамта о фактах отправки и получения почтово-телеграфных отправлений;

- запрос начальнику следственного отдела о контактной информации о защитнике обвиняемого; сведения о лицам, на общение с которыми обвиняемому запрещено общаться, информацию о постановке на учет в учреждениях здравоохранения;

- запрос в публичное акционерное общество междугородной и международной электрической связи «Ростелеком» об оказании стационарной связи, а также интернет-услуг.

Рассмотренный пример свидетельствует об эффективности избранной меры пресечения, поскольку созданы благоприятные условия для достижения назначения уголовного судопроизводства путем обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), а именно предотвращения его уклонения от следствия и суда или отбытия наказания, исключения возможности продолжить преступную деятельность, противодействия его попыткам препятствовать установлению истины по уголовному делу. Представляется, что необходимо ужесточить контроль за перемещением обвиняемого во время выхода из жилого помещения.

---

1. Приказ Минюста России N 26, МВД России N 67, СК России N 13, ФСБ России N 105, ФСКН России N 56 от 11.02.2016 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».
2. Личное дело № 3/2015 Тарасова М.А., находящееся в отделе исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера (ОИН и ПИМУПХ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андроник Наталья Аureловна. Старший преподаватель кафедры криминалистики.
Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: домашний арест, инспекция, мера пресечения, порядок, обвиняемый.

УДК 343.1

Астрахан В. И., Кононов А. Д.

ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В тексте доклада рассматриваются дискуссионные аспекты восприятия иных документов как самостоятельного источника (вида) доказательств, анализируются понятие и признаки документов, их соотношение с вещественными доказательствами, обосновываются критерии разграничения иных документов и вещественных доказательств.

Исследование научной литературы, касающейся вопросов теории доказывания, а также анализ следственно-судебной практики позволяют выявить целый ряд проблем, возникающих в процессуальной деятельности органов дознания, следствия и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в теории и практике доказывания является вопрос содержательного разграничения конструкций «иные документы» и «вещественные доказательства» в контексте их принадлежности к источникам (видам) доказательств. На наш взгляд, данная проблема обусловлена отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве четких критериев отнесения тех или иных сведений к названным источникам доказательств, а также теоретическими противоречиями по выработке таких критериев.

Первым шагом на пути разрешения названной проблемы является определение самого понятия «документ».

Согласно ст. 1 ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем информацией в любой форме в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения [1].

Аналогичное определение дано в ст. 1 ФЗ «Об архивном деле в РФ»: архивный документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства [2].

Согласно ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007, документ (всех форматов и на всех носителях) – это зафиксированная на материальном носителе, идентифицируемая информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или физическим лицом в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности [3].

Статья 2 ФЗ «Об информации…» под документированной информацией понимает зафиксированную на материальном носителе путем документирования информацию с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель [4]. В этом же законе дано определение электронного документа, под которым понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ, а также для передачи по ИТК сетям или обработки в информационных системах. При этом ФЗ «Об электронной подписи» определяет порядок использования электронных подписей для идентификации лица, подписывающего информацию, при совершении сделок и иных юридически значимых действий [5].

Анализ приведенных нормативно-правовых актов позволяет выделить следующие принципиальные признаки документа:

1) материальный носитель (в бумажной, электронной форме, фото-, аудио-, видео-, кинозапись) с зафиксированной на нем информацией;

2) документ создается, а информация фиксируется в соответствии с установленными в определенной сфере правилами (документирования и документооборота);

3) в результате чего такой документ имеет определенные признаки (дата, место составления, подписи составивших его лиц и/или иные реквизиты), позволяющие идентифицировать документ;

4) документ создан специально для хранения и передачи информации с определенной целью.

Выделение указанных признаков, на наш взгляд, позволяет в большинстве случаев отграничить документ от вещественного доказательства, т.к. вещественное доказательство:

1) является любым предметом (в том числе, в бумажной или электронной форме, в форме фото-, аудио-, видео-, кинозаписи) с зафиксированной на нем информацией о событии преступления и других фактических обстоятельствах дела;

2) для идентификации такой информации требуется проведение дополнительных процессуальных действий (осмотр, постановление о признании вещественным доказательством, специальные исследования, производство экспертизы и др.);

3) криминалистически значимая информация фиксируется на таком объекте не в соответствии с установленными правилами;

4) такой объект, как правило, не создается специально для хранения и передачи криминалистически значимой информации.

Упомянутые в ч. 1 ст. 81 предметы (орудия, средства, оборудование совершения преступления; предметы, сохранившие на себе следы преступления; предметы, на которые были направлены преступные действия;

деньги и иное имущество, полученные в результате преступления; иные предметы и документы, которые могу служить средством обнаружения преступления и фактических обстоятельств дела) подпадают под вышеуказанные критерии вещественных доказательств.

В сфере уголовно-процессуальной деятельности любой из видов доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, оформляется в виде процессуального документа (протоколы следственных и судебных действий, заключения эксперта и специалиста). Протоколы следственных и судебных действий составляются:

1) специально с целью фиксации и удостоверения факта, хода и результатов следственного действия и судебного заседания;

2) оформляются в соответствии с правилами производства следственных и судебных действий и предъявляемыми требованиями к их оформлению (ст. 166, 167, 259 УПК РФ);

3) что позволяет идентифицировать информацию, содержащуюся в протоколе;

4) составляются на материальном носителе.

При этом следует отметить, что УПК РФ не делает ограничений в отношении материального носителя протокольной информации. Так, ч. 2 ст. 166 УПК РФ гласит, что протокол может быть изготовлен от руки или при помощи технических средств, а при производстве следственного действия могут применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, которые хранятся при уголовном деле.

На основании вышеизложенного полагаем, что фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, кассеты видеозаписи (например, осмотра), фонограммы (допроса), чертежи и планы (изготовленные дознавателем, следователем или допрашиваемым лицом для наглядного пояснения воспринятой ранее информации), прилагаемые к протоколу следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ) и изготовленные с целью фиксации хода и результатов следственного действия, обладают вышеприведенными признаками документа, являются составной частью протокола и не являются вещественным доказательством. Однако упомянутые в той же норме (ч. 8 ст. 166 УПК РФ) слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия и прилагаемые к протоколу, являются вещественными доказательствами (т.к. не обладают признаками документа и фиксируют информацию не о следственном действии, а о событии преступления).

В связи с этим следует отметить, что в научной литературе по тем или иным основаниям высказываются возражения против законодательного предписания ч. 8 ст. 186 УПК РФ, согласно которой фонограмма, полученная в ходе контроля и записи переговоров как следственного действия, приобщается к уголовному делу как вещественное доказательство [6]. Схожая норма содержится в ч. 6 ст. 186.1 УК РФ: представленные органи-

зациями связи документы в ходе такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщается к уголовному делу как вещественное доказательство. Полагаем, что указанные фонограммы и документы организаций связи должны рассматриваться в качестве документов, поскольку обладают всеми обозначенными признаками документа, а из ч. 8 ст. 186 УПК РФ и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ следует исключить упоминание о них как о вещественных доказательствах.

Переходя к анализу «иных документов», рассматриваемых в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве отдельного источника (вида) доказательств, следует согласиться с мнением тех авторов, которые отмечают, что это такие документы, которые не являются протоколами следственных и судебных действий, заключениями эксперта и специалиста [7], отличаются от них по форме, но устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию.

При этом, как отмечено в Определении Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О, иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), и используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств, в частности ст. 75, 86, 87, 88 УПК РФ [8], т.е. должны обладать признаками относимости, допустимости и достоверности; кроме того, должны быть установлены их источники, и они не должны нарушать требований УПК РФ.

В этой связи главным отличием «иного документа» от протоколов следственных, судебных действий и заключений эксперта, специалиста является, на наш взгляд, то, что он создается, а содержащая в нем информация фиксируется не по правилам производства следственных действий в конкретном уголовном деле, а в соответствии с иными правилами документирования и документооборота в определенной сфере, что и позволяет его идентифицировать. Для идентификации такого документа не требуется проведения каких-либо следственных действий. Только в таком случае «иной документ» имеет значение самостоятельного источника доказательств и обладает признаками относимости, допустимости и достоверности.

В то же время мы считаем, что «иные документы» не утрачивают своего процессуального характера. Как справедливо отмечают В.О. Агибалова и В.С. Шишкин, процессуальным является любой документ, обладающий признаками доказательства, вовлеченный в процесс и используемый в доказывании [9, с. 63]. Кроме того, УПК РФ не исключает возможности сбора доказательств не только в рамках следственных действий, но и в рамках других процессуальных действий. Так, дознаватель, следователь вправе истребовать и изымать документы в установленном порядке (ст.

144 УПК РФ), защитник вправе собирать доказательства путем получения документов и иных сведений; истребовать справки, характеристики, иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций (ч. 3 ст. 86 УПК РФ); документы могут быть предоставлены другими участниками процесса по собственной инициативе [10].

К таким документам могут быть отнесены, например: характеристики личности с места работы, учебы; учредительные документы юридического лица; документы, подтверждающие обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (справка о наличии или отсутствии судимости, медицинская справка о беременности, справка из органов ЗАГСа о наличии малолетних детей, свидетельство о рождении детей, справка о заработной плате); документы, подтверждающие обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности (явка с повинной, расписка в получении денежных средств в качестве компенсации причиненного вреда); документы, подтверждающие иные значимые для дела обстоятельства (гражданско-правовой договор, выписка из реестра, справка о движении поездов, проездной билет, гарантийный талон, кассовый чек и др.).

Для признания иных документов в качестве отдельного источника доказательств важно, на наш взгляд, чтобы они обладали вышеперечисленными признаками: 1) соответствующий материальный носитель с зафиксированной информацией; 2) составлены в соответствии с правилами документирования и документооборота; 3) имеют определенные признаки, позволяющие идентифицировать документ,; 4) созданы специально для хранения и передачи содержащейся в ней информации. Следует, однако, согласиться с мнением С.Б. Умаханова о необходимости правовой регламентации порядка истребования и предоставления таких документов в рамках диспозиции ст. 84 УПК РФ в целях наиболее полного обеспечения относимости, допустимости и достоверности таких доказательств [11, с. 17]. Например, многие авторы указывают на необходимость определения процессуальных средств истребования и приобщения таких документов, т.е. должны быть приложены копии запросов, сопроводительных писем, почтовых документов, а исходящий от гражданина документ должен сопровождаться данными о его личности, указанием на источник его осведомленности, на источник и дату получения (изготовления) документа и т.п. [12, с. 16].

В том случае, если отсутствуют вышеперечисленные признаки документа, но содержащаяся на соответствующем носителе информация имеет значение для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, то такой носитель нуждается в дополнительной проверке (как минимум, источника его происхождения и подлинности) посредством проведения следственных действий. В таком случае, на наш взгляд, его

следует признавать вещественным доказательством. Например, личные дневники, письма, рисунки умершего лица (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого), обнаруженные дознавателем, следователем или предоставленные ему иными участниками процесса, не являются документами, но как носитель сведений и средств обнаружения обстоятельств, значимых для уголовного дела, могут выступать в качестве вещественного доказательства. Безусловно, такое доказательство подлежит проверке путем установления его источника, сопоставления с другими доказательствами, оценке с точки зрения его относимости, допустимости, достоверности

То же самое можно сказать и о других носителях информации (в электронной форме, в форме фото-, аудио-, видео-, кинозаписи). В случае, если указанные носители истребованы и (или) получены из информационно-библиотечных, архивных фондов, из криминалистических учетов правоохранительных органов, из редакций официальных СМИ (телестудий, радиостанций, Интернет-СМИ) с сопроводительным письмом, по запросу следователя и отвечают вышеперечисленным признакам документа, то их следует признавать иными документами.

В случае поступления от частных лиц аудиозаписи (например, телефонных переговоров с голосом подозреваемого, выражающего угрозы), видеозаписи (например, праздничного мероприятия в подтверждении факта знакомства каких-либо лиц; камер скрытого видеонаблюдения, записи видеорегистратора), в случае размещения определенных материалов в сети Интернет частными лицами, в том числе анонимными пользователями, такая информация не является документом и должна признаваться вещественным доказательством, т.к. не составлена в соответствии правилами документирования и документооборота, не обладает четкими идентификационными признаками, нуждается в дополнительной проверке на источник ее происхождения и подлинность, в совершении дополнительных следственных действий (по ее изъятию, закреплению, осмотру, производству судебной экспертизы и др.).

Следует также отметить, что понятия «документ» и «вещественное доказательство» по своему объему являются частично пересекающимися, т.е. документ может являться вещественным доказательством, а может и не являться таковым; вещественное доказательство может являться документом, а может и не являться.

Согласно ч. 4 ст. 84 УПК РФ документы, обладающие признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами.

Так, документ будет признан вещественным доказательством, когда он служил орудием, средством, оборудованием совершения преступления (п. 1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Например, таможенная декларация (в бумажной или электронной форме), содержащая заведомо ложные сведения, как средство совершения контрабанды, или гражданско-правовой договор (за-

ключенный в обычной письменной форме или удостоверенный ЭЦП), содержащий заведомо ложные сведения, как средство мошенничества следует признавать вещественным доказательством. При этом следует отметить, что, исходя из названных нами критериев, такую декларацию и договор нельзя признать документом в полном смысле, т.к. они создают лишь видимость соблюдения установленных правил изготовления и оформления, удостоверяют заведомо ложные факты. В то же время они несут в себе информацию о событии преступления, в связи с чем приобретают процессуальное значение как вещественное доказательство. Однако подлинную таможенную декларацию, удостоверяющую факт перемещения товара через границу, или подлинный договор аренды, удостоверяющий факт нахождения организации по определенному адресу, в случае, когда это имеет значения для уголовного дела, следует признать иным документом.

Документ будет признан вещественным доказательством, когда он является предметом, на который были направлены преступные действия или является ценностью, имуществом, которое получено в результате совершения преступления (п. 2, 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Например, хищение или утрата документов, составляющих государственную тайну; незаконный экспорт из РФ научно-технической информации, которая может быть использована для создания военной техники. Материальный объект как носитель государственной тайны является документом (при наличии соответствующих признаков), но как предмет, на который направлены преступные действия, и носитель сведений о событии преступления имеет процессуальное значение как вещественное доказательство.

Документ следует признавать вещественным доказательством, когда он является предметом, сохранившим на себе следы преступления или является средством для обнаружения преступления (п. 1, 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Среди наиболее распространенных примеров в научной литературе упоминается паспорт, который при удостоверении личности участника процесса выступает как иной документ. Паспорт со следами подделки, отпечатками пальцев или личный документ, утерянный на месте совершения преступления, приобретает значение как вещественное доказательство [13]. В качестве другого примера можно привести официальную компьютерную базу данных со следами несанкционированной модификации информации в результате использования вредоносных компьютерных программ. База данных в таком статусе приобретает значение вещественного доказательства.

В заключение следует отметить, что в научной литературе зачастую предлагаются следующие критерии для разграничения вещественных доказательств и иных документов.

1. Иной документ имеет значение как отельный вид доказательства с точки зрения его содержания, а вещественное доказательство как материальный носитель по своим внешним признакам [14]. Безусловно, такая по-

зиция имеет право на существования, но данный критерий не носит универсального характера и не является четко определенным. Например, документ, оформленный с соблюдением всех требований и реквизитов, но содержащий заведомо ложную информацию, имеет значение с точки зрения его содержания, но должен признаваться вещественным доказательством как средство совершения преступления и как носитель информации о событии преступления.

2. Также в качестве критерия упоминается незаменимость вещественных доказательств, т.к. они имеют значение с точки зрения своей материальной формы, и заменимость иных документов, которые имеют значения с точки зрения содержания и могут быть продублированы [15, с. 49, 51]. Однако многие авторы возражают против данного критерия и приводят целый ряд исключений из этого правила [16]. Например, к документам могут относиться электронные документы, хранящиеся на единственном носителе, уничтожение которых в результате использования вредоносных компьютерных программ или по иной причине, исключает возможность из дублирования. То есть данный критерий также не носит универсального характера, а главное не отражает сущностную процессуальную разницу между документами и вещественными доказательств.

Таким образом, речь идет не о полном разграничении рассматриваемых понятий, а об их относительной автономности в перечне источников (видов) доказательств.

Полагаем, что предпринятые в рамках настоящего доклада характеристика признаков документа, обоснование критериев относительного разграничения документов и вещественных доказательств, а также анализ соотношения объема указанных понятий поспособствуют развитию более универсального и последовательного подхода к определению сущностных характеристик данных источников доказательств, разрешению проблемы их разграничения, а также развитию правового регулирования порядка создания, оформления и документооборота «неписьменных» документов.

---

1. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обязательном экземпляре документов» // Собрание законодательства РФ. 02.01.1995. № 1. Ст. 1.

2. Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «Об архивном деле в Российской Федерации» // Российская газета. 27.10.2004. № 237.

3. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования (утв. Приказом Ростехрегулирования от 12.03.2007 № 28-ст) // Вестник Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. 2007. № 7.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Российская газета. 29.07.2006. № 165.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» // Российская газета. 08.04.2011. № 75.
6. См.: Бекетов М. Вещественные доказательства и «иные документы» - проблемы разграничения в УПК РФ // Уголовное право. 2006. № 3.
7. См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М., 2016. 1278 с.; Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2014.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс. 2017.
9. См.: Агибалова В.О. Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 165; Шишкин В.С. Документы в доказывании при производстве по уголовному делу: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 63.
10. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1278 с.
11. Умаханов С.Б. Юридические признаки иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 4. С. 14-17. С. 17.
12. Цит. по: Умаханов С.Б. Юридические признаки иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 4. С. 14-17. С. 16.
13. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, Е.А. Артамонова, Д.П. Великий и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2015. Вып. III - IV. 912 с.
14. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1278 с.
15. См.: Царева Н.П. Документы-доказательства в уголовном судопроизводстве. М., 2003. С. 49, 51
16. См.: Будников В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2005. № 7. С. 12; Бекетов М. Вещественные доказательства и «иные документы» - проблемы разграничения в УПК РФ // Уголовное право. 2006. № 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астрахан Владимир Иванович. Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Национальная безопасность» юридического института. Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302004, г. Орел, ул. 5 Августа, д. 48, кв. 25.

Кононов Александр Дмитриевич. Ассистент кафедры «Уголовное право» юридического института.
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 3, кв. 14.

Ключевые слова: доказывание, источники (виды) доказательств, иные документы, вещественные доказательства.

УДК 343.14

Багжанова А. Ж.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАВШИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКОВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 108, 109 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с расследованием уголовных проступков, в частности деяния предусмотренного ст. 108, 109 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Приводится казахстанский опыт по расследованию данной категории уголовных правонарушений, определяются положительные и отрицательные стороны.

В Республике Казахстан 3 июля 2014 года был принят новый Уголовный кодекс, положения которого внесли ряд новелл, отвечающих реалиям современного времени и требованиям задач уголовного законодательства. Разработка и принятие нового Уголовного кодекса (далее УК РК) всегда является сложной и амбициозной задачей, постановка и решение которой оправданы в случае, если репрессивные нормы, содержащие разного рода уголовно-правовые запреты, разбросаны в многочисленных нормативно-правовых актах, что влечет за собой проблемы правоприменения, а также в случае радикального изменения концепции уголовной политики. В реалиях современного общества перманентное совершенствование законодательства для любого государства является одной из приоритетных

задач. В целях совершенствования уголовно-правовых норм по новой кодификации уголовного закона проделана огромная работа. Полагаем, что законодатель в данном случае предполагает, что новый кодекс останется более или менее стабильным на протяжении продолжительного времени.

Так, новый УК РК 2014 года внес некоторого рода коррективы и в преступления против личности, в частности в главу 1 УК была включена ст. 108 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», которая перенесена из Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее - КРКоАП), путем ее исключения из него. При этом, хотелось бы акцентировать внимание на том, что ранее в УК РК 1997 г. указанное деяние было в числе преступлений. К примеру, деяние, предусмотренное ст. 108 УК «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» было исключено из УК РК Законом Республики Казахстан от 18 января 2011 г. № 393-IV. Изложенное свидетельствует о некотором роде криминализации отдельных административных правонарушений, путем перевода их в число уголовных проступков [1].

Кроме того, ряд преобразований отечественного законодательства коснулись и уголовно-процессуального законодательства. Так, одной из новелл Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее УПК РК) 2014 года является - протокольная форма досудебного производства, которая подразумевает порядок осуществления производства по делам об уголовных проступках (гл. 55 УПК РК). Различного рода преобразования законодательства не всегда в практической деятельности могут работать, как предвидел законодатель. Так, в правоприменительной практике при производстве досудебного расследования по ст. 108 УК РК возникли следующие проблемы:

1. Затруднения в правовой оценке сведений, содержащихся в поводе к досудебному расследованию на предмет отнесения их к категории уголовных проступков, либо к преступлению.

Согласно **Правилам** приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований (далее ЕРДР), утвержденных приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от «19» сентября 2014 г. № 89, решение по материалу, зарегистрированному в Книге учета информации (далее КУИ), необходимо принять в течение 24-х часов. В соответствии со статьей 32 УПК РК, статья 108 УК РК являлась уголовным правонарушением частного обвинения, которая на основании ч. 5 ст. 186 УПК РК подсудна суду, в связи с чем, данные заявления граждан подлежали передаче в суд без проведения досудебного расследования.

Однако, в целях установления правильной квалификации события по ст. 108 УК РК, необходимо было установить наличие у потерпевшего легкого вреда здоровью, посредством проведения судебно-медицинской экспертизы (далее СМЭ), которая по общим правилам проводится до 30 суток,

что исключало возможность регистрации в Едином реестре досудебных расследований (далее ЕРДР) по ст. 108 УК РК, так и передачи по подсудности, в порядке ч. 5 ст. 186 УПК РК в установленный законом срок. Указанная коллизия приводила к тому, что в практической деятельности, в случае регистрация заявления, если даже и усматривались признаки состава уголовного правонарушения по ст. 108 УК РК, но учитывая, что данный состав не относился к компетенции правоохранительных органов, в этой связи невозможно было зарегистрировать материал в ЕРДР.

2. Необходимость регистрации события по заведомо неверной (завышенной) квалификации.

Необходимость завышенной квалификации как было указано выше это не прихоть правоприменителей, а те рамки межведомственных подзаконных актов, в частности, большое время, которое требовалось для проведения судебно-медицинской экспертизы и для выдачи заключения.

В то же время, запросы в медучреждения, на судимость и т.п. официально исполнялись не менее 2-х дней, в связи с чем, возникала необходимость увеличения сроков составления протокола уголовного проступка (до 10 суток, либо вообще не устанавливать их).

Таким образом, неизбежно запускалась процедура досудебного производства, влекущая необоснованные временные и материальные затраты (дознание), вопреки тому, что предусмотренное событие являлось уголовным проступком частного обвинения. Кроме того, типичными являлись решения о прекращении указанных уголовных дел на основании п.2 ч.1 ст.35 УПК РК, с последующим уведомлением потерпевшего, с предоставлением ему права обращения в суд в порядке, предусмотренном законодательством.

Учитывая, что все уголовные проступки, в соответствии со ст. 10 УК РК не представляют большой общественной опасности, считаем целесообразным рассмотреть вопрос минимализации сбора материалов досудебного расследования уголовных проступков по протокольной форме.

3. Рост латентных правонарушений в связи с низкой эффективностью досудебного расследования по фактам умышленного причинения легкого вреда здоровью.

Высокий процент отказа заявителей от частного обвинения на момент передачи материалов уголовного дела из органа уголовного преследования в суд (в том числе по причине очевидного несоответствия сложности судопроизводственной процедуры – типичной бытовой ситуации). Так, за 2016 год из 2898 уголовных дел по статье 108 УК РК, направленных в суд, в 1921 случае судом отказано в принятии к производству в связи с отсутствием жалобы потерпевшего (66%).

Низкий уровень обращения граждан с информацией о совершении уголовного правонарушения, связанного с причинением легкого вреда

здоровью, обусловлен неэффективностью системы предусмотренных наказаний:

- «арест», как мера наказания использовалась редко по экономической причине («иждивение» государства в период ареста), причине организационной необеспеченности (отсутствие специализированных арестных домов) и др.

- штрафные санкции в существенном количестве случаев (в быту) ложились бременем, в том числе на заявителя и на всю его семью; влияние также экономической рецессии в стране.

4. Производный эффект вышеперечисленных проблем – детерминирование рецидива и низкий уровень профилактики совершения более тяжких правонарушений.

Невозможность принять административные меры воздействия, способствовали совершению более тяжких преступлений против личности.

К примеру, в 2016 году из 862 убийств, совершены на семейно-бытовой почве - 413 (48%), из них после распития спиртных напитков после возникшей ссоры - 294 (71%) [2].

Из 2271 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, совершены в семейно-бытовой сфере - 1049 (46%).

5. Нарушение принципа неотвратимости наказания.

При принятии новых кодексов, Президентом страны, была отмечена необходимость в максимальной реализации принципа неотвратимости наказания и нулевой терпимости, где каждый гражданин, нарушивший требования законодательства должен понести соответствующее наказание вне зависимости от степени общественной опасности. Однако в полной мере данные принципы не соблюдаются по указанным правонарушениям после принятия новых кодексов. Процедура ведения досудебного расследования по уголовным проступкам необоснованно громоздкая, не наступает мгновенное наказание по уголовному правонарушению небольшой значимости.

Тогда в сознании правонарушителя, будет усматриваться связь между его преступлением и тут же наступившем наказанием. Психологически это сильно влияет на отношение правонарушителя, а когда преступление совершено, но ответственность наступает через определенное время, эта связь утрачивается.

На наш взгляд, при расследовании уголовных проступков должна прослеживаться оперативная реакция государства, в лице правоохранительных органов, однако в действующем законодательстве она отсутствует.

В рамках проведенного нами исследования, и анализа правоприменительной практики, в части рассматриваемой проблемы показал, что действующее законодательство нуждается в корректировке, в частности, предлагается:

- увеличить сроки принятия решения по поступившему заявлению до получения заключения судебно-медицинской экспертизы по всем уголовным проступкам.

- максимально упростить (по аналогии с КРКоАП) стадии расследования уголовных проступков и сократить отдельные элементы процесса с целью повышения уровня неотвратимости наказания и нулевой терпимости, не допустив при этом снижения защитного потенциала УПК в отношении граждан.

Указанные деяния не вызывали высокой общественной опасности и его рассмотрение в рамках КРКоАП ранее успешно практиковалось в качестве профилактического воздействия.

Полагаем, если ограничиваться борьбой с такими правонарушениями лишь с помощью административных ресурсов, сохраняя при этом процедуры устранения процессуальных ошибок, то такие преобразования положительно скажутся на криминогенной обстановке в стране.

Предложенные нами меры, направленные на разрешение рассматриваемой в настоящей статье проблемы, будут оказывать положительный эффект в правоприменительной практике.

---

1. Интернет-ресурс: online.zakon.kz // Закон Республики Казахстан от 30 января 2001 года № 156-II «О введении в действие Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях».
2. Интернет ресурс: www.pravstat.kz.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Багжанова Айжан Жаксылыковна. Преподаватель цикла социальных и общеправовых дисциплин.
Учебный центр МВД Республики Казахстан, Карагандинская обл., городской акимат Темиртау, г. Темиртау, ул. Мичурина, д. 13.

Ключевые слова: уголовный проступок, преступление, малозначительность, Единый реестр досудебных расследований, наказание, уголовная ответственность, категории уголовных правонарушений, освобождение от уголовной ответственности.

УДК 340.1

Безруков С. С.

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В подавляющем большинстве современных российских кодексов перечисляются принципы, на которых основывается та или иная отрасль права, тот или иной вид правоприменительной деятельности. Однако обращение к понятию механизм правового (процессуального) регулирования, сформулированному в общей теории права и некоторых отраслевых юридических науках, показывает, что принципы права в качестве самостоятельного элемента подобного механизма не выделяются. Автор статьи подвергает сомнению справедливость нахождения принципов уголовного процесса за пределами механизма уголовно-процессуального регулирования, обосновывает необходимость их отнесения к элементам данного механизма.

Активная разработка понятия «механизм правового регулирования» началась в отечественной теории права в 1960 – 1970 гг. В литературе не без оснований признаются особые заслуги в этом Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева. В понимании С.С. Алексеева механизм правового регулирования в самом общем виде представляет собой взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [1].

В настоящее время в общей теории права подчеркивается, что механизм правового регулирования выражает деятельную сторону процесса перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений. Правовое регулирование является долговременным процессом, распадающимся на стадии, в каждой из которых действуют особые юридические средства, и образующие в своей совокупности механизм правового регулирования. К стадиям правового регулирования относятся: 1) издание нормы права и ее общее воздействие (регламентация общественных отношений); 2) возникновение субъективных прав и субъективных юридических обязанностей; 3) реализация субъективных прав и субъективных юридических обязанностей, воплощение их в конкретном, фактическом поведении участников общественного отношения; 4) применение права. В соответствии с перечисленными стадиями правового регулирования выделяются следующие основные элементы его механизма: а) норма права; б) правоотношение; в) акты реализации прав и обязанностей; г) акты применения права [6].

Вполне естественно, что общетеоретические наработки послужили основой для изучения и формирования понятия механизма уголовно-

процессуального регулирования, к проблемам которого обращались Л.Б. Алексеева, Л.Б. Зусь, И.В. Кутюхин, З.З. Зинатуллин, А.С. Бахта [2]. Проанализировав предшествовавшие общеправовые и отраслевые подходы, А.С. Бахта разработал следующее определение: механизм уголовно-процессуального регулирования – это единая система правовых средств, которая состоит из норм уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальных отношений, применения уголовно-процессуальных норм, уголовно-процессуальных правоприменительных актов, обеспечивающих эффективное правовое регулирование и воздействие в сфере уголовного судопроизводства [3]. В данном определении перечислены все элементы механизма уголовно-процессуального регулирования.

Тесная связь уголовного материального и процессуального права неоднократно подчеркивалась в научных трудах, где уголовный процесс назывался принудительной формой реализации материальных уголовно-правовых отношений [9]. По образному выражению А.Д. Прошлякова уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право – «это тело, душа и воля. Тело без души мертво, душа без тела – призрак, а отсутствие воли может привести живой организм к параличу» [10]. Наличие таких взаимосвязей подтолкнуло Ю.В. Козубенко к выводам о возможности существования межотраслевой юридической конструкции – механизма уголовно-правового регулирования. В предметах правового регулирования уголовного и уголовно-процессуального права им выделяется общий элемент – возникающие в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом, общественные отношения между лицом, совершившим такое деяние, и потерпевшим, чьи интересы представляет государство в лице его компетентных органов. В обоснование этого довода автором положен ряд доказательств. В результате уголовное судопроизводство, являющееся в некотором смысле отраслевой юридической конструкцией, становится наряду с уголовной ответственностью «… звеном более высокого уровня – элементом механизма уголовно-правового регулирования, и, безусловно, одним из средств содержательного нормирования». В общих чертах данный механизм определяется как система взаимосвязанных и взаимообусловленных нормативно закрепленных отраслевых юридических конструкций, заложенных в процесс привлечения к уголовной ответственности (освобождения от нее) лица, совершившего деяние, последующего отбывания им назначенного наказания и/или иных мер уголовно-правового характера [4].

В качестве элементов (звеньев) механизма уголовно-правового регулирования Ю.В. Козубенко называет: нормы материального и процессуального уголовного права, выступающие нормативной основой механизма; деятельность компетентных органов власти по привлечению лица к уголовной ответственности (процессуальная форма реализации уголовно-правовых норм); наказание и иные меры уголовно-правового характера как

результат воздействия механизма уголовно-правового регулирования на тот срез объективной действительности, который попал в его «орбиту»; уголовное судопроизводство (уголовное преследование) и уголовная ответственность – проводники указанного воздействия; преступление-юридический факт и преступление-юридическая конструкция как промежуточные, связующие звенья между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми элементами механизма [5]. Заметим, что значительная часть обозначенных элементов фактически не поддается разграничению и, по большому счету, дублируется. Как могут выступать самостоятельными элементами (звеньями) механизма нормы процессуального права, деятельность по привлечению лица к уголовной ответственности, да еще и уголовное судопроизводство (уголовное преследование), не ясно абсолютно. Полагая, что подобный межотраслевой подход, вне всяких сомнений, имеет право на существование, отметим и негативные его моменты. Юридическая конструкция, объединяющая в себе нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также регулируемую ими деятельность, является, на наш взгляд, чрезмерно сложным, крайне громоздким образованием, слабо приспособленным к оказанию регулирующего воздействия на указанные отрасли права и виды правоприменительной деятельности.

Из приведенных подходов видно, что принципы права или процесса в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования на уровне теории права не выделяются, а потому, не включаются и в механизм уголовно-процессуального (уголовно-правового) регулирования в межотраслевых и отраслевых исследованиях. Но тогда назревает вопрос о том, оказывают ли они хоть какое-то воздействие на урегулирование правоотношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в рамках уголовно-процессуальной деятельности? И в общей теории права и в отраслевых юридических науках традиционно подчеркивается приоритетное значение принципов в сравнении с рядовыми нормами права. Повсеместное нормативное закрепление принципов не привело к понижению их статуса, постановке в один ряд с частными нормами, предназначенными для упорядочения правоотношений. Напротив, подавляющим большинством ученых указывается на специфичность и нетипичность норм, закрепляющих основное содержание принципов, а также их системообразующее значение, состоящее в том, что принципы учитываются при формулировании содержания всех остальных правовых предписаний. С учетом того, что каждый принцип реализуется в значительной совокупности конкретных норм права, получается, что принципы предопределяют (по крайней мере, должны предопределять) содержание всех остальных правил, в соответствии с которыми выстраивается уголовно-процессуальная деятельность, протекают уголовно-процессуальные правоотношения.

Выше были перечислены стадии правового регулирования, первой из которых называется издание нормы права и ее общее воздействие (регламентация общественных отношений). Именно здесь и проявляется системообразующее воздействие принципов на все другие правовые нормы: содержание конкретных предписаний основывается на принципах права. О неизбежном воздействии принципов на некоторую совокупность частных норм пишет О.А. Кузнецова, выдвигающая предположение, что «каждая норма-принцип «возглавляет» определенную группировку (ряд) правовых норм, субординированных к ней. Продолжая рассуждения по данному вопросу, автор выделяет нормы-«узловые переходы», придающие «равновесие, стройность и согласованность системе принципов гражданского права. В таких нормах гражданско-правовой принцип, стремящийся к максимальному воплощению в каждой отраслевой норме, сталкивается с другим гражданско-правовым принципом, прекращая «свое неограниченное, тотальное развертывание в нормативно-правовом массиве. Такие нормы выполняют функции стабилизатора, «волнореза» в системе права» [7].

Весьма интересным применительно к рассматриваемому аспекту кажется умозаключение А.А. Макрецовой о том, что, «являясь максимально общим для своей системы детерминантом, каждый правовой принцип в своем развертывании стремится к максимально полному и неограниченному воплощению в каждой норме, в каждом институте. Такая система неизбежно стала бы однообразной и практически лишена была бы возможности функционировать, и только ограничение развертывания каждого принципа действием всех остальных уравновешивает систему, сообщает ей стройность и внутреннюю согласованность» [8].

Эти выводы в полной мере могут быть распространены и на механизм воздействия принципов уголовного процесса на частные процессуальные нормы. Действительно, закрепление в системе принципов тех или иных положений предполагает их реализацию через отдельные права участников уголовного судопроизводства, общие условия предварительного расследования или судебного разбирательства, основания принятия процессуальных решений, порядок производства следственных и иных процессуальных действий и т.д. Кардинальное изменение отношения к роли презумпции невиновности, состязательности сторон, обеспечению обвиняемому (подозреваемому) права на защиту, выдвинутым на первый план идеологами судебной реформы, предопределило значительное расширение прав, предоставляемых стороне защиты, в том числе, права на обжалование, возможность вступления защитника в уголовно-процессуальную деятельность на самых ранних этапах, существенную корректировку порядка избрания ряда мер пресечения, прежде всего – заключения под стражу, а равно многие другие новеллы, характерные для ныне действующего уголовно-процессуального законодательства. Влияние принципов презумпции невиновности и состязательности сторон просле-

живается и в нормах доказательственного права, в частности, в основаниях принятия процессуальных решений, традиционно связываемых с наличием достаточной совокупности оснований (данных или доказательств) (ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 182, ч. 1 ст. 185, ч. 1 ст. 186, ч. 1 ст. 186^1 УПК РФ), а также в предоставлении защитнику права участвовать в собирании доказательств (ч. 3. ст. 86 УПК РФ). При разработке УПК РФ особое внимание обращалось на нормы, воспринимавшиеся в дореформенном законодательстве в качестве антисостязательных, ставящих под сомнение значимость презумпции невиновности. Усилия составителей УПК РФ в этом направлении привели к тому, что в их адрес были высказаны упреки об ориентированности Кодекса на интересы обвиняемого (подозреваемого).

Рамки статьи не позволяют более детально осветить воздействие принципов уголовного процесса на частные процессуальные нормы, а равно продемонстрировать отдельные случаи противоречий между ними. И тем не менее, изложенное позволяет заключить, что в строгом соответствии с принципами уголовного процесса формируются и формулируются все частные процессуальные нормы (по крайней мере, подавляющее большинство таковых). Неслучайно в теории права, отраслевых юридических науках принципы зачастую отождествляют с фундаментом, базисом, каркасом всей отрасли права. Такие ассоциации представляются абсолютно справедливыми, ведь принципы подчиняют себе конкретные правовые нормы, а следовательно, полномасштабно влияют на складывающиеся правоотношения и процесс реализации права, т.е. на все без исключения элементы механизма правового регулирования. В настоящее время принципы права в той или иной форме закреплены во множестве федеральных законов, практически во всех отечественных кодексах (отступлением от общего подхода являются Таможенный кодекс Таможенного союза, Семейный, Бюджетный, Воздушный кодексы Российской Федерации, а также Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации). Такой подход не был свойственен для нормативных актов, принимавшихся и действовавших в советский период. Как представляется, именно по этой причине принципы и не включались в механизм правового регулирования. Кардинальное изменение приемов юридической техники просто не может не отразиться на перечне элементов исследуемого механизма. Полагаем, что принципы должны выступать самостоятельным элементом механизма уголовно-процессуального регулирования.

---

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 24; Его же. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 267.

2. Алексеева Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред.: А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 89-135; Зусь Л.Б. Об уголовно-процессуальной правоспособности // Правоведение. 1974. № 5. С. 49-54; Кутюхин И.В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 8; Зинатуллин З.З. Понятие и структура механизма уголовно-процессуального регулирования // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. З.Д. Еникеева. Уфа, 2003. Ч. 2. С. 119-120; Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Хабаровск, 2010. С. 19-31.
3. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Хабаровск, 2010. С. 31.
4. Козубенко Ю.В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема. – 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2013. С. 13-14, 25-26.
5. Козубенко Ю.В. Указ. соч. С. 52; Его же. Предмет межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования // Государство и право. 2014. № 9. С. 37-44.
6. Комаров С.А. Механизм правового воздействия // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 96-97.
7. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 70-71.
8. Макрецова А.А. Принципы гражданского права переходного периода: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. С. 10.
9. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 202.
10. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. С. 22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Безруков Сергей Сергеевич. Доктор юридических наук, доцент, начальник 3 отдела НИЦ № 5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания).
Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса; механизм уголовно-процессуального регулирования; элементы механизма уголовно-процессуального регулирования.

УДК 343.1

Белицкий В. Ю.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, ЛИЧНОСТЬ КОТОРОГО НЕ УСТАНОВЛЕНА

Автором рассмотрена проблема процессуального оформления задержания лица, личность которого не установлена. По мнению автора, необходимо предусмотреть как в УПК РФ, так и в подзаконных актах положение о том, что при невозможности установить данные о личности задержанного лица, его личность удостоверяется на основании справки, составляемой следователем (дознавателем). Справка должна содержать условные установочные данные подозреваемого (обвиняемого), его фотографию и генетические признаки (генотип).

В широком смысле, система законодательства – это совокупность нормативных правовых актов, в которых объективируются содержательные и структурные характеристики права [1, С. 210].

Одним из принципов, на которых строится система законодательства, в широком смысле, является единство нормативных правовых актов, образующих законодательство. Данное единство определяется, во-первых, цельностью выраженной в них государственной воли, во-вторых, единством системы законодательства, в рамках которого они существуют, в-третьих, целостностью внешних форм выражения юридических норм, в-четвертых, общностью целей и задач законодательства [2, С. 312].

В систему законодательства в широком понимании включаются как законы, так и подзаконные нормативные правовые акты, которые принимаются уполномоченными на то субъектами на основании и во исполнение закона.

Руководствуясь принципом верховенства закона, отмечаем, что все виды нормативных правовых актов по юридической силе подчинены Конституции РФ и федеральному закону, а подзаконные нормативные правовые акты должны соответствовать закону.

Как верно пишет С.А. Иванов, «только единая, лишенная противоречий, система действующих норм права может выступать эффективным регулятором общественных отношений в Российской Федерации» [3].

Нормы подзаконных правовых актов предназначены для того, чтобы раскрыть содержание обобщенных норм законодательства, конкретизировать их, а в отдельных случаях восполнить имеющиеся пробелы, а также изменить, дополнить и отменить устаревшие нормы подзаконного правотворчества либо урегулировать общественные отношения нижнего уровня, не поддающиеся законодательному нормированию. Следовательно, функ-

цией норм подзаконного правотворчества является создание механизма реализации норм, установленных законодательством, их конкретизации и объективизации, для обеспечения функционирования.

Следует согласиться с М.Б. Румянцевым, по мнению которого «…подзаконное правотворчество выгодно отличается от законотворчества оперативностью, гибкостью, меньшей степенью формализации процесса разработки и принятия норм права, более высокой компетентностью субъектов правотворчества, способностью к урегулированию разнородного спектра общественных отношений…» [4, С. 12-18].

Вместе с тем, анализ законодательства позволяет сказать, что иногда подзаконное нормотворчество менее оперативно, что создает сложности в реализации норм права. В частности, норма части 2 статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ), предусматривает возможность задержания лица по подозрению в совершении преступления, при наличии иных данных (кроме предусмотренных частью 1 данной статьи), дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, если не установлена личность задерживаемого лица.

Факт задержания отражается в протоколе задержания, требования к которому закреплены в части 2 ст. 92 УПК РФ. Именно протокол задержания является основанием для приема подозреваемого или обвиняемого в изолятор временного содержания (далее по тексту – ИВС).

Порядок приема задержанного подозреваемого в изолятор временного содержания регламентируется Приказом МВД России от 22.11.2005 № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» [5], а равно Приказом ФСБ РФ от 24.03.2010 № 140 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов» [6]. Исходя из положений названных подзаконных актов, соответствующее должностное лицо, осуществляя прием поступившего в ИВС подозреваемого (обвиняемого), проводит опрос данного лица и сверяет его ответы со сведениями, указанными в протоколе задержания.

Вместе с тем, названные подзаконные акты не регламентируют порядок приема поступившего ИВС подозреваемого, личность которого не установлена. Возникает вопрос о том, что сообщит о себе задержанный подозреваемый, если он отказывается назвать какие-либо сведения о себе, сведения о нем отсутствуют в материалах уголовного дела и в информационных базах данных, а также нет документов, удостоверяющих его личность.

Анализ правоприменительной практики, научных публикаций по рассматриваемой проблеме, результатов проведенного исследования, позволяет констатировать, что в данном случае в протоколе задержания, как правило, отражаются так называемые, условные установочные данные [7,

С. 42-47], которые бы исключали возможность их дублирования с кем-либо из реально существующих лиц, либо псевдоним данного лица. При этом рекомендуется производить максимальное закрепление сведений о лице с условными установочными данными: получение отпечатков пальцев, образцов биологической ткани (крови), фотографирование данного лица, а также измерение его антропометрических данных с приобщением данных сведений к справке о личности подозреваемого (обвиняемого). Документом, удостоверяющим личность подозреваемого (обвиняемого), в этом случае будет справка о личности подозреваемого (обвиняемого), составленная следователем (дознавателем) [7, С. 42-47]. В данной справке в дальнейшем, помимо условных установочных данных, считаем необходимо указать также генетические признаки (генотип) задержанного лица. [8, С. 26-30; 9, С. 110-116].

Со ссылкой на нормы зарубежного законодательства высказываются и иные предложения по решению данной проблемы [10]. Например, статья 179 Уголовно-процессуального кодекса Грузии [11] регламентирует особенности уголовного процесса в отношении неидентифицированных обвиняемых и осужденных.

Предлагаем привести положения подзаконных нормативных правовых актов (Приказа МВД России от 22.11.2005 № 950 [5], Приказа ФСБ РФ от 24.03.2010 № 140 [6]) в соответствие с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в части приема в ИВС лица, личность которого не установлена.

В частности, считаем необходимым предусмотреть как в УПК РФ, так и в соответствующих Приказах МВД РФ и ФСБ РФ, положение о том, что при невозможности установить данные о личности подозреваемого (обвиняемого), когда все возможные попытки оказались безрезультатны, личность задержанного удостоверяется на основании справки, составляемой следователем (дознавателем). Данная справка обязательно должна содержать условные установочные данные подозреваемого (обвиняемого), его фотографию, а в дальнейшем, после проведения биологической экспертизы тканей и выделений человека [12], и генетические признаки (генотип). Думается, что на современном этапе указание генотипа лица является наиболее перспективным направлением идентификации личности, обеспечивая максимально высокий уровень индивидуализации.

---

1. Казаков В.Н. Теория государства и права: учебник. М.: Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2015. 362 с.

2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Изд-во «Юристъ», 2004. 512 с.

3. Иванов С.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта Российской Федерации: Монография. М.: Народный учитель, 2002. 186 с.

4. Румянцев М.Б. Подзаконное правотворчество: признаки и виды // Современное право. 2017. № 2. С. 12-18.
5. Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 (ред. от 18.10.2012) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» // [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». Электрон. дан. [М.]. URL: http //www.consultant.ru.
6. Приказ ФСБ РФ от 24.03.2010 № 140 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов» // [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». Электрон. дан. [М.]. URL: http //www.consultant.ru.
7. Малофеев И.В. Возможность уголовного преследования лица, личность которого не удостоверена // Уголовный процесс. 2013. № 2. С. 42-47.
8. Белицкий В.Ю. Проблема задержания и заключения под стражу лица, личность которого не установлена и возможные пути её решения // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года). В 3-х частях. Часть 2 (практическая значимость). М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. С. 26-30.
9. Белицкий В.Ю. Проблема уголовного преследования лица, личность которого не установлена и вариант её решения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 110-116.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии // Сайт pravo.org.ua. URL: http://pravo.org.ua/files/Criminal%20justice/_-09_10_2009.pdf.
11. Жиляев Р.М., Строгович Ю.Н., Первозванский В.Б. К вопросу об особенностях уголовного судопроизводства в отношении «неидентифицированных» подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 5. С. 18-20.
12. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 18.01.2017) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». Электрон. дан. [М.]. URL: http //www.consultant.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белицкий Владислав Юрьевич. Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса.

Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Ключевые слова: задержание, лицо, личность которого не установлена, идентификация лица, личность которого не установлена.

УДК 343.125

Беляев М. В.

О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается значение судебных решений в уголовном судопроизводстве, делается вывод о том, что они обеспечивают достижение задач уголовного судопроизводства в каждом конкретном уголовном деле, защищая права и законные интересы личности, общества и государства. Социальное значение судебных решений заключается в том, что их совокупность оценивается обществом и определяет эффективность судебной системы в общественном сознании, транспарентность и предсказуемость правосудия в целом.

Судебное решение, выраженное в соответствующем уголовно-процессуальном акте, является средством реализации функций суда в уголовном судопроизводстве. Так, например, судебное решение, в котором дано разрешение на производство обыска в жилом помещении, позволяет принудительным образом ограничить конституционное право конкретного гражданина (граждан) на неприкосновенность жилища, непосредственно разрешает юридическую ситуацию о возможности обыска в строго определенном жилом помещении, является средством реализации судебного контроля за досудебным производством в уголовном деле.

Решения, принимаемые судом в уголовном судопроизводстве, в сконцентрированном виде отражают весь процесс уголовного судопроизводства, деятельность всех его участников, раскрывают логическую деятельность суда по установлению обстоятельств дела и их юридической оценке.

Н.А. Тузов пишет о том, что судебные акты, которыми завершается разбирательство различных судебных дел, являются итоговым объективированным завершением гражданского, уголовного, административного и других процессов, призванным выражать действительное осуществление задач и принципов судопроизводства, установленных законом и доктринально; представляют собой «объективированный результат профессио-

нально-служебной работы судей, продукт их труда, позволяющий исследовать и оценить его с точки зрения определенного качества, которое можно именовать юридическим качеством судебных актов» [1, с. 3].

Значение судебных решений определяются, в первую очередь тем, что они обеспечивают достижение задач судопроизводства в каждом конкретном деле, упорядочивая правоотношения, возникающие между участниками процесса, способствуя защите прав и законных интересов личности и публичных интересов при производстве по уголовным делам. Об этом неоднократно упоминалось в юридической науке [2; 3, с. 5; 4].

Определяя значение судебных решений в уголовном процессе, М.А. Барова выделяет две группы задач, достижению которых способствуют судебные решения. Первая группа задач, по мнению автора, отражает цель уголовно-процессуальной политики в целом, вторая - обеспечивает условия производства по конкретному уголовному делу, защищает права, свободы и законные интересы участников процесса. Помимо этого, М.А. Барова отмечает, что судебные решения имеют предупредительный и воспитательный характер; отражают гуманистическую направленность уголовного процесса, способствуют укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону [4].

П.А. Лупинская писала о том, что процессуальные решения в своей совокупности способствуют охране общественного строя, безопасности, прав и законных интересов граждан, государственных органов и общественных организаций, предупреждению и искоренению преступлений, повышению правовой культуры граждан, одним из значений судебных решений было названо упорядочивание производства по делу. Автор определила решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, как правовое средство выполнения его социального назначения, определенного в ст. 6 УПК РФ [3, с.5].

Е.А. Хахалева пишет о том, что «защита прав и законных интересов сторон является в то же время и защитой интересов государства», поскольку государство заинтересовано в том, чтобы «взаимоотношения сторон были приведены в соответствие с законом и чтобы в решении суда получили защиту… права и законные интересы сторон. Суд в каждом случае, помогая осуществлению прав и добиваясь выполнения обязанностей, вытекающих из правоотношения, укрепляет правопорядок в государстве» [2].

Разделяя в целом вышеуказанные подходы, отметим, что современная правовая политика и идеология, важнейшим направлением которой является повышение роли суда в правовой системе общества, укрепление судебной власти, усиление авторитета и независимости суда, ставит на повестку дня необходимость переосмысления роли и значения судебных решений во всех видах судопроизводства. В полной мере это относится и к уголовному процессу. А в условиях информационного общества, развития

и внедрения в судебную систему новейших информационных технологий, открывающих доступ к большинству решений, вынесенных судами, и осуществлению таким образом социального контроля за данной сферой, роль судебных актов неуклонно возрастает. Их значение уже не может рассматриваться в контексте лишь отдельного уголовного дела. Совокупность судебных решений, принятых по уголовным делам и, в первую очередь, – итоговых, разрешающих уголовное дело по существу, решений о применении наиболее строгих мер пресечения, а также решений об условно-досрочном освобождении, в их оценке обществом определяет эффективность судебной системы в общественном сознании, транспарентность и предсказуемость правосудия в целом.

Огромное общественное значение судебных решений в их совокупности, в том числе и решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, предопределяет и социальные требования к каждому из них, которые лишь отчасти находятся в сфере правового регулирования: судебные решения должны приниматься своевременно и быть предсказуемыми. Своевременность предполагает разумный подход к соблюдению сроков при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений. В условиях отсутствия конкретных процессуальных сроков для рассмотрения уголовных дел по существу соблюдение разумных сроков и своевременное принятие решений представляются очень важными.

Предсказуемость судебных решений базируется на таком требовании к ним, как обоснованность. Выводы суда, положенные в основу судебного решения, должны соответствовать фактическим обстоятельствам дела, вытекать из них, не являться неожиданными, соответствовать судебной практике по аналогичным делам.

1. Тузов Н. А. Мотивирование и преюдиция судебных актов М.: РАП, 2006. 152 с.
2. Хахалева Е. А. Обоснованность решения суда общей юрисдикции: Автореф. дис. … канд.юрид. наук. Краснодар, 2005.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М.: Юридическая литература, 1976. 166 с.
4. Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляев Максим Владимирович. Кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

Ключевые слова: судебное решение, уголовный процесс, назначение уголовного судопроизводства, функция суда, судебный акт.

УДК 343.1

Блинова Е. В.

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В данной статье рассматривается вопрос о нарушениях законных прав и интересов граждан, допускаемых при производстве следственных действий.

Право на неприкосновенность частной жизни провозглашено ст. 23 Конституции РФ. Каждый, гласит Основной Закон имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

В юридической литературе принято включать в понятие наприкосновенность частной жизни запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право контролировать информацию о себе; право на защиту чести и доброго имени; право на защиту персональных данных; право на тайну связи; право на неприкосновенность жилища; врачебную тайну, тайну исповеди, тайну усыновления и другие виды профессиональной тайны.

Являясь, несомненно, высшей ценностью государства, права, граждан все же могут быть подвержены нарушению в законном порядке, т.е. в строго оговоренных законом случаях.

Уголовный процесс в общем и производство следственных действий, в частности, ограничивает перечисленные права граждан, без чего невозможно было бы реализовать их цели.

Статья 29 Всеобщей декларации прав человека к целям ограничения прав человека относит обеспечение должного признания и уважения прав других людей.

Закон предусматривает сохранение личных и профессиональных тайн. Так, обыск, выемка, осмотр помещения, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в почтово-телеграфных учреждениях могут производиться только на основаниях и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законом (ст.12 УПК). При этом следователь обязан при-

нимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего обыскиваемое помещение, или других лиц.

Законность проводимого следственного действия гарантируется рядом законодательно закрепленных положений: наличием мотивированного постановления, вынесенного лицом, производящим расследование, в рамках такого расследования; разъяснением прав участникам следственного действия до его начала; составлением соответствующего протокола обыска, предусматривающего внесение замечаний от участвующих в следственном действии лиц; возможность участия адвоката; обязательное участие понятых; проведением обыска в дневное время (за исключением случаев, не терпящих отлагательств).[1] Кроме того, законодателем предусмотрено вручение копии постановления о проведенном обыске; изъятые предметы оформляются в соответствии с нормами УПК РФ; произведенное следственное действие может быть обжаловано в установленном законом порядке.

Осмотр жилого помещения должен производиться только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если указанные лица возражают против осмотра, следователь выносит мотивированное постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве осмотра.

Если жилое помещение является местом происшествия и его осмотр не терпит отлагательства, он может быть произведен по постановлению следователя, но с последующим уведомлением прокурора о произведенном осмотре для проверки его законности.

Часть 7 ст. 182, детализируя порядок производства обыска в жилище, определяет: следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц.

Статья 176 УПК РФ не делает аналогичной оговорки. При этом очевидно, что жилище – одно из наиболее распространенных мест происшествия. Следственное действие это проводится в том числе и до возбуждения уголовного дела. Вкупе с возможностью предупреждать участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства, следователь получает значительные возможности по обеспечению права проживающих в жилище лиц на неприкосновенность частной жизни. [2]

Значительной представляется и следующая проблема. Посредством допросов свидетелей в материалы уголовных дел попадает значительный объем личной информации: о частной жизни лица, его заболеваниях, контактах.

Ст. 161 УПК РФ определяет, что данные предварительного расследования не подлежат разглашению. Уголовная же ответственность за разглашение таких данных наступает строго в случае, если разгласившее их лицо было в установленном законом порядке предупреждено о недопустимости такого разглашения.

Предупредить же о недопустимости разглашения данных предварительного расследования обвиняемого нельзя. Это нарушило бы его право на защиту. В Определении Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. N 467-О "По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации", указано, что статус подозреваемого, предусмотренный статьей 46 УПК Российской Федерации, содержание которой аналогично нормам о статусе обвиняемого и не предполагает возложение на него обязанности давать подписку о неразглашении без соответствующего разрешения ставших ему известными в связи с участием в предварительном расследовании данных и последующего привлечения к уголовной ответственности за их разглашение.

В юридической литературе не однажды приводились случаи, когда сведения, содержащиеся в уголовном деле, разглашаются, не нарушая интересов следствия, прав его участников. Так, обнародуют данные расследования в целях привлечения граждан к оказанию помощи в установлении или розыске лица, совершившего преступление, поиске свидетелей, а также доказательств. Кроме того, разглашение материалов уголовного дела способно выполнять профилактическую функцию, предупреждать и пресекать слухи, а также дезинформацию населения об обстоятельствах дела. «Утечка информации» может быть организована исходя из тактических соображений расследования [3].

Со всеми материалами уголовного дела (за исключением постановления о сохранении в тайне данных о личности, о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), а значит, и с протоколами допросов, обвиняемый в обязательном порядке будет ознакомлен по окончании предварительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

Таким образом, в этой части, частная жизнь граждан, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, оказывается незащищенной.

---

1. Фонова Т.П. Гарантии прав гражданина при производстве обыска // Центральный научный вестник. 2016. Том 1. № 10(10). С. 12.

2. Орлова Е.А., Артюшенко Е.И. Правовое регулирование обеспечения и обоснованности ограничения прав человека и гражданина // Апробация. Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация» (Махачкала). № 9 (48). 2016. С. 51.

3. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Блинова Елена Владимировна. Преподаватель кафедры предварительного расследования.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: данные предварительного расследования, обыск, осмотр места происшествия, допрос.

УДК 343.13

Бондаренко М. В., Гришин А. В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

В статье рассматриваются вопросы реализации права военнослужащих на судебную защиту, дается анализ структурных элементов механизма реализации права военнослужащих на судебную защиту.

Правовое положение военнослужащих в государстве в некоторых отношениях является иным, нежели других граждан [9]. Попробуем осветить обозначенную проблему «акцентируя внимание на тех моментах, которые приобретают принципиальное значение для правильного определения места и роли правосознания в правоприменительной деятельности» [6].

Необходимо отметить, что само по себе военно-уголовное законодательство не осуществляет регулирование расследования преступлений, совершенных военнослужащими. В данном контексте было бы корректнее говорить о военно-уголовно-процессуальном законодательстве, если не толковать военно-уголовное законодательство чрезмерно широко. Однако термин "военно-уголовно-процессуальное законодательство" практически не используется в научной литературе [7].

Учитывая опасность воинских правонарушений, законодательство устанавливает повышенную ответственность за их совершение, что, в свою очередь, является правовым средством охраны воинского правопорядка от нарушений [11].

Сложно согласиться и с утверждением о том, что воинский правопорядок не входит в содержание общественной опасности воинских преступлений, поскольку общественную опасность составляют не сами по себе

нарушения военно-служебных отношений, а вредные последствия, которые могут наступить в результате допущенных нарушений [10].

Если военно-уголовно-процессуальное законодательство регулирует порядок уголовного судопроизводства в отношении военнослужащих, то военно-уголовное законодательство содержит нормы, с помощью которых государство непосредственно осуществляет воздействие на общественные отношения в сфере военной службы. Оно не содержит и не может содержать законодательных правил относительно порядка применения своих положений. Это прерогатива военно-уголовно-процессуального законодательства, которое также имеет свою специфику, обусловленную особенностями прохождения военной службы. Однако именно военно-уголовное законодательство устанавливает, какие общественно опасные деяния относятся к преступлениям против порядка военной службы и влекут за собой различные меры уголовной ответственности, дифференцированные в зависимости от тяжести содеянного [7].Для реализации дисциплинарной ответственности необходимо соблюдение определенной процедуры [8].

Защита субъективного права каждого является его непреложным правом и обязательным и необходимым элементом, гарантирующим реализацию права. «Базовые правовые идеи в полной мере проявляют себя и в процессе формирования правовых установок как интегральных образований правового сознания, интегрирующих другие элементы и формирующих на данной основе мотив (стремление) действовать в той или иной конкретной ситуации определенным образом. Их спецификой определяется наличие в российском правовом сознании установки на необязательность безусловного следования требованиям позитивных правовых норм, необходимость предварительной оценки их с точки зрения справедливости и целесообразности. Отсюда – широкая распространенность убеждений о необходимости следовать предписаниям только лишь правовых законов, в концентрированном виде находящая свое выражение в идее правовой законности. Также специфика базовых правовых идей российского правосознания определяет установку на терпимость к нарушениям предписаний правовых норм со стороны государства и его представителей вне зависимости от того, является одобряемым или нет сам образец поведения, предписываемый правовой нормой. Также специфической чертой российского правового сознания выступает отсутствие в нем установок на усвоение формально закрепленных правовых требований, на активное действование в правовой сфере, на защиту собственных интересов правовыми средствами и т.д.» [6].

В ходе военной реформы в РФ важное значение приобретают соблюдение законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, а также гарантированная Конституцией РФ защита прав и свобод граждан, в том числе военнослужащих и членов их семей. Законодатель из существующих способов защиты прав, установленных граж-

данским законодательством, приоритетное значение отдает судебной защите прав военнослужащих, тем самым не перекладывая «бремени доказывания с государственных органов на конкретного гражданина, что является игнорированием общих положений о презумпции невиновности и основах состязательности судебного процесса» [3].

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» предусматривает право военнослужащих на защиту своих прав и законных интересов путем обращения в суд в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ст. 21). Каких-либо ограничений в реализации данного права для военнослужащих законом не предусмотрено. С 1993 г. военными судами было рассмотрено свыше 1 600 000 заявлений военнослужащих по поводу действий и решений органов военного управления и воинских должностных лиц [5].

Сущность судебной защиты прав участников правоотношений, складывающейся при прохождении военной службы, заключается в реализации права по наделению военнослужащего государственными полномочиями (освобождения от них), принадлежащего одному участнику отношений, путем исполнения другим субъектом возложенной на него обязанности, существование которой установлено законом и подтверждено судом [2]. Разрешаемый судом спор, возникающий при прохождении военнослужащим военной службы по контракту, имеет тройной субъектный состав.

Одним из аспектов реализации права на доступ к правосудию является доступность судебной защиты прав и свобод военнослужащих в военных судах. Принцип доступности судебной защиты прав и свобод военнослужащих в военных судах - это обеспеченная законом возможность любого военнослужащего беспрепятственно обратиться в военный суд и получить судебную защиту посредством простой и эффективной судебной процедуры независимо от степени владения знаниями в области юриспруденции [4].

Этапами судебной защиты прав участников отношений, складывающихся при прохождении военной службы по контракту, будут: 1) установление нормы, регулирующей отношения, складывающиеся при прохождении военнослужащим военной службы по контракту; 2) возникновение права на управление прохождением военной службы (в определенных пределах и в определенный момент времени); 3) возложение обязанности по исполнению воли субъекта, управляющего прохождением военнослужащим военной службы, на субъектов, в правомочиях которых закреплена обязанность по исполнению воли управляющего субъекта; 4) нарушение права управления прохождением военной службы по контракту путем неисполнения управляемым субъектом своей обязанности; 5) обращение в суд управляющего субъекта; 6) судебное разбирательство по делу; 7) вынесение решения суда с указанием порядка действий управляемой стороны по исполнению его обязанности; 7) применение государством в лице орга-

нов государственной власти мер по принудительному исполнению решения суда; 8) исполнение управляемым субъектом своей обязанности; 9) завершение реализации права управляющего субъекта.

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что, средством судебной защиты выступает конкретный порядок действий, предусмотренный в законодательстве для восстановления нарушенного права, например, восстановление на военной службе гражданина в соответствии с решением суда. Таким образом, осуществление военными судами правосудия приобретает все более правозащитный, восстановительный характер.

Средством судебной защиты выступает конкретный порядок действий, предусмотренный в законодательстве для восстановления нарушенного права, например, восстановление на военной службе гражданина в соответствии с решением суда, согласно п. 22 ст. 34 Положения производится путем отмены приказа об увольнении военнослужащего с военной службы. Отмена приказа об увольнении военнослужащего с военной службы производится должностным лицом, издавшим приказ, или его прямым начальником. Сразу отметим, что в большинстве случаев не предусмотрен порядок восстановления права в случае его нарушения.

---

1. Ветрова О.А. Содержательные свойства современного российского правосознания // Наука и практика №2 (67). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016. С.25.

2. Григорьев О.В. Реорганизация военно-судебной системы как важнейшее условие соблюдения принципов правового государства, защищенности прав и свобод военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2013. № 12. С. 24 - 26.

3. Гришин А.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: основные тенденции формирования ювенальной юстиции в России и пути альтернативного реформирования законодательства в отношении несовершеннолетних // Наука и практика №4 (69). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.28.

4. Яголович И.И. Принцип доступности судебной защиты прав и свобод военнослужащих // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 444 – 449.

5. Фатеев К.В., Фатеев С.К. О некоторых проблемных вопросах совершенствования законодательства об организации деятельности военных судов Российской Федерации и путях их решения на современном этапе развития государства // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 1. С. 51 - 59.

6. Ветрова О.А. Роль правосознания сотрудников ОВД в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2014. №. 12. С. 196.

7. Мирзоян А.С. Исторические этапы формирования военно-уголовного законодательства России и Армении в сфере правового регу-

лирования расследования преступлений, совершенных военнослужащими // Военно-юридический журнал. 2012. № 1. С. 22.
8. Бондаренко М.В., Гришин А.В. Дисциплинарное производство по проступкам военнослужащих// Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.149.
9. Добровольский А. М. Особенности положения военнослужащих в области публичного права. СПб., 1913. С. 3.
10. Зателепин О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. Серия «Право в Вооруженных Силах - консультант». М.: За права военнослужащих, 2009. Вып. 106. С 42-43.
11. Бондаренко М.В. К вопросу о соотношении понятий воинской дисциплины и воинского правопорядка. // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Максим Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент.
Академия ФСО России, 302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

Гришин Андрей Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: право, защита, суд, гарантии, обращение, военная служба.

УДК 347.1+343.1

Варданян А. В.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Автор обращается к научной полемике относительно реализации потенциала оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, акцентируя внимание на вопросах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного

дела. Анализируя как известные, так и современные проблемы в данной сфере, автор предлагает собственное видение их разрешения.

Вопросы соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности всегда вызывали особое внимание научной общественности и практических сотрудников оперативных и следственных органов, регулярно выступая объектом оживленных научных полемик [1, с. 59 – 60; 2, с. 162 - 178].

Отечественная модель уголовного судопроизводства в качестве одной из тенденций предусматривает идею формализации доказательств, проявляющуюся в представлениях о двойственной структуре доказательств, в виде единства самих сведений, имеющих значение для расследования, и процессуальных форм их получения. Указанная идея находится во взаимосвязи с регламентацией уголовно-процессуальных процедур формирования и дальнейшего анализа доказательств, с точки зрения их соответствия критериям относимости, допустимости, достоверности, путем осуществления следственных и иных процессуальных действий, а также принятия процессуальных решений. Вместе с тем, отечественный уголовно-процессуальный закон отображает собой разграничение между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью [3, с. 117 – 120], что продиктовано, прежде всего, гарантиями обеспечения неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, защиты ее личных прав и законных интересов, недопустимости их нарушения [4, с. 11 – 16].

Реализация названных, безусловно, изначально гуманистических, идей в уголовном судопроизводстве проявилась в ряде запретов и ограничений относительно использования потенциала оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальной деятельности. Наличие указанных запретов и ограничений (ч. 2 ст. 41, ст. 89 УПК РФ) само по себе, очевидно, что необходимо. Иначе существует риск возвращения к архаистическому «тайному» предварительному расследованию, попирающему все достижения прогрессивного человечества относительно гарантий презумпции невиновности, осуществления правосудия только судом, состязательности сторон, права на оказание проходящим по делу лицам квалифицированной юридической помощи и т.д. Однако, формируя данные запреты и ограничения, УПК РФ так и не представил «надлежащего», с точки зрения концептуальных идей отечественной модели судопроизводства, порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности на различных этапах уголовно-процессуальной деятельности, о чем мы уже писали ранее [5, с. 61 – 64].

В рамках настоящего сообщения обратим внимание на такой аспект указанной глобальной и многогранной проблемы, как роль результатов оперативно-розыскной деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Понятие результатов

оперативно-розыскной деятельности представлено в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ. Дефиниция данного понятия предусматривает: «сведения, полученные в соответствии с ФЗ об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия и суда».

В соответствии с ч. 2 ст. 11 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», результаты оперативно-розыскной деятельности, наряду с другими направлениями их использования, могут послужить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также представляться в орган дознания или следователю, в ведении которого находятся материалы проверки сообщения о преступлении. Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности должностным лицам, наделенным полномочиями по осуществлению предварительного расследования, предусмотрен подзаконными нормативными правовыми актами.

Что касается использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве повода и одновременно основания для возбуждения уголовного дела, то данная норма оперативно-розыскного законодательства выглядит, скорее всего, декларацией потенциала оперативно-розыскной деятельности, но не как императив прямого и буквального действия.

Поводы и основание для возбуждения уголовного дела изложены в главе 19 Уголовного кодекса РФ (Поводы и основание для возбуждения уголовного дела). Законодатель не формулирует дефиниции понятия «повод для возбуждения уголовного дела», представляя перечень поводов для возбуждения уголовного дела в чч. 1, 1.1 ст. 140 УПК РФ [6, с. 382 – 387], затем в определенной степени раскрывая содержание отдельных поводов в ст. 141 – 143 УПК РФ.

Основание для возбуждения уголовных дел всегда едино и универсально, независимо ни от категории преступлений, ни от конкретного повода для возбуждения уголовного дела. Оно сформулировано в ч. 2 ст. 140 УПК РФ как: наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом в данном случае не конкретизируется, в каких именно информационных источниках должны быть зафиксированы сведения, указывающие на признаки преступления, объем и содержание которых позволяет констатировать «достаточность данных». Кроме того, понятие достаточности данных не лишено оценочного характера, что на практике влечет случаи как преждевременного, так и запоздалого возбуждения уголовных дел. Однако очевидно, что процессуальной формой информации о признаках преступления, позволяющих сделать вывод о «достаточности данных», выступают материалы проверки сообщения о преступлении, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ, из содержания которых можно

сделать вывод о наличии хотя бы отдельных признаков преступлений (общественной опасности, противоправности). Вместе с тем, возбуждение уголовного дела возможно только по признакам конкретного состава преступления, а не абстрактно по признакам общественно опасной деятельности как таковой.

Что касается поводов для возбуждения уголовного деяния, то, очевидно, что их перечень прямо не предусматривает результаты оперативно-розыскной деятельности. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть приняты, проверены, проанализированы, на общих основаниях с иными формами информации, поступающей из альтернативных источников по отношению к заявлению о преступлении (исходящему от пострадавшего физического лица, его законного представителя, либо от пострадавшего юридического лица), явке с повинной, постановлению прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для принятия решения об уголовном преследовании.

С точки зрения современного УПК РФ, указанный повод именуется как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Его отличительными особенностями является отсутствие как такового, личного интереса инициатора к содержанию сообщения, при наличии, в большинстве случаев, служебного интереса. Иными словами, суть такого информационного источника – непосредственное обнаружение признаков преступления в процессе осуществления текущей служебной деятельности, имеющей оперативно-розыскную либо административно-служебную природу. Чрезмерно обобщенное и не конкретизированное наименование данного повода (не содержащее указание на инициативный характер деятельности субъектов правоохранительной деятельности по обнаружению признаков преступления) вызывает закономерную критику в научной литературе [7, с. 19].

Но в то же время, результаты оперативно-розыскной деятельности, с точки зрения института возбуждения уголовного дела приравниваются к иным информационным источникам, требуя проведения проверки, по итогам которой принимается решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче сообщения по подследственности. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны не только принять, но и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. По этой причине результаты оперативно-розыскной деятельности также не могут напрямую являться поводами для возбуждения уголовного дела.

Правда, этот фактор общего характера относится к формулировке всего перечня поводов к возбуждению уголовного дела. Получается, что законодатель лишь декларирует перечень поводов для возбуждения уголовного дела, но на деле этот перечень выступает перечнем информацион-

ных источников поступления сообщения о преступлении, требующих уголовно-процессуального реагирования в пределах регламентированных ч. 1 ст. 144 УПК РФ проверочных мероприятий. Кстати, перечень проверочных мероприятий ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает, наряду с другими мероприятиями различной природы (следственные действия, проверочные действия, использование специальных знаний) также и письменные поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых, в пределах соблюдения гарантий, принципов, ограничений, предусмотренных оперативно-розыскным законодательством, предоставляются субъекту доследственной проверки. Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев доследственная проверка фактически осуществляется, несмотря на то, что наименование «повод для возбуждения уголовного дела», казалось бы, должно означать побудительный импульс, сигнал, непосредственно требующий принятия процессуального решения в стадии возбуждения уголовного дела (о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении, либо о передаче сообщения по подследственности).

Таким образом, мы считаем, что термин «поводы для возбуждения уголовного дела» не вполне соответствует своему фактическому содержанию, что, впрочем, взаимосвязано и с другими проблемами регламентации стадии возбуждения уголовного дела [8; 9, с. 67 – 70; 10, с. 25 - 29].

Законодателю следует определиться: дифференцировать ли поводы для возбуждения уголовного дела и поводы к принятию сообщения о преступлению и назначению проверки данного сообщения о преступлении, либо обозначать понятия в более точном соответствии их реальному содержанию. Правда, рассмотрение таких вопросов потребует реформирования взаимосвязанных норм, регулирующих правоотношения в стадии возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, представленные в орган расследования результаты оперативно-розыскной деятельности, осуществленные в полном соответствии с оперативно-розыскным законодательством и детализирующими его подзаконными нормативными актами, с соблюдением оснований и условий их проведения, гарантий обеспечения прав и законных интересов личности, а также отражающие полную и достоверную информацию относительно признаков преступного деяния, могли бы выступать именно поводом для возбуждения уголовного дела. Признание результатов оперативно-розыскной деятельности непосредственно в качестве повода для возбуждения уголовного дела, а не повода для проведения доследственной проверки, на наш взгляд, способствовало бы интенсификации расследования, предотвращению ненужной волокиты и затягиванию сроков принятия процессуального решения в данной стадии.

1. Шматов М.А., Ильина Е.В. Общность задач неотложных следственных действий и первоначальных оперативно-разыскных мероприятий // Развитие криминологии и криминологических основ совершенствования законодательства о борьбе с преступностью: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию Российской криминологической ассоциации. Под редакцией: В. И. Третьякова. Волгоград, 2011. С. 59-60;
2. Айвазова О.В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 162 - 178
3. Шматов В.М., Шматов М.А. О процессуальном статусе оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 3 (10). С. 117-121
4. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 11-16
5. Варданян А.В. Результаты оперативно-разыскной деятельности как источники доказательственной информации по уголовному делу // Юристъ - Правоведъ. 2010. № 6. С. 61-64
6. Синенко С.А., Кирянина Н.А. Прием заявления о преступлении: правовой и криминалистический аспекты // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 382-387
7. Варданян А.А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук Ростов-на-Дону, 2012. С. 19
8. Марфицин П.Г., Синенко С.А., Филиппов Д.В. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела. Монография. Омск, 2013.
9. Синенко С.А. О новых правах потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела в связи с назначением и производством экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 67-70.
10. Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 2. С. 25-29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Варданян Акоп Вараздатович. Доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности.

Ростовский юридический институт МВД России, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, ОРД, результаты оперативно-розыскной деятельности, возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, поводы для возбуждения уголовного дела.

УДК 343.1

Васильева М. А.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье обосновывается необходимость совершенствования методики расследования экологических преступлений, раскрываются возможные направления для реализации этой задачи. Особое внимание уделяется совершенствованию научных основ организации расследования экологических преступлений в целом, исследованию тактики производства наиболее типичных для расследования экологических преступлений следственных действий, изучению специфики взаимодействия субъектов расследования экологических преступлений, анализу наиболее часто выявляемых при расследовании причин и условий, способствующих совершению экологических преступлений, а также мер по их устранению.

Статистика настоящего времени свидетельствует о значительном количестве регистрируемых экологических преступлений и сложностях в их расследовании. Как известно, лидером по количеству регистраций среди экологических составов преступлений из года в год является незаконная рубка лесных насаждений. Так, согласно данным МВД РФ [1], в период с января по декабрь 2016 г. в России было зарегистрировано по ст. 260 УК РФ 14127 преступлений, что выше показателей прошлого года на 0,2%. Общее количество приостановлений по ч. 1 ст. 208 УПК РФ существенно снизилось (на 17.2 %), но при этом вызывает обеспокоенность тот факт, что одновременно произошел рост вынесения постановлений о приостановлении в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (на 5,8%). Таким образом, уголовно-правовая система работает не в полную силу, так как показатели работы правоохранительных органов в области выявления и раскрытия экологических преступлений не высокие.

Существующее положение можно объяснить тем, что следователи действуют в условиях:

1. меняющейся нормативно-правовой базы (в т.ч. включение некоторых деяний в состав уголовно-наказуемых, например, ст. 258.1 УК РФ в 2013 г., постоянные и многочисленные изменения отраслевого законодательства в области экологии, например, водного, лесного, земельного);

2. новых проявлений эволюционирующей преступной деятельности (совершенствования способов совершения этой категорий преступлений, которая все чаще приобретает серийный, организованный, транснациональный характер) и повышения уровня противодействия расследованию;

3. не сформированного до конца представления если не о приоритете, то хотя бы о значимости экологического благополучия и сохранения окружающей среды, а также степени общественной опасности совершаемых экологических преступлений;

4. отсутствия новых и слабой модернизации старых методик производства предупреждения, раскрытия и расследования экологических преступлений.

Сложившаяся ситуация бурного развития действительности может детерминировать состояние расследования, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными – кризиса. Во избежание этого необходима активизация имеющихся потенциалов, важнейшим из которых видится преодоление отставания развития криминалистического обеспечения, совершенствование криминалистических средств предотвращения и борьбы с незаконными рубками и другими видами экологических преступлений. Полагаем, что совершенствование методики расследования экологических преступлений создаст резервы для оптимизации расследования преступлений рассматриваемой категории.

Вопросы существования и интенсивности научного процесса формирования криминалистических методик расследования определенных видов (групп) преступлений поднимаются многими авторами, в том числе В.П. Лавровым [2, с. 46], Н.П. Яблоковым [3, с. 712], И.А. Возгриным, А.В. Фефилатьевым [4, с. 58], Ю.П. Гармаевым [5], Р.Н. Боровских, М.В. Кардашевской, и другими. Данное направление развития криминалистической методики считаем весьма перспективным, особенно применительно к рассматриваемой нами категории преступлений.

Именно о необходимости безотлагательной разработки частных методик расследования экологических преступлений в условиях усложняющейся экологической обстановки («обвальное загрязнение земли, воздуха, водоемов, истребление животного и растительного мира, систематические нарушения предпринимателями законов об охране природы») более 20 лет назад высказывался В.П. Лавров [2, с. 46].

Анализ учебной литературы позволяет говорить о факте того, что наставление В.П. Лаврова было выполнено, так как в настоящее время

имеются частные методики расследования отдельных видов экологических преступлений, таких как незаконная рубка лесных насаждений (Унжакова С.В., Фомина И.А. и автор настоящей статьи), незаконный вылов водных биологических ресурсов (Корнева Л.С., Щуров Е.А.), незаконная охота (Шалимов А.Н., Егошин В.В.), порча земли (Иванов П.Ю.)

Возникает необходимость выявления и систематизации положений и рекомендаций общих для всех или большинства методик расследования отдельных видов экологических преступлений. При этом необходимо учитывать, что указанные частные методики сформированы не для всех видов экологических преступлений, закрепленных (предусмотренных)в главе 26 УК РФ «Экологические преступления», например, отсутствуют для таких как: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ; нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов; нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами; нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений; нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (дознание) и пр.

Таким образом, криминалистические методики сформулированы для расследования наиболее распространенных видов экологических преступлений. При этом не стоит ориентировать криминалистов на создание методик расследования для каждого из видов преступлений указанной главы УК РФ (например, ст. 246 УК РФ), так как некоторые из них регистрируются крайне редко, являясь не работающими, при этом представляют собой категорию преступлений средней тяжести с соответствующей степенью общественной опасности.

По нашему мнению, существует несколько возможных направлений совершенствования методик расследования отдельных видов ЭП, которые в результате могут привести к созданию общей методики расследования преступлений данной категории.

Одним из таких направлений является совершенствование научных основ организации расследования экологических преступлений в целом. Элементами этого направления могут быть общие положения планирования, выдвижения версий, формулирования типичных следственных ситуаций.

Другим направлением может являться исследование тактики производства наиболее типичных для расследования экологических преступлений следственных действий, в особенности осмотра места происшествия, осуществления допросов.

Еще одним возможным направлением совершенствования методики расследования экологических преступлений можно признать исследование специфики взаимодействия субъектов расследования экологических преступлений, в том числе следователя с оперативными работниками, специа-

листами (в том числе ихтиологами, специалистами-дендрологами, ветеринарами и пр.), органами местного самоуправления, общественностью и средствами массовой информации.

Кроме этого заслуживает особого внимания исследование наиболее часто выявляемых при расследовании причин и условий, способствующих совершению экологических преступлений, а также мер по их устранению.

Исходя из указанных выше направлений и формулируя специфику тактики назначения и производства исследований и экспертиз, необходимо учитывать общие (традиционные, применяемые при расследовании преступлений самых различных видов), а также и специализированные виды, типичные именно для расследований экологических преступлений. Последнее специализированное можно разделить на две большие группы: 1) общие для расследования всех или многих разновидностей экологических преступлений (трасологические, криминалистические экспертизы оружия, боеприпасов и следов их применения, криминалистические исследования документов, экспертизы орудий и средств совершения преступлений, биологические, судебно-медицинские, психофизиологические с использованием полиграфа, портретные (по фотографиям и видеоизображениям), КЭВМИ и пр.); 2) характерные только для расследования отдельных видов таких деяний (экологические, судебные экспертизы дикой флоры и фауны, дендрохронологические, ихтиологические, орнитологические, энтомологические, ботанические, зоотехнические, агротехническая, почвоведческая, ветеринарная и пр.)

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость совершенствования методики расследования экологических преступлений, включения в нее положений о применении современных способов раскрытия и расследования, обобщения и систематизации имеющихся частных криминалистических методик, что может способствовать созданию методики расследования экологических преступлений в целом. Решение этой важной и сложной задачи возможно только силами научного коллектива криминалистов, криминологов, специалистов в области уголовного права и процесса.

---

1. Система ЕИТКС. 2016 г.
2. Лавров В.П. Предмет, история и методология криминалистики: Лекция. М.: ЮИ МВД РФ, 1994. 50 с.
3. Криминалистика: учебник/под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 752 с.
4. Курс лекций по криминалистике. Для слушателей следственного факультета ЮИ МВД России. Выпуск 12 /Под ред. Доктора юридических наук, профессора Е.Р. Россинской. М.: Юридический институт МВД России, 1990. 86 с.

5. Гармаев Ю.П., Боровских Р.Н. Концептуальные основы формирования укрупненных криминалистических методик расследования преступлений// Академическая мысль. Академия управления МВД России. № 1. С. 72.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильева Мария Александровна. Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления НИЦ.
Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: экологические преступления, методика расследования, частная методика расследования, экспертиза, исследование.

УДК 343.98

Васюков В. Ф.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

В статье раскрываются отдельные аспекты расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных единиц, правила осмотра информационных ресурсов, на которых содержатся данные об электронных кошельках.

С каждым днем информационно-телекоммуникационные технологии становятся более удобными в использовании во всех сферах деятельности. С помощью них в настоящее время решаются многие проблемы, сокращаются сроки получения услуг, обеспечивается доступ к широкому спектру профессиональных ресурсов. Вместе с тем, благодаря информационным технологиям, революционные изменения претерпевают и догматические общественные институты. Не стали исключением платежные системы.

Знаковым событием в информационном пространстве стало создание в 2009 году платежной системы Bitcoin (англ. bit — единица информации «бит», англ. coin — монета; далее – биткоин), в результате чего между специалистами в области информационных технологий используется термин «криптовалюта».

Криптовалюта - явление, обозначающее электронный механизм денежного обмена, а также децентрализованное цифровое платежное средство. Технической особенностью криптовалюты является ее формирование из последовательной структуры различных символов - букв и цифр, оснащенных криптографической защитой. Сохранность так называемых «монет» обеспечивается электронными кошельками, создаваемыми самостоятельно пользователями. По своей сути электронный кошелек криптовалюты представляет собой определенную совокупность данных о количестве биткоинов, их пополнении и списании на другие кошельки и банковские электронные счета [1].

Работоспособность технологии криптовалют обеспечивается посредством неизменяемых учетных книг, распределенных баз данных, в которых фиксируется, какие ресурсы принадлежат конкретным пользователям. При осуществлении транзакций в цепь событий добавляются дополнительные блоки данных [2].

Функционирование криптовалюты базируется на децентрализованности. Действие такой сети основано на равенстве всех её участников. В ней отсутствуют специальные выделенные серверы, а каждое периферийное устройство (узел) является как клиентом, так и выполняет функции сервера. Данная организация работы поддерживает бесперебойность сети при любом количестве и любом сочетании периферийных устройств. Единого эмиссионного центра, который выпускает криптовалюту, нет. Каждый владелец электронного кошелька является банком, и масса периферийных электронных устройств с кошельками по всему миру образуют огромный распределённый банк. Эта система полностью автоматическая и работает круглосуточно. Она никем не контролируется. Криптовалюта не привязана ни к какой национальной валюте, а её курс регулируется рыночными отношениями, то есть зависит от спроса и предложения [3].

Главным же преимуществом криптовалюты является, с одной стороны, отсутствие технической возможности подделки электронных «монет», с другой стороны, – анонимность пользователей электронных кошельков. В связи с этим достаточно объяснима популярность технологии блокчейна среди преступных формирований, в том числе организовывающих незаконную реализацию наркотических средств.

Так, в августе 2015 года на территории г. Саранска Республики Мордовия было создано преступное сообщество в целях совместного систематического совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет наркотических средств на территории Российской Федерации, в том числе на территории г. Саранска Республики Мордовия, которым и руководили.

Участники преступного сообщества в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, до-

бытыми преступным путем, по указаниям организаторов и руководителей преступного сообщества открывали виртуальные интернет-счета для получения оплаты за проделанную работу в виде криптовалюты (биткоинов), а также счета в АО «QIWI-Банк», ООО НКО «Яндекс. Деньги», ПАО АКСБ «КС Банк», ПАО «Сбербанк России», ПАО «Банк Открытие», как на свои имена, так и на имена третьих лиц для использования в качестве электронных кошельков и банковских счетов, куда посредством перевода денежных средств из криптовалюты в российские рубли через он-лайн биржу перечислялись легализованные от незаконного оборота наркотических средств денежные средства.

При допросе одного из «операторов» преступного сообщества удалось установить, что оплата работы участников происходила с биткоин-кошельков, для входа в которые необходимо было зарегистрироваться на электронном интернет-ресурсе. При каждом входе на данный сайт появлялся разовый счет-пароль для осуществления финансовых операций, используя которой можно пополнить счет или перевести биткоины через биткоин-биржу на рубли и в дальнейшем обналичить. Полученные биткоины «операторы» через интернет биржу переводил в российские рубли, после чего российские рубли переводил на их QIWI-кошелек, привязанный к определенному абонентскому счёту, а в последующем с QIWI-кошелька на банковскую карту. В целях наибольшего противодействия усилиями сотрудников правоохранительных органов и придания законного, легального вида денежным средствам, полученным от незаконного оборота наркотических средств, фигуранты использовали карты, оформленные на третьих лиц [4].

Между тем, как справедливо отмечается В.Б. Веховым, в действующем отечественном законодательстве в настоящее время отсутствуют нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с оборотом криптовалюты, а также с созданием и функционированием соответствующих платежных систем. В связи с этим правоохранительные органы оказались не в полной мере готовы эффективно противостоять новым видам преступных посягательств, связанных с оборотом электронных денег [5].

Оставляя за рамками настоящей статьи проблемы формирования системы научного знания о противодействии преступлениям, осуществляемым с использованием криптовалюты, обозначим вопросы осмотра интернет-ресурса, на котором была обнаружена информация о манипуляциях фигуранта с электронными «монетами», имеющая значение для уголовного дела.

Как уже нами отмечалось выше, сведения о производимых транзакциях с помощью биткоинов представляют собой определенную совокупность электронных данных. Типичная страница биткоин-кошелька представляет собой информационный ресурс с данными о проведенных транзакциях, текущем балансе, настройках аккаунта пользователя. Особое зна-

чение имеет информация о биткоин-адресе (указывается в нижней части страницы), который используется для идентификации получателя (отправителя) при совершении каждой транзакции. Данная информация представляет собой набор цифр и латинских букв (27 - 34 символа), формирующих уникальный код (идентификатор) кошелька. Биткоин-адрес может быть представлен в виде QR-кода – криптограммы в форме квадрата, расположенного в черной неоднообразной сетке на белом фоне, который может считываться посредством извлечения данных из шаблонов в горизонтальных и вертикальных компонентах изображения.

Главная задача следователя – своевременно зафиксировать в ходе осмотра электронного устройства (мобильного телефона, планшета, ноутбука, стационарного компьютера) необходимую информацию. Для этого в протоколе указывается тип, модель, форм-фактор, идентификационные данные осматриваемого устройства. Далее протоколируется алгоритм обращения к интересующему электронному кошельку, указывается пароль и логин используемого аккаунта, адрес ссылки кошелька [6]. Также указываются данные, обнаруженные на странице под вкладками:

1) «Главная» - приводятся общие сведения о транзакциях, балансе, биткоинт-адресе;

2) «Мои транзакции» - указываются подробные сведения о произведенных транзакциях, ссылках получателей, отправителей, дата и время отправления, количество отправленных электронных «монет»;

3) «Импорт/экспорт» - обозначаются данные об отправленных и полученных биткоинах.

Важно отметить, что действия следователя при проведении следственного действия должны сводиться только к описанию сведений, отображаемых на странице. В данном случае каждая вкладка с информацией биткоин-кошелька фиксируется с помощью фотоаппарата либо с использованием технической возможности изготовления снимков экрана (скриншотов), которые помещаются в иллюстрационную таблицу (приложения к протоколу). Все остальные манипуляции с электронными данными производятся только в присутствии специалиста в сфере информационно-телекоммуникационных технологий!

В заключение следует отметить, что криптовалюта, обозначаемая как феномен института платежных систем, становится удобным инструментом реализации преступных замыслов. Соответственно, рекомендации, раскрывающие организационные и тактические особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, в скором времени будут значительно востребованы.

---

1. Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8-10.

2. Малышко М.В. Криптовалюта: биткоин и его правовой статус // Научный альманах. 2016. № 10-1(24). С. 209-215.
3. Мещеряков В.А., Бондарь А.О. Перспективы применения технологии блокчейн в информационной безопасности и цифровой криминалистике // Охрана, безопасность, связь. 2016. № 1-1. С. 12-17.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия по делу № 1-102/2017.
5. Вехов В.Б. Национальные и международно-правовые проблемы противодействия преступлениям в сфере оборота криптовалюты // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник научных статей, посвященный 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта. 2017. С. 233-239.
6. Шолохов С.В., Коргин А.В., Васюков В.Ф. К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. Орёл, 2015. С.343-349.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васюков Виталий Фёдорович. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: расследование, следователь, криптовалюта, биткоин, осмотр, транзакции, технологии, наркотические средства.

УДК 343.1

Ветрова О. А.

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВАМИ 21 И 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Научная статья посвящена проблемным вопросам выявления отдельных преступлений, предусмотренных главами 21 и 22 УК РФ, приводятся статистические данные по Орловской области, а также указаны пути решения проблем при выявлении преступлений в сфере экономики.

Сложившаяся в настоящее время структура преступлений экономической направленности представляет серьезную угрозу прежде всего для бюджетной системы государства, что обуславливает необходимость переориентации органов внутренних дел именно на выявление и раскрытие преступлений экономической направленности, а также разработки новых, более эффективных методов выявления и расследования указанных преступлений.

Традиционно к преступлениям экономической направленности относятся мошенничество, присвоение и растрата, незаконное предпринимательство, криминальные банкротства, налоговые преступления и другие. При этом, характеризуя преступность в экономической сфере, практически все исследователи говорят о ее высокой степени латентности (скрытый, замаскированный характер).

Сегодня принято связывать недостатки в выявлении и расследовании преступлений экономической направленности с несовершенством законодательства, в том числе уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, банковского и др. Однако лишь изменением регулятивной нормативной базы всех проблем не решить. Не меньшее, а зачастую и большее значение имеет методическое обеспечение деятельности правоохранительных органов, ориентированное на разработку и совершенствование криминалистических рекомендаций по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики.

Охрана собственности, составляющей экономическую основу государства, является одной из важнейших задач, возлагаемых на органы внутренних дел.

Под преступления в сфере экономической деятельности подпадает весьма обширная группа различных видов преступных деяний, имеющих сходство в особенностях предмета посягательства, в структуре способа и обстановки совершения преступления, в типологических особенностях личности правонарушителей. Такие деяния в основном охватываются составами преступлений, предусмотренных ст. 171, 171.1, 174, 174.1, 176, 177, 185.1, 186, 187, 193, 195, 196, 197 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации. Предмет названных посягательств в конечном счете составляют денежные средства государства, предприятий, граждан в рублевом эквиваленте и иностранной валюте, а также какой-либо товар, имущество, ценности.

Если говорить более предметно, на примере Орловской области, то следует отметить, что руководством УМВД России по Орловской области принимаются меры по активизации работы по выявлению, предупреждению и пресечению наиболее значимых преступлений экономической направленности.

Так, за январь-август 2017 года подразделениями ЭБиПК ОВД по Орловской области выявлено и зарегистрировано 469 экономических преступлений, из них 447 - следствие по которым обязательно, и 80 – с квалифицирующим признаком «в крупном размере». За отчетный период количество преступлений, предусмотренных главами 21 и 22 УК РФ, выявлено следующее: 26 - по ч.2-4 статьи 160 «Присвоение и растрата», 40 – по ч.2-4 статьи 159 «Мошенничество» (гл. 21), 7 - по ст. 174, 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами, преступным путем» и «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершенного им преступления» [1].

Как видно, спектр экономических преступлений достаточно широкий, и при выявлении некоторых видов из них сотрудники УЭБиПК УМВД России зачастую сталкиваются с определенными проблемами, в частности:

- длительностью проведения ревизий финансово-хозяйственной деятельности предприятий, в том числе по установлению размера их дохода, суммы ущерба, причиненного хозяйствующему субъекту, что приводит к сбору большого объема документации, используемой в дальнейшем в качестве доказательной базы;

- при определении фактически выполненных работ при строительстве и капитальном ремонте объектов возникает необходимость привлечения эксперта, обладающего специальными познаниями, а иногда и проведение строительно-технической экспертизы. Такой вид экспертизы достаточно дорогостоящий и проводится на безвозмездной основе только в рамках возбужденного уголовного дела;

- при документировании ряда преступлений экономической направленности, существуют разногласия со следственными органами при квалификации преступлений. Зачастую следователями выдвигается версия об отсутствии субъективной стороны - умысла на совершения деяния и т.д.

При выявлении экономических преступлений сотрудники УЭБиПК УМВД России сталкиваются с затягиванием возбуждения уголовных дел со стороны сотрудников следственных органов, при этом делаются ссылки на неполноту собранной документации либо проведенных исследований, которые возможно провести на стадии предварительного следствия. В лучшем случае уголовное дело возбуждается в отношении неустановленных лиц, а в подавляющем большинстве случаев материал возвращается для проведения дополнительной проверки, что приводит к нарушению УПК РФ.

С целью получения и закрепления доказательств практически всегда необходимо проведение некоторых следственных действий с участием специалиста непосредственно после возбуждения уголовного дела с целью получения и закрепления доказательств [2].

На практике же получается, что эти действия проводятся спустя продолжительное время и становится малоэффективным (например, допросы, обыски).

Существенные изменения в работу сотрудников оперативных подразделений УМВД России внесены постановлением Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», ограничивающие практику использования ОРМ «оперативный эксперимент» и рекомендующие проведение работы только в рамках заявлений, подкрепленных опросом заявителя.

При поступлении оперативно значимой информации о совершении преступлений и возникновении необходимости проведения мероприятия «оперативный эксперимент» органами предварительного следствия предъявляется требование о предоставлении оснований для проведения такого мероприятия, а именно опроса лица, от которого поступила информация, хотя данное действие не находит законодательного закрепления. Данная ситуация может привести к утечке и расшифровке источника.

По преступлениям экономической направленности (ст. 159,160 УК РФ), совершенным в составе группы лиц, ОПГ, не дается оценка результатам оперативно-технических мероприятий (сводки ПТП, НАЗ и НВД), не проводятся фоноскопические, лингвистические, психологические экспертизы (комплексные), которые могут установить факт осведомленности всех участников группы о преступлении, определить роль каждого участника.

При выявлении и расследовании экономических преступлений практически по каждому уголовному делу возникает необходимость получения образцов голоса подозреваемых для проведения экспертиз. Проведение данного ОРМ осложнятся по различным причинам, поэтому еще до реализации оперативных материалов необходимо предусмотреть и провести необходимые ОРМ, которые в случае отказа лица предоставить образцы голоса позволит провести соответствующие экспертизы.

Также следует отметить, что при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности и оперативном сопровождении уголовных дел указанной направленности необходим системный подход привлечения к уголовной ответственности лиц, изобличенных в такого рода преступлениях. Это позволит не допустить привлечения к ответственности за единичный факт противоправной деятельности, а скоординировать деятельность по принципу «неотвратимость наказания» за каждый факт преступной деятельности.

Наряду со всеми сложностями, с которыми сталкиваются сотрудники УМВД России по Орловской области при выявлении преступлений экономической направленности, имеется положительная тенденция по выявлению преступлений указанной категории.

Поэтому наиболее эффективными являются меры, направленные на своевременное прогнозирование и нейтрализацию возможного оказания противодействия фигурантам преступления. И основная тяжесть в этом ложится на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в обязанности которых входит системное и грамотное ведение оперативной работы [3].

---

1. Информация предоставлена ИЦ УМВД России по Орловской области. // 57.mvd.ru.
2. Семёнов Е.А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе (теоретические, процессуальные и организационные аспекты): Монография / Е.А. Семёнов. – Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2012. С. 40-60.
3. Ветрова О.А. Особенности выявления, расследования коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами (на примере Орловской области) // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. С. 80-84.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ветрова Оксана Александровна. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: экономические преступления, оперативно-розыскные мероприятия, особенности выявления преступлений в сфере экономики.

УДК 343.1

Виноградова В. А.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье анализируются нормы действующего законодательства, согласно которым педагог и психолог при расследовании преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, выполняют разные задачи, а также формулируются предложения о наделении психолога рядом

дополнительных прав в целях получения от малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего полных и правдивых показаний.

Проблемы участия педагога, а затем и психолога в уголовном судопроизводстве находятся в фокусе научного внимания, им посвящен ряд интересных теоретических и прикладных работ. Однако дополнительное регулирование в федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ условий привлечения указанных специалистов к проведению следственных действий вынуждает нас снова обратиться к ним.

Психическое расстройство или отставание в психическом развитии несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте от 16 до 18 лет, учитываемые при решении вопроса о приглашении педагога или психолога для участия в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний на месте, должны подтверждаться соответствующими медицинскими документами, приобщаемыми к уголовному делу, или иными доказательствами (заключением специалиста, показаниями свидетелей) [1].

В статье 191 УПК РФ теперь предусмотрено участие в следственных действиях педагога и психолога, если так можно выразиться, на альтернативной основе. Закон не дает формальных ориентиров следователю в выборе специалиста в области педагогики и психологии в анализируемой ситуации. Буквальная его трактовка означает, что следователь может пригласить для участия в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний на месте любого из названных в ч. 1 ст. 191 УПК РФ специалистов.

Комментируя изменения в ст. 191 УПК РФ, В. В. Кальницкий и Е. Г. Ларин обоснованно обращают внимание на то, что ими «предусмотрена альтернатива в участии специалиста: ранее это был только педагог, теперь — педагог или психолог» [2]. К сожалению, авторами не поясняется причина такого нововведения в УПК РФ. Может быть она связана с тем, что педагог с учетом его специализации, компетенции объективно не в состоянии оказывать практическую помощь участникам следственного действия по вопросам, относящимся к сфере специальных познаний другого специалиста –психолога? Здесь же остается открытым и другой вопрос: насколько эти специалисты взаимозаменяемы и правильно ли поступает законодатель, допуская участие в следственных действиях только одного из них?

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [3] и от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3, от 2 апреля 2013 г. № 6, от 29 ноября 2016 г. № 56) конкретных разъяснений по поводу оснований приглашения к участию в

следственных действиях педагога и психолога также нет. Однако очевидно, что педагог и психолог — разные специалисты. Они могут решать задачи, относящиеся только к сфере их профессиональной деятельности, компетенции.

Надлежит отметить, что до 2013 г. УПК РФ не предусматривал приглашение психолога для участия в следственных действиях, субъектом которых является несовершеннолетний потерпевший или свидетель. В законе речь шла только о педагоге. Федеральным законом от 12 декабря 2013 г. № 432-ФЗ рассматриваемая ситуация подверглась дополнительному регулированию, и новым участником следственных действий при определенных условиях стал психолог. Приглашение последнего уже предписывалось при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 425 УПК РФ). Поэтому проблема разграничения оснований вовлечения в уголовный процесс педагога и психолога стояла и раньше [4].

Применительно к допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого учеными-процессуалистами высказываются суждения о том, что педагог или психолог функционально выступает здесь в роли специалиста [5].

Так, презюмируется, что роль названных участников — использование данных педагогики или психологии при подготовке, проведении допроса и фиксации показаний допрашиваемого. Педагог или психолог призван способствовать созданию нормальной обстановки допроса, установлению контакта с несовершеннолетним, постановке корректных с точки зрения педагогики и психологии вопросов, правильности и полноте записи показаний допрашиваемого в протоколе. В этих целях педагог или психолог наделяются определенными правами, предусмотренными ч. 5 ст. 425 УПК РФ, которые должны быть разъяснены им до начала допроса [6].

Как считает В. А. Семенцов, участие педагога или психолога в допросе помогает следователю наладить с несовершеннолетним контакт, что очень важно для установления обстоятельств совершения преступления, роли в нем несовершеннолетнего, а также изучения его личности [7].

Таким образом, приведенные доктринальные положения не позволяют четко разграничить функциональное назначение педагога и психолога в случае их участия в допросе несовершеннолетнего. Более того, согласно фактически общепринятому в уголовно-процессуальной теории (которая в данном случае зеркально отражает действующее законодательство и воспринимает последнее некритически, что называется «на веру») подходу в понимании роли педагога и психолога при допросе несовершеннолетнего, следуя которому они могут заменять друг друга, поскольку якобы способны решать тождественные задачи, о которых говорилось выше. Однако с этим вряд ли можно согласиться.

Системный анализ норм УПК РФ, регулирующих вопросы привлечения к участию в следственных действиях педагога и психолога, одно-

значно указывает на то, что в законе данным специалистам отводится самостоятельная роль. Прямым подтверждением этому служит ч. 4 ст. 191 УПК РФ, предусматривающая обязательное приглашение психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. О педагоге в указанной норме речи не идет.

По обсуждаемому вопросу интересной позиции, как представляется, придерживаются Е. В. Марковичева и Л. Г. Татьянина. Ученые обращают внимание на то, что изначально в УПК РФ понятия «педагог» и «психолог» рассматривались как синонимичные. В федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ предпринята попытка развести данные понятия. Наряду с закреплением в ст. 5 УПК РФ понятия «педагог» (п. 62) логически обоснованным было бы и отражение в ней понятия «психолог». Авторы также показывают недостатки в правовом регулировании порядка участия педагога и психолога в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (не предусмотрено их участие при получении объяснений у несовершеннолетнего до возбуждения уголовного дела; нестыковка ч. 4 ст. 191 и ч. 1 ст. 280 УПК РФ в части участия психолога при допросе несовершеннолетнего потерпевшего на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства и др.) [8].

В связи с неполнотой, противоречивостью и динамичностью нормативной основы привлечения педагога и психолога к следственным действиям с участием несовершеннолетних потерпевших, недостаточным уровнем научной разработки проблем применения уголовно-процессуального законодательства в этой части страдает качество расследования уголовных дел о преступлениях против несовершеннолетних, поэтому требуется подготовка соответствующих научно-практических рекомендаций, в которых целесообразно отразить основания и порядок приглашения педагога и психолога при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. Принципиально при подготовке таких рекомендаций, как представляется, следует принять во внимание следующие обстоятельства:

1. Педагог и психолог — сведущие лица в разных областях знаний. Педагог специализируется в воспитании и обучении людей, в том числе малолетних (детей) и несовершеннолетних. Психолог — специалист в вопросах закономерностей развития и функционирования психики как особой формы человеческой жизнедеятельности. Конкретной отраслью психологии является жизнедеятельность несовершеннолетних (подростков). С помощью психолога, в частности, устанавливается способность малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего с учетом его психического со-

стояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правдивые показания. Кого из указанных специалистов следует приглашать для участия в следственных действиях, субъектом которых является несовершеннолетний потерпевший, следователь должен решать с учетом конкретных обстоятельств дела, компетенции (специализации) педагога и психолога. Поскольку педагог и психолог, в силу принадлежности к разным отраслям знаний, решают неодинаковые задачи, не исключена практическая потребность совместного их участия в следственных действиях по уголовным делам о преступлениях, совершаемых против несовершеннолетних.

Точно так же, как педагог не способен заменить психолога, последний объективно не может заменить, «вытеснить» из уголовного процесса специалиста в области психиатрии, имеющей собственный предмет познаний. Поэтому вполне естественно, что в практике уголовного судопроизводства проводятся комплексные психолого-педагогические и психолого-психиатрические экспертизы [9]. По указанным причинам, имея в виду специализацию и самостоятельность таких отраслей знаний (наук), как педагогика, психология и психиатрия, для отражения в УПК РФ особенностей досудебного и судебного производства с участием малолетних и несовершеннолетних законодателю предпочтительнее придерживаться схемы «педагог» — «психолог» — «психиатр» вместо закрепленной в законе «педагог или психолог» - «психиатр».

2. В настоящее время объективно наблюдается своеобразная «психологизация» расследования уголовных дел определенных категорий, к которым относятся и дела о преступлениях против несовершеннолетних [10].

3. В статье 191 УПК РФ не перечислены права педагога и психолога в связи с участием в следственных действиях. В части 3 ст. 425 УПК РФ указаны права педагога и психолога применительно к допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Они ограничены правом этих участников с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы допрашиваемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Напрашивается вывод, что ч. 5 ст. 425 УПК РФ должна применяться по аналогии и при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. Но процессуальные фигуры «подозреваемый», «обвиняемый», «потерпевший» принципиально отличаются. Процедура допроса малолетних и несовершеннолетних потерпевших не может быть одинаковой с порядком допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, достигшего 14 или 16 лет. Различен и круг обстоятельств, подлежащих доказыванию с помощью педагога и психолога в зависимости от того, какое процессуальное положение занимает в деле несовершеннолетний.

Представляется, что психолога в связи с участием в следственных действиях в порядке ст. 191 УПК РФ целесообразно дополнительно наделить правами: задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы законному представителю несовершеннолетнего потерпевшего (его ответы могут помочь психологу оценить способность несовершеннолетнего воспринимать и воспроизводить информацию, относящуюся к делу); высказывать свое мнение следователю, дознавателю о времени, месте проведения следственного действия, его продолжительности; ходатайствовать перед следователем, дознавателем об истребовании материалов, могущих иметь значение для установления способности давать показания несовершеннолетним потерпевшим; приносить жалобы на действия (бездействие) дознавателя, следователя.

---

1. Вдовцев П. В. К вопросу об участии педагога (психолога) в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2(8). С. 75–77 ; Марковичева Е. В., Татьянина Л. Г. Указ. соч. С. 133–138.
2. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Указ. соч. С. 19.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 9.
4. Тетюев С. В. Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого : монография / под ред. А. В. Кудрявцевой. М., 2006. 176 с.; Бычков А. Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 227 с. ; Марковичева Е. В. Использование специальных знаний по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 187–191.
5. Семенов Е.А. Врач, педагог, психолог, переводчик и их правовое положение в уголовном процессе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 503-508.
6. Производство дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних : учеб.-практ. пособие / Б. Б. Булатов [и др.]. М., 2003. С. 30–31.
7. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006. С. 165.
8. Марковичева Е. В., Татьянина Л. Г. Указ.соч. С. 133–138.
9. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. 192 с.; Марковичева Е. В. Использование судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в доказывании по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 31–35 ; Петровская М. С. Психолог и педагог в системе участников процесса // Вестник СамГУ. 2011. № 1/2(82). С. 235–240.

10. Хмелева А. В. К вопросу об использовании специальных знаний психолога при расследовании преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : мат-лы 5-й междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 490–493.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградова Варсеник Артуровна. Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: малолетний, несовершеннолетний, потерпевший, допрос, очная ставка, опознание, педагог, психолог.

УДК 343.1

Волынский А. Ф.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИХ ЗНАНИЙ

Научная статья посвящена современным проблемам уголовного процесса и криминалистики как следствию дифференциации их знаний.

Криминалистика, по выражению Р.С. Белкина, своим рождением обязана криминалистической технике, призванной способствовать решению задач собирания, исследования и использования доказательств в целях раскрытия и расследования преступлений. Важнейшим элементом в ее системе изначально была криминалистическая экспертиза следов преступлений, которая получила признание в уголовном процессе, как известно, раньше, чем сама криминалистика[1].

В зависимости от социально-экономических условий жизни общества и господствовавших в нем идеолого-политических воззрений в разных странах сформировались несколько различающиеся в организационном и правовом отношении модели криминалистики: австро-германская, или немецкая (основоположник Г.Гросс), романская (А.Бертилльон, А.Р. Рейс), англосаксонская. Последняя своеобразное развитие в форме полицейского расследования получила в США[2].

Российская модель криминалистики возникла и формировалась вначале с ориентацией в основном на немецкую, а в советское время, оказавшись под влиянием господствовавшей тогда идеологии, приобрела определенные особенности, суть которых заключалась в консервативно-бюрократических идеологизированных подходах к решению организационных и правовых проблем использования возможностей криминалистики в борьбе с преступностью. И это при том, что теоретические разработки методологически важных проблем криминалистики как отрасли научного знания (предмет, природа, система и т.п.) получили определенное развитие и, по крайней мере, заслуживают внимания, но не формального отрицания.

Между тем в последние годы появился ряд публикаций, авторы которых по-революционному, бескомпромиссно ниспровергают, прежде всего, методологические основы отечественной криминалистики, обвиняя ее в излишней приверженности материалистической диалектике, в необоснованном использовании при формировании ее предмета такой философской категории, как теория отражения, в излишней затеоретизированности и догматизме, в иных «смертных грехах» и даже в «репрессивной сущности». И, наконец, делается вывод о кризисе отечественной криминалистики. Правда, при этом после эмоционально-крикливой критики прошлого, своеобразного ответа на вопрос «кто виноват?» нет четко выраженного ответа на вопрос «а что делать?», кроме общих ссылок на опыт западноевропейских стран[3].

При этом авторы таких публикаций не замечают прямой зависимости криминалистической науки и практики от медленно и противоречиво происходящих в нашей стране организационных и правовых реформ, в том числе в системе судопроизводства. Они видят первопричину современных проблем отечественной криминалистики в прошлом, во влиянии на ее развитие идеологических догм и тому подобных факторов, и меньше всего обращают внимание на современное состояние нашего общества, на искусственное ограничение возможностей криминалистики в системе средств доказывания по УПК РФ, на «суетливую» реорганизацию системы правоохранительных органов, наконец, на очевидное жесткое противоречие уровня развития техники собирания и исследования доказательств с исторически сформировавшимися столетие назад организационно-правовыми формами технико-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности в общей системе организации раскрытия и расследования преступлений. Но нельзя, невозможно критикой и огульным отрицанием прошлого добиться успеха в настоящем и обеспечить поступательное развитие в будущем.

Анализ таких публикаций и реальных современных проблем организации раскрытия и расследования преступлений приводит к выводу о наличии кризиса (если уместно о нем говорить) не криминалистики, а той системы организационного и правового обеспечения реализации ее воз-

можностей в деятельности правоохранительных органов и судов, которая сложилась к настоящему времени, причем в значительной мере стихийно. Этим в конечном итоге предопределено наличие ряда концептуально важных проблем так называемого криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений и явно актуализировавшуюся необходимость их решения. Обозначим лишь некоторые из них.

1. Организационно-научная проблема, явно обострившаяся в связи с отпочкованием судебной экспертизы от криминалистики. Дифференциация научного знания на определенном этапе развития любой науки – естественный процесс, закономерное явление. В данном случае это способствовало активизации научных исследований общей теории и таких методологически важных для судебной экспертизы понятий, как предмет, природа, задачи, методы, система и др. Это, безусловно, положительно сказалось на совершенствовании имеющихся и создании новых методик судебно-экспертных исследований, особенно в условиях появления новых видов судебных экспертиз, востребованных в современной практике раскрытия и расследования.

Однако отпочкование судебной экспертизы, особенно криминалистической, от материнской науки предопределило и негативные последствия для практики использования ее возможностей в раскрытии и расследовании преступлений. В области судебной экспертизы по-прежнему доминируют научные исследования, касающиеся ее общеметодологических проблем как отрасли научного знания, проблем самоутверждения, роста самосознания науки. Некоторые ученые до сих пор спорят по поводу ее названия («теория судебной экспертизы», «экспертология», «экспортика» и т.д.), не придавая значения тому, что любое название будет условным, и следовало бы просто договариваться или на очередной конференции проголосовать. Между тем спор по этому поводу даже у сторонних наблюдателей вызывает вопрос: «Какая же это наука, если за 40 с лишним лет она не определилась даже со своим названием?»

Следует признать неснижающуюся активность научных разработок проблем методического обеспечения отдельных видов экспертиз. Но производство экспертиз не самоцель, а средство раскрытия и расследования преступлений, средство решения задач судопроизводства. Следовательно, и в научном плане, и на практике необходимо иметь в виду проблемы организационного, правового обеспечения реализации их возможностей в указанных целях. Целенаправленно данная проблема может и должна решаться в форме криминалистического или научно-технического, в том числе судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Однако до сих пор формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств, рекомендаций (криминалистическое обеспечение) не-

редко путается с их реализацией в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений (с криминалистическим сопровождением) [4].

2. Организационно-правовая проблема, в частности, касающаяся процессуальной независимости судебных экспертов. Особенно острые дискуссии по этому поводу проходили в 60-х годах прошлого века, которые были связаны с «критикой культа личности» и «преодолением его последствий». Именно тогда (1966г.) было принято дополнение к статье 67 УПК РСФСР – п 3 «а», которым запрещалось назначать экспертизы лицам, принимавшим участие в качестве специалиста при осмотре места происшествия по тому же делу. Наглядный пример, когда правовое решение было принято без учета организационных возможностей его реализации и реальных потребностей правоохранительных органов. Что из этого получилось, известно, но проблема по-прежнему остается и требует своего решения. Этого настойчиво добивается Генеральная прокуратура России, возражая при этом против расширения такой практики в условиях сформированной в нашей стране полисистемы правоохранительных органов, в частности, против производства судебных экспертиз в ЭКП СК России[5].

Выход из этого положения, как нам представляется, возможен на пути реформирования экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) системы МВД России и других правоохранительных министерств и ведомств страны, создания на их основе единой межведомственной судебно-экспертной службы и одновременного укрепления системы научно-технических (технико-криминалистических) подразделений, профильно специализирующихся в постоянном сопровождении деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Такие подразделения, по примеру стран Евросоюза, следовало бы наделить правом производства «следственных экспертиз», иначе говоря, признать (при определенных условиях) доказательством результаты проводимых ими так называемых «специальных» и «предварительных» исследований следов преступлений. При этом, как вариант, не исключается возможность формирования, при определенных условиях единой государственной судебно-экспертной службы на базе существующей уже системы судебно-экспертных учреждений Минюста России.

В любом случае эти учреждения нуждаются в дальнейшем укреплении и развитии, что обусловлено существенным ростом по объему и значению гражданско-правовых отношений и связанной с ними судебной практикой, повлекшей значительный рост количества судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам. Следует учитывать и то, что в условиях глобализации экономических отношений, прежде всего, на систему этих учреждений ложится основная нагрузка в части международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности[6].

Существенные резервы в совершенствовании судебно-экспертной деятельности кроются в расширении и укреплении системы частных су-

дебно-экспертных лабораторий, институтов, в том числе создаваемых при вузах страны.

3. Организационно-профессиональная проблема, связанная с необходимостью существования более основательной специализации и судебных экспертов и специалистов-криминалистов, более предметной криминалистической подготовки самих следователей. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая экспертизы совершенно разные по объему и содержанию виды деятельности, предполагающие различную профессиональную подготовку и специализацию выполняющих их сотрудников. Последняя требует универсальной, комплексной специализации в работе с самыми разнообразными по природе и механизму образования следами преступлений, в том числе в полевых условиях, причем умения осуществлять не только их поиск, но и анализ их системы, взаимосвязей и последовательности их образования[7].

Следует учитывать также, что используемая при этом техника стала много сложнее конструктивно и значительно разнообразнее функционально. Ее содержание в состоянии готовности и применение требуют определенных знаний и, самое важное, постоянного практического опыта.

4. Организационно-психологическая проблема, суть которой заключается в том, что сотрудники ЭКП правоохранительных органов, участвуя в собирании следов преступлений, фактически сами себе создают объем будущей экспертной нагрузки, связанной с исследованием таких следов. Более половины из них рассредоточены по территориальным ОВД (в одном из трех по одному). Очевидно, что совмещение ими функции эксперта и специалиста-криминалиста осуществляется не в интересах собирания следов преступлений (фактически объектов в основном ими же проводимых экспертных исследований). На уровне ЭКЦ МВД, ГУВД, регионов традиционно обеспечивается узкая экспертная специализация. И легко можно себе представить насколько профессионально выполняют функции специалиста-криминалиста эксперты-узкопредметники (бухгалтера, химики, физики, автотехники и т.п.), не имеющие системной юридической подготовки, но выезжающие по графику дежурств на осмотры мест происшествий. В этом кроется основная причина крайне низкой результативности их участия в этом следственном действии (в среднем с одного места происшествия изымается немногим более одного следа).

Попытки МВД РФ повысить эффективность деятельности экспертов ЭКП в качестве специалистов путем совершенствования (оптимизации) отчетов базируются на тех же формальных учетах количества их участий в следственных действиях, потому не дали и не могут дать желаемых результатов[8]. Много важнее совершенствовать не отчеты специалистов, а организацию их деятельности.

5. Учебно-методическая проблема, касающаяся профессиональной криминалистической подготовки субъектов раскрытия и расследования

преступлений, включая экспертов ЭКП ОВД и других правоохранительных органов. Такой подготовки, которая имеет своей целью формирование у обучающихся навыков и умений аналитического мышления в работе со следами преступлений как источниками розыскной и доказательственной информации. В настоящее время она осуществляется узкопредметно, разрозненно по отдельным видам учебных дисциплин, без четко выраженной практической ориентации на общий для них предмет деятельности, на ее конечный результат – на раскрытие и расследование преступлений.

Однако результаты узкопредметного и в основном теоретического освоения положений уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебно-экспертной деятельности и других профессионально ориентированных дисциплин лишь слагаемые (части) того целого, что представляет собой организация раскрытия и расследования преступлений. А эту проблему, по нашему мнению, следует рассматривать не только на узкопредметном, единичном уровне, но и на общем, то есть системно, в комплексе наук уголовно-правового цикла, и даже на всеобщем, т.е. касающемся правовой регламентации деятельности по названным направлениям ее организации как целого[9].

Смею предположить, что в перспективе при таком понимании данной проблемы может быть сформирован самостоятельный учебный курс «Организация и методика раскрытия и расследования преступлений», который следовало бы преподавать на заключительном этапе обучения следователей (дознавателей) и оперативных работников в вузах МВД России и других правоохранительных министерств и ведомств. Во всяком случае такое решение просто необходимо, если иметь в виду их специализацию по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности. При этом организация и методика должны быть представлены в органическом единстве. Это «две стороны одной медали». Первая без второй бесцельна, вторая без первой беспомощна.

6. Проблема изучения и внедрения в следственную практику зарубежного опыта, которая характеризуется формальным «бросанием» из крайности в крайность. Наиболее взвешенно и в разнообразных формах опыт зарубежных криминалистов, в основном западноевропейских стран, воспринимался в дореволюционной России. В советское время по идеологическим соображениям в криминалистике, как и в целом в науке, все зарубежное огульно отвергалось по принципу «не наше – значит не научно». В качестве примера уместно вспомнить критику «лжегенетики», «лжекибернетики» и т.п. факты, которые негативно отражались на развитии и отечественной криминалистики, побуждая ее представителей, в свою очередь, критиковать «реакционную сущность» буржуазной криминалистики.

Но вот парадокс, в условиях социально-экономических преобразований проявилась обратная крайность. Точно так же, как раньше все зарубежное по формальным соображениям огульно отвергалось, в 90-е годы

прошлого века стало безоглядно насаждаться под предлогом демократизации и либерализации системы судопроизводства нашей страны, причем без учета ее географических, исторических, демографических, экономических, геополитических и тому подобных особенностей. Более того, делалось это избирательно, поэтому вне внимания творцов действующего УПК РФ остались проблемы криминалистической практики, решение которых по примеру зарубежных стран, действительно, могло бы способствовать укреплению правоохранительных органов в их деятельности по раскрытию и расследованию «рыночных преступлений». В известной мере это касается и оперативно-розыскной деятельности[10].

В условиях первоначального накопления капитала приоритетной оказалась задача обратного порядка – ослабления правоохранительных органов. Этой цели послужило, в частности, создание по примеру США полисистемы правоохранительных органов вместо ранее действовавшей моносистемы без учета принципиальных различий правовых систем и, соответственно, без предоставления вновь созданным министерствам и ведомствам равных организационных возможностей в использовании криминалистических и судебно-экспертных методов и средств.

В заключение заметим, что криминалистика и судебная экспертиза представляют собой органически взаимосвязанные каналы интеграции современных достижений научно-технического прогресса в следственную практику, однако их возможности реализуются пока малоэффективно и во многом остаются потенциальными. Причины такого положения кроются не в кризисе этих наук, а в несовершенстве организации и правового регулирования реализации их возможностей в раскрытии и расследовании преступлений, в их несоответствии современному уровню развития техники собирания и исследования следов преступлений – источников розыскной и доказательственной информации.

Попытки объяснить причины такого положения «советским прошлым», отмечаемые в литературе, неизбежно приводят к неконструктивным, а порой и к ошибочным оценкам ситуации и, как следствие, к несозидательным или даже к вредным предположениям по ее разрешению. Об этом свидетельствуют тезисно обозначенные выше проблемы отечественной криминалистики и судебной экспертизы, большинство из которых обусловлено просчетами в реформировании системы уголовного судопроизводства, правового и организационного обеспечения деятельности правоохранительных органов страны, формальным отношением при этом к многовековому опыту борьбы с «рыночной преступностью» в других странах. Такие проблемы решались и до сих пор решаются с позиций умозрительных представлений отдельных обладающих «административным ресурсом» лиц, а необходим комплекс целевых межнаучных исследований для обоснования с математической точностью выверенных предложений.

1. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
2. Криминалистика. Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ. Закон и право, 2008. С. 133-138.
3. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017; Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики// Международная ассоциация содействию правосудия. URL:http://www.juaj.net/node/342; Терехович В.Н., Ниманде Э.В. Сущность предмета познания криминалистики// Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. №3(4). С.7-13.
4. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Учебное пособие. М.: МосУ МВД России, 2016.
5. О состоянии законности в деятельности государственных экспертных учреждений (подразделений) и негосударственных экспертов // Информационный бюллетень Генеральной прокуратуры России № 1(5). М., 2014. С. 50-69.
6. Хазиев Ш.Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебной экспертизы. Диссертация док. юрид. наук. М., 2016.
7. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист, № 2, 2013. С.18-20.
8. Распоряжение МВД России от 9 апреля 2015 г. № 1/2694.
9. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная проблема // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. №10, 2015. С. 10-14.
10. Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам. М., 2007. С. 42-43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волынский Александр Фомич. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: криминалистика, уголовный процесс, знание, проблемы уголовного процесса и криминалистики, дифференциация.

УДК 343.1

Габараев А. Ш.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

В представленной статье на основе анализа и практики реализации действующего законодательства рассмотрены проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста. В результате автор приходит к мнению, что решение проблем, возникающих у филиалов уголовно-исполнительных инспекции ФСИН России при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста, возможно только при выработке эффективных механизмов взаимодействия контролирующего органа (ФСИН России) со следственными органами, прокуратурой и судом, с одной стороны, и комплексной законодательной регламентацией, с другой. Вносятся предложения по совершенствованию порядка исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

В соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 1 января 2012 года осуществляется применение к подозреваемым и обвиняемым меры пресечения в виде домашнего ареста [2].

Указом Президента Российской Федерации от 30 марта 2012 г. № 351 осуществление функции по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений возложено на Федеральную службу исполнения наказаний [3]. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) являются учреждениями, исполняющими уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде домашнего ареста [4].

Рассматривая исторический аспект применения меры пресечения в виде домашнего ареста, следует отметить, что впервые он был применен в российском судопроизводстве в 1832 году в соответствии со ст. 876 Свода законов и заключался в том, что в доме арестованного находился полицейский, который должен был осуществлять контроль за обвиняемым [7, с.101].

Закрепив исполнение домашнего ареста в ст. 107 УПК РФ, за органами УИС, законодатель поставил перед правоприменителем (УИИ) ряд процессуальных и прикладных проблем, некоторые из которых на сегодня серьезнейшим образом затрудняют исполнение данной меры пресечения [1].

Анализ практики исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста свидетельствует о том, что на сегодня у УИИ территориальных органов ФСИН России отсутствует потенциальная возможность (уголовно-процессуальный и исполнительный механизм) осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и (или) ограничений, установленных судом, в виде общения с определенными лицами; отправки и получения почтово-телеграфных отправлений; использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ст. 107 УПК РФ). Подобным запретам и (или) ограничениям подвергается судом абсолютное большинство подозреваемых или обвиняемых (в среднем в 81,5 % случаев). То есть на сегодня у УИИ территориальных органов ФСИН России отсутствует потенциальная возможность исполнения вышеперечисленных запретов.

Не появилась определенность в данном вопросе и после принятия совместного приказа Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» (далее – Порядок исполнения домашнего ареста) [5].

К сожалению, на сегодня ни УПК РФ, ни утвержденный Порядок исполнения домашнего ареста не дают однозначного ответа на вопрос: «Каким образом УИИ должен осуществляться контроль за запретом на переговоры с использованием любых средств связи и на получение и отправление корреспонденции?»

До утверждения Порядка исполнения домашнего ареста сотрудники УИИ руководствовались Разъяснениями ФСИН России (исх. №-08-24119 от 22.07.2013), где было указано, что уголовно-исполнительные инспекции при установлении судом запретов и (или) ограничений на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, а также на использование средств связи и сети Интернет в день поступления постановления (определения) суда должны обратиться в орган предварительного следствия по вопросу направления им в суд ходатайства о вынесении постановления о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ), о контроле и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186. 1 УПК РФ).

Подобный порядок действий не находил понимания со стороны следственных органов, которые указывали, что наложение ареста возможно только если полученная информация в результате указанных действий (почтово-телеграфные отправления, переговоры по любым средствам связи и т.д.) может представлять значение для уголовного дела. Кроме того, следственные органы справедливо указывали на то, что в обеспечении меры пресечения в виде домашнего ареста направление перечисленных выше ходатайств в суд УПК РФ не предусмотрено.

Возможно, формулируя данный запрет, законодатель, не до конца учел ведомственные нормативные акты, регулирующие порядок оказания услуг в отделениях связи. Правила оказания услуг почтовой связи понятие «письменная корреспонденция» не раскрывают [6]. В то же время более общее понятие – «почтовые отправления» (в том числе пересылаемые в форме электронного документа) подразделяются на виды: почтовая карточка, письмо, бандероль, секограмма, мелкий пакет и посылка (Приложения №№ 1,2 к Правилам оказания услуг почтовой связи). В данной связи именно это понятие более полно и точно отражало бы сущность запрета, возлагаемого на обвиняемого (подозреваемого) судом в рамках реализации положений ст. 107 УПК РФ. Возможно, также есть необходимость указывать на запрет получать и отправлять сообщения по электронным, мобильным каналам связи, предусмотреть для этого технические возможности, фиксирующие эти нарушения, и сделать изменения в соответствующие нормативные акты.

Непонятно, в каком процессуальном порядке и насколько вообще судья вправе, решая вопрос об установлении ограничений, связанных с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста, одновременно решить вопрос о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления обвиняемого (подозреваемого) (ст. 185 УПК РФ); о контроле его телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ). Достаточно ли в этом случае постановления судьи о применении указанной меры, в котором одновременно решен вопрос и о каждом из ограничений, или же ограничение права на почтово-телеграфные отправления и контроль переговоров требуют дополнительных решений суда и, соответственно, дополнительных усилий и аргументов со стороны уголовного преследования?

Кроме того, необходимо учитывать и то, что в квартире, где исполняется домашний арест, проживают родственники, которые не имеют данных запретов, в результате этого отсутствуют юридические основания для отключения сети Интернет, которые зарегистрированы на близких родственников. При этом судебное решение является основанием для временного отключения стационарного телефона, информационно-телекоммуникационной сети Интернет в жилище подозреваемого или обвиняемого. В результате такое решение суда представляется сложно вы-

полнимым при проживании обвиняемого или подозреваемого совместно с семьей или родственниками.

В связи с этим представляется, что судом совместно со следственными органами при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста должен быть определен круг лиц, с которыми запрещено вести переговоры, а также виды почтово-телеграфных отправлений, которые запрещено отправлять и получать, средства связи (телефон, телетайп, факс, радио, электронная почта и др.), запрещенные к использованию.

Таким образом, на сегодня приходится констатировать, что запрет на ведение переговоров с использованием любых средств связи, в том числе сети Интернет, в действительности ни уголовно-исполнительные инспекции, ни орган предварительного расследования проконтролировать не в состоянии. Это пока «неработающая» правовая норма.

Возможно, при вынесении судом постановления об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и установлении ограничения в виде «не получать и не отправлять почтово-телеграфную корреспонденцию, а также не использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, суду в этот же день необходимо вынести постановление о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, производство контроля и записи телефонных и иных переговоров и о получении информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, поскольку лишь в компетенцию суда входят вопросы перлюстрации почтовых отправлений и прослушивания переговоров.

Полагаем, что вышеуказанные сложности применения домашнего ареста обусловлены, прежде всего, недостаточной законодательной регламентацией ее применения, требуют комплексного решения и объективно не могут быть урегулированы посредством только лишь внесения соответствующих дополнений и изменений в УПК РФ (некоторые эксперты считают, что, возможно, требуется разработать и принять федеральный закон о домашнем аресте, устанавливающий правила и порядок исполнения данной меры пресечения). Также очевидно, что решение проблем, возникающих у филиалов уголовно-исполнительных инспекции ФСИН России при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста, возможно только при выработке эффективных механизмов взаимодействия контролирующего органа (ФСИН России) со следственными органами, прокуратурой и судом.

---

1. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия Проф.».

2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия Проф.».

3. Указ Президента РФ от 30.03.2012 № 351 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» [Электронный ресурс]: доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия Проф.».
4. Постановление Правительства РФ от 23.04.2012 № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» [Электронный ресурс]: доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия Проф.».
5. Приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».
6. Приказ Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи» [Электронный ресурс]: доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия Проф.».
7. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. 196 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Габараев Алан Шотаевич. Кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы Центра исследования проблем уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.
Научно-исследовательский институт ФСИН России, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, уголовно-исполнительная инспекция, проблема исполнения, орган дознания, уголовное судопроизводство, следственные органы, уголовный процесс.

УДК 343.1; 343.8

Гаврилов Б. Я.

ИНСТИТУТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена одной из актуальных проблем досудебного производства – институту предъявления обвинения. Анализируется его гене-

зис и современное состояние. Вносится предложение по его исключению из УПК РФ.

Институт привлечения в качестве обвиняемого за столетие своего существования в российском уголовно-процессуальном законодательстве выработал устойчивый стереотип его неотъемлемости. Большинство ученых как советского периода, так и настоящего времени единодушны в том, что предъявление обвинения занимает центральное место в стадии предварительного расследования.

Озвученные нами несколько лет назад в ряде публикаций [1] предложения о реорганизации данного процессуального института, имеющие своей целью исключение его из структуры предварительного следствия и замену на порядок уведомления лица о подозрении в совершении преступления при возбуждении уголовного дела по факту совершенного деяния (по аналогии с дознанием), были негативно восприняты отдельными учеными. Высказанное нами мнение представлялось им не соответствующим исторически сложившемуся (с момента принятия УПК РСФСР, 1922г.), а фактически ранее – порядку предварительного расследования в российском уголовно-процессуальном законодательстве, где институт предъявления обвинения являлся важнейшей гарантией обеспечения прав лица, привлекающегося к уголовной ответственности.

Рассмотрение данной проблемы в ходе проведения 9 декабря 2009 года в Академии управления МВД России «круглого стола», в работе которого приняли участие ведущие российские ученые, практические работники Генеральной прокуратуры РФ, НИИ Академии Генеральной прокуратуры, представители Следственного комитета при МВД России, Следственного комитета при прокуратуре РФ и др., показало, что предложения по реорганизации данного процессуального института вызвали острую научно-практическую дискуссию, в ходе которой свою точку зрения высказали как сторонники, так и противники этих изменений [2].

В частности, при аргументации позиции о невозможности столь радикальных преобразований в российском уголовном процессе [3] участниками «круглого стола» делались ссылки на нарушения в результате исключения из УПК РФ предъявления обвинения требований ст.ст. 47-49 Конституции РФ, гарантирующих права обвиняемого, в том числе право на защиту и презумпцию невиновности.

Эта позиция видится нам не столь однозначной по ряду причин:

во-первых, анализ норм Конституции РФ свидетельствует о том, что термин «обвиняемый» используется в ней как более широкое, родовое понятие лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений, и включает в себя подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного, не проводя между ними градации, свойственной нормам УПК РФ[4]. Исходя из этого, изъятие норм, касающихся привлечения в качестве обви-

няемого, в том смысле, в котором это понятие сформулировано в УПК РФ, не повлечет за собой нарушения, предусмотренные нормами Конституции РФ гарантий прав личности;

во-вторых, что касается обеспечения действия основного конституционного права лица, вовлеченного в сферу уголовного процесса, на квалифицированную юридическую помощь (ст. 52 Конституции РФ), то в настоящее время этот вопрос решается иначе, чем это было до 2001 года, когда потребность сохранения процессуальных норм, регламентирующих предъявление обвинения, обуславливалась тем, что данный процессуальный институт являлся одним из правовых оснований (моментов) допуска защитника к участию в уголовном деле.

Данный тезис обуславливался тем, что по УПК РСФСР 1960 г. защитник к участию в уголовном деле допускался только по завершению предварительного следствия. А по уголовным делам, расследованным в форме дознания, участие защитника УПК РСФСР вообще не предусматривалось. И лишь Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июля 1972 г.[5] в эти правила были введены ряд исключений, предусматривающих допуск защитника к участию в деле по постановлению прокурора с момента предъявления обвинения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и ряда других лиц, в том числе обвиняемых в совершении преступлений, за которые могла быть назначена смертная казнь. Закон РФ от 23 мая 1992 г.[6] закрепил возможность допуска защитника к участию в уголовном деле вне зависимости от формы расследования (в том числе по делам органов дознания) с момента предъявления обвинения, а при задержании лица в качестве подозреваемого или заключения его под стражу до предъявления обвинения – с момента предъявления ему протокола задержания или постановления о применении данной нормы пресечения.

Однако только спустя десятилетие, а также под непосредственным воздействием решения Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. №11-П по делу В.И. Маслова[7] участие защитника в уголовном деле предполагалось с момента начала производства в отношении заподозренного лица конкретных следственных действий по его изобличению в совершении преступления. Непосредственные изменения УПК РФ, предусматривающие участие защитника с момента его возбуждения в отношении конкретного лица, внесены Федеральным законом от 20.05.2001 № 26-ФЗ [8].

В действующем УПК РФ по-новому определены моменты допуска защитника к участию в производстве по уголовному делу. Подозреваемому в совершении преступления предоставлено право пользоваться услугами защитника с момента возбуждения уголовного дела[9], задержания, вручения уведомления о подозрении в совершении преступления[10], объявления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, с момента начала

осуществления иных мер процессуального принуждения или процессуальных действий, затрагивающих его права (указанное Постановление Конституционного Суда РФ по делу гражданина В.И. Маслова).

Таким образом, из сопоставления норм УПК РФ и Конституции РФ усматривается, что основания допуска защитника к участию в деле для отстаивания интересов подозреваемого и обвиняемого на ранних этапах предварительного расследования по УПК РФ существенно шире, чем это закреплено в Конституции РФ. По этому вопросу В.В. Лазарев отмечает: «Так как последняя устанавливает лишь минимальные стандарты гарантий прав обвиняемого и подозреваемого, это не лишает возможности законодателя в отраслевом законе расширить объем средств по обеспечению права на защиту указанных субъектов уголовно-процессуальных отношений»[11].

Противников идеи реформирования института предъявления обвинения отнюдь не смущает и его отсутствие, по сути, при производстве дознания, где лицо пребывает в статусе подозреваемого вплоть до окончания дознания и составления обвинительного акта, за исключением заключения подозреваемого под стражу и невозможности в течение 10 дней закончить дознание составлением обвинительного акта. При этом хотелось бы заметить, что за пятнадцать лет действия УПК РФ дознавателями по упрощенной форме предварительного расследования (без института предъявления обвинения) направлено в суд более 4,5 млн. уголовных дел, по которым ни одно из осужденных лиц не обращалось ни в Верховный Суд РФ, ни в Конституционный Суд РФ в связи с ограничением их конституционных прав.

В случае же возбуждения подлежащего расследованию в форме дознания уголовного дела по факту совершенного преступления законодатель указанным выше Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ дополнил УПК РФ статьей 223^1 УПК РФ, налагающей на дознавателя обязанность уведомлять лицо о наличии в отношении него подозрения в совершении преступления. Аналогичное дополнение следует внести и при производстве предварительного следствия, поскольку, например, по уголовным делам об экономических преступлениях проходит нередко несколько месяцев и более после возбуждения уголовного дела до момента, когда лицу будет предъявлено обвинение.

По-нашему мнению, которое поддерживается учеными-процессуалистами Омской Академии МВД России Егоровым С.Е. и рядом других[12], а также большинством практических работников, предъявление обвинение в условиях перехода российского уголовно-процессуального законодательства на охранительный характер стало, по сути, правовым анахронизмом.

Более того, до внесения Федеральным законом от 27.07.2014 № 269-ФЗ изменений, предоставляющих суду право возвращения уголовных дел

прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (п. 6 ч. 1 данной статьи) при наличии оснований для переквалификации деяния на более тяжкое, создалась тупиковая ситуация в случаях необходимости возвращения уголовного дела для перепредъявления обвинения на более тяжкое. Обусловлено это тем, что в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П его пункт 3 описательной части продекларировал, что при возвращении уголовного дела прокурору по основаниям п.1 ч.1 ст. 237 УПК РФ (по данному основанию судом возвращалось 95% дел) процессуальные нарушения, являющиеся препятствием для рассмотрения дела судом, не должны «касаться ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации, а их устранение не предполагает дополнения ранее предъявленного обвинения»[13]. Тем самым установлен запрет изменения обвинения на более тяжкое при возвращении судом уголовного дела прокурору, чему в научных публикациях уделено значительное место[14].

Другая правовая ситуация заключается в том, что при выявлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, не соответствующих изложенным следователем в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (например, по дате или месту совершения преступления, сумме причиненного вреда и др.), вполне обоснованно встает вопрос о возвращении уголовного дела судом прокурору для перепредъявления обвинения, негативным последствием чего является значительное увеличение сроков предварительного следствия (порядка 1,5 месяцев) и судебного разбирательства (примерно на 2,5 месяца), а в худшем случае – о вынесении оправдательного приговора, что на практике неоднократно имело место. Тем самым правосудие приносилось в угоду формальным требованиям закона.

На наш взгляд, исключение института предъявления обвинения позволило бы следователю, дознавателю в указанных выше случаях после возвращения судом уголовного дела прокурору пересоставить обвинительное заключение (обвинительный акт) и вновь после утверждения прокурором указанного обвинительного документа направить уголовное дело в суд.

Данный тезис основан на системном анализе действующего УПК РФ в совокупности с решениями по данному вопросу Конституционного Суда РФ, которые позволяют утверждать, что судебное разбирательство должно производиться в пределах и объеме обвинения, изложенного в обвинительном заключении (акте). Конкретными аргументами этого являются:

во-первых, правовое содержание пункта 1 части 1 статьи 237 УПК РФ предполагает, что пределы судебного разбирательства по уголовному делу устанавливаются не объемом предъявленного обвинения, как это было по УПК РСФСР (ч. 1 ст. 254), а определяются обвинительным заключением (обвинительным актом), поскольку его составление с нарушением норм УПК РФ, а не содержание предъявленного обвинения исключает

возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения;

во-вторых, констатация в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. №6-П, в той его части, где юридически презюмируется, что пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)[15].

Проведенный М.Ю. Колбеевой [16] анализ рассмотренных судами уголовных дел свидетельствует, что по 62,6% из них окончательное обвинение следователь предъявлял в момент окончания расследования и после допроса лица в качестве обвиняемого незамедлительно приступал к выполнению требований ст.ст. 215-217 УПК РФ, предъявляя материалы уголовного дела для ознакомления потерпевшему, обвиняемому и его защитнику. По абсолютному большинству уголовных дел на выполнение требований ст.ст. 215-217 УПК РФ затрачивается в среднем 2-3 часа, после чего следователь, составив обвинительное заключение, в этот же день направляет уголовное дело прокурору.

Аналогичная временная ситуация фактического предъявления обвинения в форме обвинительного акта (постановления) сложилась и при окончании расследования уголовного дела в форме дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме, когда по его завершению дознаватель составляет указанный документ, в котором сформулировано обвинение в совершении преступления, об обстоятельствах которого лицо было допрошено ранее в качестве подозреваемого, а процессуальные права которого практически идентичны правам обвиняемого.

Все изложенное позволяет утверждать, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого не согласуется с современной системой досудебного производства. В этой связи нами предлагается внести соответствующие изменения в действующий УПК РФ, предусматривающие замену института предъявления обвинения на процессуальные нормы об уведомлении лица о возникновении в отношении него обоснованного подозрения в случае возбуждения уголовного дела не в отношении конкретного лица, а по факту противоправного деяния.

Предлагаемое законодательное решение призвано способствовать упрощению досудебного производства по уголовному делу и в целом уголовного судопроизводства и позволит государству значительно сократить бюджетные расходы на эту сферу деятельности. Одновременно это обеспечит разрешение правовыми средствами проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для перепредъявления обвинения на более тяжкое за счет, фактически, пересоставления обвинительного заключения, не выходя за пределы объема расследованного уголовного дела.

Данные предложения призваны способствовать развитию юридической мысли по совершенствованию российского уголовно-процессу-

ального законодательства и, в первую очередь, его досудебной стадии. Предпосылки для этого сегодня уже созданы.

---

1. Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Монография. М., 2004. С.355; Он же. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 21-22 и др.
2. Материалы круглого стола «Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения» (Академия управления МВД России) // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 9-16; Андреев А.В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: автореф.. конд. юр. наук.- М., 2017 и др.
3. Ульянова Л.Т. Материалы круглого стола «Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения» (Академия управления МВД России) // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 10 и др.
4. Михайловская И.Б. Материалы круглого стола «Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения» (Академия управления МВД России) // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 12 и др.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. №26. Ст.663.
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. №25. Ст.1389.
7. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. N 11-П // СЗРФ. 03.07.2000. N 27. Ст. 2882. (автор принимал участие в его заседании как официальный представитель МВД России).
8. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Федеральный закон от 20.03.2001 №26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №13. Ст.1140. (непосредственно внесение данной поправки в УПК РФ было инициировано автором и поддержано депутатом Комитета по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ (П.В. Крашенинников, Е.Б. Мезулина) и представители Администрации Президента РФ).

9. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002г. N 58-ФЗ (ред. от 08.12.2003) /СЗ РФ. 03.06.2002. N 22. Ст. 2027.
10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06 июня 2007 г. N 90-ФЗ // СЗ РФ. 11.06.2007. N 24. Ст. 2833.
11. Лазарев В.В.Научно-практический комментарий к Конституции РФ. Система Гарант 2003.
12. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого. Учебно-практическое пособие. Омск : Академия МВД России, 2007; Егоров С.Е. Материалы круглого стола «Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения» (Академия управления МВД России) // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 11 и другие.
13. По делу о проверке конституционных положений статей 125, 219, 227, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. №51. Ст.5026.
14. Петрухин И.Л. Доследование: расхождения закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8. С.27-30; Оксюк Т.Л. Возвращение уголовного дела прокурору// Уголовный процесс. 2005. № 1. С.23-30, Ткачев А.И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию. Монография. – Томск; Издательство Томского университета. 2008. С. 41.
15. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. №6-П // Собрание законодательства РФ. 2007. №22. Ст.2686.
16. Колбеева М.Ю. Понятие и значение привлечения в качестве обвиняемого в структуре расследования преступлений // Российский следователь, 2010. № 16. С. 19-21; она же. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дисс… канд… юрид… наук. М. Академия управления МВД России, 2013 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Борис Яковлевич. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений.
Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: уголовное дело, предъявление обвинения, защитник, предварительное следствие, дознание.

УДК 343.1

Гирько С. И.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуальной компетенции органов дознания, уголовно-исполнительной системы (УИС), начальников учреждений и органов УИС, лиц, осуществляющих дознание, через призму их право- и дееспособности как самостоятельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности по УПК РФ.

Анализ специальной литературы в части освещения различных аспектов уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой органами и должностными лицами уголовно-исполнительной системы (далее УИС), показывает, что в последние годы внимание к названной проблеме не только не ослабевает, но, более того, активизируется.

В статье, посвященной правовому положению учреждений и органов ФСИН России (Федеральной системы исполнения наказаний Российской Федерации – авт.), Никифоров Л.В. опубликовал авторское определение уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России, под которой он понимает определенную нормами уголовно-процессуального законодательства систему целенаправленных процессуальных действий должностных лиц УИС, реализуемую в процессуальном порядке, отражающуюся в уголовно-процессуальных актах и имеющую своим назначением достижение целей уголовного судопроизводства, а также призванную обеспечить полное, безусловное и реальное исполнение вступивших в законную силу приговоров суда и актов других юрисдикционных органов, поступивших в органы и учреждения ФСИН России[1].

Не вдаваясь в анализ содержания приведенного определения, отметим, что цитируемый автор в контексте сформулированной дефиниции упоминает уголовно-процессуальную компетенцию как УИС, так и ФСИН России. Случайно ли это? Не думаем. Тем более что в приведенной публикации Л.В.Никифоров предлагает уточнение ряда законодательных актов в целях детализации, закрепления и упорядочения таких полномочий.

Деятельность органов дознания в Федеральной службе исполнения наказаний исследована в статье с аналогичным названием Т.Г.Николаевой [2]. Автор приходит к выводу о наличии у сотрудников и должностных лиц УИС потребности в уголовно-процессуальных полномочиях, предлагает ввести специализацию по дознанию и делает заключение, что ФСИН России является органом дознания.

Публикация А.В. Кубасова, освещающая наиболее типичные недостатки и нарушения уголовно-процессуального законодательства, допускаемые в практике деятельности по производству дознания сотрудниками УИС, а также реальное распределение уголовно-процессуальных полномочий среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, относит к числу начальника органа дознания как субъекта уголовно-процессуальной деятельности: начальника учреждения УИС, начальника территориального органа УИС, директора ФСИН России, начальника оперативного отдела и др.[3]

Проблемы органов дознания в УИС, их процессуальный статус, компетенция по выполнению уголовно-процессуальных функций учреждений, органов, а также должностных лиц УИС и органов в системе ФСИН России в своих научных публикациях рассматривали С.Н. Куницин [4], М.А. Бородкин [5], Н.В.Митин [6], О.А.Малышева [7], Ю.Н.Спиридонова[8] и другие многочисленные исследователи.

В контексте настоящей публикации необходимо отдельно выделить исследования А.А.Крымова [9], посвятившего свою докторскую диссертацию проблемам уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов УИС и разработавшего концепцию совершенствования этой деятельности.

Следует заметить, что все перечисленные исследования объединяет одно общее начало – они отталкиваются от практической компоненты тех или иных полномочий самостоятельных участников уголовного судопроизводства, функционирующих в УИС. И, действительно, сложившиеся в практике уголовно-исполнительной системы проблемы ее уголовно-процессуальной компетенции демонстрируют очевидную дистрофичность уголовно-процессуального статуса системы как таковой. Но современное состояние процессуального статуса ФСИН России также негативно отразилось на правовом положении отдельных ее субъектов. О данной ситуации красноречиво свидетельствуют выводы вышеприведенных научных исследований. Очевидно, что затягивание процесса разрешения сложившихся проблем уже сейчас приводит к негативным последствиям, на что достаточно убедительно указывают ученые.

Между тем, несмотря на кажущуюся очевидность ситуации, очень важно проанализировать закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве России полномочия учреждений и органов УИС, а также должностных лиц через призму общетеоретических подходов к понятиям

уголовно-процессуальных правоотношений, требованиям к участникам уголовного процесса, выявить соответствие или отсутствие такового у должностных лиц и органов, призванных выполнять уголовно-процессуальные функции в УИС.

Анализ уголовно-процессуальных правоотношений, на наш взгляд, предполагает рассмотрение структурных элементов правоотношений – субъектов, объекта, содержания, а также таких предпосылок, как соответствующие нормы права, юридические факты и правосубъектность участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Для уяснения сущности уголовно-процессуальных отношений, а также пределов участия в них УИС как полифункционального и комплексного субъекта важно понять:

каким образом теория уголовного процесса интерпретирует уголовно-процессуальные отношения;

соответствуют ли процессуальные задачи, решаемые учреждениями и органами УИС, уголовно-процессуальным функциям и в какой мере;

какими обязательными признаками обладают субъекты уголовно-процессуальных отношений и какие именно органы УИС являются таковыми.

Уголовно-процессуальные правовые отношения определяются как возникающие на основе закона конкретные связи между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, характеризующиеся наличием субъективных уголовно-процессуальных прав и обязанностей [10].

М.С. Строгович считал правоотношения одновременно методом правового регулирования и способом реализации правовых норм, а также результатом правового регулирования. Уголовно-процессуальные отношения он рассматривал как правовую форму уголовно-процессуальной деятельности, а саму деятельность – как содержание уголовно-процессуальных отношений [11].

Данной проблеме в теории уголовного процесса уделено достаточно много внимания. Точки зрения различных авторов можно условно свести к двум позициям: одни ученые стараются максимально заузить сферу применения уголовно-процессуальных отношений, а другие, напротив, пытаются расширить процессуальные возможности различных субъектов.

На наш взгляд, правы те, кто считает, что уголовно-процессуальные правоотношения являются средством правового упорядочения (когда права и обязанности рассматриваются в виде регулятора общественных отношений) и его результатом (когда права и обязанности уже охватили фактическое общественное отношение и оно приобрело урегулированный вид).

В чем же состоит регулирующая функция уголовно-процессуальных отношений?

Уголовно-процессуальная норма всегда направлена на упорядочение вида общественных отношений. Поэтому права и обязанности, содержа-

щиеся в норме права, предназначены для вида субъектов, и содержание этих прав и обязанностей носит достаточно общий характер. Реально в уголовном процессе всегда действуют определенные лица и в конкретных обстоятельствах. Последние вызывают необходимость в конкретных регуляторах. Ими выступают определенные субъективные права и обязанности.

Рассмотрим ситуацию, когда, к примеру, срок содержания под стражей обвиняемого или подозреваемого истек, а от следователя или дознавателя не поступило постановление об освобождении. В этом случае регулятором общественных отношений является закрепленное в ст. 49, 50 Федерального закона № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», принятом 15.07.1995г., право начальника места содержания освободить своим постановлением подозреваемого или обвиняемого из-под стражи.

Таким образом, в механизме правового регулирования уголовно-процессуальные правовые отношения выполняют функции:

закрепления круга лиц, на которых в каждый конкретный момент распространяется действие правовой нормы;

закрепления модели поведения, которому могут или должны следовать субъекты.

Правовой статус любого субъекта, в том числе лица, которому поручено производство дознания, начальника места содержания под стражей (начальника ИВС) и т. п. не может состоять из одних лишь обязанностей или, наоборот, прав. Он всегда включает как права, так и юридические обязанности.

Кроме того, применительно к процессуальному статусу УИС представляется правильным утверждение, что в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности обязательным субъектом уголовно-процессуального отношения является должностное лицо или орган, ответственные за решение задач уголовного судопроизводства на соответствующей стадии процесса [12].

Тем самым правовое регулирование завершается реализацией правовых отношений, т. е. совершением действий (воздержанием от них), составляющих содержание прав и обязанностей. Именно от реальных человеческих действий зависит работа правового механизма.

Обосновывая содержание правосубъектности УИС как участника уголовного процесса, нельзя оставить без внимания проблему уголовно-процессуальных функций.

В настоящее время существуют несколько принципиально различных подходов к ней.

Именуемый традиционным, допускает лишь три функции, связанные с основными направлениями деятельности: обвинением, защитой и разрешением дела [13].

Кстати сказать, именно к числу этих функций относится основная деятельность УИС на стадии досудебного производства в уголовном процессе (производство дознания, оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений и др.).

С принятием Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174 – ФЗ многолетняя дискуссия в литературе о понятии и видах уголовно-процессуальных функций получила завершение, поскольку в ч.2 ст. 15 Кодекса закреплен традиционный подход разделения процессуальных функций: «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга...»

Поддерживая мысль, что функциональная структура уголовно-процессуальной деятельности не может ограничиться анализом трех традиционно выделяемых процессуальных функций, необходимо иметь в виду методологические правила, лежащие в основе функционального анализа уголовно-процессуальной деятельности:

1. Анализу функций должен предшествовать тщательный анализ задач и целей уголовного судопроизводства, поскольку каждая функция прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно вытекает из задач и целей процесса.

2. В любой выделенной системе функций должна четко просматриваться связь между ними, поскольку функции всегда взаимосвязаны.

Многоцелевой и многоаспектный характер уголовно-процессуальной деятельности не позволяет привести исчерпывающий перечень всех процессуальных функций, реализуемых в ходе уголовного судопроизводства, перечислить всех субъектов, исполняющих такие функции. Однако такое исследование можно провести в локальном аспекте, применительно к УИС, ее учреждениям и органам, а также должностным лицам, обладающим специфической правосубъектностью.

Общей теорией права к его субъектам относятся граждане и организации, выступающие как носители установленных законом прав и обязанностей, т. е. физические и юридические лица, которые признаются законом способными иметь права и обязанности.

Исходя из этого, общие требования, предъявляемые к любому субъекту уголовно-процессуальной деятельности, должны отражать признание за ним по закону уголовно-процессуальных прав и обязанностей, включая обладание процессуальной право- и дееспособностью.

Способность субъекта быть участником уголовного судопроизводства, иметь уголовно-процессуальные права и нести обязанности есть его уголовно-процессуальная правоспособность, а его способность лично, самостоятельно осуществлять в процессе свои права и обязанности – уголовно-процессуальная дееспособность. Оба этих понятия выражают правовую возможность субъекта уголовно-процессуального права осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Понятие процессуальной правосубъектности, включающее в себя право- и дееспособность, имеет непосредственное значение для характеристики тех общественно-юридических свойств организаций и должностных представителей определенных государственных органов, которыми их наделил законодатель.

В отношении субъектов уголовно-процессуальной деятельности, осуществляющих в уголовном судопроизводстве властные полномочия, можно констатировать, что у них процессуальные право- и дееспособность полностью совпадают. Способность обладать процессуальными правами и исполнять процессуальные обязанности, т. е. наличие у них правоспособности, практически всегда означает, что у них есть и уголовно-процессуальная дееспособность, проявляемая в определенной деятельности, в волевых действиях субъекта, совершаемых им лично.

Закон предоставляет процессуальные права и возлагает процессуальные обязанности в зависимости от того, кем конкретное лицо является в уголовном процессе. Однако безотносительно к этомупроцессуальное право субъекта всегда означает, что оно:

принадлежит определенному субъекту (органу или должностному лицу);

порождается только законом;

обеспечивается соответствующими гарантиями;

осуществляется для отстаивания в процессе охраняемых законом государственных или общественных интересов;

наделяет субъекта возможностью совершать определенные действия от своего имени;

в случае нарушения подлежит защите в установленном законом порядке.

В специальной литературе можно встретить разные системы классификации субъектов уголовного процесса. Причем в их основу положены критерии: роль в осуществлении задач уголовного судопроизводства; объем прав и обязанностей; участие в доказывании. Также могут быть обособлены основные и вспомогательные участники уголовного судопроизводства.

Несмотря на это, в различных системах классификации обязательно выделяются две группы участников, безусловно, интересующие нас с точки зрения процессуальной компетенции УИС:

1. Государственные органы и должностные лица, осуществляющие расследование преступлений: в данном случае это орган дознания и лицо, производящее дознание, а также орган, реализующий функцию ведомственного процессуального контроля за производством дознания.

2. Иные субъекты процесса, содействующие государственным органам в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности (специалисты, понятые, лица, оформляющие судебную процедуру, и др.).

Проведенный нами анализ позволяет классифицировать осуществление УИС уголовно-процессуальной деятельности по форме на основную, обеспечивающую, и вспомогательную, что полностью соответствует теоретическим представлениям об уголовно-процессуальных функциях, а также формирует вывод о наличии уголовно-процессуальной правосубъектности и возможности отнесения субъектов УИС к различным группам участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Другой вывод сводится к тому, что УИС, обладая определенным кругом прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве, реализуя их через свои органы, обладающие индивидуальной правосубъектностью в рамках взаимосвязанных процессуальных функций, по праву может рассматриваться в качестве самостоятельного многофункционального и комплексного субъекта уголовного процесса. Причем этот вывод распространяется на большинство стадий уголовного процесса, но прежде всего на этап досудебного судопроизводства.

В этой связи представляет интерес анализ состояния правовой регламентации процессуальных полномочий учреждений и органов УИС в целом.

Понимая уголовно-процессуальные функции как определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников [14],подчеркнем, что такое назначение может проявляться только в одном каком-либо направлении деятельности.

По мнению М.С. Строговича, общенаучный «подход к проблеме процессуальных функций может придать ей относительную самостоятельность по отношению к иным процессуальным проблемам не только тогда, когда даст в общем интегрированном виде представление об отдельных направлениях деятельности участников процесса, но и тогда, когда представит это направление в виде взаимодействия и обеспечит системное ведение уголовно-процессуальной деятельности»[15].

На наш взгляд, УИС как субъект уголовно-процессуальной деятельности выполняет несколько связанных между собой процессуальных функций. Попробуем раскрыть их содержание.

В контексте настоящего исследования оговоримся сразу: наша позиция основана на том, что УПК РФ только однажды, а именно в ч.2 ст.157, упоминает Уголовно-исполнительную систему в прямой постановке, регламентируя в п.5 указанной нормы полномочия по производству неотложных следственных действий начальников учреждений и органов УИС.

В отличие от иных органов дознания, имеющих достаточно подробную регламентацию в специальных нормах кодекса, УПК РФ относит Федеральную службу исполнения наказаний к числу органов дознания исключительно как иной орган исполнительной власти, наделенный в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению опера-

тивно-розыскной деятельности (пп.1, п.1, ст.40). Право же ФСИН России на осуществление оперативно-розыскной деятельности, как известно, закреплено в п.8 ст.13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Несмотря на это, изъяны правовой регламентации не умаляют статуса УИС (ФСИН России) как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений и, соответственно, не освобождают этот федеральный орган исполнительной власти от уголовно-процессуальных полномочий органа дознания. Автор исходит из того, что разрешение накопившихся правовых проблем и их устранение является лишь делом времени.

Итак, попробуем раскрыть содержание уголовно-процессуальных функций УИС:

1. Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и принятие решения о возбуждении уголовного дела.

Говоря о рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях и принятии решения о возбуждении уголовного дела, следует отметить, что данная процессуальная функция органа дознания регламентирована ст. 144, 145 УПК РФ.

Речь в этом случае идет о деятельности учреждений и органов УИС, должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела. Руководствуясь ст. 144 УПК РФ в целях получения достоверной информации о деянии для принятия решения по существу, уполномоченные на то сотрудники осуществляют проверку сообщения о преступлении. Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях ведомственным актом отнесено к компетенции конкретных должностных лиц: начальников, лиц, их замещающих, либо заместителей начальников учреждений и органов УИС, дежурного по учреждению или органу УИС, на которого возложено принятие мер к его немедленной проверке [16].

Руководствуясь ст. 144 УПК РФ, орган дознания, дознаватель обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания вправе: получать объяснения; образцы для сравнительного исследования; истребовать документы и предметы; изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве, получать заключение эксперта в разумный срок; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов; привлекать к участию в этих действиях специалистов; давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Вопросы организации учета и рассмотрения заявлений и сообщений в учреждениях и органах УИС регламентируются Инструкцией о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах УИС сообщений о преступлениях и происшествиях (далее Инструкция) [17].

Инструкцией определен порядок приема информации о преступлениях и происшествиях. Так, сообщения о преступлениях и происшествиях принимаются в учреждениях и органах УИС круглосуточно старшими оперативными дежурными, оперативными дежурными по территориальным органам УИС, дежурными помощниками начальника учреждения, начальника колонии, начальника больницы, следственного изолятора, тюрьмы (или их заместителями). Допускается осуществлять прием сообщений о преступлениях и происшествиях и другими сотрудниками, специально уполномоченными на осуществление этих функций. Здесь же определено, что при обнаружении признаков преступления сотрудник принимает меры неотложного реагирования (п.п.2,5 Инструкции).

Инструкцией определен также и порядок проверки информации о преступлениях и происшествиях. В частности, начальники, лица, их замещающие, либо заместители начальников учреждений и органов УИС производят неотложные следственные действия по уголовным делам (п.25 Инструкции).

По поступившей информации о преступлениях и происшествиях начальник либо лицо, его замещающее, учреждения и органа УИС обязан дать письменное указание конкретным исполнителям о рассмотрении их в соответствии с требованиями УПК РФ в сроки, предусмотренные ст.144 и 146 (п.29,30).

Совершенно очевидно, что вся деятельность по проверке сообщений о преступлениях регламентирована УПК РФ и, соответственно, является уголовно-процессуальной, а лица, осуществляющие функции по приему, регистрации, проверке и руководству процедурой рассмотрения, являются самостоятельными субъектами уголовного судопроизводства.

Специально определена компетенция оперативного дежурного и любого иного должностного лица, принявшего устное заявление.

Изложенное также свидетельствует и о том, что УИС как субъект, реализующий данную процессуальную функцию, обладает комплексностью. Принятие заявления и сообщения о преступлении осуществляется всегда и любым субъектом – сотрудником УИС, уполномоченным на такие действия.

2. Осуществление дознания. В соответствии со ст. ст. 150, 223 УПК РФ производство дознания осуществляется органами дознания. ФСИН в соответствии с п.1 ч.1 ст.40 УПК РФ является органом дознания как «орган исполнительной власти, наделенный в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». Кодекс не предусматривает какие-либо не оговоренные в нем изъя-

тия из процессуальной компетенции, и, соответственно, УИС обладает всей полнотой уголовно-процессуальных полномочий, присущих органу дознания.

Дознание в соответствии с нормами УПК РФ осуществляется по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно (ст. 223, 223.1, 223.2, 224, 225, 226 УПК РФ); дознание в сокращенной форме по уголовным делам (ст. 226.1, 226.2, 226.3, 226.4, 226.5, 226.6, 226.7, 226.8, 226.9 УПК РФ); проведение неотложных следственных действий по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия (ч.2 ст. 40, ч.5 ст.157 (компетенция начальников учреждений и органов УИС УПК РФ)).

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, основными субъектами процессуальной деятельности, реализующими указанную функцию, выступают орган дознания и дознаватель.

К сожалению, детализация и закрепление правового статуса как дознания в различных формах в целом, так и органа дознания, начальника органа дознания в качестве субъектов процессуальных правоотношений применительно к УИС в УПК РФ до настоящего времени не осуществлены. Однако это обстоятельство не может препятствовать субъектам уголовно-процессуальных правоотношений, относящихся к УИС в реализации ими своих процессуальных полномочий.

3. Обеспечение объективного и полного расследования в форме дознания по делу. В число обязанностей органов дознания в УИС по реализации данной функции, по нашему мнению, можно включить:

осуществление оперативно-розыскной деятельности и принятие иных мер для раскрытия преступлений, а также обнаружения лица, совершившего преступление, материальных и иных следов преступления, производство дознания как такового (ст. ст. 40,40-2,41, 223,226-1 УПК РФ);

организацию охраны места происшествия до прибытия следственно-оперативной группы или места проведения иных следственных действий;

исполнение письменных поручений и указаний дознавателя (п. 1-1 ч.3 ст.41, УПК РФ);

осуществление привода потерпевшего (ч. 6 ст. 42 УПК РФ), свидетеля (ч. 7 ст. 56 УПК РФ) по поручению дознавателя;

розыск обвиняемого по поручению следователя (ст. 210 УПК РФ);

возмещение гражданину ущерба, причиненного незаконными действиями (ст. 134 УПК РФ);

осуществление профилактической деятельности (ч. 2 ст. 158 УПК РФ);

содействие органам предварительного следствия и дознания при производстве следственных действий;

содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых (ст. 108, 109, 110 УПК РФ);

обеспечение деятельности суда, реализации прав и законных интересов граждан, вытекающих из компетенции суда и соответствующих должностных лиц УИС.

Совершенно очевидно, что и на этапах судебного контроля, рассмотрения дела судом, а также приведения судебного решения в исполнение учреждения и органы УИС, их должностные лица обладают значительными по объему процессуальными полномочиями.

Вероятно, из всего многообразия полномочий УИС в уголовном судопроизводстве можно было бы выделить какие-либо особенности, объединенные родовыми признаками, но в нашу задачу входит иллюстрация тех блоков полномочий в рамках уголовного процесса, которые подлежат объединению в категории более общего порядка – функции.

Смысл приведенных положений заключается в том, что для ФСИН России (учреждений и органов УИС) как субъекта уголовного судопроизводства характерна многофункциональность, а также комплексность реализации ими своих процессуальных задач.

На наш взгляд, именно этим определяется правосубъектность ФСИН России как органа дознания и уголовно-исполнительной системы в целом как участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на то, что правовое положение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы как самостоятельных участников уголовного судопроизводства, органов дознания до настоящего времени не сформировано, деятельность должностных лиц и органов, призванных осуществлять функции по дознанию в определенной мере разобщена, лишена единого методического и организационного руководства, но в целом обеспечивает реализацию возложенных на них задач.

Именно исследование ФСИН России, уголовно-исполнительной системы, ее учреждений и органов, должностных лиц, их усилий по реализации задач уголовного судопроизводства как полноценных субъектов уголовно-процессуальных отношений позволяет выявить общие закономерности и подходы, выработать пути оптимизации и повышения эффективности ее деятельности.

---

1. Никифоров Л.В.Правовое положение учреждений и органов ФСИН России в уголовном судопроизводстве//Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (Пермь, март 2012 г.) Пермь: Меркурий, 2012. С. 122-126.

2. Николаева Т.Г. Деятельность органов дознания в Федеральной службе исполнения наказания. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28). 2005.С.165-168.

3. Кубасов А.В. Надзор за дознанием и иной процессуальной деятельностью в уголовно-исполнительной системе. «Законность». 2015.№ 7. С.26-28.

4. Куницин С.Н.Должностные лица органов дознания ФСИН России. Вестник Воронежского института МВД России. № 3.2013. С.167-174; Куницин С.Н. О процессуальном статусе органов дознания ФСИН России. Вестник Воронежского института МВД России. № 4. 2013.С. 103-108.
5. Бородкин М.А.Дознаватель в уголовно-исполнительной системе: перспективы законодательной регламентации. «Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. №1. С.15-17.
6. Митин Н.В. Рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях в учреждениях и органах ФСИН. «Законность». 2013. № 6. С.57-60.
7. Малышева О.А. О необходимости совершенствования правовой регламентации процессуального статуса дознавателя. «Российская юстиция». 2014. № 9. С.20-23.
8. Спиридонова Ю.Н.Проблемы нормативного регулирования уголовно-процессуальной компетенции ФСИН России. Вестник ВИПЭ ФСИН России. № 29. 2015. С. 37-40.
9. Крымов А.А. О необходимости усиления уголовно-процессуального регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы (по материалам опроса сотрудников исправительных учреждений). Пробелы в российском законодательстве. 2014. №2. С.186-191.
10. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1976. С. 85–87.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 30–34; 45–46.
12. Божьев В.П.Указ. соч. С. 157; Шпилев В.Н. Содержание и форма уголовного судопроизводства. М., 1974.
13. См: Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 13.
14. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. 2000 С. 54.
15. Строгович М.С.Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 423.
16. Приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.07.2006 № 8113) www.consultant.ru
17. Приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гирько Сергей Иванович. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник.
Научно-исследовательский институт ФСИН России, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность учреждений и органов УИС; должностные лица УИС – самостоятельные субъекты уголовно-процессуальной деятельности; уголовно-процессуальные правоотношения; правовой статус участника уголовно-процессуальных правоотношений; правосубъектность УИС; уголовно-процессуальная право и дееспособность, как обязательные признаки субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

УДК 343.1

Гончаров М. В., Лукьянчикова С. А.

О ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНЫХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Научная статья посвящена сфере применения судебных психофизиологических экспертиз, проводимых с использованием полиграфа в судебно-следственной практике.

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве занимает ключевое значение. Он имеет свою структуру, которая включает в себя объекты и субъекты доказывания. Основой данного процесса служат различные по своему значению доказательства. Стоит отметить, что они имеют исторический характер, то есть для каждой эпохи характерны специфические доказательства. По мере человеческого развития совершенствовалась и система этих доказательств. Одним из важных открытий в этой сфере стало изобретение на рубеже 20 века прибора, который впоследствии стали именовать полиграфом.

В условиях современности огромную роль приобретает научно-технический прогресс, который с непреодолимой силой внедряется во все сферы общественной жизни, в том числе и в деятельность правоохранительных органов при расследовании уголовных дел. В связи с этим, сфера применения судебных психофизиологических экспертиз (далее – СПЭ), проводимых с применением полиграфа, становится все шире с каждым го-

дом. Мало у кого возникают несогласия по поводу возможности применения данной технологии в производстве по уголовным делам, однако остро стоит вопрос, касающийся способности заключений таких экспертиз иметь доказательственное значение. В этой сфере все участники данного спора поделились на «два лагеря». Одни считают, что результаты проводимых на полиграфе экспертиз, без всяких сомнений, могут выступать доказательством тех или иных фактов в уголовных делах. Другие же уверяют, что это не является возможным в современных условиях. При этом, у каждой из «противоборствующих сторон» существуют свои аргументы в поддержку той или иной точки зрения.

Одни ученые считают, что результаты экспертизы с использованием полиграфа не могут служить доказательством, поскольку степень проработанности данной системы не позволяет исключить возможности допущения ошибок. Однако нужно помнить, что при оценке доказательств необходимо учитывать всю их совокупность, поэтому в случае возникновения неких противоречий можно в очередной раз попробовать все перепроверить.

Кроме того, ошибки могут наличествовать практически в любом из доказательств, например, намеренно подброшенное на место преступления вещественное доказательство. При этом неизбежность ошибок признал даже один из судей Верховного суда РФ, выдающийся юрист России – Колоколов Н. А. на одном из заседаний научно-практического форума «Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью» в апреле 2006 года. Он отметил, что избежать ошибок, а особенно при использовании новых технологий, невозможно. Причем допустить их может любой из субъектов уголовного судопроизводства, а не только лишь эксперт, дающий заключение. В таких случаях доказательства подлежат пересмотру следователем, прокурором или судом при проверке их на наличие обязательных свойств: относимости, допустимости, достоверности [8].

Безусловно, нельзя считать информацию, полученную с помощью СПЭ, абсолютно достоверной и точной, хотя бы потому, что степень изученности человека, а точнее всех протекающих в нем процессов, не достигла должного уровня, чтобы слепо можно было бы довериться такого рода исследованиям. Однако из работ известного процессуалиста Овсянникова И. В., можно судить о достаточно высоких показаниях описываемого прибора. Как отмечает данный ученый, надежность результатов исследований, проводимых на полиграфе, составляла порядка 75%, что неоднократно отмечалось Американской медицинской ассоциацией [3]. Учитывая тот факт, что прошло уже около 20 лет, а так же принимая во внимание то, что технический прогресс не стоит на месте, можно с уверенностью сказать, что на современном этапе данный показатель получил некоторого рода скачок. Об этом как раз свидетельствуют данные ВНИИ МВД России,

работники которого пришли к выводу, что современная надежность СПЭ наиболее дорогих полиграфов доходит до 96%и выше[4].

Некоторые из видных деятелей уголовно-процессуального права, в частности А.М. Ларин и В.А. Панюшкин, однозначно утверждают, что полиграф не может иметь доказательственного значения по причине того, что сам процесс получения информации не может контролироваться лицом, в отношении которого назначена данная экспертиза, в силу этого такое лицо становится не субъектом конкретного процесса, лишь жалким объектом исследования.[2] Однако, не стоит быть настолько категоричным, поскольку у обследуемого полиграфом никто не отнимает права знакомиться с результатами проведенной экспертизы. Такому лицу просто обязаны по его просьбе предоставить на обозрение заключение, а так же всевозможные графики и диаграммы, на которых наглядно видны все колебания и изменения при ответе на тот или иной вопрос, задаваемый экспертом.

О возможности применения СПЭ свидетельствует и опыт зарубежных стран. Так, в Японии полиграфные экспертизы имели доказательственное значение еще с 1959 года в самых низших судебных инстанциях, а уже к 70-ым годам он активно применялся во всех судах, в том числе и Верховном, при этом окончательное решение о признании допустимости данного доказательства принимал судья, ведущий соответствующее производство [12]. В США так же сложился прецедент, согласно которому решение о доказательственном значении СПЭ принимает судья, анализируя все данные, представленные ему [11]. А если уж в таких развитых странах, где НТП достиг высочайшего уровня, интегрированы такие экспертизы, то и в нашей стране стоит утвердить подобные положения.

Некоторые из противников внедрения полиграфа в доказательственную базу полагают, что на данном этапе осуществить заданное будет сложно, поскольку уровень подготовки и количество кадров не соответствуют требуемой планке, эксперт-полиграфолог в силу какой-либо личной заинтересованности, либо заблуждений, либо из-за недостатка опыта запросто может неправильно интерпретировать полученные результаты [5]. Однако разработанная коллективом авторов, к числу которых относятся Иванов Л. Н., Комиссарова Я. В., Пеленцын А. Б., Федоренко В. Н., методика обучения способствовала выработке целой системы профессионального образования экспертов-полиграфологов, которая с годами только лишь укреплялась и становилась сложнее и более проработанной [6]. Кроме того, в настоящий момент к кандидатам на должность полиграфолога предъявляются весьма серьезные требования [7].

Есть среди ученых и те, кто считает, что проведение СПЭ – это самовольное право какого-либо из участников судопроизводства, которым он вправе воспользоваться, но и вправе этого не делать. При этом, сторонники такой мысли ссылаются на положения Конституции РФ (далее – КРФ), закрепившая демократические принципы, предоставляющие каждому чело-

веку и гражданину безграничную защиту их субъективных прав, которая может осуществляться различными по своему значению способами. Кроме того, КРФ в статье 51 закрепляет право лица не свидетельствовать против себя самого.

Такой же позиции придерживается и законодатель в законопроекте о применении полиграфа. Он устанавливает, что применение СПЭ в уголовном судопроизводстве имеет необязательное значение, а применяется лишь по инициативе самого лица-участника уголовного дела [9]. Однако на наш взгляд, данное «нарушение» конституционных прав граждан не является столь грубым, а скорее должно толковаться как необходимое. Так, скажем, в административном законодательстве, так же как и в уголовном действует принцип презумпции невиновности. Однако в связи с техническим развитием деятельности государственных органов, да и всей страны в целом, в определенный момент появились и стали интегрироваться в сферу обеспечения безопасности дорожного движения, так называемые средства фото- и видео-фиксации. В этой связи, ситуация, при которой «потенциальный правонарушитель» не должен доказывать свою невиновность утрачивает всю сущность, а бремя доказывания перекладывается именно на него. И законодатель, судя по всему, твердо уверен в необходимости нарушения указанного принципа в соответствующей сфере, не видя другого выхода. По данным Следственного комитета России при использовании полиграфа в среднем в 53% случаев органы следствия получают важную для расследования преступления информацию [10]. Это в очередной раз свидетельствует о его значении, поскольку результаты полиграфа всегда могут натолкнуть к чему-то, что в свою очередь, возможно, поможет отыскать новые доказательства при расследовании конкретного деяния.

---

1. «Конституция Российской Федерации» от 12.12.1993 (последняя редакция) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс, Код доступа: URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Середнев В.А. Полиграфные проверки в уголовном судопроизводстве: аргументы «Против» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №4 (34). С.221-230.

3. Овсянников И.В. Об использовании полиграфов в уголовном процессе // Правоведение. 1998. № 1, С. 172 – 173.

4. Дельбиева М.А., Анненков С.И., Проверка на полиграфе как нетрадиционный метод допроса// Новая наука: опыт, традиции, инновации, 2017 ,Т.3 №4,С. 193-195.

5.Казанцева Л.С., Полиграф, как средство работы с идеальными следами преступления// Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения, Омск, 2016, С. 94-97.

6. Российская академия полиграфа. [Электронный ресурс]// Код доступа:http://www.psy−expert.com/index/psikhofiziologicheskaja_ehkspertiza_s_ispolzovaniem_poligrafa_prodolzhenie/0-134.
7. Юрина О.И., Лаврентьева И.В., Практика психофизиологических исследований с применением полиграфа на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы // Ученые записки универ-та Лесгафта. 2016. №10 (140). С.270-273.
8. Ефремов И. Полиграф как средство доказывания // ЭЖ-Юрист. 2008. № 30. С. 14−16.
9. Проект Федерального закона N 478780-5 «О применении полиграфа» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.12.2010).
10. Галдин М.В., Черкасова Е.С. О проблемах использования результатов опроса с применением полиграфа в качестве доказательствав уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика, №1, 2011 г., С. 194-202.
11. Васюков В.Ф., К вопросу о доказательственном значении заключения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №2 (43). С.240-243.
12. Ушаков А.Ю., Беркович О.Е., Основные тенденции применения полиграфа при расследовании преступлений в России и за рубежом на современном этапе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1 (29). С.183-186.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончаров Максим Викторович. Курсант факультета подготовки специалистов ГИБДД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Лукьянчикова Светлана Анатольевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: судебная психофизиологическая экспертиза, полиграф, эксперт-полиграфолог.

УДК 343.1

Грибунов О. П., Александров А. Н.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИКИ

В статье на основе исследования ряда криминалистических категорий аргументирована позиция о признании в качестве самостоятельного объекта криминалистического изучения преступлений, совершаемых на транспорте и прежде всего, железнодорожного, воздушного и водного.

Транспорт и транспортная инфраструктура это не только средство передвижения людей и грузов, но и источник повышенной опасности, а также объект преступного посягательства. Учитывая географические особенности, транспортная система России в будущемможет занять важное геополитическое положение в мире, что во многом предопределит ее политику экономического развития. Именно это обуславливает приоритет государства относительно вопросов обеспечение безопасности транспорта и транспортной инфраструктуры, прежде всего, с точки зрения экономического развития. Объем транзита по территории России может составить от 1330 до 4200 тыс. тонн. Ожидается, что почти весь грузопоток будет «контейнеризированным» и может составить примерно 260 тыс. контейнеров. В этой связи Правительство Российской Федерации планирует инвестировать в транспортную сферу порядка 10-12 трлн. руб., что потребует создания правовых и организационных механизмов контроля за обоснованностью и полнотой их освоения, в том числе организационных усилий транспортной полиции по сохранности перевозимых грузов.

На состояние транспортной безопасности оказывают влияние, как преступления общеуголовного характера, так и преступления террористической направленности. В этом смысле государство должно действовать превентивно. И, в последнее время мы наблюдаем, что меры безопасности ужесточаются, так, буквально 5 апреля, после известных событий в Петербургском метро, постановлением Правительства РФ повышены требования по обеспечению транспортной безопасности на метрополитене [1]. 26 апреля 2017 г. принято новое постановление Правительства РФ № 495, которым утверждены требования по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требования к антитеррористической защищённости объектов (территорий), учитывающие уровни безопасности для различных категорий транспортной инфраструктуры и транспортных средств железнодорожного транспорта, вступающие в силу с 1 июля 2017 г.

Транспортный комплекс как объект правоохраны и управления обладает существенной спецификой. Следовательно, не меньшим своеобразием должна отличаться и правоохранительная деятельность в условиях транспорта [2, с. 7]. Внутренняя дифференциация органов внутренних дел и вы-

деление в их составе относительно автономного образования – органов внутренних дел на транспорте, свидетельствуют о бесспорном признании этого факта.

Учитывая вышеизложенное, следует признать, что эффективность обеспечения безопасности на транспорте в целом и напрямую зависит от объема полномочий и ответственности территориальных ОВД на транспорте – транспортной полиции [3, с. 24].

Из всех видов транспорта железнодорожный, воздушный и водный представляют особый вид, которые детально нами рассмотрен ранее [4, с. 10-15]. Поэтому в современных условиях существенно возрастает роль подразделений органов внутренних дел на транспорте, которые обслуживают объекты и инфраструктуру: 16 железных дорог, 14 морских и 34 речных пароходств, 102 речных и 62 морских портов. Протяженность обслуживаемых железнодорожных путей составляет более 56 тыс. км. В зоне контроля ОВДТ также находятся 174 аэропортов, в том числе 71 международный. На объектах транспорта находится 160 пунктов пропуска.

Помимо ОАО «РЖД» железнодорожные перевозки осуществляют порядка 3 тыс. владельцев подвижного состава, как представителей среднего и малого бизнеса, так и крупные компании. В зоне оперативного обслуживания органов внутренних дел на транспорте активно ведут коммерческую деятельность 31 предприятие по строительству, ремонту и обслуживанию морских судов, а также 79 предприятий и организаций по строительству, ремонту и обслуживанию речных плавсредств.

Специфику деятельности ОВДТ по обеспечению правопорядка на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта обусловливают правовые, организационно-управленческие и организационно-тактические аспекты, одним из которых следует признать наличие в структуре ОВДТ оперативных подразделений по борьбе с преступными посягательствами на грузы. Компетенция рассматриваемых подразделений по своему содержательному аспекту является уникальной, так как находится на стыке деятельности по линии обеспечения экономической безопасности транспортной сферы, в части выявления и раскрытия преступлений с участием работников транспорта, так и борьба с преступлениями по линии уголовного розыска, связанными с хищениями перевозимых грузов и др. [5].

Устоявшееся суждение о том, что «объектом криминалистики является функциональная сторона противоправной деятельности, и та система действий и отношений, которая составляет содержание механизма преступления» [6, с. 33] как ничто иное обосновывает право на признание преступлений на транспорте в качестве самостоятельного объекта криминалистики, которое, в том числе, обусловлено организационно-тактическими особенностями выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений на объектах транспортного комплекса.В сред-

нем, по линейному управлению на транспорте в сферу деятельности подразделений входит территория протяженностью от 2000 до 8000 км. По линейным органам внутренних дел на железнодорожном транспорте - от 50 до 200 км, поэтому особенностью организации деятельности подразделений ОВД на транспорте является то, что они должны охватывать все объекты транспортной инфраструктуры на всем протяжении участка своей юрисдикции.

К числу факторов, оказывающих влияние на организацию деятельности ОВДТ относятся: круглосуточный режим работы транспорта; концентрация грузопотока и пассажиропотока на ограниченной территории; скоротечность и быстрота изменений событий и явлений; сезонные, временные, климатические и другие условия, влияющие на интенсивность движения подвижного состава и пассажиропотока; непродолжительность пребывания подвижного состава, грузов и пассажиров на станциях, аэропортах и портах; значительная концентрация людей на вокзалах, станциях, в портах и поездах, интенсивная миграция граждан; сосредоточение на обслуживаемых объектах больших объемов перевозимых грузов, в т. ч. ценных, а также значительная протяженность участков обслуживания.

О специфичности объекта криминалистического изучения преступлений, совершаемых на транспорте, свидетельствуют особенности всех элементов частной методики расследования преступлений. Во-первых, это особенность элементов криминалистической характеристики, которая по справедливому уточнению И.А. Возгрина «… служит для следователей и дознавателей источником отправных (исходных) сведений для организации работы по уголовным делам» [7, с. 298], а именно специфическая обстановка совершения преступлений в транспортной инфраструктуре. Признание обстановки преступлений в качестве системообразующего критерия обусловлено актуализацией в пределах обстановки совершения преступлений ряда общих закономерностей преступной деятельности в указанной сфере: способов совершения преступлений, используемых орудий и средств, комплекса характерных следов; предмета преступного посягательства; криминалистически значимых особенностей субъектов преступления; а также типичных следственных ситуаций, независимо от конкретного вида преступления; универсальностью разрабатываемых программ расследования для всех выделенных видов преступлений.

С учетом системообразующего критерия обстановки совершения анализируемых преступлений и в контексте криминалистического учения о способе преступления классификация способов преступных посягательств зависит от вида транспорта, категории потерпевших и предмета преступного посягательства, в которой системно и последовательно отображается преступный умысел субъектов преступлений. Одной из причин этого, по данным практики и нашим оценкам, является грамотное противодействие со стороны преступников в так называемых особых

обстоятельствах расследования – ситуациях деятельности правоохранительных органов, обусловленных спецификой транспортной инфраструктуры и учетом необходимости времязатратного взаимодействия с территроиальными органами внутренних дел.

Противодействие расследованию посредством способов сокрытия преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, обладает рядом специфических черт и связано, в первую очередь, с особенностями предмета преступного посягательства (частная собственность пассажиров, грузы и пр.), осуществляется путем «скидывания» вышеуказанных объектов во время движения пассажирского состава; места совершения преступления (объекты транспортной железнодорожной инфраструктуры); потерпевших субъектов (физические и юридические лица) и прочих обстоятельств, которые не свойственны аналогичным преступлениям, подследственным территориальным органам ОВД, в связи с чем, оперативно-розыскная и следственная тактика выявления и расследования данных преступлений должна учитывать эти особенности в научно-практическом обосновании криминалистических рекомендаций приемов, форм и средств распознавания элементов данной преступной деятельности.

Комплекс криминалистически значимых признаков субъектов преступлений совершаемых на транспорте, прежде всего, это знания о деятельности объектов транспортной инфраструктуры, что детерминирует выбор способа преступления.

Относительно вопросов взаимодействия, следует заметить важную роль не только взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, но и с иными органами государственной власти и хозяйствующих субъектов (предприятий транспорта). Например, такое достаточно эффективное оперативно-тактическое поисковое мероприятие, как пешая эстафета, проведение которой силами разных отделов полиции без единого подчинения было бы непросто. При линейном подходе требуется учитывать практику нескольких судов, в том числе разных районов и населенных пунктов.

Рассматривая следственные ситуации, следует учитывать материальные, технические и организационные факторы, проявляющиеся в конкретной ситуации. Так, остановка состава, борта, морского или речного судна всегда связана со значительными экономическими затратами и рисками. Необоснованное нарушение срока доставки может зачастую вылиться в огромную сумму неустойки, особенно если речь будет идти о задержке целого железнодорожного состава. Разумеется, экономически нецелесообразно причинять многомиллионный ущерб нескольким коммерческим организациям, раскрывая кражу нескольких коробок продуктов питания либо одежды. Данное обстоятельство относится и к снятию пассажира с поезда, в том числе потерпевшего, это и есть технические и организационные фак-

торы при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте.

Некоторые обстоятельства, формирующие следственную ситуацию, зависят от воли и поведения следователя. Однако существуют и те, на которые повлиять невозможно, например, такие как время года или суток, погодные условия, здоровье одного из участников уголовного процесса и т. д. Например, нет никакого смысла планировать проведение осмотра места с целью поиска предметов, представляющих интерес для следствия, на открытой местности, засыпанной высоким и рыхлым снежным покровом или осматривать железнодорожные пути после того, как по ним прошел снегоочистительный поезд.

При материальной фиксации идеальных следов, особенно в форме записи вербального повествования допрашиваемого, всегда следует удостовериться, что допрашиваемый и допрашивающий используют одинаковые понятия, скрывающиеся под используемой терминологией. Например, слово «башмак», кроме предмета обуви, в железнодорожной терминологии может означать металлическую деталь верхнего строения пути, которую в просторечье железнодорожники называют подкладкой. При этом башмаком они могут в то же время называть, противооткаты. Это совершенно разные предметы и ошибка в названии может очень сильно повлиять на формирование следственной ситуации при дальнейшем расследовании. Аналогичная ситуация и в социуме работников авиационного транспорта. Специфика их деятельности при повышенном уровне требований безопасности на всех уровнях, строгом пропускном контроле также влечет специфическую профессиональную деформацию, используемую в речи терминологию и аббревиатуру, знание которых крайне необходимо следователю или оперативному работнику для эффективного общения и правильного отражения на физическом носителе получаемой информации.

Безусловно, данное направление заслуживает и в дальнейшем детального изучения.

---

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2017 г. № 410 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий метрополитенов» // Российская газета. № 7242 (76). 11 апреля 2017 г.

2. Степаненко Ю.В. Теоретические и прикладные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Москва, 2004, 51 с.

3. Александров А.Н., Тетерюк А.Г. Территориальные органы МВД России на транспорте как субъект обеспечения транспортной безопасности: соотношение объема обязанностей и ответственности // Управление дея-

тельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования) к 40-летию со дня образования ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова: сборник материалов X международной научно-практической конференции / ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова». Орел, 2016. С. 24-29.

4. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: монография. Изд.: Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016, 360 с.

5. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»: указание Ген. прокуратуры РФ и МВД РФ от 13.12.2016. № 797/11. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http//www.consultant.ru. Дата доступа; 18.09.2017 г.

6. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С, Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика: Р.С. Белкин. М.: 3-е изд., перераб. и доп. М. 2012, 990 с.

7. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основные теории, библиография. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2003, 475 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Грибунов Олег Павлович. Доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики.
Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Александров Алексей Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта.
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Ключевые слова: транспорт, расследование преступлений, частная методика, органы внутренних дел на транспорте.

УДК 343.1

Григорьев В. Н., Дикарев В. Г.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье на основе анализа и обобщения нормативно-правовых источников и практики их применения, а также результатов проведенных научных исследований дается определение оперативного внедрения как самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия и на этой основе показываются возможности использования его результатов по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект №16-03-00413.

Анализ деятельности оперативных подразделений МВД России на всех уровнях показывает, что раскрываемость преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в особенности с использованием агентов и доверенных лиц, в настоящее время крайне низка и имеет постоянную тенденцию к снижению. Наибольшая часть наркопреступлений раскрывается за счет использования оперативно-технических средств. Поэтому обращает на себя внимание имеющийся опыт проведения операций по оперативному внедрению в криминальную среду штатных гласных и негласных сотрудников. Указанная форма работы активно использовалась подразделениями по борьбе с организованной преступностью с начала девяностых годов прошлого века. Несколько позже в структуре ГУБОП были созданы управления и отделы оперативного внедрения, организовавшие подбор, назначение, обеспечение и эффективное использование таких лиц. За период применения данного метода оперативно-розыскной деятельности подразделениями по борьбе с организованной преступностью был накоплен существенный опыт, разработаны соответствующие методики, отработаны приемы проведения специальных операций, а также порядок использования полученных при осуществлении оперативного внедрения сведений.

Однако в связи с проведением структурных изменений Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 года № 1316 подразделения по борьбе с организованной преступностью в системе МВД России были упразднены [5], а функции по проведению оперативного внедрения в последующем возложены на департаменты Уголовного розыска, Экономической безопасности и Противодействия экстремизму МВД России, после реорганизации милиции в полицию [3] – на Главное управление уголовного розыска, Главное управление экономической безопасности и противо-

действия коррупции и Главное управление по противодействию экстремизму соответственно. В 2016 году в системе МВД России создано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков (ГУНК) [6]. Все эти изменения в структуре МВД России вызвали повышенный научный интерес к использованию результатов такого оперативно-розыскного мероприятия как «оперативное внедрение» по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Его использование может стать одним изсредств, способным повысить результативность оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в сфере незаконного оборота наркотиков.

На основе анализа и обобщения нормативно-правовых источников и практики их применения, а также результатов проведенных различными авторами научных исследований оперативное внедрение можно определить как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое оперативными подразделениями, основанное на легендированном вводе штатных гласных и негласных сотрудников органов внутренних дел и лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям ОВД, в криминогенную среду и на криминальные объекты с целью разведывательного сбора оперативной информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности, если другие оперативно-розыскные возможности были исчерпаны или не достигли поставленной цели [см.: 24, с. 64; 14, с. 232; 19, с. 361; 20, с. 354; 21, с. 117; 10, с. 8-9; 11, с. 71; 12, с. 23; 13, с. 5; и др.].

Результаты оперативного внедрения являются составной частью всех сведений, получаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], представляющих собой результаты оперативно-розыскной деятельности. Само понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» было представлено в межведомственной Инструкции о порядке предоставления результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 13 мая 1998 г. [7]. В Инструкции результаты ОРД определялись как «фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном законом порядке: о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления; о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших; о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности» (п. 1).

В 2003 году Федеральный закон от 04.07.2003 N 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2] вводит в ст. 5 УПК РФ

подпункт 36.1, в котором дается определение результатов ОРД: «результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

В последующем это определение воспроизведено в сменившей Инструкцию 1998 года Инструкции 2007 года (примечание к п. 1) [8], и в пришедшей ей на смену ныне действующей Инструкции 2013 года (примечание к п. 1) [9].

Вся полученная оперативно-розыскным путем информация подлежит обязательной проверке при помощи другой информации, и только после этого можно судить о том, являются ли полученные оперативным путем данные, в совокупности с дополнительно полученной проверочной информацией, объективными и достоверными, но, опять же, с определенной долей вероятности. К тому же полученная в результате ОРД информация может быть неполной, предположительной, недостаточно конкретной или ориентирующей, а также может содержать субъективное мнение лица, предоставившего эту информацию оперативному работнику. Следует также учитывать и тот факт, что внедренное лицо, предоставившее какую-либо интересующую информацию, сознательно может вводить инициатора проведения ОРМ в заблуждение или быть специально дезинформировано разрабатываемыми лицами. В связи с этим результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно - на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, по правилам, предписанным ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции РФ [4]. Поэтому в процессуальном смысле результаты ОРД следует интерпретировать лишь как сведения о фактах, которые только предстоит установить процессуальным путем, но не как фактические данные, о которых говорить преждевременно.

В открытых научных исследованиях отмечается, что результаты оперативно-розыскных мероприятий оформляются оперативно-служебными документами в форме рапорта, справки, сводки, акта, отчета, меморандума или других документов. Форма и содержание этих документов определяются исходя из характера и вида оперативно-розыскных мероприятий, оснований и условий их проведения. Порядок оформления таких документов определяется ведомственными нормативными правовыми актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, регламентирующими организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности [23, с. 8].

В действующей Инструкции 2013 года наряду с воспроизведением определения результатов оперативно-розыскной деятельности содержится

детализация их внешне предметного оформления. В частности, в п. 6 Инструкции предусмотрено, что результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности с приложением соответствующей формы, а в п. 16 указано, что к этим документам прилагаются (при наличии) полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. При этом информация о времени, месте и обстоятельствах получения прилагаемых материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, должна быть отражена в сообщении (рапорте). В случае необходимости описание индивидуальных признаков указанных материалов, документов и иных объектов может быть изложено в отдельном приложении к сообщению (рапорту).

Результаты оперативного внедрения могут использоваться в доказывании по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в зависимости от их внешнего выражения. То есть они могут быть использованы в доказывании в качестве содержания показаний свидетеля, потерпевшего, вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Письменные оперативно-розыскные материалы могут выступать в качестве иных документов. Так, например, в основе содержания показаний свидетеля могут лежать сведения, полученные при проведении оперативного внедрения. При проведении оперативного внедрения субъекты его проведения достаточно часто становятся очевидцами совершенного, совершаемого или готовящегося к совершению преступления или им становятся известны различные обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к расследуемому преступному событию. Поэтому они могут быть допрошены в качестве свидетелей, как в ходе предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве. Необходимость их допроса в качестве свидетелей бывает вызвана проводимой процессуальным путем проверкой вещественных доказательств, представляемых ими в качестве материальных предметов, полученных при проведении ОРМ, определением их достоверности и относимости к расследуемому преступлению. Полученные сведения в результате проведения допроса субъекта оперативного внедрения в качестве свидетеля представляют собой содержание его показаний, т.е. приобретают статус доказательств по уголовному делу.

В этой связи заслуживает внимания идея о том, что результаты ОРД в ряде случаев могут быть пригодны для использования в уголовном процессе без соответствующей их уголовно-процессуальной интерпретации, что имеет непосредственное отношение к использованию в доказывании

результатов оперативного внедрения ввиду исключительной специфики и сложности рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Этот вывод основывается на том, что доброкачественность и правовая характеристика результатов ОРД фактически соизмерима характеристике уголовно-процессуальных доказательств в связи с тем, что в рамках ОРД имеют место и действуют строгие правила оценки полученной информации с точки зрения ее относимости и допустимости, что позволяет говорить о ее достаточной достоверности [22, с. 219, 223].

Однако использование данного предложения в практике уголовного судопроизводства будет возможным лишь в том случае, если оперативно-розыскная деятельность будет восприниматься его участниками как полноценная технология по производству достоверной информации, что требует принципиально нового подхода к уголовно-процессуальному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

---

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Федеральный закон от 04.07.2003 N 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.07.2003, N 27 (ч. 1), ст. 2706.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 18.06.2017) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан МБ. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. N 3.
5. Указ Президента Российской Федерации № 1316 от 6 сентября 2008 года «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 4747 от 10 сентября 2008 года.
6. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 г. № 156 (ред. от 21.12.2016) «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2071.
7. Приказ ФСНП, ФСБ, МВД, ФСО, ФПС, ГТК и СВР России от 13 мая 1998 г. № 175/226/336/201/286/410/56 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности до-

знавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // БНА ФОИВ. 1998. N 23. С. 86 - 92.
8. Приказ МВД РФ N 368, ФСБ РФ N 185, ФСО РФ N 164, ФТС РФ N 481, СВР РФ N 32, ФСИН РФ N 184, ФСКН РФ N 97, Минобороны РФ N 147 от 17.04.2007 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. N 101, 16.05.2007.
9. Приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. N 282, 13.12.2013.
10. Абдуллаева Н.Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: Дисс. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 213 с.
11. Алгазин И.И., Панюшин Д.Б. Оперативное внедрение: место в структуре оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 4 (18). С. 71-76.
12. Атмажитов В.М., Бобров В.Г. Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики // Государство и право. 2005. № 3. С. 23-25.
13. Ахмедов А.Г. Соблюдение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Журнал правовых и экономических исследований. 2008. № 1. С. 5-9.
14. Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности: Комментарий. М.: Новый юрист. 1997. С. 232.
15. Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2001. 228 с.
16. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 259 с.
17. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография. М.: Норма, 2015. 400 с.
18. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография. СПб.: Фонд «Университет, 2006. 320 с.
19. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / Под. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2001. 794 с.
20. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.

21. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник / Под общ. ред. Ю.Ф. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. М.: ЦОКР МВД России, 2009. 2016 с.
22. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография // Под научн. ред. проф. В.Т. Томина. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.
23. Родичева Т.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Дисс. … канд. юрид. наук. М.: 2006. 238 с.
24. Федеральный закон «Об Оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. проф. В.В. Николюка. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 1999.
25. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура. Барнаул: БЮИ МВД России, 2004. 278 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьев Виктор Николаевич. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева.
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 142008, Московская область, г. Домодедово, мкр. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3.

Дикарев Вячеслав Геннадиевич. Начальник кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева.
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 142008, Московская область, г. Домодедово, мкр. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, оперативное внедрение, результаты оперативного внедрения, использование результатов ОРД по уголовным делам, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

УДК 343.1

Гришин А. В.

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 15 НОЯБРЯ 2016 Г. № 48

В данной статье рассматриваются современная уголовно-процессуальная политика по противодействию преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», тенденции современной уголовно-процессуальной политики по противодействию преступности в сфере экономической деятельности и проблематика комплексного применения институтов материального и уголовного процессуального права к отношениям с участием предпринимателей при осуществлении уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В статье рассматриваются отдельные проблемы и проводится теоретико-правовой анализ прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Уголовная политика государства по противодействию преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности призвана защищать интересы собственников-предпринимателей, институт частной собственности, свободу предпринимательской и иной экономической деятельности. Под уголовной политикой принято понимать правовую деятельность государства по защите граждан и общества от преступных посягательств как внутренних, так и внешних. Соответственно, формирование уголовной политики состоит в разработке целей и задач, а также средств и методов противодействия преступности.

Сущность уголовно-процессуальной политики государства обоснованно отождествляют с правовой доктриной, стратегией, идеологией относительно должной организации уголовного процесса [2, 22], но также и с волей (способностью) правящей элиты реализовать эти идеальные представления о надлежащем подавлении (контроле) преступности в позитивном праве и правоприменении.

В современной России содержанию, юридической сущности и основным направлениям уголовно - процессуальной политики, равно как и

уголовной политики нашего государства, её влиянию на преступность посвящено немало исследований и фундаментальных научных работ.

Концепция уголовной политики на сегодняшний день представляется как система официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, и в первую очередь средствами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства [18].

Актуальность проблематики обусловливается, во-первых, новыми угрозами для экономической безопасности России, которые проявились за последнее десятилетие на фоне неблагоприятных изменений во внешней и внутренней обстановке, во-вторых, назревшей необходимостью научного исследования проводимой уголовно-процессуальной политики по обеспечению экономической безопасности и эффективности её результатов.

Под уголовной политикой общепринято понимать часть политики государства в сфере борьбы с преступностью. Уголовная политика реализуется как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности, а также в деятельности государственных и общественных органов по общему предупреждению преступлений и правовому воспитанию граждан.

Несмотря на властвовавший в советский период в нашей стране идеологический подход, уровень большинства теоретических исследований и прикладных научных разработок был весьма высок. Данное обстоятельство позволило создать научную теорию уголовной политики, разработать ее основные понятия, принципы и направления [3].

В систему уголовно-правовой политики Российской Федерации входит и уголовно-процессуальная политика, которая призвана определять стратегию, цели, задачи, основные направления деятельности правоохранительных и правоприменительных органов нашей страны по выработке и применению форм реализации норм уголовного права в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, уголовно-процессуальная политика должна содержать обеспечительные условия и критерии её эффективности, а также условия и предпосылки изменения уголовно-процессуального законодательства. Новая уголовно-правовая стратегия, направленная на модернизацию действующего законодательства и удовлетворяющая современным потребностям общества, последовательно реализовывается в ряде президентских законодательных пакетов.

Первый блок поправок состоял из ряда федеральных законов, которые были сориентированы на гуманизацию ответственности за преступления экономической направленности [4]. Следующий блок законодательных актов по своей значимости оказался самым масштабным: изменения затронули большинство статей Уголовного кодекса, получило закрепление новое основание освобождения от ответственности тех, кто впервые совер-

шил преступления экономической направленности (ст. 76.1 УК РФ), предусмотрен механизм изменения категории преступления небольшой и средней тяжести (ст. 15 УК РФ)[5].

В настоящее время наиболее остро стоит проблема совершения преступлений в сфере предпринимательской деятельности [7, 21] (это касается как отношений с участием самих предпринимателей, так и всех остальных участников гражданских правоотношений, которые, так или иначе, вступают с предпринимателями в различные правоотношения гражданско-правового характера). В теории, практике уголовного судопроизводства и в российском обществе в целом неоднократно отмечалось, что обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в уголовном судопроизводстве находится не на должном уровне [8].

В настоящее время под предпринимательством как явлением подавляющая часть и экономистов, и юристов понимает общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Само понятие предпринимательской деятельности официально даётся в п. 1 ст. 2 ГК РФ: «гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке».

Участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица. В регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (статья 124 ГК РФ).

Из вышеизложенного следует, что предпринимательскими можно назвать только те отношения, которые складываются между их участниками в период осуществления предпринимательской деятельности. Возникает закономерный вопрос, относятся ли к предпринимательству общественные отношения, возникающие в период, предшествующий предпринимательской деятельности (например, регистрация юридического лица, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя и т.п.), так и складывающиеся отношения по поводу деятельности, формально подпадающей под основные признаки, поименованные в п. 1 ст. 2 ГК РФ, но при отсутствии государственной регистрации.

Формально, конечно, имеются ст. КоАП РФ и УК РФ, предусматривающие ответственность за «незаконную предпринимательскую деятельность». Так, установлена административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистра-

ции или без лицензии (ст. 14.1 КоАП РФ). В ст. 171 УК РФ сказано, что ответственность наступает в том числе за «осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации». При этом отметим, что законодатель до настоящего времени не дал официального понятия незаконной предпринимательской деятельности. А если учитывать все указанные в ст. 2 ГК РФ признаки этого явления, то одним из них, безусловно, выступает регистрация в этом качестве в установленном законом порядке. Вывод: нет регистрации, нет и предпринимательской деятельности! Добавим к этому, что в ст. 34 Конституции РФ, помимо предпринимательской, говорится ещё и об иной экономической деятельности. Законодателю и правоприменителю давно пора заняться вопросом о соотношении этих понятий, а также о «незаконной стороне» подобной деятельности [27].

Не разъясняет и не даёт понятия «незаконной предпринимательской деятельности» без государственной регистрации и недавнее Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[1]. Здесь же, наряду с отсутствием трактовки «незаконной предпринимательской деятельности» практически ничего не говорится о содержании понятия «иная экономическая деятельность», хотя само понятие фигурирует в тексте Пленума более 10 раз. И опять о «незаконной стороне» подобной деятельности вообще ничего не сказано.

Достаточно упрощённо можно было бы довольствоваться выводом о том, что раз не дано официального понятия «незаконной предпринимательской деятельности», а одним из признаков этого законного явления является обязательная государственная регистрация, констатировать отсутствие такого юридического явления как незаконная предпринимательская деятельность вообще, и поставить в этом вопросе точку.

Впрочем, в другом, более раннем Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31, от 07.07.2015 № 32) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» всё же можно найти аргументированную позицию по пониманию «незаконности» предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

В целях обеспечения правильного применения законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, предусмотренные статьей 171 УК РФ, и в связи с возникшими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

В соответствии с частью 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способно-

стей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

При решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ, судам следует выяснять, соответствуют ли эти действия указанным в пункте 1 статьи 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которая осуществляется самостоятельно на свой риск лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя.

Практика применения ст. 171 УК РФ показала фактическое её использование в отношении лиц, занимавшихся подобной деятельностью без государственной регистрации. Есть и вступившие в законную силу приговоры суда. Однако их основная суть состояла либо в дополнении квалификации (помимо наличия лицензии ещё и отсутствие госрегистрации), либо приговор суда основывался на признании лица, что оно занималось, как оно субъективно понимало, именно незаконной предпринимательской деятельностью.

Отдельные пути решения юридической казуистики в этом вопросе дал Пленум Верховного суда Российской Федерации в своём Постановлении от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», в частности в п.1 и п. 3 названного Постановления. Так, пункт 1 Постановления недвусмысленно даёт понять, что «…при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ, судам следует выяснять, соответствуют ли эти действия указанным в пункте 1 статьи 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которая осуществляется самостоятельно на свой риск лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя». То есть, иначе говоря, Постановление фактически признаёт «предпринимательской деятельностью» деятельность при отсутствии одного из её признаков – «регистрации лица в установленном порядке». Кроме того, дословная формулировка Пленума вполне допускает, что потенциально в деянии возможно отсутствие и ряда других признаков предпринимательской деятельности. Например, осуществление такой деятельности «на свой риск» и т.п. Впрочем, в п.2 названного Постановления оговариваются и исключения. «В тех случаях, когда не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя лицо приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, но в связи с отсутствием необходимости в использовании этого имущества временно сдало его в аренду или внаем и в

результате такой гражданско-правовой сделки получило доход (в том числе в крупном или особо крупном размере), содеянное им не влечет уголовной ответственности за незаконное предпринимательство». По п. 2 можно сразу задать вопрос: «А что если в указанной ситуации лицо приобретает это имущество не для личных нужд?» Его следует судить за незаконное предпринимательство? Даже при том, что согласно принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) все неустранимые сомнения трактуются в пользу обвиняемого и обвинительный приговор не может быть основан на предположениях! Предположение, безусловно, в том, что кто-то полагает, что без одного признака (регистрация в установленном порядке) может существовать предпринимательская деятельность! Да и само по себе приобретение имущества для личных нужд отнюдь не исключает его использования для предпринимательской деятельности.

Поэтому, как представляется, два предыдущих пункта Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» следует применять лишь с учётом п.3.

«Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации будет иметь место лишь в тех случаях, когда в едином государственном реестре для юридических лиц и едином государственном реестре для индивидуальных предпринимателей отсутствует запись о создании такого юридического лица или приобретении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя либо содержится запись о ликвидации юридического лица или прекращении деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя.

Под осуществлением предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации следует понимать ведение такой деятельности субъектом предпринимательства, которому заведомо было известно, что при регистрации были допущены нарушения, дающие основания для признания регистрации недействительной (например, не были представлены в полном объеме документы, а также данные или иные сведения, необходимые для регистрации, либо она была произведена вопреки имеющимся запретам)».

В этом же пункте сказано, что под представлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, следует понимать представление документов, содержащих такую заведомо ложную либо искаженную информацию, которая повлекла за собой необоснованную регистрацию субъекта предпринимательской деятельности.

Добавлю, что во время написания данной статьи 26 июля 2017 года федеральным законом № 199-ФЗ в ч. 1 ГК РФ были внесены следующие изменения: 1) в абзаце третьем пункта 1 статьи 2 слова "лицами, зареги-

стрированными в этом качестве в установленном законом порядке" исключить, дополнить предложением следующего содержания: "Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом." Пункт 1 статьи 23 изложен в следующей редакции: "1. Гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящего пункта. В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.".

Не буду делать скорых выводов о правильности или неправильности решения рассматриваемой проблемы подобным образом. Однако, замечу, что исключение из официального определения предпринимательской деятельности признака "лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке", как видится, не решает полностью дилемму что признавать, а что не признавать предпринимательской деятельностью. Ведь из остальных, «оставшихся» признаков, даже в их совокупности всё же трудно понять с какой деятельностью мы имеем дело: с «предпринимательской», с «иной экономической» или с какой-то ещё.

Есть и другие взаимосвязанные и (или) вытекающие из вышеизложенной юридической казуистики и пробельности действующего законодательства проблемы. Так, например, довольно сложным является определение критериев, позволяющих разграничивать виды ответственности. Распространена позиция, согласно которой при возникновении коллизии приоритет отдается уголовному, а не административному закону.

Позволяет выявить ряд недостатков и исследование признаков состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ [9].

Неудачным, на наш взгляд, является указание закона на то, что преступления совершаются обязательно вопреки интересам собственной организации. В этом случае вне сферы уголовно-правового воздействия остаются многие общественноопасные деяния, связанные с причинением вреда другим лицам, когда интересы собственной организации не затрагиваются. Недоработкой действующего УК РФ следует признать отсутствие легального определения понятия «причинение существенного вреда», а также «тяжких последствий» (ч. 2 ст. 201 УК РФ), применительно к указанной группе преступлений. По нашему мнению, в содержание указанного признака необходимо включать случаи нанесения не только имущественного ущерба, но и морального вреда, равно как и причинение вреда деловой репутации. Отсутствие нематериального вреда в качестве конструктивного признака приведёт к неоправданному сужению сферы уголовно-правового

воздействия, поскольку для борьбы с деяниями, способными причинить указанный вред, не всегда достаточно мер гражданско-правового характера. Нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования в случае причинения вреда интересам собственной организации, поскольку получение согласия на возбуждение уголовного дела будет во многом зависеть от лиц, совершивших преступление. Поэтому целесообразно предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации. Нуждается в усовершенствовании и конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 УК РФ. В рамках данного состава наиболее трудным является определение признака «незаконное получение» предмета подкупа. Действующее гражданское, да и трудовое законодательство предоставило лицам, выполняющим управленческие функции, полномочия определять порядок формирования собственных доходов. Таким образом, решение вопроса о законности или незаконности получения вознаграждения зависит от волеизъявления представителей управленческого персонала. Данное обстоятельство ставит под сомнение возможность применения ст. 204 УК РФ на практике [9].

В УПК РФ имеется ряд статей, посвящённых специфике уголовного преследования с участием профессиональных участников гражданского оборота, которыми, как правило, выступают предприниматели (статья 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации»; статья 28.1.УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности») [27]. В ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ говорится: «…суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 170.2, 171 частью первой, 171.1 частями первой и первой.1, 172 частью первой, 176, 177, 178 частью первой, 180 частями первой - третьей, 185частями первой и второй, 185.1, 185.2 частью первой, 185.3 частью первой, 185.4 частью первой, 185.6 частью первой, 191 частью первой, 192, 193 частями первой и первой.1, 194 частями первой и второй, 195 - 197 и 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии оснований, предусмотренных статьями 24 и 27 УПК РФ, и в случаях, предусмотренных частью второй статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть третья в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 325-ФЗ). Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 193, частями первой и второй статьи 194, статьями 198 - 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии

оснований, предусмотренных частью третьей статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть 3.1 введена Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ). Отметим, что введённая уже после вступления в силу УПК РФ ст. 28.1 за достаточно короткий промежуток своего существования претерпела кардинальные изменения, касающиеся как редакционного названия, так и самой сути статьи.

Если обратиться к уголовному законодательству, то легко увидеть, что в названии подавляющего большинства глав Особенной части Уголовного кодекса РФ зафиксирована не сфера преступной деятельности, а ее объект. Возможно, то же самое следовало сделать в названии гл. 22 УК РФ, которая в настоящее время звучит как «Преступления в сфере экономической деятельности». Между тем в наименовании соответствующей главы Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого 17 февраля 1996 г. Межпарламентской ассамблеей СНГ, это положение учтено, она называется «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности».

В последнее время все большее число исследователей признают обоснованным так называемый «узкий» подход к определению экономической преступности (экономических преступлений). Однако при таком подходе феномен экономической преступности можно было бы рассматривать в качестве рыночного явления, ограниченного лишь рамками экономической деятельности в сфере предпринимательства (бизнеса), осуществляемой его субъектами.

Поддержка предпринимательства и его безопасность - важнейшая функция государства [10].

У нас же экономическая и правовая реформы идут обособленно друг от друга. Рынок находится в подполье и в полулегальном положении. Расцветает теневой бизнес.

Рынок, извращённый и криминализированный, объективно поставлен в положение непременного нарушения законов и инструкций, вследствие чего он уязвим во всех отношениях [11].

Вообще, для современной российской экономики характерно отнюдь не естественное межотраслевое перераспределение доходов в соответствии с достигнутым техническим уровнем и производительностью труда. Вместо этого сверху сознательно лоббируется (через цены) перекачка средств из обрабатывающих отраслей в добывающие, сырьевые, из промышленного сектора экономики в финансово-кредитную систему, из производственной сферы в посредническо-торговую [12]. Сюда же следует отнести незавершённость правовой реформы системы отношений собственности в России [14].

Положение вещей, когда количество посреднических фирм превышает количество предприятий-производителей, является ненормальным.

Это приводит к тому, что готовый продукт доходит до потребителя уже значительно превышая свою изначальную стоимость. Ведь в последнюю включается плата за услуги этих посредников, количество которых иногда превышает все разумные пределы. Страдает и качество услуг подобных посредников. Нередко встречаются случаи обмана, неисполнения обязательств со стороны посредников.

Налицо многочисленные противоречия между отраслями и институтами законодательства, регулирующими отношения собственности. Например, различное понимание имущества в гражданском (ст. 130 ГК РФ) и в уголовном (ст. 146, 147, 158 УК РФ) законодательстве. В результате такой неурегулированности практически невозможно добиться необходимого единства толкования бланкетного содержания уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против собственности, а следовательно, и стабильности соответствующей правоприменительной практики [15].

Состояние отечественного рынка товаров и услуг, на котором действуют предприниматели, в том числе и коммерческие представители, существенным образом отличается от экономически развитых стран.

Развитые рыночные отношения характеризуют преобладающее влияние спроса и быстрая реакция на него, приоритет частной собственности, детальность законодательства и традиции соблюдения договорных отношений, минимальная криминализация, развитость рыночной инфраструктуры, информационная открытость и общественный контроль, финансовая стабильность, доступность факторов производства, географическая интегрированность в национальном и наднациональном масштабе [16].

Ещё в 2008 г. Д.А. Медведев, будучи на тот момент президентом нашей страны, заявил: «Надо, чтобы правоохранительные органы и органы власти перестали «кошмарить» бизнес»[17]. С этого момента было принято несколько законов, направленных, в том числе, на либерализацию «экономических» отношений и статей Уголовного кодекса.

Прежде всего, это Федеральный закон от 26.12.2008 №294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля".

Направлены на либерализацию «экономических» статей Уголовного кодекса были, в частности, Закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Положениями названных законов был повышен размер крупного и особо крупного ущерба, наличие которого является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Плюс ко всему у впервые совершивших налоговое преступление появилась

возможность получить освобождение от уголовной ответственности. С этой целью просто необходимо полностью погасить свой долг перед бюджетом (налоговую недоимку, пени, штрафные санкции). Для этого в УПК РФ была введена новая статья - 28.1, в которой на сей случай установлен специальный порядок прекращения уголовного преследования по налоговому преступлению. Кроме того, Законом № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплялось, что обязательным условием для отправки материалов налоговой проверки в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела является наличие вступившего в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (п. 3 ст. 32 НК РФ). Причем основанием для привлечения к налоговой ответственности является установление факта нарушения решением налогового органа, вступившим в силу (п. 3 ст. 108 НК РФ).

Дальнейшая либерализация уголовной политики государства в сфере налогообложения проявилась в Законе от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В нем конкретизировалось, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198 - 199.2 Уголовного кодекса, могут служить только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Но уже в октябре 2013 г. Президент нашей страны В.В. Путин внес в Госдуму законопроект о возврате правоохранительным органам права возбуждать уголовные дела по налоговым преступлениям. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что действующий «либеральный» порядок является «одной из основных причин низкой эффективности раскрытия налоговых преступлений, в связи с чем существенно затруднено использование в уголовном процессе имеющихся результатов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами внутренних дел РФ в рамках борьбы с налоговой преступностью». В пояснительной записке отмечалось, что переход на общий порядок «обеспечит комплексный подход к противодействию экономическим преступлениям, реализации возможностей правоохранительных органов и использованию поискового потенциала оперативно-разыскной деятельности для документирования налоговых преступлений и установления умысла на их совершение»[20].

В итоге ч. 1.1. ст. 140 УПК РФ утратила силу (Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ). Практически одновременно, ещё до отмены ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, появилась и ныне действующая часть 1.2 (введена Федеральным законом от 21.07.2014 № 218-ФЗ), согласно которой ещё одним «… поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации,

служат только те материалы, которые направлены Центральным банком Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Всё вышеизложенное, а также анализ практики рассмотрения органами предварительного расследования и судами материалов о совершении преступлений в сфере экономики свидетельствуют о том, что нет однозначного понимания в разграничении преступного деяния и гражданско-правовых отношений. Значительное количество дел продолжает прекращаться за отсутствием в действиях лица состава преступления, так как, по мнению лица, производящего расследование, либо (что теперь чаще встречается) по решению суда «в действиях лица имели место гражданско-правовые отношения». Об этом свидетельствует и судебная практика нашего региона [21], а также большинство диссертационных исследований, упоминавшихся в более ранних работах [6, 7, 19].

В настоящее время в УПК РФ имеется ряд статей, посвящённых специфике уголовного преследования с участием профессиональных участников гражданского оборота, которыми, как правило, выступают предприниматели (статья 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации»; статья 28.1. УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»).

Вместе с тем «нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования в случае причинения вреда интересам собственной организации, поскольку получение согласия на возбуждение уголовного дела будет во многом зависеть от лиц, совершивших преступление. Поэтому целесообразно предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации»[13, С.41].

Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (п. 4 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ), в частности отнесение с 1 января 2011 г. расследования налоговых преступлений к подследственности Следственного комитета Российской Федерации (далее - СК РФ), предопределили новые задачи в разрешении вопросов и проблемы выявления, расследования и квалификации налоговых преступлений[23].

Налоговые преступления представляют повышенную опасность для общества, провоцируя социальную напряженность и политическую нестабильность в нем, затрагивают национальные интересы государства. Общественная опасность налоговых преступлений определяется высокой значимостью налогов в хозяйственной деятельности общества[23].

В связи с указанными обстоятельствами в ОВД из СК РФ поступают поручения о проведении проверочных и оперативно-розыскных мероприятий по материалам налоговых органов, не содержащих в себе практически никаких документов и сведений о наличии в действиях налогоплательщика признаков преступлений. Однако сотрудникам ОВД в ограниченные нормами УПК РФ сроки затруднительно провести всестороннюю и полную проверку по таким материалам, что приводит к вынесению необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел [24].

Полагаем, что дальнейшее ослабление правоохранительной и в целом контрольной функции государства в области налогообложения в совокупности с повышением ставок налогов и деформированным правосознанием налогоплательщиков приведет к еще большему уводу налогооблагаемого капитала «в тень», т.е. сокрытию его от налогового администрирования и налогового контроля, либо выводу в оффшорные или иные налоговые юрисдикции с низкими ставками налогов, с которыми у Российской Федерации есть соглашения об избежании двойного налогообложения[25].

Анализ новейшего законодательства и обобщённой практики судебных инстанций позволяет сделать вывод, что лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, может быть не только участник юридического лица, но и представитель органов юридического лица, а также лицо, действовавшее от имени коммерческой или иной организации на основании договора (поручения, комиссии, агентского и т.п.). Поэтому и терминологию в Примечании 1 к статье 201 УК РФ после слов «по специальному полномочию» необходимо дополнить: «и (или) в связи с наличием определённых полномочий», так как субъектом преступления может быть и иное лицо, выполняющее управленческие функции. Исследование признаков состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, позволяет выявить и ряд недостатков [26].

Неудачным, на наш взгляд, является указание закона на то, что преступления совершаются обязательно вопреки интересам собственной организации. В этом случае вне сферы уголовно-правового воздействия остаются многие общественноопасные деяния, связанные с причинением вреда другим лицам, когда интересы собственной организации не затрагиваются. Недоработкой действующего УК РФ следует признать отсутствие легального определения понятия «причинение существенного вреда», а также «тяжких последствий» (ч. 2 ст. 201 УК РФ) применительно к указанной группе преступлений. По нашему мнению, в содержание указанного признака необходимо включать случаи нанесения не только имущественного ущерба, но и морального вреда, равно как и причинение вреда деловой репутации. Отсутствие нематериального вреда в качестве конструктивного признака приведёт к неоправданному сужению сферы уголовно-правового воздействия, поскольку для борьбы с деяниями, способными причинить указанный вред, не всегда достаточно мер гражданско-правового характе-

ра. Нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования в случае причинения вреда интересам собственной организации, поскольку получение согласия на возбуждение уголовного дела будет во многом зависеть от лиц, совершивших преступление. Поэтому целесообразно предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации. Нуждается в усовершенствовании и конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 УК РФ. В рамках данного состава наиболее трудным является определение признака «незаконное получение» предмета подкупа. Действующее гражданское, да и трудовое законодательство предоставило лицам, выполняющим управленческие функции, полномочия определять порядок формирования собственных доходов. Таким образом, решение вопроса о законности или незаконности получения вознаграждения зависит от волеизъявления представителей управленческого персонала. Данное обстоятельство ставит под сомнение возможность применения ст. 204 УК РФ на практике [26].

Ввиду вышеизложенного, а также учитывая сложившуюся в нашей стране общественно-политическую, экономическую и правовую ситуацию, в настоящее время назрела необходимость не просто корректировки действующих механизмов уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, но и существенной их модернизации с учётом усиления процессуальных полномочий и гарантий прав лиц, пострадавших от преступлений. Обозначенная проблема в настоящее время актуальна как для действующего УПК РФ, так и УК РФ.

Добавим сюда и несистемный подход законодателя к реформированию действующего законодательства, что хорошо прослеживается на последних изменениях кодифицированного законодательства РФ в целом. На протяжении ряда лет законодатель делал разовые попытки (не всегда удачные) исправить их, но принципиальных изменений и дополнений в поименованные акты до сих пор не внёс. В последнее время наметилась тенденция появления в федеральных законах большего количества «бланкетных», то есть отсылочных норм, вместо того чтобы на уровне кодифицированного нормативного акта максимально обобщать и систематизировать действующие положения. В качестве примера можно привести изменения УПК РФ апреля 2017 г., направленные на «корректировку отдельных положений УПК РФ, касающихся статуса адвоката». Так, в редакции Федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ ч. 3 и 4 статьи 50 УПК РФ, касающейся приглашения, назначения, замены и оплаты труда защитника, соответственно дополнены словами "в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов" и "в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов". Следовательно, такой порядок, как вытекает

из буквального понимания, не прописан в самом тексте УПК РФ, а «отдан на откуп» совету Федеральной палаты адвокатов. При этом, как гласит ч.1 ст. 1 УПК РФ, «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации».

У категории преступлений в сфере экономической деятельности существуют определенные особенности уголовного преследования. Данные специфические черты обусловлены статусом лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, а также той деятельностью, которой это лицо занимается. Имеются и особенности прекращения уголовного преследования в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ).

В соответствии с п.19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» при назначении наказания лицу, признанному виновным в совершении одного или нескольких преступлений, предусмотренных статьями 159 - 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 170.2, 171 - 174, 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4, частью 1 статьи 185.6, статьями 190 - 199.2 УК РФ, судам необходимо руководствоваться общими началами назначения наказания, обсуждать возможность применения положений частей 1 и 2 статьи 64, статьи 73, а также части 6 статьи 15 и статьи 80.1 УК РФ. Следует иметь в виду, что содержание осужденного под стражей до постановления приговора не может предопределять назначение ему наказания в виде реального лишения свободы. При этом в силу положений части 5 статьи 72 УК РФ, назначая такому лицу в качестве основного вида наказания штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает осужденного от отбывания этого наказания[1].

Также следует учитывать, что по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями 5 - 7 статьи 159, статьями 159.1 - 159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171 - 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4 и 190 - 199.2 УК РФ, установлены специальные порядок и сроки признания предметов и документов вещественными доказательствами, их возвращения лицам, у которых они были изъяты (статья 81.1 УПК РФ). Отказ следователя, дознавателя в возврате в установленный частью 4 статьи 81.1 УПК РФ срок изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами предметов, включая электронные носители информации (за исключением предметов,

указанных в пункте 2 части 3 статьи 81 УПК РФ), и документов лицам, у которых они были изъяты, может быть обжалован как руководителю следственного органа или прокурору, так и в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ (п.10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48).

Ходатайство лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской деятельности, о прекращении уголовного преследования может быть удовлетворено судом при определенных условиях.

Верховным Судом РФ разъяснены отдельные вопросы, возникающие при применении законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Отмечается, в частности, что успешное достижение стоящих перед бизнес-сообществом целей во многом зависит от наличия действенных организационно-правовых механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками.

Разъясняется, в частности, что в случаях выполнения не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ ("Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности"), лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным статьями 75 ("Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием"), 76 ("Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим") или 76.2 УК РФ ("Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа"), может быть удовлетворено судом при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48).

---

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru.

2. Малышева О.А. Уголовно-процессуальная политика — элемент единой уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 8. С. 19–21.
3. Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013 год. С.92 -99.
4. ФЗ № 60-ФЗ от 7 апреля 2010 г. // Рос.газета. 2010. 9 апр.
5. Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3.
6. Возмещение (компенсация) вреда в уголовном судопроизводстве. Гражданский иск в уголовном процессе: монография / А.В. Гришин, С.В. Мельник. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 197 с.
7. Коммерческое (торговое) представительство: состояние, защита от противоправных посягательств и применение правовых презумпций: монография / А.В. Гришин, М.В. Гришина. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. 437 с.
8. Леви Е. Положение потерпевшего в уголовном процессе : нужна конкретизация // Законность. 2009. № 2; Дмитриева Л.З. Обеспечение безопасности потерпевших как важное условие активности их участия в уголовном преследовании // Законность. 2010. № 8; Винокуров С. В. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Рос.юстиция. 2013. № 12. С. 49–53.
9. Ветрова О.А. Специфика функционирования правосознания в сфере применения норм права органами внутренних дел: учебное пособие / О. А. Ветрова. Орел :ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, 2012. С. 98.
10. Очередько В.П. Государственно-правовое регулирование безопасности предпринимательства. Автореферат дисс. д.ю.н. - СПб, 1998. Кох С.Э. Теоретико-правовые вопросы межотраслевого статуса субъекта предпринимательства в современном российском праве. Автореферат дисс. к.ю.н. Ростов-на-Дону, 1998.
11. Шамба Т.М. Предпринимательство и право. Историко-правовой очерк. М., 1999. С. 44.
12. Жириновский В.В. Экономические проблемы России. Пути решения. М., 1999. С. 22.
13. Гришин А.В. Гришина М.В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершённых коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.40-41.
14. Яни П.С. Методическое обеспечение надзора за исполнением законодательства об ответственности за экономические и должностные преступления // Законность. 1993. № 12. С. 2-5.

15. Аслаханов А.А. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики (криминологический и уголовно-правовой аспекты). Дисс. д.ю.н. М., 1997. С. 92.
16. Из доклада Российской ассоциации развития малого предпринимательства. Авторский коллектив: А.Д. Иоффе (руководитель), В.А. Бондаренко, О.С. Горелик, Е.В. Егоров, К.Х. Ипполитов, М.Л. Лебедев, О.Ю. Милова, А.Г. Цыганов, В.С. Штерн. // Общество и экономика. 1996 г., №9-10. Стр. 103.
17. [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/gazeta/subbota/2008/08/07.html.
18. Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М., 2010.
19. Защита конституционных прав граждан в Российской Федерации (правовые и процессуальные аспекты) : монография / А.В. Гришин. Орел :ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2013. 187 с.
20. [Электронный ресурс] http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru.
21. Обзор деятельности районных судов Орловской области по рассмотрению судебных дел за 12 месяцев 2015 года (в сравнении с аналогичным периодом 2014 года) // Материалы к совещанию по подведению итогов работы районных судов и мировых судей судебных участков Орловской области за 2015 год. Орел 2016г.
22. Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6, 7.
23. Ветрова О.А. Некоторые особенности проведения допроса и очной ставки с участием несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве. // Наука и практика №3. Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2015 год. С.23.
24. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.43.
25. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.44.
26. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.44-45.
27. Гришин А.В. Проблемные аспекты осуществления уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности. // Научно-теоретический и информационно-методический журнал «Юристъ-Правоведъ». № 3 (82), 2017г. С.62, 63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Андрей Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальная политика, уголовная политика, уголовное преследование, совершение преступлений в сфере экономики, предпринимательская деятельность, преступность, преступление, УК РФ, УПК РФ.

УДК 343.1+347.1

Гладышева О. В.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Основным трендом современного развития уголовного судопроизводства становится дифференциация процессуальной формы. Одним из его проявлений выступает специфическая процессуальная форма по преступлениям в сфере экономики в отношении предпринимателей. С ее развитием выявились теоретические, правовые и правоприменительные проблемы, решение которых позволит существенным образом оптимизировать соответствующий порядок производства по уголовным делам.

Развитие предпринимательства выступает одним из важных направлений современной российской государственной политики. Предприниматель создает рабочие места, обеспечивает стабильный заработок трудящимся, платит различные налоги и сборы. Занятые в хозяйственной деятельности граждане совершают меньше правонарушений. Обладая стабильным заработком, трудящиеся обеспечивают потребительский спрос на товары и услуги, производимых в иных отраслях экономики, способствуя их процветанию. Поэтому развитие предпринимательства, его масштаб и успешность выступают системообразующими факторами для экономики страны в целом, обеспечивают ее стабилизацию, рост благополучия населения, снижение социальной напряженности в обществе.

В силу указанных обстоятельств одной из задач внутриэкономической политики российского государства становится создание и поддержание наиболее благоприятного климата для развития предпринимательства, его устойчивости и приоритетности. В данном направлении предпринимаются многочисленные и весьма разнообразные шаги, комплексно воздействующие на все стороны общественной жизни, необходимые для развития идеи предпринимательства: принимаются законодательные и иные норма-

тивные правовые акты, создаются государственные (федеральные и региональные) программы по поддержке малого и среднего предпринимательства, снижаются налоговая и иные виды финансовой нагрузки на начинающих предпринимателей и т.д. [1]

Отдельным и весьма существенным фактором выступает правовая защищенность хозяйствующих субъектов, от чего в значительной степени зависит «инвестиционная привлекательность страны» [2, с. 32]. Поэтому отдельная часть комплекса мер по поддержке предпринимательства направлена на совершенствование, в том числе уголовно-процессуального права для устранения потенциальных угроз финансовой и экономической деятельности и стабильности функционирования хозяйствующих субъектов, ограждения их от применения необоснованных мер уголовно-процессуального принуждения, исключения злоупотреблений со стороны органов уголовного преследования и иных неблагоприятных факторов.

Решения в данном направлении принимаются на всех уровнях государственной власти. В одном из своих выступлений Президент РФ В.В. Путин предложил запретить следственным органам изымать серверы и жесткие диски при проведении следственных мероприятий на предприятиях [3]. А 17 августа 2017 г. Президент РФ дал поручения Правительству совместно с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой проработать вопрос о недопущении продления срока меры пресечения в виде содержания под стражей (ареста) в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, в случае, если по уголовному делу не предпринимаются активные следственные действия, и, при необходимости, предусмотреть внесение в законодательство соответствующих изменений [4].

Политическая воля руководства страны привела к существенной корректировке содержания уголовно-процессуального законодательства, в части составов преступлений, отнесенных к категории частно-публичного обвинения [5], касающихся экономической деятельности; дополнены основания [6] и скорректирован порядок возбуждения уголовных дел и отказа в возбуждении [7], а также порядок прекращения уголовных дел [8]; дополнена совокупность прав подозреваемых в совершении экономического преступления, находящихся под стражей [9] и др.

Внесение изменений в уголовно-процессуальный закон привело к необходимости разъяснений его содержания и порядка применения в отдельных вопросах. Пленум Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. в своем постановлении (далее – постановление № 48) разъяснил, в частности, кого следует рассматривать в качестве субъекта по ст.ст. 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ и в отношении кого действуют специальные правила применения мер процессуального пресечения в виде заключения под стражу [10].

Несмотря на активность в данном направлении законодателя с научной точки зрения эта тема пока не приобрела особого распространения и обсуждается весьма фрагментарно. Так, имеется предложение П. Г. Сычева создать в УПК РФ отдельную главу, в которой сконцентрировать все нормы, посвященные участию не только «юридических лиц, но и прочих хозяйствующих субъектов, в уголовном судопроизводстве, и не только в качестве потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков, но и в качестве заявителей, средств совершения преступления, объектов проведения финансово-хозяйственных проверок и прочих статусах, кажущихся сейчас "диковинными" с точки зрения классического, рафинированного уголовно-процессуального права. Отдельной и тщательной регламентации подлежат вопросы начала и окончания судопроизводства, избрания мер процессуального принуждения, доказывания по делам данной категории» [2 с. 33].

Высказанную позицию можно поддержать в части необходимости более тщательной регламентации отдельных, существенных вопросов уголовного судопроизводства и не только по преступлениям в сфере экономики. И эта регламентация должна строиться на прочной основе разрешения фундаментальных теоретических вопросов.

Одним из таких вопросов, возникающих при расследовании преступлений в сфере экономики мы считаем разрешение проблемы применения в федеральном законодательстве различных по содержанию и смыслу категорий «экономическая», «предпринимательская», «хозяйственная» деятельность. Например, в ч. 3.1 ст. 46 УПК РФ говорит о предпринимательской деятельности подозреваемого. Статья 81.1 УПК РФ в названии которой указывается «по уголовным делам в сфере экономики», в первой части говорит о предпринимательской деятельности и ни о какой иной экономической деятельности не упоминает. Часть 1.1 ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение заключения под стражу к лицам, совершим преступления в сфере предпринимательской деятельности. В то же время ч. 7 ст. 241 УПК РФ закрепляет уже правила провозглашения приговора в случае рассмотрения уголовного дела о преступлениях в сфере экономической деятельности. При этом какой-либо принципиальной разницы из смысла положений не усматривается.

Отметим, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) раздел VII называется «Преступления в сфере экономики», гл. 21 – преступления против собственности, гл. 22 – преступления в сфере экономической деятельности. О предпринимательской деятельности УК РФ упоминает в ч.ч. 5–7 ст. 159.

Действующий Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрел более многочисленные направления деятельности: хозяйственная, коммерческая, некоммерческая, производственная, предпринимательская, и др., и, что интересно – отсутствует упоминание об

экономической деятельности. В постановлении № 48 разъясняется, что следует считать предпринимательской деятельностью в точном соответствии со ст. 2 ГК РФ.

Есть обоснованное, как представляется, мнение о смысловой и содержательной разнице в понятиях предпринимательской и экономической деятельности [11, с. 71–72]. Мы поддерживаем эту позицию и считаем, что и уголовно-процессуальный, и уголовный закон в данной части должны ориентироваться на содержание профильного – гражданского законодательства и термины, используемые в ст.ст. УК РФ И УПК РФ должны соответствовать положениям ГК РФ. Предлагаем исключить категории «предпринимательская» и «экономическая» деятельность из содержания УПК РФ, заменив их термином «хозяйственная деятельность».

Актуальной проблемой прикладного характера, на наш взгляд, является действующее законодательное регулирование механизма избрания мер пресечения, в отношении лиц, обвиняемых в совершении экономических (как это предусмотрено действующим УПК РФ) преступлений.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ предусмотрен запрет на применение заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст.ст. 171–174, 17 4.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п.п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. В одном из уголовных дел суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя о заключении обвиняемого К. под стражу основываясь на том, что обвинение предъявлено по ст. 159.3 УК РФ. В то же время, К. было предъявлено обвинение также и по ст. 174.1 УК РФ, он долгое время скрывался от следствия. Однако эти обстоятельства не были приняты во внимание судом [12].

Масштабное распространение в практике приобрело требование судов к органам предварительного расследования о представлении доказательств, подтверждающих наличие оснований к заключению предпринимателей под стражу [13], хотя УПК РФ такого требования не предусматривает.

Существенным представляется выбор судом обстоятельств, рассматриваемых им как основания для принятия решения о заключении под стражу. Проведенным обобщением судебной практики выявлено, что суды требуют от органов предварительного расследования подтверждать доказательствами следующие обстоятельства:

– событие преступления;

– обоснованность выдвинутых подозрений или обвинения;

– цель поведения обвиняемого, которая должна иметь противоправный характер;

– мотивы применения заключения под стражу;

– невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения и др. При этом, для принятия положительного решения требуется совокупность указанных обстоятельств.

Показательным примером избирательности судов к определению оснований (как в части обстоятельств, так и способа их установления) для заключения под стражу может стать следующий пример. В апелляционном представлении на решение суда об отказе в применении заключения под стражу прокурор указал, что основаниями для применения к Х. меры пресечения в виде заключения под стражу послужили:

– получение Х. временного паспорта гражданина Республики Болгария, при этом из Приложения к Постановлению Правительства РФ от 21 февраля 2002 г. № 122 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о взаимных поездках граждан», следует, что временный паспорт предполагает однократное пересечение границы Российской Федерации только при выезде за ее пределы;

– задержание Х. при попытке пересечь по указанному паспорту границу РФ в направлении Республики Казахстан;

– отсутствие разрешения от следователя о передвижении по территории Российской Федерации, а также о выезде за её пределы;

– неуведомление Х. об изменении своего места нахождения органы следствия.

Апелляционная инстанция не усмотрела нарушений законности в постановлении суда первой инстанции, указав что сам по себе факт задержания Х. на пограничном пункте и наличие у него временного паспорта гражданина Республики Болгария, не свидетельствуют о намерении Х. выехать за пределы Российской Федерации именно с целью скрыться от органов следствия. В удовлетворении апелляционного представления прокурора отказано [14].

Подводя итог, отметим основные выводы.

1. Для выработки единого концептуального подхода к определению порядка производства по уголовным делам по преступлениям, субъектами которых выступают хозяйствующие субъекты необходимо провести комплексную систематизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выработать и внедрить в федеральное законодательство единый терминологический аппарат, выработать четкие и единые критерии определения хозяйствующих субъектов для распространения на них специальных иммунитетов в уголовном судопроизводстве, рассмотреть вопрос о содержании и сущности этих иммунитетов и предложить единые правила их реализации.

2. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении хозяйствующих субъектов нуждается корректировке в части определения совокупности оснований для избрания этой меры пресечения,

отказа в ее применении, процессуальном порядке установления соответствующих оснований (установление на основании сведений и/или доказательств).

---

1. Например: государственная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства Российской Федерации. Экономическое развитие и инновационная экономика». Государственные ассигнования составят в 2018 году 5767864,4 тыс. рублей: http://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-15042014-n-316/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-ekonomicheskoe/pasport-podprogrammy-2-razvitie-malogo; О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов российской федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2014 г. № 1605 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Сычев П.Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства // Предпринимательское право. 2012. № 4. С 30–34.
3. Подробнее на сайте ТАСС: http://tass.ru/obschestvo/4459762.
4. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 15 августа 2017 г. // http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55368.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. №218-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4219.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4799.
8. О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

10. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства // Предпринимательское право. 2012. № 4. С 30–34.
11. Демченко С.К, Щербенко Е.В. Базовые категории предпринимательской деятельности: новый взгляд // Российское предпринимательство. 2012. № 22 (220) С. 71–76.
12. Суд Центрального района г. Челябинска. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. http://www.advokat-afanasev.ru.
13. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. Официальный сайт Верховного Суда РФ.
14. Пермский краевой суд. Апелляционное постановление. 2017. Уголовное дело № 22 К-4376.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладышева Ольга Владимировна. Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса.
Кубанский государственный университет, 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, д. 43.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предпринимательство, терминология, мера пресечения, оптимизация, процессуальная форма.

УДК 343.137.9

Давыдов М. В., Харыбин А. Ю.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ НЕОЧЕВИДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена понятию преступления, совершенного в условиях неочевидности, рассматривается модель неочевидного преступления.

Среди всех регистрируемых преступлений, значительный объем занимают так называемые неочевидные преступления. По статистике такие преступления, как убийства, изнасилования, кражи, грабежи, и разбои, совершаются именно в условиях неочевидности.

Одной из важнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами, выступает повышение эффективности и качества раскрытия и расследования преступлений, прежде всего неочевидных. Решение данной задачи во многом определяется теми действиями, производство которых на начальном этапе работы и будет впоследствии определять дальнейший ход расследования. К их числу относятся своевременное и качественное проведение неотложных следственных действий (прежде всего осмотра места происшествия), а также ряд моментов по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению обнаруженных в ходе первоначальных действий элементов преступной деятельности. Нарушение хотя бы одного из условий чревато весьма негативными последствиями и может повлечь за собой переход преступления в разряд неочевидного, что конечно же недопустимо. Поэтому каждое преступление, совершенное в условиях неочевидности, для того, чтобы сделать его «очевидным» должно быть раскрыто.

В этой связи, преступления, совершенные в условиях неочевидности, не позволяют в полной мере реализовать данную задачу. Из-за недостатка исходной информации о событии, ситуация имеет крайнюю напряженность и не позволяет умело ориентироваться в сложившейся обстановке. Обусловлено это рядом объективных и субъективных причин.

К числу объективных причин, в первую очередь, необходимо отнести трудности, вызванные тем, что отсутствуют сведения о преступлении по многим показателям. Так С.В. Кузьмин считает, что в преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, не всегда сразу удается решить вопрос об относимости следов и предметов, относящихся к событию преступления, личности виновного и сделать по ним соответствующие выводы о самом лице, а также отсутствием возможности получить информацию, достоверно указывающую на свойства преступника [1]. По мнению В.А. Жбанкова раскрытие преступлений, совершенных в условиях неочевидности, сводится к установлению свидетелей и в первую очередь тех, которые могут сообщить сведения о преступнике [2].

Во-вторых, на этом этапе вся деятельность следователя вследствие отсутствия определенности по делу сопряжена с трудоемкой и кропотливой работой по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в ходе которой от него требуется производство большого количества процессуальных действий, установление тесной связи и налаживание взаимоотношений с иными службами ОВД.

Что касается субъективных причин, то они складываются, во-первых, из прямой заинтересованности преступников в неудаче расследования, основанной на противодействии органам расследования и заключа-

ющейся в сокрытии либо конспирации своих преступных намерений. Во-вторых, недостатков в работе непосредственно самих органов расследования, связанных, как правило, с низким уровнем профессиональной подготовки работников ОВД, а также несвоевременностью принятия ими соответствующих мер организационно-тактического характера. Все это в определенной мере усложняет работу следствию по раскрытию преступлений.

Однако, детальное изучение материалов, собранных на начальном этапе расследования уголовного дела показало, что в 83% случаях - любое преступление этого периода отличается неполнотой информационного аспекта, и говорить о том, что преступление совершено при очевидных обстоятельствах бессмысленно [3].

В этой связи представляется верным высказывание А.Г. Алексеева о том, что преступления, совершенные в условиях неочевидности, в целом, представляют собой уравнение с одной или двумя неизвестными [4]. Действительно, мнения автора о рассмотрении неочевидных преступлений, как некую арифметическую модель правомерно, поскольку уравнение по своей сущности есть не что иное, как аналитическая запись задачи о разыскании значений неизвестных аргументов. В данном случае, отсутствие информации в какой-либо части происшедшего события, выступает именно той неизвестной, которую необходимо установить.

Полагаем, необоснованным рассматривать преступления начального этапа, как совершенные при очевидных условиях, поскольку очевидность означает несомненность, бесспорность, когда можно убедиться в чем-либо собственными глазами. [5] Зачастую мы не можем с полной уверенностью говорить о причастности лица к совершенному преступлению, поскольку доказательства, обоснованно подтверждающие вину, не собраны либо не достаточны. Изначальное рассмотрение преступления, как совершенного в условиях очевидности, носит осуждающий характер и накладывает обвинительный отпечаток на весь процесс расследования, что является нарушением презумпции невиновности лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство.

Фактически, данные, на основании которых строится модель неочевидного преступления, может быть представлена тремя основными компонентами:

а) однозначность и бесспорность наступления преступного деяния, выраженного в форме осознанного и волевого акта поведения человека, приведшего к нарушению охраняемых законом отношений и интересов;

б) противоправная и девиантная ориентированность события, противоречащая принятым в обществе правовым или нравственным нормам, явившаяся последствием совершенного деяния. В большинстве случаев, преступное событие характеризуется отсутствием либо неполнотой сведений о преступлении, что позволяет говорить о его неочевидности;

в) наличие внутренних, причинно-следственных связей между деянием и наступившими последствиями. При этом важно установить эту связь, поскольку именно она определяет наступление преступного события, как последствие развития динамики самого деяния и той конкретной ситуации, в которой это деяние происходило.

Применительно к расследованию преступлений, совершенных в условиях неочевидности, Э.И. Бордиловский выделяет следующие специфические черты, характеризующие преступные деяния данного вида:

- обнаружение фактов совершения преступлений спустя значительный отрезок времени после их совершения, заблаговременную подготовку к ним преступников;

- отсутствие очевидцев во время совершения преступлений либо возможности получения от них достаточной информации о личности виновного;

- несвоевременное и некачественное производство осмотра места происшествия [6].

В некоторых случаях исходная информация о личности, непосредственно совершившей противоправное деяние, носит ограниченный характер, что не позволяет в полной мере говорить о ее причастности, либо неизвестен весь круг граждан в той или иной мере, замешанных в совершении преступления. Кроме того, имеется немало примеров, когда преступники сознательно маскируют свои преступные действия под несчастные случаи либо иные преступления (например, в целях убийства они поджигают дома, взрывают машины и т. д.) при этом, пытаясь уничтожить следы преступления. Названные обстоятельства во многом свидетельствуют о бедности информационного потока совершенного преступления, что позволяет говорить о его неочевидности.

Преступления, совершенные в условиях неочевидности, есть не что иное, как результат, сложившихся в конкретных условиях времени и места совокупности элементов преступной деятельности и элементов объективной реальности, которую следователь и иные участники доказывания должны постичь. Иными словами, это обстановка, отражающая реальное положение вещей, наступившая сразу после совершения преступления. Такое состояние называется следственной ситуацией. Понятие это имеет криминалистический характер и позволяет судить об особенностях производства по уголовному делу в определенный момент или на определенном этапе его расследования.

Именно условия неочевидности выступают типичной формой следственной ситуации, в которой следователь в зависимости от полноты исходных данных о преступлении оказывается на определенном этапе расследования.

Таким образом, обобщение положительного опыта и анализ следственной практики показывает, что неочевидные преступления, являясь

одной из формой следственной ситуации, формируются под воздействием ряда объективно-субъективных причин, связанных с невозможностью обнаружения и закрепления следов преступления, установлением доказательств по делу, наглядно подчеркивающих связь между преступным событием и наступившими последствиями, а также установлением очевидцев преступления и лиц, причастных к происшедшему противоправному деянию.

1. Кузьмин С.В. Использование информационной модели виновного при раскрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности // "Правоведение". 1993. № 1. С. 111.
2. Жбанков В.А. Криминалистические средства и методы раскрытия неочевидных преступлений. М., 1987. С. 60.
3. Давыдов М.В. Проверка показаний на месте как средство познания обстоятельств совершенного преступления: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 126.
4. Алексеев А.Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 41.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: «Славянский дом книги», 2016. С. 722.
6. Бордиловский Э.И. Раскрытие неочевидных преступлений. (Организация и тактика). Учебное пособие. М.: МВШМ МВД РФ, 1991. С. 12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Максим Вячеславович. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Харыбин Александр Юрьевич. Кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения организации научно-исследовательской работы.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: криминалистика, преступление, неочевидность, следственная ситуация, следователь, расследование.

УДК 343.985.7

Диденко Н. С.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В данной статье рассматриваются некоторые процессуальная самостоятельность следователя на современном этапе, обоснована необходимость совершенствования полномочий следователя.

Проблемы независимости следственных органов, перераспределения полномочий по расследованию уголовных дел между правоохранительными органами Российской Федерации и вопросы прокурорского надзора за органами предварительного следствия представляются нам актуальными в настоящее время.

Деятельность следователя заключается в полном и всестороннем исследовании уголовного дела. Формулирование законного, мотивированного и обоснованного обвинения обусловливает необходимость осуществления предшествующей ему деятельности по исследованию обстоятельств события.

Среди многих проблем организации предварительного следствия и деятельности следователя, имеет место и вопрос процессуальной самостоятельности следователя. Это обусловлено многими факторами, принятием различных изменений в действующий уголовно-процессуальный кодекс, введением предварительного судебного контроля наряду с существующими прокурорским надзором и контролем руководителя следственного органа, а также популяризация различных форм общественного контроля.

Необходимо отметить, что следователь не в полной мере может давать органам дознания поручения о производстве любого следственного либо иного процессуального действия. Так, в соответствии с действующим уголовно - процессуальным законодательством следователь сам должен осуществлять такие действия, как привлечение лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), его допрос (ч. 1 ст. 173 УПК РФ), назначение судебной экспертизы (ч. 1 ст. 195 УПК РФ) и др.

Наряду с осуществлением предварительного следствия по уголовному делу следователь также наделен полномочиями по принятию, рассмотрению и проверке сообщений о любых готовящихся или совершенных преступлениях (ст. ст. 144, 145 УПК РФ). Он осуществляет иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Следователь составляет и направляет обвинительное заключение прокурору.

Следователь определяет ход расследования, иными словами выдвигает версии, определяет круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу, и источники доказательственной информации, самостоятельно соби-

рает доказательства, осуществляет их проверку и оценку по внутреннему убеждению, что и составляет процессуальную самостоятельность.

В законе нет конкретно сформулированного понятия процессуальной самостоятельности следователя и в чем она должна выражаться, но основываясь на мнении процессуалистов, можно сделать вывод, что процессуальная самостоятельность следователя - положение уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которым следователь самостоятельно решает и направляет следствие, несет полную ответственность за своевременное и законное его проведение.

Анализируя процессуальную самостоятельность следователя, необходимо выявить общие правила процессуальных действий и предложить их формулирование. Для этого необходимо показать разграничение понятий «следственные действия» и «процессуальные действия».

В.Г.Мкртчян говорит о следственных действиях как о «виде познавательной деятельности следователя и иных управомоченных законом лиц, осуществляемой в стадии предварительного расследования и при расследовании вновь раскрывшихся обстоятельств на основании и в соответствии с регламентированным законом порядком обнаружения, исследования, фиксации и изъятия доказательств» [3, с.127] .

Некоторые процессуалисты к следственным действиям относят еще и другие процессуальные действия, и процессуальные решения.

В соответствии с п.32 ст. 5 УПК РФ к процессуальным действиям относятся следственные, судебные и иные, предусмотренные уголовно-процессуальным правом, иными словами, это могут быть любые действия, регламентированные уголовно-процессуальным кодексом[1].

В большинстве случаев использования терминологии уголовно-процессуального права выражаются в сочетании «следственные и иные процессуальные действия».

Все вышесказанное приводит к выводу что понятие «следственные действия» и «процессуальные действия» не идентичны, хотя имеют определенную взаимосвязь.

Процессуальная самостоятельность следователя, как уже упоминалось выше, не является безграничной. Например, процессуальная самостоятельность при прекращении уголовного дела или уголовного преследования имеет место не при всех основаниях. Если дело отменяется в связи с прекращением или необоснованным постановлением следователя, считаем, что процессуальная самостоятельность не затрагивается.

В том числе существует и проблема двойного контроля со стороны руководителя следственного органа и прокурора. Согласно п. 11 ч. 1 ст. 39 и п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ руководитель следственного органа и прокурор наделены полномочием на возвращение уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования[1]. В итоге разные позиции руководителя следственного органа и прокурора мо-

гут быть причиной затягивания принятия решения о направлении уголовного дела в суд, ущемлять процессуальную самостоятельность следователя.

В соответствии с п.15 ч.2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе вернуть уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. В случае, если следовать и руководитель следственного органа не отреагируют на требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, то в любом случае им придется подчиниться, но только когда уголовное дело будет направлено с обвинительным заключением. Но важно помнить, что важным принципом прокурорского надзора является принцип непрерывности надзора. Прокурор не может не реагировать на выявленные нарушения в ходе предварительного следствия и дожидаться окончания предварительного следствия и направления уголовного дела с обвинительным заключением. В этой связи актуальным выглядит вопрос о направлении уголовного дела минуя прокурора в суд с ходатайством, поданным следователем с согласия руководителя следственного органа, о прекращении уголовного дела и назначении данному обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). Не в полной мере ясно как государственный обвинитель должен поддерживать это ходатайство следственных органов в суде, если прокурор не давал согласие на направление этого уголовного дела. Как нам представляется, противоречия между правоохранительными органами, в конечном счете, отражаются на качестве защиты прав и законных интересов потерпевших. Отсутствие обязательности актов прокурорского реагирования для органов следствия приводит к тому, что нарушается конституционный принцип беспрепятственного доступа населению к правосудию (статья 52 Конституции Российской Федерации).

С другой стороны как верно отмечает И.В. Ткачев, прокурор, отвечая за результаты предварительного следствия, не имеет при этом реальной возможности осуществлять эффективный надзор за его качеством. По его мнению, прокуратура в настоящее время фактически лишена возможности осуществления уголовного преследования, что в сложившихся условиях препятствует адекватному реагированию на выявленные в ходе осуществления надзорной деятельности нарушения закона [4]. Мы поддерживаем данное утверждение применительно к досудебному производству.

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящий момент независимость следователя при производстве предварительного расследования, к сожалению, является фикцией. В действительности следователь является процессуально зависимым лицом. Независимость следователя скла-

дывается из нескольких аспектов, которые взаимосвязаны между собой и их полноценная реализация возможна только в связи с друг другом - только созданием единого следственного аппарата не решить проблему процессуальной независимости следователя. Процессуальная независимость следователя автоматически не приведет к скачку качества предварительного расследования, но процессуальная независимость является важнейшим принципом формирования правового статуса следователя и ее значение велико для успешного выполнения стоящих перед ним задач.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 1.09.2017).
2. Аникеев Р. С. Расследование преступлений, как самостоятельная функция следователя в российском уголовном процессе // Молодой ученый. 2015. №8. С. 707-709.
3. Мкртчян В. Г. Процессуальная самостоятельность следователя [Текст] // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 126-129.
4. Ткачев И.В. О необходимости расширения полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью Следственного комитета // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 53-58.
5. Чупаков Ю. В. Процессуальный статус следователя в уголовном процессе // Молодой ученый. 2014. №17. С. 409-411.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Диденко Николай Сергеевич. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса.
Ростовский юридический институт МВД России, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова: следователь, прокурор, руководитель следственного органа, процессуальная самостоятельность следователя.

УДК 343.1

Долина М. Ю.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ ГРУЗОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

В статье рассматриваются особенности криминалистической характеристики хищений грузов на железнодорожном транспорте. По мнению автора, трудности расследования хищений грузов порождаются рядом обстоятельств, главными из которых являются особенности работы железнодорожного транспорта. Поэтому, чтобы изменить ситуацию, правоохранительным органам необходимо в совершенстве владеть организацией и методикой расследования хищений грузов, одним из основных этапов которых является определение криминалистической характеристики рассматриваемых хищений.

Транспорт играет важную роль в экономическом и социальном развитии государства. Одним из условий нормального функционирования транспорта является обеспечение общественной безопасности на его объектах. Справедливым, с нашей точки зрения, представляется мнение Ю.В. Степаненко о том, что по уровню общественной значимости транспорт занимает одно из ведущих мест в системе общественных отношений, обеспечивая материальную составляющую коммуникативной системы общества. Как инфраструктурная отрасль народного хозяйства, транспорт объединяет отдельные регионы в единое политическое и экономическое пространство» [1].

Наиболее распространенным видом транспорта является железнодорожный транспорт, который в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [2] является составной частью единой транспортной системы Российской Федерации. На сегодняшний день в Российской Федерации находятся 17 железных дорог, протяжённостью 86000 км, 508 железнодорожных вокзалов, 1942 железнодорожных моста, 139 тоннелей, 297 путепроводов, только за период 2016 года в дальнем, пригородном и скоростном сообщении было перевезено 1млрд. 60млн. пассажиров.

Именно на данном виде транспорта происходит наибольшее количество хищений. На протяжении многих десятилетий самыми распространенными преступлениями на объектах железнодорожного транспорта остаются хищения грузов, которые отличаются повышенной общественной опасностью. Ущерб от них исчисляется миллиардами рублей.

Если рассматривать хищения грузов с точки зрения уголовного законодательства, то данные хищения относятся к хищениям, указанным в главе 21 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] «Преступления против собственности». Соответственно, отдельные разновидности хищений,

совершаемых на объектах транспорта, наряду с основным непосредственным объектом – отношениями собственности, имеют и дополнительный объект – отношения по обеспечению безопасного функционирования железнодорожного транспорта. Таковыми являются, в частности, кражи, грабежи и разбои, в процессе совершения которых разрушаются либо повреждаются или иным образом приводятся в негодное для эксплуатации состояние транспортные средства, пути сообщения, средства сигнализации или связи либо другое транспортное оборудование.

Одним из основных этапов расследования и раскрытия рассматриваемых хищений является определение их криминалистической характеристики, под которой понимается научно разработанная система информации о преступлениях и сопутствующих им обстоятельствах, используемая при обнаружении, расследовании и предупреждении преступных деяний.

К основным элементам структуры криминалистической характеристики относятся данные о способе преступления, обстановке его совершения, непосредственном объекте (предмете) преступного посягательства, личности преступника, а в необходимых случаях и личности потерпевшего. Для разработки криминалистических методик расследования преступлений необходимы знания о наиболее распространенных источниках, содержании и условиях получения исходной информации о событиях преступлений [4].

Полагаем целесообразным, в первую очередь остановиться на предмете преступного посягательства. Основную часть похищенных грузов составляют нефтепродукты, металлы и другие сырьевые ресурсы, оборудование, строительные материалы, промышленные товары, запасные части и принадлежности к авто- и сельхозтехнике (аккумуляторы, насосы, фары и др.), изделия из цветных металлов, одежда, обувь, бытовая техника, продукты питания, спиртные напитки.

Что касается мотива хищения грузов, то основным мотивом данной группы хищений является корысть, т.е. получение в результате хищения материальной выгоды. Мотив следует отличать от цели преступления, к которой стремился преступник, совершая преступления. Если мотивом рассматриваемых хищений является корысть, то соответственно целью будет материальное обогащение. Совершая хищения грузов, преступник надеется на приобретение в результате хищений денег, спиртного или иных материальных ценностей.

Следующим элементом криминалистической характеристики хищений грузов является способ хищения. К наиболее часто встречающимся способам совершения хищений относятся: взлом и преодоление запирающих устройств; совершение хищения путем свободного доступа к грузу; преодоление запирающих устройств без взлома; с повреждением вагона (контейнера) цистерны; нарушение правил грузоперевозочного процесса либо документального оформления перевозочных операций [5].

Необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации еще в 1980 году обратил внимание судов Российской Федерации, что в условиях роста грузооборота исключительное значение имеет обеспечение полной сохранности имущества при его перевозках на железнодорожном, воздушном, водном и автомобильном транспорте.Пленум отметил также, что в судебной практике имеются ошибки и недостатки, снижающие эффективность деятельности судов по предупреждению и искоренению хищений грузов на транспорте. Допускаются ошибки в квалификации действий, привлеченных к ответственности по способу совершения хищения, размеру (стоимости) похищенного и другим признакам этого преступления. Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил, что необходимо обратить внимание судов на необходимость строжайшего соблюдения законодательства об ответственности за преступления, связанные с хищением грузов и других материальных ценностей на железнодорожном, воздушном, водном и автомобильном транспорте [6].

Говоря об обстановке совершения преступления, особо следует выделить место и время совершения деяния. При расследовании и раскрытии рассматриваемых преступлений, знание места и времени совершения хищения позволяет существенно ограничивать пределы ведения следствия. Для следователей это поможет лучше спланировать и организовать расследование.

Обращая внимание на личность преступника, можно охарактеризовать его по полу, возрасту, профессии, семейному положению, судимости и другим показателям. Из числа преступников около 90 % составляют лица мужского пола. Более половины всех осужденных за хищения грузов – работники железнодорожного транспорта, среди которых наиболее часто встречаются слесари, составители поездов, грузчики, осмотрщики вагонов, а из числа посторонних для транспорта лиц - шоферы, грузчики клиентских организаций, лица без определенных занятий. Вместе с тем, встречаются случаи, когда и руководители различного уровня в области перевозок грузов привлекаются к уголовной ответственности.

Так, Орехово-Зуевский городской суд Московской области за совершение растраты, совершенной с использованием своего служебного положения (ч.3 ст. 160 УК РФ), вынес обвинительный приговор в отношении начальника восстановительного поезда Московской железной дороги ОАО "Российские железные дороги" С., который в период с января 2010 года по март 2011 года, используя свое служебное положение, похитил вверенное ему дизельное топливо, принадлежащее ОАО "РЖД", общим объемом более 6 тысяч литров на сумму около 86 тыс. руб. Представив подложные документы отчетности, похищенное топливо С. якобы расходовал на работу бульдозера, который на тот момент находился в неисправном состоянии [7].

Что касается последствий преступлений, по-другому их можно охарактеризовать как следы хищения, то они классифицируются по ряду оснований. В зависимости от места локализации выделяются следующие виды следов: следы на месте преступления; на месте обнаружения признаков хищения; в перевозочных и иных документах; на самом преступнике (расхитителе); по месту постоянного и временного проживания преступника, его родственников, знакомых, соседей; на иных объектах. Также о пребывании расхитителя на месте происшествия могут свидетельствовать обнаруживаемые здесь: вещи, документы, следы рук, обуви, транспортных средств, следы биологического происхождения и другие [8].

Таким образом, проанализировав особенности криминалистических характеристик хищений грузов на железнодорожном транспорте, можно сделать вывод, что криминалистические характеристики рассмотренных преступлений служат для следователей и дознавателей, прежде всего, источниками исходных сведений для организации работы по уголовным делам. С момента поступления первичных сведений о событии, имеющем признаки преступления, вся последующая деятельность по проверке поступившей информации, решению вопроса о возбуждении уголовного дела и выбору наиболее правильной программы расследования должна строиться с учетом криминалистической характеристики преступлений, ядро которой составляет информация о криминалистически значимых признаках предмета преступного посягательства, мотива и цели преступления, способа хищения, обстановки преступления, личности преступника и последствий хищения.

---

1. Степаненко Ю.В. Транспорт и правопорядок//Транспортное право.2002. № 2. С.2.

2. Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2003. № 8.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп.) от 13.06.1996 № 63-ФЗ// Российская газета. 1996. № 25.

4. Нудельштейн А.М. Расследование хищений имущества пассажиров на железнодорожном транспорте: Учебно-практическое пособие / А.М. Нудельштейн, О.И. Цоколова. М.: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011 (Б-ка следователя). С. 10-11.

5. Крашенинников С.В., Карпенко В.М. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих установлению по делам о хищении грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта // Вестник криминалистики. 2014. № 1 (49). С. 25.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.1980 № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте»: [Электронный ресурс] URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7608/. (Дата обращения: 10.09.2017).
7. За хищение дизельного топлива осужден начальник поезда [Электронный ресурс]: URL: http://www.rosbalt.ru/moscow/2012/03/19/959112.html. (Дата обращения 10.09.2017).
8. Расследование преступлений против личности и собственности: Курс лекций/под общ. Ред. В.М. Юрина. М., 2011. С. 92-93.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 15.04.2017). М., ПРОСПЕКТ, 2017, 288 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Долина Мария Юрьевна. Преподаватель.
Центр профессиональной подготовки им. Героя России майора милиции В.А. Тинькова Главного управления МВД России по Московской области, 142702, Московская область, г. Видное, Петровский проезд, д. 2.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, хищения грузов, железнодорожный транспорт, расследование.

УДК 343.71

Егоров Н. Н.

СЛОЖИВШИЕСЯ НА ПРАКТИКЕ СЛУЧАИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ЭКСПЕРТОМ

В статье рассматриваются сложившиеся на практике случаи превышения полномочий экспертом: собирание материалов для экспертного исследования.

Развитое уголовно-процессуальное законодательство, во-первых, не должно содержать пробелов, во-вторых, должно быть внутренне непротиворечиво, в-третьих, должно соответствовать исторически сложившемуся правоприменению.

Данные положения не всегда соблюдаются на практике. Так, закон устанавливает, что эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (п.2 ч.4 ст.57 УПК), что предполагает запрет на их поиск, обнаружение и фиксацию.

В статье 57 УПК не раскрывается понятие «материалы». Но если мы обратимся к ст. 199 УПК РФ, то в её ч.1 сказано, что при производстве экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет руководителю

соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства. Таким образом, можно сделать вывод, что под материалами понимаются объекты экспертного исследования. Это подтверждается еще и тем, что в заключении эксперта указываются объекты исследований и материалы, направленные для производства судебной экспертизы (п.7 ч.1 ст.204 УПК РФ).

В соответствии со ст.10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями от 30 декабря 2001 г.) объектами исследований являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, живые лица, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза. Следовательно, эксперт не вправе собирать вышеперечисленные материалы.

Данный запрет на практике зачастую нарушается. С этой точки зрения очень показателен случай, приведенный В.Н. Маховым. На повторную экспертизу был представлен обнаруженный на месте убийства кусок сгоревшей бумаги. Применив самые современные методы, эксперт опроверг вывод первоначальной экспертизы о невозможности восстановления текста и типа бумаги. Было установлено, что это часть газетного листа с текстом на английском языке. Переведя этот текст, эксперт по его содержанию пришел к выводу, что это канадская газета. Определив примерное время ее выхода, эксперт, проявив инициативу и настойчивость, в библиотеке нашел газету, где был напечатан выявленный текст. Результаты работы эксперта имели важное значение для раскрытия преступления [6]. В этом случае описан явный выход эксперта за пределы своей компетенции по собиранию доказательств.

Но в некоторых случаях эксперт целенаправленно собирает материалы для производства экспертизы, что предусматривается, во-первых, ведомственными инструкциями.

Так, производство экспертизы трупа предусматривает при проведении внутреннего исследования трупа и его частей:

- изъятие объектов для дополнительного инструментального и (или) лабораторного исследования;
- направление на инструментальное и (или) лабораторное исследование изъятых из трупа и его частей объектов;
- приобщение к материалам экспертизы результатов дополнительных инструментальных и (или) лабораторных исследований биологических объектов, а также поступивших дополнительных материалов [1].

Во-вторых, собирание материалов в некоторых случаях предусмотрено методикой экспертизы.

Например, при производстве баллистических экспертиз в рамках экспертного эксперимента оружие должно быть приведено в состояние

пригодное для производства выстрела. При необходимости его чистят, смазывают, восстанавливают подвижность деталей, согласованность их взаимодействия. Сломанные или отсутствующие детали допустимо взять из другого экземпляра оружия такой же системы, модели, образца. Характер ремонта и факт замены деталей отражаются в заключении эксперта [5]. Сломанные или отсутствующие детали, как правило, берутся из натурно-справочных коллекций огнестрельного оружия [7].

В-третьих, вещественные доказательства зачастую обнаруживаются в ходе производства судебных экспертиз, особенно когда они ввиду своих свойств не могут быть восприняты и воспроизведены следователем непосредственно или с помощью специалиста имеющимися у них технико-криминалистическими средствами, а могут быть обнаружены только в лабораторных условиях при специально проводимых исследованиях, что предусматривается экспертным заданием. Так, при обыске в квартире сбытчика наркотиков последние обнаружены не были. В связи с этим следователь изъял ряд предметов, которые могли использоваться преступником для обработки и хранения наркотиков. Экспертиза микрообъектов, выявленных в изъятой ступе, установила, что они являются частицами коробочек мака, а химический анализ следов рук подозреваемого, обнаруженных на изъятых предметах, показал, что они оставлены после соприкосновения с опием-сырцом [4].

Поэтому было высказано предложение, что эксперт вправе представлять следователю обнаруженные им доказательства только в случаях, когда они выявлены им случайно и не оказывают влияние на его заключение [2].

С нашей точки зрения это не решение проблемы, требуется законодательное разрешение эксперту собирать материалы для производства судебной экспертизы: во-первых, либо в некоторых очень ограниченных случаях, связанных со спецификой объекта исследования:

а) приведение объекта в рабочее состояние с использованием аналогичных объектов из натурных коллекций;

б) при судебно-медицинском исследовании трупа – изымать части тела, органы и ткани для гистологических, химических и других исследований;

в) для выявления латентных объектов на представленных на исследование предметах с целью определения их свойств и признаков;

либо, во-вторых, разрешить эксперту собирать материалы для производства экспертизы, если это предусматривается: а) методикой экспертизы; б) экспертным заданием, что полностью соответствует полномочиям следователя, предусмотренным ст. 38 УПК.

Этот вариант, по мнению автора, является наиболее предпочтительным, поскольку методики экспертных исследований постоянно совершенствуются, появляются новые, позволяющие исследовать объекты, ранее

недоступные и обеспечивающие надежное сохранение исходной информации о них [3].

И в то же время выборочный опрос, проведенный автором, показал, что прокуроры и руководители экспертных подразделений однозначно выступают против второго варианта. Первый же вариант получил одобрение большинства вышеуказанных лиц как применяющийся на практике.

---

1. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.05.2010 № 346н (действующая первая редакция) «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».П. 39. Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.08.2010 № 18111 // Электронный ресурс: http://disuria.ru/_ld/0/27_pMZSR346n120510.pdf (дата обращения 29 августа 2017 г.).
2. Гордон Э.С. Правовые и организационные проблемы судебно-медицинской экспертизы в советском уголовном процессе: Дис. … докт. юрид. наук / Э.С. Гордон. М., 1991. С. 87.
3. Ищенко Е., Плоткин Д. Особо точные методы проведения экспертиз // Законность. 2003. № 4. С. 26-28.
4. Как раскрываются преступления // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД России. 1999. № 1(98). С. 113.
5. Криминалистическая экспертиза: Курс лекций. Вып. 2: Судебно-баллистическая экспертиза / Редкол.: Ручкин В.А. (отв.ред.) и др.; Под общ. ред. Б.П.Смагоринского. Волгоград: Волгоград. юрид. ин-т МВД России, 1997. С. 132.
6. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2000. С. 205.
7. Петров К. Боеприпаси за огнестрелно нарезно оръжие и тяхното криминалистичиско изследвание. Болгария, Чирпан: Стара Загора, 2000. С. 36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Николай Николаевич. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

Ключевые слова: материалы для экспертного исследования; объекты экспертного исследования; собирание материалов для производства экспертизы; методика экспертизы; экспертное задание.

УДК 343.1

Емельянов Д. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье исследуются механизмы реализации права подсудимого на защиту в ходе судебного следствия по уголовному делу. Повышенное внимание уделено проблемам, связанным с получением показаний данного субъекта уголовно-процессуальных отношений. Анализу подвергаются положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процедуру допроса подсудимого в ходе судебного разбирательства дела.

Среди участников судебного разбирательства уголовного дела ключевой фигурой является подсудимый. На этой стадии процесса законодатель наделил его определенными правами, которые, прежде всего, направлены на реализацию основного конституционного права данного субъекта уголовно-процессуальных отношений – права на защиту [1].

В настоящее время особо актуальными являются вопросы, возникающие в ходе производства допроса подсудимого, который является одним из основных судебных действий, неотъемлемой частью всего судебного следствия по уголовному делу [2]. В качестве исключений служат случаи отказа подсудимого от дачи показаний, осуществление разбирательства дела в его отсутствие в порядке ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ, а также применение особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством допрос подсудимого проводится по правилам ст. 275 УРК РФ, положения которой регламентируют процедуру производства данного судебного действия. Законодатель также предусмотрел возможность подсудимому самому определить любой момент судебного следствия для дачи показаний, но только с разрешения председательствующего (ч. 3 ст. 274 УПК РФ). В качестве причин отказа судьи в реализации данного права могут быть случаи, когда это может затронуть права и законные интересы других лиц, участвующих в ходе судебного разбирательства уголовного дела. К примеру, в этот момент может давать показания другой подсудимый или иной участник судопроизводства. После устранения препятствий осуществления незамедлительного допроса председательствующий обязан выяснить у подсудимого о наличии у него желания воспользоваться правом дать показания [3. С. 286].

Изучение правоприменительной практики показало, что в 80% случаев осуществлялся допрос подсудимых сразу после предъявления доказательств стороной обвинения, в 5% случаев – в завершающем этапе судеб-

ного следствия, а в 15% случаев отказывались от дачи показаний или допрос подсудимого не проводился ввиду применения особого порядка судебного разбирательства [4. С. 90].

Допрос подсудимого осуществляется на основе принципа состязательности сторон, предусмотренного ст. 15 УПК РФ. Сначала его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, затем – государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения (ч. 1 ст. 275 УПК РФ).

В ходе проведенного нами анализа архивных уголовных дел было установлено, что в 16% случаев, несмотря на отсутствие в УПК РФ положений о даче показаний подсудимым в форме свободного рассказа, такая возможность ему предоставлялась судом. В большинстве протоколов судебных заседаний, где сначала право задавать вопросы предоставлялось защитнику или государственному обвинителю, первыми вопросами к подсудимому были такие: «Поясните, что Вам известно об обстоятельствах дела?» или «Что вы можете пояснить по предъявленному Вам обвинению?» [4. С. 88-89]. Подобные формулировки вопросов предполагают свободный рассказ подсудимого. С учетом этого полагаем более удачными положения предыдущего УПК РФ, закрепляющие правило, согласно которому допрос подсудимого начинался предложением председательствующего дать показания по поводу обвинения и известных ему обстоятельств дела (ч. 1 ст. 280).

Центральное место в предмете показаний подсудимого занимает предъявленное обвинение, так как именно с ним связано всё, по поводу чего подсудимый допрашивается в ходе судебного следствия. Если же показания подсудимого никак не связаны с предъявленным обвинением, значит, они не отвечают требованию относимости. С учетом этого в законе указано, что в ходе допроса подсудимого председательствующий обязан отклонить вопросы сторон, не имеющие отношения к уголовному делу (ч. 1 ст. 275 УПК РФ).

Иные обстоятельства, известные по делу, по поводу которых допускается постановка вопросов на допросе подсудимого, - это отнюдь не иные эпизоды деяний, которые ещё ему не инкриминируются, а обстоятельства, не отражённые в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, но входящие в предмет доказывания по данному уголовному делу и по данному обвинению. К таковым обстоятельствам могут относиться мельчайшие подробности, характеризующие субъективную сторону состава преступления, то есть психическое отношение подсудимого к содеянному; данные о роли и конкретном участии каждого из подсудимых по групповому делу; сведения об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления [5. С. 129].

Сторонами и судом в ходе допроса подсудимого также могут выясняться сведения, позволяющие устанавливать наличие или отсутствие

определённых доказательств. Это могут быть сведения о местонахождении доказательств; сведения, с помощью которых устанавливается достоверность и допустимость доказательств, а также те обстоятельства, без выяснения которых невозможно установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

В ходе судебного следствия в равной степени должны быть проверены как показания подсудимого, признающего свою вину, так и его показания о непричастности к совершению преступления. К примеру, З. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 2 п. «б» УК, а именно в том, что он с целью хищения чужого имущества подошёл к шкафу, принадлежащему Р., где взломал навесной замок, открыл шкаф и тайно похитил телевизионный кабель, электрический провод и дрель-перфоратор. Подсудимый вину свою признал частично, сказал, что дрель он не брал и замок не взламывал, т.к. шкаф был открыт. Суд сопоставил показания подсудимого с показаниями потерпевшего Р. и свидетеля С., которые утверждали, что перед посягательством шкаф был закрыт, и в нём находилась дрель. При таких обстоятельствах суд признал показания подсудимого недостоверными и расценил их как способ защиты. По делу был постановлен обвинительный приговор. В другом случае суд положил в основу приговора показания подсудимой М., обвиняемой по ч. 1 ст. 116 УК, мотивируя это тем, что они последовательны и согласуются с другими доказательствами. К показаниям частного обвинителя и свидетелей со стороны обвинения суд отнёсся критически, т.к. они были противоречивы и не подтверждались медицинскими документами. М. была оправдана [6].

В ходе допроса подсудимый вправе пользоваться письменными заметками, которые могут быть в любой момент предъявлены председательствующему по его требованию (ч. 2 ст. 275 УПК РФ).

На основании ч. 4 ст. 274 УПК РФ в случае, если по уголовному делу проходят несколько подсудимых, очередность их допроса определяется судом учетом мнения сторон. На наш взгляд, указанная норма не в полной мере учитывает право подсудимого на защиту. В случае участие в судебном следствии нескольких подсудимых с противоположными интересами сторона обвинения поставлена в более привилегированное положение, так как ей будет значительно легче добиться хотя бы у одного из них показаний, подтверждающих предъявленное обвинение. Следует согласиться с учеными-процессуалистами, которые утверждают, что из правила, которое предусматривает несомненный приоритет стороны защиты в допросе подсудимого, не должно быть никаких исключений [7. С. 542].

Суд вправе по собственной инициативе или по ходатайству сторон удалить из зала судебного заседания одного или нескольких подсудимых во время допроса другого подсудимого (ч. 4 ст. 275 УПК РФ). Как правило, это происходит в случаях, когда интересы нескольких подсудимых не только не совпадают, но и взаимно противоположны. Допуская допрос

подсудимого в отсутствие другого подсудимого, законодатель одновременно гарантирует обеспечение прав этого подсудимого после возвращения его в зал судебного заседания. Председатель обязан сообщить такому подсудимому содержание показаний, данные в его отсутствие, а также предоставить ему возможность задавать вопросы подсудимому, допрошенному в его отсутствие.

1. Андреева О.И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и не иллюзорным // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 4. С. 10-14.
2. Машовец А.О. Актуальные вопросы производства судебного допроса в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 19-28.
3. Есоян Е.А. Особенности судебного следствия по групповым и/или многоэпизодным уголовным делам // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.: В 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 283-287.
4. Емельянов Д.В. Теория и практика участия подсудимого при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции. Дис… канд.юрид. наук. М., 2009. 228 с.
5. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России / Б.Т. Безлепкин. М.: ООО «ТК Велби», 2003. 480 с.
6. Архив Смоленского районного суда Смоленской области, дело № 1-71/07 и № А-10-8/06.
7. Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. проф. А.П.Кругликов. М.: Проспект, 2009. 728 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянов Дмитрий Валерьевич. Кандидат юридических наук, судья.
Смоленский областной суд, 214001, г. Смоленск, пр. Гагарина, д. 23 А.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, право на защиту, подсудимый, допрос, показания подсудимого, судебное следствие.

УДК 343.121

Журавлева Н. М.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ «СОКРАЩЕННОГО» ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа действующего уголовно процессуального законодательства, существующих мнений представителей российского юридического сообщества, автором определяются особенности содержания «сокращенного» дознания как формы предварительного расследования, рассматриваются некоторые проблемы применения указанной формы на практике.

Под расследованием преступлений следует понимать осуществление органами дознания и предварительного следствия процессуальной деятельности, а именно производство следственных и иных процессуальных действий в определенной последовательности в соответствии с действующим законодательством в целях сбора материалов, содержащих информацию о действии или бездействии, которое может иметь признаки преступления, и последующего установления события и состава преступления, виновности лиц в его совершении, принятию мер по возмещению вреда, причинённого преступным деянием, выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Расследование преступлений представляет собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства в его досудебной части, которой предшествует стадия возбуждения уголовного дела. Предварительному расследованию свойственны только присущие ей определенные специфические задачи, процессуальный режим, временные границы в виде сроков, круг участников и итоговые решения. При этом являясь самостоятельной стадией уголовного процесса, цели предварительного расследования совпадают с назначением уголовного судопроизводства.

«Предварительное расследование в зависимости от категории уголовного дела, письменного указания прокурора и иных условий производится в двух формах: в форме дознания либо в форме предварительного следствия» [1, с. 461].

По мнению И.В. Чернышевой, под уголовно-процессуальной формой понимается: «последовательность и порядок совершения определенных действий в рамках, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, по поводу складывающихся в правовом поле общественных отношений по реализации материального права. Соблюдение процессуальной формы гарантирует законность и обоснованность деятельности органов, осуществляющих уголовное производство. Однако недопустимо соблюдение форм ради формы. Форма должна быть наполнена содержанием и целью, которая является маяком любого судопроизводства, а именно, установление

истины путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовных дел» [2].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству производство предварительного расследования обязательно по всем уголовным делам в одной из вышеуказанных форм. При этом дознание может осуществляться в двух формах: дознание в общем порядке или дознание в сокращенной форме. Последнее является современным проявлением дифференциации уголовно-процессуальной формы [3, с. 15].

«Сокращенному» дознанию как форме предварительного расследования присущи свои особенные черты, а именно:

- одновременное наличие основания, в виде соответствующего ходатайства подозреваемого о расследовании уголовного дела с применением дознания в сокращенной форме, и ряда условий, предусмотренных частью второй ст. 226.1 УПК РФ. Некоторые представители юридического сообщества говорят о взаимообусловленности категорий «основание дознания в сокращенной форме» и «условие дознания в сокращенной форме» [3, с. 44-45];

- срок дознания в сокращенной форме уменьшен и составляет 15 суток со дня вынесения дознавателем постановления о производстве дознания в указанной форме с возможным продлением прокурором до 20 суток в случаях, предусмотренных частью девятой ст. 226.7 УПК РФ. Однако, следует отметить, что срок расследования по делу в указанной форме начинает исчисляться со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, которое составляется далеко не всегда в первые сутки. Отсюда вывод, что общий срок расследования по делу не всегда является «сокращенным»;

- при производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме предмет доказывания является общим, при этом существует специфика его законодательной регламентации, выражающаяся в не прямом закреплении в одной статье главы 32.1 УПК РФ, а совокупности положений указанной главы (п.п. 1-3, 5 части первой ст. 226.2, частей первой и второй ст. 226.5, части первой ст. 226.7, части третей ст. 226.9 УПК РФ). В связи с этим, большинство ученных, приходят к выводу, об усечении или сокращении предмета доказывания в случае применения дознания в сокращенной форме, объем которого заключается в установлении события преступления, характера и размера вреда, причиненного в результате преступного деяния, а также установления причастности лица к совершению общественно-опасного, противоправного, виновного, уголовно-наказуемого деяния [4, с. 13; 5, с. 59; 6]. Кроме того, при производстве по уголовному делу дознания в указанной форме ст. 226.5 УПК РФ предусмотрены особенности, не применимые к другим формам предварительного расследования;

- из содержания ст. 226.7 УПК РФ следует, что этап привлечения лица в качестве обвиняемого, как и производстве предварительного рассле-

дования по уголовному делу с применением дознания в общем порядке отсутствует. Статус обвиняемого подозреваемый приобретает после составление в отношении него обвинительного постановления;

- при поступлении уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору, последним в течение трех суток принимается одно из соответствующих решений, не характерных для других форм предварительного расследования, предусмотренных частью первой ст. 226.8 УПК РФ;

- судебное производство по уголовному делу, расследованному с применением дознания в сокращенной форме, осуществляется в порядке, предусмотренном статьями 226.9, 316, 317 УПК РФ.

Основной целью введения производства дознания в сокращенной форме является сокращение порядка, который «позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения» [7].

На основании изложенного, полагаем, что упрощение и ускорение досудебного производства в случаях расследования уголовных дел с применением дознания в сокращенной форме достигается посредством соблюдения требований норм, предусмотренных гл. 32.1 УПК РФ, в частности за счет сокращения срока предварительно расследования, особенностей доказывания характерного для производства дознания в сокращенной форме, что и следует из содержания указанного правового института, что свидетельствует о присутствии в сокращенном дознании своего рода «процессуальной экономии».

---

1. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры [Текст]/ под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2017. С. 1060.

2. Чернышева И.В. Проблемы дифференциации форм российского уголовного судопроизводства// Пробелы в российском законодательстве.

3. Зотова М.В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2016. С. 237.

4. Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения// Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12-19.

5. Шайдуллина Э.Д. Дознание в сокращенной форме и разумность сроков уголовного судопроизводства// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 58-61.

6. Чернова С.С. К вопросу о доказывании при производстве дознания в сокращенной форме/ Современные научные исследования и разработки. 2016. № 6 (6). С. 519-521.

7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона Российской Федерации № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлева Наталья Михайловна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса. Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: предварительное расследование, дифференциация, дознание в сокращенной форме, процессуальная экономия.

УДК 343.137

Зайцева Е. А., Гарисов С. М.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

В статье рассмотрены основные этапы формирования в российском уголовно-процессуальном праве новой нормативной общности – правового института судебной экспертизы, показано, что окончательное оформление этого структурного подразделения в праве произошло в связи с появлением правового института специалиста.

Исследуя проблему зарождения экспертизы в России, Л. М. Исаева пришла к обоснованному выводу о том, что «использование специальных познаний в судопроизводстве России до реформы 1864 г. вообще следует **рассматривать как самостоятельную форму – заключение сведущих лиц**, которые были прообразом эксперта и специалиста» [1, с. 46]. Действительно, деятельность этих лиц по осмотру трупов, установлению причин смерти нельзя расценивать как судебную экспертизу в современном понимании: в законе отсутствовала четкая процессуальная регламентация, которая позволила бы отграничить экспертизу от иных видов применения специальных знаний; методическое обеспечение экспертной деятельности только начало оформляться.

С учетом изложенного, нам представляется не совсем верными мнение некоторых авторов, полагающих, что в Уставе уголовного судопроизводства была предусмотрена такая форма применения специальных познаний, как экспертиза [2, с. 12-13], [3, с. 9]. Возможно, формированию такого представления о правовой сущности деятельности сведущих лиц по Уставу уголовного судопроизводства способствовали некорректные комментарии к этому законодательному акту: авторы-составители издания 1991 года упоминали о судебной экспертизе, как о закрепленной в данном акте форме применения специальных познаний [4, с. 299-302].

Как справедливо отмечает Д. П. Чипура, такой вывод может сделать только наш современник, сопоставив положения ныне действующего закона и Устава уголовного судопроизводства. Однако представления о лицах, обладающих специальными знаниями, в годы судебной реформы 1864 г. существенно отличались от наших представлений. Не случайно в Уставе уголовного судопроизводства ни разу не упоминается термин «эксперт», «экспертиза». **Устав уголовного судопроизводства, как и предшествующие ему нормативные акты, не проводил дифференциации специальных знаний, используемых в доказывании по уголовным делам. Статус «сведущих лиц» в большей степени напоминал статус свидетеля** [6].

Термин «эксперт» появился в законодательной лексике и в подзаконных ведомственных актах гораздо позже – в Циркуляре Министерства юстиции от 10 января 1877 г. [6].**Тем не менее, именно в пореформенное время, в конце XIX века шло бурное развитие науки и техники, что способствовало становлению методических основ экспертной деятельности. И отсутствие в законе нормативной регламентации судебной экспертизы не могло сдержать проникновения достижений естественных наук в доказывание по уголовным делам: правоприменительная практика опережала развитие законодательства, диктуя необходимость четкого нормативного обособления уголовно-процессуального института судебной экспертизы в системе доказательственного права**. К этому законодателя подталкивала и разработка учеными-процессуалистами и криминалистами основ теории судебной экспертизы, что нашло отражение в фундаментальных трудах видных юристов того времени [7], [8, с. 192].

В первых декретах советской власти вообще не упоминались термины «эксперт» и «экспертиза». Например, в ст. 13 Декрета ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде» (№ 2) отмечается, что «при разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, судом, по собственному его усмотрению, могут быть приглашены **сведущие лица** в состав судебного присутствия с правом совещательного голоса» [9, с. 41]. Сходные положения были закреплены в ст. 11 Декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 года «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»

[9, с. 66]. В этих нормативных актах нет разделения сведущих лиц на экспертов, специалистов, ревизоров, переводчиков, что характерно для современного судопроизводства. Дифференциация специальных познаний как общая объективная тенденция развития науки проявила себя позже. В частности, уже в 1918 году Постановлением Наркомюста от 23 июля была утверждена инструкция «Об организации и действии местных народных судов», где среди участников судебного разбирательства назывались и **эксперты**, которые участвовали в осмотре вещественных доказательств и допрашивались с предупреждением об ответственности за ложные показания [10]. Анализ содержания положений этой инструкции дает основание утверждать, что, несмотря на применение термина «эксперт», отношение к данной процессуальной фигуре в корне не изменилось: не закреплено обязательное проведение научного исследования, как признак экспертизы, слово «экспертиза» вообще в тексте не упоминается, а статус «эксперта» очень напоминает статус свидетеля (дача показаний, общий вид ответственности – ст. 24 и 25).

К этому времени осуществлялись решительные мероприятия по организационному оформлению экспертной службы [11, с. 11]. Формированию службы судебно-медицинских экспертов, их организационному обособлению способствовало издание Положения «О судебно-медицинских экспертах», которое было утверждено Постановлением Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 24 октября 1921 г. [12]. К началу кодификации советского уголовно-процессуального права были созданы организационные основы для функционирования государственных судебно-экспертных учреждений.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (принят на III сессии ВЦИК 25 мая 1922 г. [9, с. 193-195]) в качестве участника процессуальных отношений, обладающего специальными познаниями, упоминается только эксперт. Таким образом, в **«недрах» правового института сведущих лиц сформировались основы новой для того времени общности уголовно-процессуальных норм – института судебной экспертизы.Фактически законодатель отказался от употребления термина «сведущие лица», что объективно обусловило постепенную трансформацию института сведущих лиц в уголовно-процессуальный институт специальных знаний, в составе которого уже формально обособился правовой институт судебной экспертизы**. Принятие УПК РСФСР 1923 г. способствовало дальнейшему развитию сети государственных судебно-экспертных учреждений. В середине 30-х годов XX века были созданы криминалистические лаборатории в России [13, с. 21, 22]. В 1944 году в Москве была образована Центральная криминалистическая лаборатория Министерства юстиции СССР, на базе которой в 1962 году был создан Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз (впоследствии в 1970 г. переименованный во Всесоюзный научно-исследовательский ин-

ститут судебных экспертиз). В системе МВД СССР существовали экспертные подразделения и организации, включая и научно-исследовательские учреждения (Институт криминалистики, ВНИИ МВД СССР, Центральная криминалистическая лаборатория МВД СССР) [13, с. 26-28]. Функционирование этих научно-исследовательских учреждений создало благоприятную почву для дальнейшего совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства, закономерным итогом которого явилось принятие в 1960 г. новой редакции УПК РСФСР.

Этот кодекс значительно укрепил нормативные основы судебно-экспертной деятельности, и несомненным достоинством УПК РСФСР 1960 года следует считать включение в него 31 августа 1966 года Указом Президиума Верховного Совета значительных дополнений, которые, **впервые регламентировав в российском законодательстве статус специалиста, закономерно закрепили итог нормативного обособления в системе уголовно-процессуального права института судебной экспертизы, разграничили предмет правового регулирования института судебной экспертизы и института специалиста и установили пределы действия норм данных институтов.**

Таким образом, четко прослеживается определенная тенденция в развитии правого института сведущих лиц: изначально из него выделился уголовно-процессуальный институт судебной экспертизы, а затем произошло вычленение новой нормативной общности – института специалиста.

Следует отметить, что в этом длительном процессе проявили себя диалектические закономерности развития правовой материи: шло поступательное накопление изменений нормативного материала в части регламентации статуса специалиста, и когда их количество достигло критического параметра – произошел качественный скачок, который выразился в формулировании законодателем целой плеяды норм в 1966 году, которые окончательно размежевали в общем институте специальных знаний два института – судебной экспертизы и специалиста.

---

1. Исаева Л. Зарождение экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Законность. 2004. № 3.

2. Филиппов П. М., Мохов А. А. Использование специальных знаний в судопроизводстве России / под ред. доцента Н. И. Авдеенко. Волгоград: ВА МВД России, 2003.

3. Смородинова А. Г. Участие специалиста на стадии предварительного расследования: Учебное пособие. М., 2002.

4. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991.

5. Чипура Д. П. Использование специальных экономических знаний при расследовании преступлений (уголовно-процессуальные и организационные аспекты): дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 20-21.

6. Щегловитов С. Г. Судебные Уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. Издание третье, исправленное, дополненное и переработанное. СПб., 1887. С. 442-443. (Цит. по: Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 317)
7. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. (Цит. по: Исаева Л. М. Указ. соч. С. 20-21).
8. Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1966. Т. 1.
9. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917-1954 гг.: Сборник документов / под ред. С. А. Голунского. М., 1955.
10. СУ 1918 г. № 53, ст. 597.
11. Миронов А. И. Судебно-экспертные учреждения Царской России // Экспертная практика, вып. № 46, М., 1999.
12. СУ 1921 г. № 75, ст. 616.
13 Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Елена Александровна. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД.
Волгоградская академия МВД России, 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Гарисов Саид Магомедтагирович. Адвокат.
Махачкалинская коллегия адвокатов № 1, 367000, г. Махачкала, ул. Даниялова, д. 18.

Ключевые слова: судебная экспертиза, правовой институт судебной экспертизы, нормативная общность, институт специалиста.

УДК 343.148, 340.69

Зеленина О. А.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируются вопросы обеспечения прав и интересов потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела. Предлагаются законодательные изменения, позволяющие оптимизировать процессуальный механизм реализации интереса потерпевшим в стадии возбуждения уголовного дела.

В уголовном процессе все решения, принимаемые должностным лицом, так или иначе связаны с юридической оценкой деяния, которая имеет место уже в стадии возбуждения уголовного дела. При решении вопроса о наличии-отсутствии основания к возбуждению уголовного дела, должностное лицо оценивает такое деяние, соотнося фактические события с конкретным составом уголовного закона. Оценка имеет характер предварительный, промежуточный, но, тем не менее, является вполне официальной, поскольку в значительной степени определяет процессуальные действия, осуществляемые в ходе производства по уголовному делу.

С одной стороны, должностное лицо оценивает деяние, обладая малым количеством информации, свое решение обосновывает не доказательствами, а сведениями, полученными в результате проверочных действий, производство которых, к тому же ограничено процессуальными сроками стадии. Такая юридическая квалификация является несколько условной, впоследствии она может не только изменяться и уточняться в ходе предварительного расследования, но уголовное дело вполне может окончиться прекращением уголовного дела, в том числе, по реабилитирующим основаниям. «Возбуждение уголовного дела - начальная, самостоятельная стадия уголовного процесса, которая не связана с формулированием и предъявлением обвинения. На этой стадии уголовного процесса компетентным органом, включая суд, фиксируется лишь факт обнаружения признаков преступления, что является законным основанием для проведения предварительного расследования. Понятие признаков преступления не тождественно понятию состава преступления. Только в ходе предварительного расследования устанавливается состав преступления, все его элементы, и в этом случае формулируется и предъявляется компетентным органом, кроме суда, обвинение конкретному лицу, и в конечном итоге уголовное дело передается в суд либо орган предварительного расследования фиксирует факт отсутствия состава преступления и прекращает уголовное преследовании»[1].

С другой стороны, решение о правовой оценке, представленное в постановлении о возбуждении уголовного дела является хоть и первоначаль-

ным, однако влечет соответствующие юридические последствия, пусть и не сопоставимые по своему характеру с решением о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Следует отметить, что в последние года законодатель существенно оптимизировал нормы УПК РФ, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела. В частности, появились значительные полномочия у адвоката, регламентирован статус сведений, получаемых в ходе производства следственных действий до возбуждения уголовного дела, регламентированы права субъектов, вовлекающихся в производство проверочных действий и т.д.

Одно из решений, которое следует расценивать как процессуальную гарантию для потерпевшего, содержится в части 2 ст. 145 УПК РФ, обязывающей должностное лицо сообщить заявителю о принятом решении; ему разъясняется право обжаловать данное решение и порядок обжалования. В данном случае необходимо обратить внимание на ряд возникающих вопросов.

Во-первых, упоминая в ч. 2 ст. 145 УПК РФ заявителя как субъекта процессуальных правоотношений, законодатель не ведет речь о потерпевшем. Вместе с тем, не каждый заявитель фактически является потерпевшим. Имеют место случаи, когда, например, о краже, заявляет не владелец (хозяин квартиры), а соседи, обнаружившие указанное преступление. Возвращение хозяина ожидается через длительный период времени (например, владельцы квартиры находятся за границей). Даже в случае своевременного уведомления владельцев жилища о факте кражи, последние не всегда имеют возможность незамедлительно приехать, что может быть обусловлено объективными причинами. В данном случае такой заявитель после возбуждения уголовного дела будет участвовать не в статусе потерпевшего, а в качестве свидетеля.

Во-вторых, в УПК РФ не указан срок, в течение которого должностное лицо должно сообщить заявителю о принятом решении. Очевидно, что такое обстоятельство создает некоторую почву для злоупотреблений и халатности со стороны должностных лиц.

В-третьих, в 2013 г. часть 1 ст. 42 УПК РФ дополнена требованием о признании лица потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Фактически такое решение должно следовать за решением о возбуждении уголовного дела, принятием дела к своему производству. Возникает вопрос - что же мешает уведомить о принятом решении не заявителя, а потерпевшего?

В-четвертых, в ситуации, когда должностное лицо приняло решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а заявитель не является лицом, чьи интересы пострадали в результате преступления, возникает вопрос - каким образом заинтересованное лицо узнает о принятом решении.

Полагаем, что решением указанных вопросов явилась бы регламентация в УПК РФ процессуального положения такого участника как «лицо, пострадавшее в результате преступления». Указанный субъект не должен, по-нашему мнению, заменять заявителя в стадии возбуждения уголовного дела, но может совпадать с ним в одном лице. Признак который определяет этого субъекта - наличие в деле личного интереса, которому преступлением причинен вред. После возбуждения уголовного дела статус такого участника трансформируется в процессуальный статус потерпевшего.

Содержание процессуального статуса «лица, пострадавшего от преступления», должно предусматривать весь объем правомочий заявителя. Но, кроме того, этому субъекту необходимо предоставить право лично знакомиться с материалами проверки, на основании которых принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то есть с материалами, на основании которых должностное лицо приняло это решение. Указанное право позволит этому участнику не только быть осведомленным о принятом решении, но позволит оптимизировать механизм защиты своих интересов в ходе уголовного судопроизводства.

В заключении необходимо еще раз отметить, что решение о возбуждении уголовного дела предполагает юридическую оценку деяния, и пусть она имеет условный характер, такое решение влечет вполне конкретные правовые последствия, а должностные лица, в свою очередь, получают широкие полномочия, позволяющие вторгаться в область личных прав и свобод граждан, в том числе, охраняемых Конституцией РФ. Поэтому, обеспечение прав участников может быть гарантировано только в том случае, если будет соблюден соответствующий баланс между государственными притязаниями в лице должностных лиц и качеством, количеством процессуальных средств, предоставленных субъектам в защиту своих интересов.

---

1. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.В.Витрука по делу о проверки конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П.Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П.Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газ. 2000. 2 февраля. № 23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зеленина Ольга Александровна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, потерпевший, заявитель; лицо, пострадавшее в результате преступления, права, интересы.

УДК 343.13

Зырянова Е. Е.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЧАЛЬНИКОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального закона, регулирующие деятельность начальника подразделения дознания. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в процессе производства дознания. Основным выводом проведенного исследования является необходимость в совершенствовании ряда положений УПК РФ, а также восполнение имеющихся в них пробелов.

Слово «принцип» вошло в наш обиход во времена Петра Iиз немецкого языка в значении «главная, исходная точка; основное, исходное положение». Однако это понятие имеет латинское происхождение и означает «первоначало какого-либо явления, исходную точку, отправное положение».

Вопросы, касающиеся понятий и сущности принципов уголовного процесса, всегда были темой научных дискуссий, и по сей день остаются актуальными в научных спорах.

С общеправовой точки зрения следует согласиться с мнением Д.А. Лепинского, считающего, что «принципы права - это отправные идеи (начала, положения), характеризующие сущность, содержание и назначение, а также определяющие законодательную и правоприменительную практику…»[1].

Таким образом, понятие уголовно-процессуальных принципов можно сформулировать следующим образом - это закрепленные в Конституции РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ основополагающие идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его характер, сущ-

ность и назначение, раскрывающие содержание и значение уголовно-процессуальной деятельности в целом.

Назначение принципов уголовного процесса заключается, прежде всего, в обеспечении стабильности уголовного судопроизводства, обоснованности решений, принимаемых в уголовном процессе и поддержание комфортной правовой среды для участников и субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Одним из важнейших, определяющих правовое положение является принцип разумного срока.

Названный принцип предполагает и качественное разрешение уголовного дела, и быстроту производства по нему. Введенный в действие Федеральным законом от 30.04.2010 г. №69 ФЗ принцип «разумного срока уголовного судопроизводства», хотя и был положительным шагом совершенствования действующего закона, но многими учеными был воспринят неоднозначно.

Позволим себе привести в пример мнение В.М. Быкова, который отрицательно относится к выделению требования о разумном сроке в качестве самостоятельного принципа и высказался о том, что «при всей важности процессуальных сроков для уголовного судопроизводства они по своему назначению не имеют такой же правовой ценности, как принципы уголовного судопроизводства. Нормы о процессуальных сроках никак нельзя отнести к принципам уголовного судопроизводства, так как они не определяют порядок и построение уголовного судопроизводства. Поэтому помещение законодателем ст. 6.1 о разумном сроке уголовного судопроизводства в гл. 2 УПК, где указываются все принципы уголовного судопроизводства, представляется неуместным» [2].

Мы же считаем, что принцип разумного срока, прежде всего, призван обеспечивать стабильность уголовного судопроизводства и качество разрешения дела. Так как все стадии уголовного процесса, начиная с принятия сообщения о преступлении, пронизывают те или иные процессуальные сроки. За счет их «разумного» соблюдения зависит и законный порядок уголовного судопроизводства, и его построение в целом. Вышесказанное напрямую соответствует общепризнанным критериям отнесения того или иного положения к принципам. А его сквозной характер действия на всех стадиях уголовного процесса только подтверждает это.

Важно отметить и то, что соблюдение процессуальных сроков это обязательное требование для всех участников и субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Законодатель в части 3.1 статьи УПК РФ о «Разумном сроке уголовного судопроизводстве» ставит соблюдение процессуальных сроков в прямую зависимость с достаточностью и эффективностью действий должностных лиц публичных органов, ведущих производство по делу, в том числе и начальника подразделения дознания. Но на начальнике подразделения дознания, как на лице, уполномоченном закон-

но-властными полномочиями, лежит еще и обязанность по контролю над соблюдением процессуальных сроков. На практике, названная обязанность является одним из показателей законности и эффективности его профессиональной деятельности. Отвечая за специализированное подразделение дознания в целом, осуществляя непрерывный процессуальный контроль и руководство им, начальник подразделения дознания, оказывается непосредственно включенным в следующие процессуальные сроки:

- трехсуточный срок принятия решения по сообщению о преступлении;

- десятисуточный срок проверки в случаи продления трехсуточного срока начальником органа дознания;

- тридцати суточный срок проверки в случаи продления срока проверки прокурором;

- процессуальные сроки согласно ст. 223 и гл. 32^1 УПК РФ;

- и другие немаловажные процессуальные сроки (задержание, меры пресечения и процессуального принуждения).

Включаясь в любой из названных сроков, начальник подразделения дознания должен рассматривать множество компонентов определяющих «разумность». А являясь при этом властным субъектом, определять, путем дачи письменных указаний подчиненным сотрудникам, период времени необходимый для принятия того или иного процессуального решения или расследования уголовного дела в целом. Активная и деятельная позиция начальника подразделения дознания в соблюдении этого принципа позволит не только повысить показатели эффективности работы подразделения дознания, но доказать, что дознание может быть быстрым, качественным и самодостаточным.

«Разумный срок» являясь оценочным понятием уголовно-процессуального права отражает количественную продолжительность производства по уголовному делу, стимулирует субъектов, ведущий уголовный процесс, к качественной деятельности, по которой понимается своевременность, достаточность и эффективность процессуальных действий [3].

Подводя итог, хочется сказать, что с учетом современных реалий практики предварительного расследования преступлений, становится ясно, что необходимость в совершенствовании ряда положений УПК РФ еще не отпала. С целью повышения законности, эффективности борьбы с преступностью, усиления правовой защищенности граждан предлагается продолжить системное совершенствование отдельных уголовно-процессуальных норм и институтов, а также восполнение имеющихся в них пробелов.

---

1. Липинский Д.А. Правоотношения и принципы юридической ответственности: Монография / Под ред. д-ра. юрид. наук., проф. Р.Л. Хачатурова. Москва: Изд-во Nota Bene, 2003. 231 с.

2. Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. №11. С. 23.
3. Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М. «Разумный срок» как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве // Уголовное судопроизводство. 2011, № 2. С. 22.
4. Уголовный процесс: учебник/ [Александрова Л.А. и др.]; под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Кобузенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1056 с.
5. Божьев В.П. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс: Уголовный процесс: Учебник для вузов /Под ред. В.П. Божьева. М.:, Спарк, 1998. С. 74-75.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2-х т. Т. 2 [Текст] / М.С. Строгович. М.: Наука, 1970. 516 с.
7. Рябцева Е.В. Принцип разумности в уголовном процессе России [Текст]: монография / Е.В. Рябцева. М.: Юрлитинформ, 2011. 240 с.
8. Урбан В.В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Урбан Вячеслав Владимирович. Москва, 2013. 195 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зырянова Елена Евгеньевна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.
Уральский юридический институт МВД России, 620089, г. Екатеринбург, ул. Родонитовая, д. 12-97.

Ключевые слова: принцип, разумный срок, начальник подразделения дознания, полномочия, стабильность.

УДК 343.13

Калюжный А. Н.

СМЕЖНЫЕ СОСТАВЫ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ И ПРИЗНАКИ ОТГРАНИЧЕНИЯ

В статье анализируются смежные с посягательствами на свободу личности составы преступления; обосновывается необходимость их нахождения в соответствующих главах Уголовного кодекса Российской Федерации; рассматриваются элементы их составов, отделяющих от посягательств на свободу личности; исследуется мнения различных авто-

ров, по изучаемой тематике; выделяется совокупность признаков, отграничивающих их от других составов.

Проведенный нами анализ положений уголовного законодательства, позволяет выделить в его нормах ряд составов преступлений, в которых личная свобода выступает в качестве дополнительного, факультативного объекта. К данным преступлениям будут относиться следующие составы противоправных деяний: подмена ребенка (ст.153 УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст.301 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст.305 УК РФ). По логике законодателя в указанных составах преступлений личная свобода выступает в качестве дополнительного, факультативного объекта, сами же противоправные посягательства направлены на другие объекты.

Так, например, захват заложника в качестве основного объекта преступления предусматривает общественную безопасность, а в качестве дополнительного объекта – личную свободу. Изученная нами научная литература позволяет сделать вывод о поддержании большинством авторов позиции законодателя о размещении ст.206 УК РФ в главе 24 Кодекса «Преступления против общественной безопасности» [1 с.228, 2, с.42].

Совершение захвата заложника может поставить под угрозу не только личную свободу отдельной личности, но и общественную безопасность в целом, безопасность всей системы общественных отношений. В связи с чем позиция, как законодателя, так и большинства авторов, поддерживающих расположение состава захвата заложника в гл.24 УК РФ вполне оправдана.

Исходя из расположения составов преступлений в уголовном законодательстве, к смежным с посягательствами на свободу личности относится и подмена ребенка (ст.153 УК РФ), расположенная в главе 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Проведенный анализ свидетельствует, что в настоящее время в доктрине уголовного права отсутствует единство точек зрения на содержание объекта преступления, предусмотренного ст.153 УК РФ. Например, Н.Ф. Кузнецова и И.М. Тяжкова считают, что рассматриваемый состав преступления в качестве объекта противоправного посягательства направлен на свободу несовершеннолетнего, его интересы по получению нормального развития и воспитания в условиях своей семьи [3, с.178], тем самым выделяя свободу несовершеннолетнего в качестве непосредственного объекта посягательства.

Вместе с тем, большинство авторов: А.И. Рарог, В.М. Лебедев, В.И. Радченко и А.С. Михлин, В.Т. Томин и В.В. Сверчкова и другие считают, что непосредственным объектом подмены ребенка являются интересы семьи, обеспечение ее нормального функционирования, сохранение родственных связей новорожденного с кровной семьей, а свобода несовер-

шеннолетнего выступает в качестве факультативного объекта противоправного посягательства [4, с.141].

Механизм совершения анализируемого преступления предполагает замену одного ребенка другим в условиях, когда ни мать, ни близкие родственники не могут обнаружить подмену ребенка и его идентифицировать, иначе налицо признаки состава другого преступления, предусматривающего похищение человека (ст.126 УК РФ). Именно поэтому мы присоединяемся к точке зрения авторов, считающих, что подмена ребенка в большей степени посягает на интересы семьи, и во вторую очередь на свободу малолетнего, т.к. в данном возрасте ребенок еще не осознает противоправность совершаемых в отношении него деяний. [5 с. 382].

Кроме того, уголовное законодательство предусматривает ряд составов преступлений, опосредованно посягающих на свободу личности и содержащихся в других разделах: незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст.301 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст.305 УК РФ), закрепленных в гл.31 УК РФ «Преступления против правосудия».

Вместе с тем, в уголовно-правовой доктрине отсутствует единое мнение о целесообразности расположения положений данных статей в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия», поскольку ряд авторов считают, что непосредственным объектом данных посягательств выступает в первую очередь, гарантированная Конституцией РФ свобода и неприкосновенность личности, обосновывая свою позицию нарушением именно свободы человека, свободы его передвижения, местонахождения, а уже затем нормальной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда [6, с.9; 7, с.143].

Однако не все авторы критикуют позицию законодателя по данному вопросу, полагая, что непосредственным объектом данных преступлений выступает в первую очередь нормальная деятельность соответствующих правоохранительных органов, а свобода личности выступает в качестве дополнительного объекта [7, с.8; 8, с.9]. Таким образом, позиция авторов, занимающихся изучением данной проблемы, принципиально разделяется в поддержке законодателя относительно расположения рассматриваемых норм в тексте уголовного законодательства и непосредственном объекте посягательства.

Проанализированные нами источники позволяют поддержать позицию авторов, считающих, что состав преступления, предусмотренный ст.301 УК РФ за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей в первую очередь посягает на свободу личности. Именно права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью и подлежат охране в первую очередь, что соответствует требованиям международных нормативных правовых актов и находит свое выражение в

положениях Конституции РФ (ст.2), а затем уже требуется охрана деятельности государства [9, с. 336].

Исходя из изложенного, представляется необходимым и рациональным помещение противоправных посягательств, направленных на свободу личности в гл.17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», объединяющей составы преступлений, непосредственным объектом которых выступает личная свобода. Кроме того, считаем целесообразным исключить состав преступления, предусмотренный ст.301 УК РФ, закрепляющий ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей из гл.31 УК РФ «Преступления против правосудия», в связи с его непосредственным посягательством на личную свободу, и поддерживаем мнение авторов, указывающих на необходимость внесения изменений в ст.127 УК РФ (торговля людьми), добавив квалифицирующий признак: «то же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения» [10, с.142].

В тоже время, состав преступления, предусмотренный ст.305 УК РФ, устанавливающий ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, обоснованно помещен законодателем в гл.31 УК РФ, т.к. наказания, ограничивающие или лишающие свободу личности являются, разновидностями других видов наказаний, а рассматриваемое нами противоправное деяние посягает на нормальную деятельность компетентных органов и не всегда предусматривает в качестве дополнительного объекта личную свободу.

Проведенный нами анализ преступлений, являющихся смежными с посягательствами на свободу личности, характеризуется рядом, присущих ему признаков, среди которых:

а) В качестве основного признака смежных составов с анализируемыми нами преступлениями выступает объект преступной деятельности, которым являются различные общественные отношения и деятельность, определенные соответствующей главой уголовного законодательства, но не личная свобода, проявляющая себя в качестве дополнительного объекта преступления. Исключением, как мы считаем и указывали, является состав преступления, предусмотренный ст.301 УК РФ, закрепляющий ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, но помещенный законодателем в главу 31 УК РФ.

б) В отличие от посягательств на свободу личности, смежные составы преступлений, как правило, характеризуется отсутствием корыстной цели преступной деятельности. Из всех составов преступлений, образовывающих в своей совокупности анализируемый тип преступлений, корыстная цель наиболее характерна для подмены ребенка (ст.153 УК РФ) и закреплена в качестве альтернативной в диспозиции указанной статьи. Вместе с тем, для оставшихся составов преступлений, входящих в рассматри-

ваемый тип преступных посягательств, корыстная цель не свойственна, что и позволяет нам выделить данный признак в качестве характеризующего.

в) Смежные с посягательствами на свободу личности составы преступлений, находят свое нормативное закрепление в нормах международного права, запрещающих аналогичные виды преступной деятельности. К примеру, Конвенция о правах ребенка 1990 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ряд других.

г) Анализируемые нами составы преступлений, предполагают их совершение специальными субъектами, так или иначе причастными к определенному, профессиональному виду деятельности. Например, для вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст.305 УК РФ) характерно его совершение судьей; для незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей (ст.301 УК РФ) - следователем, осуществляющем производство по делу или судьей; для подмены ребенка (ст.153 УК РФ) – как правило, работниками родильных домов. Из анализируемых составов преступлений по данному критерию «выбивается» состав захвата заложников (ст.206 УК РФ), не предусматривающий специального субъекта для совершения преступления.

Таким образом, смежными с посягательствами на свободу личности составами преступлений, выступают деяния, основным отличительным признаком которых является объект преступления, к которым мы отнесли следующие: подмена ребенка (ст.153 УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст.301 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст.305 УК РФ).

---

1. Овчинникова Г.В., Павлик М.К., Коркунова О.П. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы. Спб., 2001, 260 с.

2. Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов. Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. Т.4 М., 2002, 470 с.

3. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть. под ред. д.ю.н, проф. Н.Ф. Кузнецовой, к.ю.н., доцента И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002, 624 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации отв. ред. В.М. Лебедев. М., «Юрайт», 2011, 1359 с.

5. Щербакова Л.Ю., Чаплыгина В.Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-

процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью» Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. С. 380-385.
6. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006, 46 с.
7. Галахова А.В. Преступления против правосудия. Под ред. к.ю.н. А.В. Галаховой. М., 2005, 416 с.
8. Дадаев Х.М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2007, 177 с.
9. Проказин Д.Л., Чаплыгина В.Н. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью» Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. С. 234-239.
10. Мирзабалаев М.Н.Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: Уголовно-правовой и криминологический анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005, 177 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калюжный Александр Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент. Академия ФСО России, 302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

Ключевые слова: свобода личности, уголовное законодательство, смежные составы, состав преступления, признаки преступных деяний.

УДК 343.1

Карпенко О. А.

ДОПРОС НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ: ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДАЧИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Статья посвящена теме, актуальной для научных и практических сотрудников органов внутренних дел: автор приводит криминалистические рекомендации по совершенствованию тактики допроса недобросовестных свидетелей и потерпевших.

В большинстве случаев свидетели и потерпевшие противодействуют расследованию посредствам дачи заведомо ложных показаний именно во время проведения такого следственного действия, как допрос. На производство допросов, согласно сведениям В.П. Бахина, тратится 80 % рабочего времени следователя (дознавателя), расходуемого на производство следственных действий[1, с. 3]. Вследствие этого, именно от профессионализма и мастерства следователя (дознавателя) в значительной степени зависит качество и результативность расследования.

Тактике проведения указанного следственного действия в условиях противодействия расследованию в науке уделено значительное внимание. Ей посвящены труды А.А. Закатова, Е.И. Замылина, Л.М. Карнеевой, В.П. Лаврова, А.С. Подшибякина, Н.И. Порубова и др. Указанная тема тесно связана с определенными психологическими проблемами, в частности с проблемами восприятия, диагностики заведомой лжи, что еще недостаточно разработано даже в самой науке психологии. В криминалистике не все вопросы, касающиеся осуществления этого следственного действия в условиях противодействия, рассмотрены с достаточной полнотой: не все возможные варианты ситуаций противодействия свидетелей и потерпевших и меры по их нейтрализации в современных условиях учтены в необходимой степени.

В российском уголовном судопроизводстве потерпевшие наделены значительно большими правами, чем свидетели, но процессуальная природа их допроса не имеет различий, поэтому потерпевшие, на наш взгляд, не вполне обосновано, допрашиваются по правилам допроса свидетелей. Безусловно, существуют тактические приемы, которые могут быть применимы к обоим участникам, но все же, в силу различий в процессуальных правах, считаем, что тактика производства следственных действий в отношении потерпевших должна быть значительно шире. Отметим также, что действительно тактика производства следственных действий с добросовестными свидетелями и добросовестными потерпевшими различна, так как «отражение преступления будет иное, следовательно, будет иная система тактических приемов»[2, с. 423]. Тактика же проведения следственных действий с участием недобросовестных свидетелей и потерпевших, по нашему мнению, схожа в силу подобных целей и мотивов дачи заведомо ложных показаний.

Отметим, что именно с допроса недобросовестного свидетеля или потерпевшего чаще всего начинается процесс предупреждения дачи заведомо ложных показаний. Повторным допросом в преодолении лжи в большинстве случаев и завершается - с использованием полученных результатов проведения иных следственных действий. В.П. Лавров справедливо отмечает, что «в мире российской криминалистики лишь относительно недавно (около двадцати лет назад) по настоящему поняли, что допрос является мощным средством решения такой важнейшей задачи следовате-

ля и дознавателя, как выявление противодействия расследованию преступлений и преодоление этого также весьма распространённого негативного социально-правового явления»[3, с. 122].

Наше исследование подтвердило указанное утверждение: в 85 % изученных нами 80 уголовных дел, возбужденных по ст. 307 УК РФ в результате проведения допроса по основному уголовному делу, был обнаружен факт дачи ложных показаний потерпевшим или свидетелем; и для преодоления возникшего противодействия расследованию в 47 % дел была избрана такая мера, как проведение повторных допросов.

Согласимся с В.А. Образцовым, что получению правдивой информации от допрашиваемого способствует применение следователем (дознавателем) в основном тактических приемов логико-психологической природы (создание благоприятных условий для продуктивного проявления психических способностей допрашиваемого, использование психологической реакции, намеренное побуждение к определенному поведению и другое) [4, с. 156].

По своей сущности допрос представляет психологическое общение допрашивающего с допрашиваемым в форме беседы с целью получения достоверных показаний о значимых обстоятельствах по конкретному головному делу [5, с. 9]. В этом аспекте в криминалистической литературе принято выделять три типичные ситуации, которые могут возникнуть на допросе:

1. Бесконфликтная ситуация. Характерна для добросовестных свидетелей и потерпевших. В рамках настоящей статьи мы не будем рассматривать характерные тактические особенности деятельности следователя (дознавателя) в условиях бесконфликтной ситуации.

2. Конфликтная ситуация с нестрогим соперничеством. Предложены такие тактические приемы, как допущение легенды, внезапность, вызов, форсированный или замедленный темп, последовательность, использование слабых мест личности, создание определенного представления об осведомленности следователя, инерция, повторность.

3. Конфликтная ситуация со строгим соперничеством. Беседа, настройка, снятие напряжения, создание незаполненности, выжидание, пресечение лжи, использование положительных свойств личности [5, с. 15-16].

Установка на дачу заведомо ложных показаний или непосредственная их дача – характерный признак конфликтной ситуации.

Справедливости ради следует отметить, что Г.Г. Доспулов классифицировал вышеуказанные тактические приемы применительно к иным участникам уголовного судопроизводства (в частности к свидетелям и потерпевшим). Нами представляется, что перечисленные тактические приемы можно рассматривать в практической деятельности как классические.

Высоко оценивая результаты проведенных исследований указанных выше авторов, нами выявлены также и иные тактические особенности в ходе проведения следственных действий с недобросовестными свидетелями и потерпевшими в условиях современного законодательства.

Следователю (дознавателю) с целью получения достоверных показаний от свидетеля и потерпевшего в ходе проведения допроса, по нашему мнению, необходимо в совершенстве знать и использовать современные существующие и доступные для использования криминалистические средства, методы и основанные на них тактические приемы установления истины при допросе.

В ходе производства допроса обычно может возникнуть несколько вариантов развития ситуации, вследствие этого считаем целесообразным и необходимым следователю (дознавателю) планировать различные варианты вопросов, которые позволят изменить направление допроса, избрать иные криминалистические средства и методы. Перед проведением допроса следует продумать возможные пути развития данного следственного действия и сформулировать примерные вопросы. Не менее важным условием получения правдивых показаний считаем подбор и использование таких тактических приемов следователем (дознавателем) на подготовительной стадии допроса, которые будут направлены на формирование у лица (свидетеля, потерпевшего) положительного отношения к предстоящему следственному действию.

Для своевременного и эффективного преодоления заведомой лжи в показаниях свидетеля и потерпевшего первый допрос имеет важное значение. По данным профессора Н.И. Порубова [6], от первого впечатления на первом допросе, которое производит следователь (дознаватель) на допрашиваемого, зависит его позиция. При положительном впечатлении, правдивые показания 67 % допрашиваемых дали уже на первом допросе, 22 % - на втором, 11 % - на последующих. А.Р. Ратинов справедливо отмечал, что успех в получении правдивых показаний может быть достигнут «деловитостью и корректностью следователя, его чуткостью и тактом, объективностью и внимательностью, настойчивостью и требовательностью, подчеркнуто уважительным отношением к закону и стремлением установить объективную истину. Предвзятость и панибратство, заискивание и высокомерие, нетерпение и нервозность, поспешность или безразличие – такое поведение самым отрицательным образом сказывается на результатах допроса»[7, с. 131].

В ходе проведения допроса с целью преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших достаточно эффективно использование таких криминалистических методов как:

- наблюдение за поведением свидетеля и потерпевшего;

- анализ полученных показаний и их сопоставление с имеющимися доказательствами по делу.

Также во время допроса достаточно прагматично использовать звуко-, видеозаписывающие устройства и некоторые другие технические средства (с обязательным предварительным предупреждением допрашиваемого об этом).

Мы не можем не согласиться с В.Е. Корноуховым, который считает весьма эффективным приемом преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими: «деление свободного рассказа». Особенности данного тактического приема заключаются в том, что следователь (дознаватель) начинает допрос выяснения обстоятельств, которые безразличны для допрашиваемого, но в той или иной степени связан с предметом допроса. Каждый последующий вопрос должен логически вытекать из предыдущего, что определяет воздействие предыдущих правдивых ответов на последующие[2, с. 421]. Отметим, что данный прием необоснованно мало распространен в криминалистической литературе.

В ходе проведения первоначального допроса при обнаружении следователем (дознавателем) противоречий между полученными сведениями от свидетеля или потерпевшего, необходимо наметить и осуществить меры по устранению возникших противоречий. Подобными мерами могут выступать повторные допросы, очные ставки, проверка показаний на месте, назначение и проведение судебных экспертиз и другое.

Роль повторного допроса весьма подробно установил А.А. Шмидт: «Мыслительная деятельность свидетелей, направленная на воспоминание воспринятых им ранее фактов не всегда полностью активизируется на первоначальном этапе допроса. Иногда лишь к концу допроса или на дополнительном либо повторном допросах свидетель подробно вспоминает все детали. Более того, не такими уж редкими являются случаи, когда на первоначальном этапе допроса свидетель ложно представлял себе воспринятые им ранее факты и лишь после уточнения всех обстоятельств, он оказался в состоянии правильно построить суждение и верно передать информацию о воспринятых фактах. На первоначальном этапе допроса свидетели, как правило, дают больше неполных, недостаточно точных и даже искаженных и ошибочных показаний. Многие из этих неточностей, пробелов и искажений устраняются на последующих допросах, и иногда лишь к концу следствия»[8, с. 38-40].

Завершая рассмотрение особенностей тактики производства допроса недобросовестных свидетелей и потерпевших, особо подчеркнем еще раз значимость указанного следственного действия в преодолении противодействия расследованию преступлений во всех его проявлениях и необоснованное и отчасти небрежное отношение следователя (дознавателя) к планированию и непосредственному проведению допроса вышеуказанных участников.

В настоящее время также существует проблема с внедрением в практическую деятельность современных научно-технических средств и мето-

дов в целях разоблачения лжи, таких, например, как полиграф и его использование в расследовании, а также когнитивные методы получения и использования информации. Представляется, что отмеченное положение образовалось из-за отсутствия должного правового регулирования и дефицита кадров специалистов, способных осуществить применение новых средств и методов по конкретным уголовным делам. Надеемся, что в будущем отмеченные нами проблемы будут устранены.

1. Бахин В.П. Полицейский допрос (советы допрашиваемому). Алматы, 1997. 32 с.
2. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. 784 с.
3. Лавров В.П. Допрос как средство выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений: сборник научных статей по материалам межведомственной науч.-практич. конфер. (24 апреля 2015 г.). Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015.
4. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997. 336 с.
5. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М.: Юридическая литература, 1976. 112 с.
6. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: Учебное пособие. М.: БЕК, 1998. 208 с.
7. Ратинов А.Р. Тактика допроса. Криминалистика, Т.2. М.: ВШ МВД СССР, 1970.
8. Шмидт А.А. Тактические основы распознания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 209 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпенко Ольга Александровна. Адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений.
Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: преодоление дачи заведомо ложных показаний, допрос, тактика допроса, недобросовестные свидетели и потерпевшие, современные научно-технические средства.

УДК 343.985

Качалова О. В.

ПОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗУМНОСТЬ СРОКА ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются конкретные практические ситуации, которые свидетельствуют о недостаточности и неэффективности действий дознавателя, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа по установлению необходимых обстоятельств совершенного преступления и своевременному осуществлению уголовного преследования и негативным образом влияют на соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства. Данные вопросы анализируются с точки зрения решений ЕСПЧ, позиции Конституционного Суда РФ и российской практики.

Согласно ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ одним из критериев, определяющих, будет ли срок досудебного производства по уголовному делу разумным, является достаточность и эффективность действий дознавателя, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования.

К числу недостатков досудебного производства, существенно влияющих на срок производства по делу и нередко нарушающих его разумную длительность, относятся:

1. Затягивание решения вопроса о возбуждении уголовного дела и/или неоднократное необоснованное прерывание проверки по заявлению о преступлении в форме вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и последующая отмена таких постановлений. Согласно позициям ЕСПЧ, отсутствие достаточных мотивов для отказа в возбуждении уголовного дела должно рассматриваться как особенно серьёзный недостаток расследования [1, 2].

В своих решениях Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что длительное затягивание решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, а равно неоднократное необоснованное прерывание проверки по заявлению о преступлении в форме вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и последующая отмена таких постановлений, приводит к нарушению разумного срока рассмотрения дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию [3,4,5], а обеспечение права заявителей о преступлении и потерпевших на уголов-

ное судопроизводство в разумный срок зависит не столько от продолжительности досудебного производства по делу (которая может быть связана с большим объемом процессуальных и оперативно-розыскных действий), сколько от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности предпринятых мер для объективного рассмотрения соответствующих требований [3].

2. Неоднократное приостановление и прекращение уголовного дела и возобновление производства по нему.

Конституционный Суд РФ указал, что ч.ч. 6 и 7 ст. 148 УПК РФ не предполагают многократной и произвольной отмены по одному и тому же основанию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с направлением материалов для дополнительной проверки; должны соблюдаться предусмотренные законом сроки для совершения процессуальных действий и заинтересованные лица вправе обратиться к средствам государственной защиты своих интересов, включая судебную [6]; а многократное прекращение и возобновление предварительного следствия недопустимо, поскольку это создаёт постоянную угрозу уголовного преследования в отношении лица, уголовное дело которого было прекращено, и, тем самым, ограничивает его конституционные права и свободы [8]. Согласно проведенным исследованиям, в 93% случаев решения об отмене постановлений о приостановлении производства по делу принимались в связи с неполнотой проведенного расследования [9].

Вместе с тем приостановление и возобновление предварительного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности, если оно сопровождалось принятием необходимых следственных действий [10].

Например, если отмена постановлений следователя о прекращении уголовного дела была обусловлена необходимостью совершения дополнительных следственных действий, направленных на принятие исчерпывающих мер к получению всех возможных доказательств (в том числе по ходатайствам представителя потерпевшей), всестороннего и полного установления обстоятельств ДТП, и, как следствие, истины по делу [11].

Право на разумный срок уголовного судопроизводства может быть признано не нарушенным даже в случае его достаточной длительности при установлении своевременности, тщательности и достаточности действий властей по расследованию и разрешению уголовных дел и соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства.

Это предполагает: своевременность и тщательность производства следственных и процессуальных действий (признак тщательности должен проявляться в серьёзности усилий, принимаемых в целях установления произошедшего) [12], а также их достаточность; своевременность принятия процессуальных решений; своевременность и тщательность составле-

ния и вручения заинтересованным лицам процессуальных документов;своевременность признания доказательств недопустимыми.

Требования своевременности, тщательности и достаточности могут быть достигнуты путем безотлагательного производства необходимых действий после того, как власти были проинформированы о преступлении, поскольку неоправданные задержки в начале производства по делу снижают эффективность процесса в целом.

ЕСПЧ отмечал, что национальные власти обязаны действовать по собственной инициативе, как только им стало известно о происшедшем. Они не могу оставить инициативу по обращению с формальной жалобой или ответственность за проведение каких-либо следственных действий сторонам [13]; следственные действия, чтобы они могли дать значимые результаты, должны быть приняты немедленно после того, как о преступлении поставлены в известность власти [14]; неоправданные задержки в проведении расследования на первоначальном этапе сами по себе компрометируют его эффективность и не могут не сказаться негативно на перспективе установления истины по делу [15].

Оценивая оперативность реакции властей, необходимо учитывать время начала расследования, наличие задержек в получении доказательств и общую продолжительность первоначального расследования [1]; эта продолжительность должна укладываться в разумно короткий срок [13]; использование всех возможных средств для своевременного сбора доказательств при производстве по уголовным делам.

ЕСПЧ отмечал, что государству следует принимать все доступные и разумные меры к получению доказательств и установлению фактических обстоятельств дела; необходимо учитывать различные версии произошедшего [16].

---

1. Постановление ЕСПЧ от 19.03.2009 г. «Полонский (Polonskiy) против России», № 30033/05, § 122.
2. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2014 г. «Ляпин (Lyapin) против России», № 46956/09, § 137.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 г. № 14-П.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 г. № 425-О.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 1258-О.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 1056-О.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 г. № 374-О-О.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2005 г. № 328-О.
9. Якубова С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по делу: дисс. канд. юрид наук. М., 2017.
10. Постановление ЕСПЧ от 26.11.2009 г. «Исмаилов и другие (IsmailovandOthers) против России», № 33947/05, § 96.

11. Решение Пензенского областного суда по делу № 3-6/2012, URL: https://rospravosudie.com/ (дата обращения: 17.09.2017 г.).
12. Постановление ЕСПЧ от 01.07.2010 г. «Никифоров (Nikiforov) против России», № 42837/04, § 48.
13. Постановление ЕСПЧ от 27.07.2006 г. «Базоркина (Bazorkina) против России», № 69481/01, § 117.
14. Постановление ЕСПЧ от 03.07.2008 г. «Гулуева и другие (GuluyevaandOthers) против России», № 1675/07, § 81.
15. Постановление ЕСПЧ от 12.07.2007 г. «Магомадов и Магамадов (MagamadovandMagamadov) против России», № 68004/01, § 106.
16. Постановление ЕСПЧ от 24.07. 2008 «Владимир Романов (VladimirRomanov) против России» № 41461/02.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Качалова Оксана Валентиновна. Доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом проблем уголовного судопроизводства.
Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.

Ключевые слова: разумный срок, досудебное производство, следователь, дознаватель, участники процесса.

УДК 343.1

Кириченко Ю. Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматривается актуальные проблемы назначения и проведения специалистами исследований на стадии возбуждения уголовного дела. Раскрываются обязанности специалиста по отражению им в заключение алгоритма своих действий и применяемых методик.

Стадия возбуждения уголовного дела в силу недостаточной правовой регламентации, скоротечности, специфики уголовно-процессуального доказывания по праву признается процессуалистами одной из самых противоречивых с точки зрения как уголовно-процессуальной характеристики, так и организационно-тактической.

Уголовное дело может быть возбуждено при наличии повода и основания. Поводами к возбуждению уголовного дела являются заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, согласно ч. 1 ст. 140 УПК РФ. [1] Они служат лишь формальной предпосылкой для возбуждения уголовного дела. Для начала производства по уголовному делу требуется наличие наряду с поводами и оснований, которыми, согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Ст. 140 УПК РФ определяет основание для возбуждения уголовного дела как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Содержание понятия «достаточные данные» в законе не раскрывается, а в литературе остается предметом дискуссий.

В стадии возбуждения уголовного дела во многих случаях невозможно установить и по смыслу закона не требуется устанавливать все признаки состава преступления. Достаточно лишь установить признаки объекта и объективной стороны преступления. [2]

В качестве доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, кроме материалов документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и трупов (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ), протоколов осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ), осмотра трупа (ст. 178 УПК РФ) и освидетельствования (ст. 179 УПК РФ), могут быть использованы также справки и иные официальные документы, полученные от должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

При проведении предварительных проверок нередко возникает необходимость в использовании специальных знаний. Анализ практики свидетельствует о необходимости в определенных ситуациях (при ознакомлении с документооборотом, технологическим процессом и др.) привлечения к участию в предварительной проверке специалиста. Данные, полученные с использованием помощи специалиста, зачастую содержат необходимые сведения, указывающие на признаки преступления, либо на их отсутствие, что позволяет принять правильные процессуальные решения по результатам предварительной проверки.

К участию в производстве осмотра места происшествия наиболее часто приглашаются специалисты-криминалисты, которые оказывают следователю (дознавателю) техническую и консультационную помощь в обнаружении, фиксации и изъятии следов контактного происхождения: следов рук, обуви, орудий взлома, транспортных средств, а также веществ, в частности наркотических, материалов и предметов, в частности стреляных гильз, применении фотографических и иных технических средств, в част-

ности металлоискателей. [3] Нередко в осмотре места происшествия участвуют специалисты-кинологи, которые оказывают следователю (дознавателю) помощь в обнаружении источников запаховых следов, определении путей подхода к месту происшествия и отхода от него лиц, совершивших преступление, что способствует целеустремленности осмотра и правильному определению границ места происшествия. В ряде случаев для участия в осмотре места происшествия приглашаются и иные специалисты: столяры, плотники, электрики, слесари, монтажники, пожарные, в сельской местности – агрономы, зоотехники, а для содействия в обнаружении, фиксации и изъятии предметов, находящихся в труднодоступных местах – водолазы, альпинисты, спелеологи.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ правовой регламентации порядка назначения и проведения специалистом исследований на стадии возбуждения уголовного дела, на практике специалисты широко привлекаются на данной стадии уголовного процесса для решения указанных выше вопросов. Кроме того, ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] установил право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. (ч.1 ст. 144 УПК РФ).

Результаты предварительных исследований объектов, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела специалистами по поручению органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, оформляются на практике, как правило, в виде документа, не предусмотренного УПК РФ и именуемого «справка об исследовании», в то время как подобным образом могут быть оформлены и результаты оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов», предусмотренного п. 5 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». [5]

Специалисты – сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в соответствии с п. 53 «Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», проводят исследование представленных им объектов на стадии возбуждения уголовного дела на основании письменных поручений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа. В соответствии с п. 55.4 данного Наставления они оформляют результаты проведенных исследований справкой об исследовании, которая подписывается сотрудником, ее составившем, и руководителем экспертно-криминалистического подразделения. [6]

Подобная форма представления результатов исследований, проводимых специалистами на стадии возбуждения уголовного дела, не позволяет использовать составляемые ими документы в качестве самостоятельных источников доказательств на последующих стадиях уголовного процесса в данном виде. Различия между справкой об исследовании, представленной специалистом, и заключением эксперта в ряде случаев состояли в отсутствии описаний специалистом методики проведенных исследований. [7]

Тем не менее, это не означает, что в отличие от эксперта, который излагает методику своего исследования, как того требует закон (ч. 1 ст. 204 УПК РФ), специалист не проводит исследования представленных объектов. Причина иной, чем заключение эксперта, формы представления результатов применения знаний специалиста видится в отсутствии конкретной нормы закона, указывающей на необходимость полного описания специалистом исследований с указанием примененных методик.

В этой связи было бы целесообразным предусмотреть в УПК РФ отдельную норму, определяющую форму заключения специалиста, в которой закрепить обязательность отражения специалистом в заключении алгоритма своих действий и применяемых методик. Актуальность решения этой задачи обусловлена необходимостью искоренения практики производства экспертиз по результатам исследований, проведенных специалистом до возбуждения уголовного дела, если закон не требует обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Причем, результаты таких исследований признаются достаточными для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но не являются источниками доказательств по тому же самому уголовному делу.

Действительно, согласно ст. 87 УПК РФ, проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, и получения иных доказательств, а, согласно ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Заключение эксперта, полученное на стадии предварительного расследования, также подлежит оценке, а при необходимости и проверке. Оформле-

ние результатов исследований специалиста, проведенных на стадии возбуждения уголовного дела, в виде заключения специалиста, придает им статус допустимых доказательств, оцениваемых по общим правилам оценки доказательств, и позволяет избегать их проверки путем назначения экспертизы и получения заключения эксперта в каждом случае.

Таким, образом, сущность этой стадии заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принуждения и производством следственных действий, предварительное расследование производится лишь в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В этом смысле стадия возбуждения уголовного дела является одной из гарантий соблюдения прав и законных интересов граждан в Российской Федерации.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, от 18.12.2001, № 174-ФЗ, ред. от 29.07.2017 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
2. Семенов Е.А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: монография / Е.А. Семенов; Орловский юридический институт МВД России. Орел, 2012.
3. Семенов Е.А. Специалист в уголовном судопроизводстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Семенов Евгений Алексеевич; [Место защиты: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации]. Орел, 2010.
4. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», ред. от 28.12.2013 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ред. от 06.07.2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
6. Приказ МВД РФ от 11.01.2009 № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.
7. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : В 2 томах. 2015. С. 228-231.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириченко Юлия Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Ключевые слова: актуальные проблемы, уголовно-процессуальные нормы, специалист, заключение специалиста, возбуждение уголовного дела, методика проведения исследования.

УДК 343.1

Колотушкин С. М.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫМ ПОЛЕТАМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ НАД ТЕРРИТОРИЯМИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В статье раскрываются тенденции роста правонарушений, связанных с доставкой на территории колоний и следственных изоляторов запрещенных предметов с использованием беспилотных летательных аппаратов. Принимаемые законодательные инициативы не решают проблемы, требуется комплексные, в том числе организационно-технические, решения. На основе проведенных теоретических и экспериментальных исследований предлагается система обнаружения, оповещения и нейтрализации беспилотных летательных аппаратов за счет радиоблокирования их систем управления и навигации.

В 2016 году в России количество беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) увеличилось в 9 раз у граждан по сравнению с предыдущим годом. Подобная тенденция сохранится и в будущем, это связано, с одной стороны, с финансовой доступностью указанных летательных аппаратов – стоимость квадрокоптера с видеокамерой и дальностью управления не менее 300 м составляет от 6 до 40 тыс. рублей, с другой стороны, пока нет должного правового регламента приобретения и использования БПЛА в воздушном пространстве Российской Федерации.

Согласно 291-ФЗ от 3 июля 2016 г. приняты поправки к Воздушному кодексу РФ, и с 5 июля 2017 года введена обязательная регистрация так называемых беспилотников весом от 0,25 до 30 кг. Постановкой БПЛА на учёт занимается подведомственное Минтрансу предприятие «ЗащитаИнфоТранс», которое разработало технологию идентификации БПЛА с по-

мощью технологии радиочастотных меток - RFID-меток. Радиометки крепятся на корпус устройства при регистрации, позволяют считывать информацию о беспилотнике и его владельце на расстоянии до 300 метров. Данные, полученные от БПЛА, обрабатываются с помощью специального оборудования, становятся доступными оператору считывающего прибора. Регистрация БПЛА весом более 30 кг будет производиться аналогично постановке на государственный учет гражданских воздушных судов.

Следует отметить, что в настоящий момент ФГУП ЗащитаИнфоТранс не производит постановку на учет беспилотных летательных аппаратов, так как не налажена система мониторинга воздушного пространства для БПЛА на территории России. Предлагаемая дальность идентификации БПЛА в 300 метров недостаточна для контроля обширных территорий нашей страны. Кроме того, уязвимым элементом этой системы учета является отсутствие правовых последствий для владельцев БПЛА, не прошедших регистрацию.

По нашей оценке, сегодня на территории России в частном пользовании находится не менее 30 тысяч БПЛА в основном коммерческого класса.

Тенденции развития БПЛА и их массовое использование населением не может не вызывать определенные риски. К числу таких рисков мы относим применение БПЛА для доставки запрещенных предметов на территории учреждений ФСИН России. Начиная с 2014 года стала поступать информация от территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) об использовании БПЛА для доставки на территории учреждений средств мобильной связи и наркотических средств. Так, с начала 2017 г. такие факты были зафиксированы в девяти территориальных органах ФСИН России. Следует отметить, что пока единственным способом обнаружения и перехвата запрещенных предметов, доставляемых БПЛА, является патрулирование основных и прилегающей к колониям и следственным изоляторам (СИЗО) территорий. Данный способ противодействия использованию дронов нельзя отнести к эффективным в силу того, что дальность обнаружения БПЛА минимальна. Так, проведенные нами исследования показали, что в дневных условиях дальность визуального обнаружения БПЛА размерами 0,5 х 0,5 м составляет не более 40 метров. Звук полета БПЛА слышен на дальности до 70 метров в зависимости от направления ветра, отражения звука от зданий и других объектов. Этот звук генерируется лопастями винтов БПЛА.

В ночных условиях БПЛА обнаруживается визуально, если он попадает в зону искусственного освещения, это может быть уличное освещение, свет из окон высоких зданий, отраженный свет от освещенных объектов и т.п. Вне зоны освещения БПЛА визуально не обнаруживается. В ходе проведенных экспериментов было установлено, что ночью при подъеме на высоту более 20 метров даже при фиксации звука от лопастей винтов раз-

глядеть БПЛА невозможно. При подъеме БПЛА на высоту 70 и более метров звук винтов с земли не слышен.

Проведенный анализ случаев захвата сотрудниками учреждений ФСИН России БПЛА и доставляемых ими грузов показал, что в 100% случаев он связан с ошибкой оператора, управляющего беспилотником. В большинстве случаев это падение БПЛА после соударения с малозаметными препятствиями - проводами электросетей и средств связи, проволочными растяжками и т.п. Несмотря на это, БПЛА, по сравнению с другими средствами забросов (рогатки, пневматические мортиры, арбалеты и т.п.), является эффективным средством для доставки груза на территорию учреждения ФСИН России. Это связано с рядом их преимуществ: во-первых, большая дистанция полета БПЛА обеспечивает безопасность оператора; во-вторых, это незаметность подлета к объекту, особенно в ночных условиях; в-третьих, это высокая точность сброса доставляемого груза. В ночное время штатное освещение территорий колоний и СИЗО, где кроме периметра освещены отдельные здания и объекты, позволяет с высот от 20 до 200 метров точно выводить БПЛА в заданную зону полета и зависания для сбрасывания груза. Проведенные нами эксперименты показали, что отклонение точки падения груза от точки прицеливания с указанных высот составляет несколько метров.

Одним из направлений противодействия применению БПЛА является радиоблокирование каналов управления и навигации данных летательных аппаратов. В настоящее время в промышленности накоплен обширный теоретический и экспериментальный материал по борьбе с радиоуправляемыми авиационными средствами. В большинстве случаев указанные разработки велись в интересах Министерства обороны России. В проведенных нами теоретических и экспериментальных исследованиях в первую очередь учитывалась специфика функционирования, режима и охраны учреждений ФСИН России, при этом решались следующие задачи:

- экспериментальная проверка эффективности комплексов выявления и радиоблокирования систем управления и навигации БПЛА, совершающих полет над территориями учреждений ФСИН России;

- проверка возможности настройки дальности выявления и подавления систем управления и навигации БПЛА, совершающих полет над территориями учреждений ФСИН России.

На территории учреждений ФКУ ИК-3 УФСИН России по Республике Татарстан, а также ФКУ ИК-2 и ФКУ ИК-9 УФСИН России по Курской области устанавливались комплексы для обнаружения «Тревога» и радиоподавления «Щит» системы управления БПЛА. Намечались время, маршруты и высоты пролета БПЛА как за пределами, так и над территориями данных учреждений. Имитация сброса предмета на территорию учреждения осуществляется зависанием без перемещения БПЛА на 10 – 15 секунд над заданным объектом.

Проведенные эксперименты показали следующее. Подлет БПЛА к территориям учреждений ФСИН России производился с расстояний от 530 до 1070 метров от внешнего ограждения периметра. При подлете БПЛА к территории учреждения происходило срабатывание системы обнаружения «Тревога», на экране компьютера загоралась выделенная метка и начинал работать звуковой сигнал тревоги. На экране появлялась текстовая информация об идентификации БПЛА. В процессе настроек чувствительности системы обнаружения от 0,5 до 40 Дб менялась дальность обнаружения БПЛА. Во всех случаях подлета БПЛА к территории учреждения происходила его фиксация системой обнаружения «Тревога». Пропусков подлета БПЛА зафиксировано не было.

Анализ полученных результатов показывает, что изменение чувствительности системы обнаружения позволяет настроить требуемую дальность обнаружения БПЛА. При этом учитывается уровень помех в районе применения данных систем.

В ходе проведенных исследований обоснована типизация задач с использованием представленных комплексов «Тревога» и «Щит» по обнаружению и подавлению систем управления и навигации БПЛА:

Задача № 1.Добиться падения (вынужденного аварийного приземления) БПЛА на территории учреждения. Для этого необходимо зону обнаружения максимально приблизить к внешней границе периметра ограждения – от 30 до 50 метров за счет настройки и изменения чувствительности комплекса «Тревога». Система радиоподавления «Щит» должна запускаться с некоторой задержкой по времени с момента обнаружения БПЛА. Это время может составлять от 3 до 12 секунд. За это время БПЛА пролетит над периметром внешнего ограждения и окажется над территорией колонии на дальности от 30 до 120 метров. Для гарантированного падения БПЛА на территорию колонии необходимо согласование и настройка нескольких параметров:

- место установки комплексов обнаружения и подавления БПЛА на территории учреждения в зависимости от его площади и конфигурации;
- чувствительность комплекса «Тревога» для обнаружения БПЛА;
- время задержки и включения комплекса радиоподавления «Щит»;
- мощность комплекса радиоподавления «Щит».

Задача № 2. Не допустить пролета БПЛА к территории учреждения. Для этого необходимо максимально увеличить зону обнаружения БПЛА от внешней границы периметра ограждения – не менее 300 метров. Система радиоподавления «Щит» должна запускаться без задержки, а одновременно со срабатыванием системы обнаружения БПЛА «Щит». Падение (вынужденное аварийное приземление) БПЛА происходит вне территории учреждения.

Задача № 3. Запуск комплекса радиоподавления «Щит» в ручном режиме в зависимости от специфики решаемых оперативных, учебных и иных задач.

В целом проведенные исследования показали, что комплексы «Тревога» и «Щит» надежно обнаруживают и блокируют оба канала управления БПЛА: систему управления полетом и GPS–навигацию. Время блокирования системы управления и навигации БПЛА с момента включения комплекса «Щит» составляет 2 - 3 секунды. Максимальная дальность, на которой обеспечивалось блокирование системы управления БПЛА комплексом «Щит», составила 1070 метров.

Таким образом, проведенные исследования показали, что разработанные комплексы «Тревога» и «Щит» являются эффективными средствами борьбы с БПЛА, несанкционированно используемыми над территориями учреждений ФСИН России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Михайлович Колотушкин. Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник.
Научно-исследовательский институт ФСИН России, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, запрещенные предметы, беспилотные летательные аппараты, противодействие.

УДК 343.1

Копыткин С. А., Назарова А. Б.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКОЙ НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РАМКАХ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена изучению аспектов использования криминалистикой некоторых теоретических конструкций в рамках процесса познания события преступления. Авторами статьи выделятся и анализируются отличия между такими категориями как «механизм преступления» и «криминалистическая характеристика преступления».

Анализируя взгляды ученых – криминалистов на преступную деятельность, возможно констатировать, что данный вид человеческой деятельности представляется многосторонним динамическим процессом, что

неизбежно усложняет его гносеологический аспект. Вместе с тем криминалистика, выделяющая преступную деятельность в качестве объекта для изучения, испытывает, по нашему мнению, определенные затруднения с использованием и систематизацией теоретических конструкций, служащих для познания, описания, и типизации признаков события преступления. Наличие таких смежных категорий как «механизм преступления», «механизм преступной деятельности», «криминалистическая характеристика преступления», «криминалистическая характеристика механизма преступления» вызывает неоднозначное понимание структуры и содержания выше перечисленных понятий, что приводит к мысли, по мнению некоторых учёных, о несостоятельности некоторых из них [1]. Все эти факты, в конечном итоге, вызывают сомнение в научном потенциале теоретических основ криминалистической науки.

Думается, что одним из вариантов выхода из создавшейся ситуации является выявление соотношения основных используемых в настоящее время криминалистических категорий, предназначенных для познания и описания преступной деятельности.

Представляется, что одно из центральных мест среди понятий, раскрывающих сущность события преступной деятельности, занимает «механизм преступления». В этой связи важно иметь в виду, что в системе криминалистки механизм преступления является составной частью общей теории данной науки.

Необходимо особо подчеркнуть тот факт, что, обобщая мнение ученых – криминалистов, например, таких как Т.В. Аверьянова, Р.С.Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р.Россинская [2], В.П. Лавров [3], Е.П. Ищенко и А.А. Топорков [4], В.А. Образцов [5], А.Г. Филипов [6], можно констатировать, что под механизмом преступления они понимают сложную, многокомпонентную, динамическую систему, включающую в себя различное число элементов, а также взаимосвязи между ними.

А.В. Шмонин, проанализировав предлагаемые в литературе подходы к определению понятий «преступная деятельность», «механизм преступлений», «механизм преступной деятельности», констатирует, что их структурными элементами чаще всего признаются: 1) субъект преступления; 2) отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям, а также к соучастникам; 3) предмет преступления; 4) способ преступления как система детерминированных действий; 5) преступный результат; 6) место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления; 7) обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления; 8) поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными и пассивными) события; 9) связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события, между действиями и обстановкой, субъектом преступления и предметом посягательства и т.п. [7].

Все упомянутые А.В. Шмониным элементы в различных вариациях можно встретить в содержании другой теоретической конструкции, также относящейся к процессу познания преступной деятельности и используемой для формирования или выбора наиболее эффективных методов расследования – криминалистической характеристике преступления. Намеренно не вступая в давнюю дискуссию об упомянутой категории, отметим все же, что характер научного спора все чаще от проблем определения понятия и содержания криминалистической характеристики преступления уходит в область оценки целесообразности пересмотра всей концепции или же полного отказа от нее [8]. Думается, что подобная тенденция во многом вызвана схожестью структуры и содержания механизма преступления и криминалистической характеристики преступления. Очевидной, по нашему мнению, является и динамичность рассматриваемых категорий.

Представляется, что основным отличием между категориями «механизм преступления» и «криминалистическая характеристика преступления» является в первую очередь отличие функциональное. Следует согласиться с мнением И.А. Цховребовой о том, что «механизм преступления служит средством познания преступного события» [9] и именно его анализ является целью как для ученых криминалистов, так и для практиков [9]. В отличие от механизма преступления криминалистическая характеристика, по нашему мнению, сочетая в себе свойства системы и научной абстракции, выполняет функцию информационной модели, применяемой для решения непосредственных задач, возникающих в процессе раскрытия расследования и предупреждения конкретной группы преступлений, формируя таким образом эмпирический базис для частных методик расследования.

К другому ключевому различию можно отнести особенности формирования содержания исследуемых категорий. Если в рамках содержания криминалистической характеристики мы имеем дело в большинстве случаев с типизированными данными, то механизм совершения преступления формируется в рамках познания объектов, процессов, явлений и обстоятельств конкретного преступного события. Таким образом, криминалистическая характеристика в широком смысле является одним из результатов процесса познания преступной деятельности, обобщая в себе типизированную по различным основаниям криминалистически значимую информацию. Механизм же преступления, являясь средством познания, представляется, таким образом, теоретической категорией, способствующей практическому анализу любого преступного события.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что категории «механизм совершения преступления» и «криминалистическая характеристика преступления», несмотря на общности в структуре и содержании, динамичности и непосредственном отношении к познанию процесса преступной деятельности, обнаруживают, на наш взгляд, достаточно серьезные

различия в подходах к формированию своего содержания, а также несут существенные функциональные отличия. В связи с этим представляется, что обе теоретические конструкции имеют полное право на существование и требуют дальнейшего изучения и разработки для более полного соответствия интересам практики расследования преступлений.

---

1. Баев О.Я. И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1(3). С. 19; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы Российской криминалистики. М.: Инфра-М-НОРМА, 2001. С. 223.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов [под ред. Р.С. Белкина]. М.: НОРМА, 2006. 990 с.
3. Криминалистика: учебник. [под редакцией А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 26.
4. Криминалистика: учебник. Изд. 2-е, [под ред. Е.П. Ищенко]. М.: «ИНФРА-М», 2006. С. 2.
5. Образцов В.А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. М.,1979. С.20.
6. Агафонов В.В., Бурнашев Н.А., Волков Е.А., Газизов В.А., и др. Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. [под ред. А.Г. Филиппова]. М.: Спарк, 2004.С.3,4.
7. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2006. С. 170.
8. Чурилов С.Н. Криминалистическое понятие, ставшее неприемлемым // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 3(19). С. 43.
9. Цховребова И.А. О функциональном назначении криминалистической характеристики преступления. // «Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений»: Сб. матер. 50 – х криминалистических чтений. М., 2009. Ч. 2. С. 154.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Копыткин Сергей Александрович. Кандидат юридических наук, начальник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы.
Научно-исследовательский институт ФСИН России, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Назарова Анна Борисовна. Научный сотрудник отдела координации, организации и планирования научно-исследовательской работы.

Научно-исследовательский институт ФСИН России, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, ГСП 1.

Ключевые слова: криминалистика; событие преступления; механизм преступления; криминалистическая характеристика преступления.

УДК 343.98

Крайнова О. А.

УЧАСТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В РАЗРЕШЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

В статье проанализированы нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающиеся процессуального положения потерпевшего по уголовным делам. Автор обосновывает идею участия потерпевшего в судебном разбирательстве по уголовному делу касающемся исполнения приговора.

Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 221-ФЗ [2] статья 399 УПК РФ дополнена частью 2.1, предусматривающей право потерпевшего и его представителя участвовать в судебном заседании при разрешении судом вопросов, указанных в пунктах 4 и 5 статьи 397 УПК РФ, то есть об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более легким видом наказания (далее будем упоминать только условно-досрочное освобождение – УДО). Соответственно, часть 3 статьи 399 УПК РФ дополнена указанием на право данных участников судопроизводства знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

Помимо рекомендательных актов, существует Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (ратифицирована Россией). Пункт 3 статьи 25 Конвенции гласит: «Каждое Государство-участник, при условии соблюдения своего внутреннего законодательства, создает возможности для изложения и рассмотрения мнений и опасений потерпевших на соответствующих стадиях уголовного производства в отношении лиц, совершивших преступления, таким образом, чтобы это не наносило ущерба правам защиты» [5].

Вследствие всего вышеизложенного у рассматриваемых новелл статьи 399 УПК РФ, казалось бы, не должно быть противников. Тем не менее, при обсуждении этих новелл в Государственной думе РФ по их адресу со стороны некоторых отечественных юристов прозвучала критика.

Участие потерпевшего в судебном заседании по вопросу об УДО создаст серьезные трудности в «осуществлении правосудия» и соблюдении права осужденного на «своевременное» освобождение. Деятельность суда в рамках главы 47 УПК РФ правосудием названа правильно. Сомнения в этом устранены в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»: рассмотрение и разрешение судами вопросов, связанных с исполнением приговоров, осуществляются в форме правосудия в открытом судебном заседании [4]. Но если указанная деятельность – правосудие, потерпевший должен иметь право участвовать в проводимом в соответствии со статьей 399 УПК РФ судебном заседании, так как статья 52 Конституции РФ гарантирует ему доступ к правосудию, не обусловливая это право осуществлением правосудия в той или иной судопроизводственной стадии [7].

Своевременность УДО определяется законодателем посредством нормативного закрепления совокупности условий, наличие которых определяет саму возможность, а тем самым и своевременность УДО. В 2013 году законодатель, действуя в рамках своей компетенции, отнес к таким условиям возможность для потерпевшего высказать мнение по вопросам, предусмотренным пунктами 4 и 5 статьи 397 УПК РФ [8].

Необходимо выделить «дезорганизацию» работы суда из-за поиска потерпевших. Разыскивать их порой приходится и судам первой инстанции, тем не менее, это не дезорганизует их работу (хотя влечет отложение принятия итогового судебного решения) и, главное, не ставит под вопрос право потерпевшего участвовать в заседаниях суда первой инстанции. Сама по себе необходимость поиска потерпевшего не может служить обстоятельством, «перечеркивающим» его право довести до суда мнение по поводу вопросов, предусмотренных пунктами 4 и 5 статьи 397 УПК РФ, иначе говоря, не может сводить на нет конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию.

Конечно, не исключены случаи, когда поиск потерпевшего действительно может превратиться в длительный процесс, например, из-за смены потерпевшим места жительства ко времени рассмотрения вопросов, предусмотренных пунктами 4 и 5 статьи 397 УПК РФ. Законодатель должен решить эту проблему, не отказывая потерпевшему в доступе к правосудию. Возможное решение: указать в статье 42 УПК РФ на право потерпевшего при смене места жительства уведомить об этом суд, рассмотревший уголовное дело по существу (в архиве которого хранится дело с адресом потерпевшего), для того чтобы в будущем иметь возможность довести до этого, а также до иного суда, в соответствии с частью 3 статьи 396 УПК РФ компетентного разрешать предусмотренные в пунктах 4 и 5 статьи 397 УПК РФ вопросы, свое мнение по ним. В случае, когда данные вопросы будет решать иной (указанный в ч. 3 ст. 396 УПК РФ) суд, он должен уве-

домлять потерпевших о предстоящем заседании через суд, разрешивший уголовное дело по существу. Отсутствие в последнем информации от переселившегося потерпевшего о его новом месте жительства будет означать отказ потерпевшего от реализации своих прав в стадии исполнения приговора [6].

И рассматриваемые новеллы не ограничивают компетенцию действующего в рамках главы 47 УПК РФ суда по «определению срока уголовного наказания» точно так же, как не ограничен в решении данного вопроса суд первой инстанции, при том, что в судебных прениях потерпевший вправе высказать мнение по поводу наказания для подсудимого.

Рассматриваемые новеллы подверглись критике Т.Г. Морщаковой, полагающей, что они недопустимы, так как «преступные группировки будут находить дополнительные способы воздействия на потерпевшего, принуждая его выразить согласие с УДО» [10]. Слово «дополнительно» здесь использовано вполне уместно, поскольку преступники и их окружение, прибегающие к воздействию на потерпевших, начинают его задолго до судебной деятельности, предусмотренной главой 47 УПК РФ. Пик такого (посткриминального) воздействия приходится на стадию предварительного расследования; при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции он обычно уже спадает.

Предотвращению данного воздействия служит Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1]. При этом согласно части 7 статьи 20 указанного Федерального закона применение мер безопасности в отношении потерпевшего возможно и после того, как суд постановит приговор – по решению суда, которое принимается одновременно с постановлением приговора. Если же для такого решения не окажется оснований при постановлении приговора, названный нормативно-правовой акт может (и должен) быть применен вновь – при установлении указанных оснований с началом применения главы 47 УПК РФ. Иначе говоря, проблема решаема в рамках действующего законодательства. А если бы она не была решаемой, об угрозе посткриминального воздействия следовало бы говорить как об обстоятельстве, которое не исключает дополнение статьи 399 УПК РФ рассматриваемыми новеллами, а требует принять законодательные меры для защиты потерпевших. Однако соответствующий (вышеназванный) федеральный закон уже принят.

Необходимо отметить, что приведенные критические замечания по адресу рассматриваемых новелл не относятся к аргументам доктринального характера. Это значит что в той части, в которой они обоснованы (вероятность длительного поиска потерпевшего, его вторичной виктимизации), законодатель должен учесть их, но, безусловно, такие замечания не могут служить основанием для отказа потерпевшему в доступе к правосудию, осуществляемому в рамках главы 47 УПК РФ [5].

Положительную оценку новелл в статье 399 УПК РФ, помимо позиции международного сообщества предопределяет и то, что, как уже отмечалось, деятельность суда в рамках главы 47 УПК Пленум Верховного Суда РФ квалифицировал как правосудие [4]. Данное обстоятельство, исходя из статьи 52 Конституции РФ, исключает запрет для потерпевшего донести до суда свою позицию по вопросам, предусмотренным пунктами 4 и 5 статьи 397 УПК РФ. Это, по нашему убеждению, должно быть принято во внимание Конституционным Судом РФ в его будущих решениях (нет сомнений, что применение рассматриваемых новелл повлечет оспаривание их конституционности осужденными, которым в УДО будет отказано с учетом мнения потерпевшего). Признание новелл неконституционными будет возможным лишь при одном условии: если Конституционный Суд РФ разойдется с Верховным Судом РФ в оценке того, является ли деятельность суда в рамках главы 47 УПК РФ осуществлением правосудия, и проигнорирует упомянутые выше международно-правовые акты.

---

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2017).
2. О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2017).
3. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2017).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН) (ратифицирована Россией) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.
5. Аширбекова М.Т. Уголовно-правовые средства обеспечения интересов потерпевшего в ходе производства по уголовному делу // Северокавказский юридический вестник. Ростов-на-Дону, 2013. № 2. С. 71–76.
6. Брусницын Л.В. О правах потерпевшего в стадии исполнения приговора // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы», 2013. № 6. С. 89 – 95.
7. Брусницын Л.В. Законопроект Верховного Суда РФ об изменениях статей 274 и 281 УПК РФ не соответствует позиции Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М.: Юрлитинформ, 2013. № 4(9). С. 12–18.
8. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодатель-

ства (процессуальное исследование): Монография / Брусницын Л. В. М.: Юрлитинформ, 2010. 464 с.
9. Квашис В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М.: ВНИИ МВД России. 1996. 128 с.
10. URL: http://www.ugpr.ru/newsdet1262 (дата обращения: 20.06.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крайнова Ольга Анатольевна, адъюнкт кафедры уголовного процесса.
Нижегородская академия МВД России, 603950, БОКС-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Ключевые слова: потерпевший, жертва преступления, судебное заседание, условно-досрочное освобождение.

УДК 343.122

Красильников С. В.

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы ответственности за уголовно-процессуальные правонарушения во взаимосвязи с другими видами юридической ответственности в сфере уголовного судопроизводства. Дается авторское видение указанных вопросов. Отстаивается мнение о существовании уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельного вида.

В науке имеется концепция, что в сфере уголовного судопроизводства существуют три вида ответственности – уголовная, административная и дисциплинарная.

Несмотря на это, среди ученых ведется дискуссия о наличии и сущности уголовно-процессуальной ответственности, но до настоящего времени общей позиции по этому вопросу не выработано. Единое понимание сущности уголовно-процессуальной ответственности также отсутствует и у сотрудников правоохранительных органов. В частности, в ходе проведенного нами в 2017 году опроса следователей, дознавателей, начальников подразделений дознания, руководителей следственных органов территориальных органов МВД России 46 % респондентов указало, что под уголовно-процессуальной ответственностью ими понимаются меры принуждения. Аналогичное мнение высказали 73,8 % следователей и сотрудников

оперативных подразделений ГУВД Челябинской области, опрошенных В.С. Вепревым в 2006 году [1, с. 262].

Институт уголовно-процессуальной ответственности, по нашему мнению, имеет место в УПК РФ, и является одним из элементов уголовно-процессуальной отрасли права. Вместе с тем, несмотря на то, что ответственность за нарушения в сфере уголовного судопроизводства предусмотрена не только в уголовно-процессуальной, но и в иных отраслях права, она в полной мере относится к предмету правого регулирования уголовно-процессуального права. Аналогичной точки зрения придерживается А.С. Барабаш, который считает, что если нарушена норма уголовно-процессуального права, то за этим должна следовать, соответственно, уголовно-процессуальная ответственность. При этом он указывает, что в отдельных случаях не только уголовно-процессуальной ответственности, но и уголовно-процессуального наказания недостаточно, и в таких случаях можно прибегнуть к применению санкций, предусмотренных другими отраслями права, к наказанию, но не к ответственности [2, с. 92-93]. Необходимо отметить, что санкция является элементом правовой нормы, но не видом ответственности. В санкции закрепляются меры ответственности, выражаемой в виде конкретных неблагоприятных последствий – наказания (например, штрафа). Существует мнение, что ответственность и наказание (применение санкций) необходимо разграничивать [3, с. 115-117; 4, с. 16 и др.]. Считаем такой подход абсолютно верным для всех видов юридической ответственности, поскольку указанные понятия не тождественны. Понятие ответственности толкуется более широко. Институт юридической ответственности образует такие элементы как субъекты, основания возникновения, механизм реализации и другие. Наказание же сводится лишь к претерпеванию каких-то конкретных неблагоприятных последствий.

Позиция А.С. Барабаша, как нам представляется, достаточно спорна. Если исходить из того, что понятия ответственности и наказания не тождественны, не совсем ясно, как можно применить санкцию, например, административного права, привлекая при этом лицо к уголовно-процессуальной ответственности. На наш взгляд, заслуживает внимание мнение В.С. Вепрева, полагающего, что санкции других отраслей права применяются в уголовно-процессуальном праве, однако не следует возводить это в абсолют и утверждать, что в уголовном процессе это единственная модель ответственности [1, с. 20].

Таким образом, среди ученых-процессуалистов сформировалось мнение, что уголовно-процессуальное право охраняется санкциями не только уголовно-процессуального закона. Необходимо констатировать, что указанная позиция нами не разделяется. Этот вопрос является дискуссионным и актуальным исключительно ввиду несовершенства уголовно-процессуального закона в вопросе ответственности. Известно, что его охранительные начала развиты крайне слабо. Логичной является позиция,

что уголовно-процессуальная ответственность выражается в обязанности правонарушителя претерпеть меры, предусмотренные в санкции норм именно этой отрасли [5, с. 127]. Однако, в настоящее время это невозможно, поскольку в уголовно-процессуальном законе карательные санкции почти отсутствуют.

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что в настоящее время невозможно сосредоточить все вопросы ответственности за нарушение уголовно-процессуальных норм в одном уголовно-процессуальном законе ввиду его несовершенства, при этом нет необходимости «размывать» ответственность на множество отраслей права.

Вопрос о привлечении лица к уголовно-процессуальной ответственности при наличии предусмотренной за эти деяния ответственности в иных отраслях права, является актуальным и одновременно дискуссионным. Его решение не имеет единственного верного варианта. По нашему убеждению, уголовно-процессуальное право должно содержать собственные санкции за нарушения норм, влияющих на нормальный ход уголовного судопроизводства. При этом следует сделать исключение для уголовно-процессуальных правонарушений, содержащих признаки преступления. Ввиду общественной опасности преступлений, исключать из особенной части УК РФ преступления за нарушения в сфере уголовного судопроизводства не представляется возможным. Несмотря на это, А.С. Барбаш, как нам представляется, ошибочно полагает, что в случае если лицо дало ложные показания (подразумевается совершение деяния, предусмотренного ст. 307 УК – С.К.), соответствующие органы могут и должны реализовать уголовно-процессуальную ответственность и лишь затем решать вопрос об уголовной [2, с. 93].

За данное деяние, как известно, в соответствии со ст. 307 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность. Одновременно с этим необходимо отметить, что в соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ свидетель не вправе давать ложные показания либо отказываться от дачи показаний. Аналогичная ситуация с заведомо ложным заключением эксперта. В этой связи можно говорить о межотраслевой коллизии. Так, одно и то же деяние запрещено в двух нормативных правовых актах разных отраслей права. Рассматривая эту проблему необходимо еще раз подчеркнуть, что несмотря на нашу позицию, вопросы нарушений в сфере уголовно-процессуальных отношений должны регулироваться нормами УПК РФ, ввиду исключительности уголовной ответственности заменять ее какой-либо вряд ли целесообразно. Уголовная ответственность как средство выполнения уголовно-процессуальных обязанностей (которые связаны с процессом доказывания) предусматривается и применяется в тех случаях, когда невыполнение определенных процессуальных обязанностей представляет собой повышенную общественную опасность и признается преступлением [6, с. 45]. При этом подразумеваются нарушения уголовно-

процессуальных норм, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Она входит в систему правовых средств, обеспечивающих исполнение обязанностей участниками уголовного судопроизводства. Однако гарантиями, обеспечивающими выполнение уголовно-процессуальных обязанностей, в большинстве случаев служат процессуальные средства, а именно: уголовно-процессуальная ответственность [5, с. 123]. В связи с этим возникает вопрос, каким образом может быть привлечено лицо к уголовной ответственности за нарушение в сфере уголовного судопроизводства, и одновременно не привлечено к уголовно-процессуальной ответственности. Однозначное решение данного вопроса вряд ли возможно. При этом в связи с возникающей коллизией вряд ли возможно подобные вопросы разрешать исключительно средствами уголовно-процессуальной ответственности. С целью недопущения нарушения основополагающих принципов права и законов логики в качестве пути решения данной проблемы нами предлагается предусмотреть основание для освобождения от уголовно-процессуальной ответственности – привлечение лица к уголовной ответственности. Таким образом будет достигнуто соблюдение одного из главных принципов права «Nonbisinidem». В таком случае лицо освобождается от уголовно-процессуальной ответственности, а не только от наказания. Что касается логической цепочки «совершение уголовно-процессуального правонарушение - привлечение к уголовной ответственности» следует еще раз отметить, что указанные ситуации следует рассматривать как исключение.

Справедливости ради следует заметить, что А.С. Барабаш в качестве уголовно-процессуальной ответственности рассматривает, в том числе, факт порицания [2, с. 92]. Такая позиция нами не разделяется. Во-первых, порицание не несет реальных негативных последствий. Во-вторых, принцип «Nonbisinidem» также нарушается, поскольку мерой уголовно-процессуальной ответственности является порицание, и, соответственно, лицо привлекается к двум видам юридической ответственности.

Подводя итог, еще раз отметим, что уголовное судопроизводство охраняется правовым нормами не только УПК РФ, но и законами иных отраслей права. Однако данная ситуация актуальна ввиду несовершенства законодательства. Наша позиция заключается в недопущении «размытия» ответственности за нарушения уголовно-процессуальных норм на другие виды юридической ответственности, в связи с чем УПК РФ нуждается в расширении собственных штрафных (карательных) правовых норм. В связи с наибольшей степенью общественной опасности преступлений необходимо сделать исключение и признать рациональность нахождения в УК РФ ряда статей, предусматривающих ответственность за нарушения в уголовно-процессуальной деятельности.

1. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности. Дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 265 с.
2. Барабаш А.С. Негативная уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. Л, 1987, № 4. С. 89-93.
3. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. Дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1981. 176 с.
4. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность Воронеж, 1984. 191 с.
5. Зайцева И.А., Тугушева Е.В. Соотношение уголовно-процессуальной и уголовно-правовой ответственности // Право. Законодательство. Личность. Саратов, 2010, № 3(10). С. 121-129.
6. Корнуков В.М. Правовые средства, обеспечивающие выполнение обязанностей участников уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса: межвузовский научный сборник. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 43-50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Красильников Сергей Валерьевич. Адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений.
Академия управления МВД России, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность; уголовно-процессуальное правонарушение; виды юридической ответственности.

УДК 343.1

Крылов А. А.

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

Статья посвящена участию адвоката в рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

Порядку разрешения судом вопросов при исполнении приговора посвящена глава 47 УПК РФ. В этой главе всего 6 статей. Отдельные нормы, регулирующие уголовно-исполнительное судопроизводство, содержатся в ряде иных статей УПК РФ. «Удельный вес» норм, определяющих процедуру разрешения судом вопросов при исполнении приговора, составляет примерно 1 % от всего законодательного материала, включенного в УПК

РФ. Этот параметр, безусловно, не имеет ключевого значения для выявления степени или качества правого регулирования отдельного правового института. Однако он значим с учетом нижеследующей статистической информации.

По данным судебной статистики за 2016 г. в России осуждено 740 380 лиц [1] и по первой инстанции было разрешено 748 852 вопросов в порядке главы 47 УПК [2]. Это свидетельствует о большом объеме судебной деятельности, связанной с исполнением приговора, и о высокой значимости института уголовно-исполнительного судопроизводства в системе уголовного и уголовно-процессуального законодательства России.

С 1993 г. остаются неизменными нормы Конституции России о праве каждого на получение квалифицированной правовой помощи и об обязанности государства такое право обеспечить. Действующее российское законодательство не содержит ограничений относительно права реабилитированных или осужденных на получение квалифицированной правовой помощи. Причем сам факт уголовного преследования и вынесения приговора в отношении указанных лиц усиливает необходимость в получении ими юридической помощи. Как верно указывает О.Б. Кузнецова, «осужденные - категория граждан, особенно нуждающихся в оказании юридической помощи, поскольку при отбывании наказания в виде лишения свободы они заведомо находятся в зависимом от администрации исполняющего наказание учреждения положении и ограничены в правомочиях лично защищать свои права и законные интересы» [3].

Вместе с тем и оправданных можно отнести к категории граждан, остро нуждающихся в получении квалифицированной правовой помощи, поскольку они испытали на себе механизмы государственного принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Как верно указывает В.В. Николюк, в юридической науке уголовно-процессуальным аспектам исполнения приговора уделяется гораздо меньше внимания в сравнении с иными проблемами уголовного судопроизводства. «Другие аспекты (судебный контроль за исполнением приговора; особенности доказывания в стадии исполнения приговора: участие адвоката в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора), - отмечает ученый, - менее исследованы учеными-процессуалистами»[4]. Деятельность адвоката в связи с разрешением судом вопросов при исполнении приговора также осуществляется в условиях явно недостаточного правового регулирования. В числе пробельных надлежит, в частности, указать следующие возникающие на практике ситуации.

Участие адвоката в данном виде судебного производства по назначению суда. В ст. 7 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. (в ред. от 2 июня 2016 г.) установлено, что адвокат обязан исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроиз-

водстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда. Из этого следует, что в отсутствии соглашения на оказание правовой помощи адвокат вправе осуществлять свои полномочия только участвуя в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда. В силу требований ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. П. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предписывает, что участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника. Специальных норм о порядке назначения адвоката осужденному или оправданному в уголовно-исполнительном судопроизводстве действующее законодательство не содержит. А ч. 4 ст. 399 УПК РФ предоставляет осужденному право воспользоваться помощью адвоката, а не защитника при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

На текущем этапе развития уголовно-процессуального законодательства в целях оказания квалифицированной правовой помощи осужденным в уголовно-исполнительном судопроизводстве необходимо руководствоваться нормами об осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве. Иначе будет невозможным обеспечить участие в таком судопроизводстве адвоката по назначению суда. Ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитником называет лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Однако п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предоставляет защитнику право участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. Значит применительно к уголовно-исполнительному судопроизводству защитником можно называть лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов осужденных и оправданных, и оказывающее им юридическую помощь при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. В противном случае в отсутствие соглашения об оказании правовой помощи между адвокатом и осужденным или оправданным, привлечение к участию в деле адвоката, а значит и оказание им квалифицированной правовой помощи, по назначению суда, практически невозможно.

Основания участия адвоката в интересах оправданного либо осужденного в судебном заседании, проводимом по правилам ст. 399 УПК РФ. Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. (в ред. от 2 июня 2016 г.) установлено (п. 2 ст. 6), что в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности. Часть 4 ст. 49 УПК РФ предписывает: адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитни-

ка по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Применительно уголовно-исполнительному судопроизводству специальной нормы о порядке подтверждения полномочий адвоката в суде в УПК РФ не содержится. В то же время представляется правильным подтверждение адвокатом своих полномочий в уголовно-исполнительном судопроизводстве ордером, выданным адвокатским образованием и удостоверением.

Момент возникновения у осужденного права на получение квалифицированной помощи и соответственно обязанности у органа государственной власти такую помощь обеспечить. Наибольшую актуальность этот вопрос приобретает в момент и в случае задержания осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы, до рассмотрения вопроса о замене наказания. Фактические последствия такого задержания осужденного идентичны последствиям задержания в порядке ст. 91 УПК РФ, однако юридическая природа таких задержаний различна. В то же время, право у задержанного воспользоваться помощью адвоката в случае задержания в порядке ст. 91 УПК с момента такого задержания прямо предусмотрено действующим законодательством, а в случаях применения п. 18 и п. 18.1 ч. 1 ст. 397 УПК РФ наличие такого права у осужденного законодательно не закреплено. Равно как и не установлено, какой именно орган государственной власти либо должностное лицо должны такое право обеспечить.

Отсутствие надлежащей регламентации участия адвоката в процессе доказывания в уголовно исполнительном судопроизводстве. Предмет доказывания в УПК РФ определен исключительно для производства по уголовному делу. Норм, регламентирующих предмет доказывания применительно к каждому вопросу, подлежащему рассмотрению и разрешению судом при исполнении приговора, в уголовно-процессуальном законе нет. В этих условиях необходимо ориентироваться на соответствующие уголовно-правовые предписания, содержащиеся в Общей части УК РФ. Вместе с тем в силу требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ, обязывающих суд обосновывать и мотивировать судебное постановление, очевидно, что доводы лиц, участвующих в судебном заседании при разрешении вопросов связанных с исполнением приговора должны быть подкреплены доказательствами, полученными из предусмотренных УПК РФ источников и основаны на них. Распределение же бремени доказывания, исходя из процессуального интереса стороны, происходит по принципу, закрепленному в ст. 56 ГПК РФ (ст. 65 АПК РФ). В соответствии с ним каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. А под доказыванием в уголовно исполнительном судопроизводстве следует, по нашему мнению, понимать собирание, формирование, представление, исследование и оценку надлежащих доказательств, подтверждающих обоснованность требований или

возражений относительно обстоятельств, входящих в предмет доказывания по соответствующему вопросу, связанному с исполнением приговора.

Адвокат как представитель потерпевшего при исполнении приговора. С дополнением ст. 399 УПК частью 2.1 право на участие в рассмотрении судом отдельных вопросов, связанных с исполнением приговора, получил потерпевший и его представитель. Однако участие адвоката в качестве представителя потерпевшего в уголовно исполнительном судопроизводстве еще не являлось предметом научного исследования. Данное направление деятельности адвоката также обладает определённой спецификой, обусловленной ограничением прав потерпевшего в уголовно исполнительном судопроизводстве.

Большое число рассмотренных судами отдельных вопросов при исполнении приговоров и достаточно высокий процент отказов в удовлетворении судами обращений органов, исполняющих наказания, свидетельствуют об определенной состязательности сторон в уголовно-исполнительном судопроизводстве. Это дополнительно подтверждает необходимость детальной регламентации в законе участия адвоката в уголовно-исполнительном судопроизводстве.

---

1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2016 года Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.cdep.ru. (дата обращения : 29.09.2017).
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 года Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.cdep.ru. (дата обращения : 29.09.2017) (раздел 4 сумма строк 1, с 3 по 16, с 42 по 47, с 56 по 63 и 66).
3. Кузнецова О.Б. Право осужденных на бесплатную юридическую помощь, оказываемую адвокатом // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 17.
4. Николюк В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылов Артем Александрович. Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Московская академия экономики и права, 117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 23.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, адвокат, исполнение приговора.

УДК 343.13

Кузьменко Е. С.

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ – БЛАГО ИЛИ ВРЕД ИНТЕРЕСАМ ПРАВОСУДИЯ?

В статье исследуются вопросы, связанные с общей характеристикой изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, связанных с прекращением уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также делается попытка определить необходимость существования данного процессуального института в российском уголовном судопроизводстве.

Говоря об особенностях производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности в порядке гл. 51.1 УПК РФ, прежде всего необходимо отметить, что нормы данной главы, по замыслу законодателя, так же, как и нормы гл. 52 УПК РФ, являются результатом дифференциации уголовно-процессуальной формы и представляют собой исключения из общего порядка уголовного судопроизводства. Кроме того, этот вид особого производства по уголовным делам является результатом либерализации уголовного законодательства, вслед за которым претерпевают изменения и нормы уголовно-процессуального законодательства.

Федеральным законом №323-ФЗ от 03.07.2016 г. «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в перечень (систему) оснований прекращения производства по делу введена ст. 76.2 УК РФ, предусматривающая освобождение обвиняемых от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Новелла устанавливает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. При этом необходимо учитывать позицию Верховного

Суда РФ, сформулированную в Постановлении Пленума от 27 июня 2013 г. №19 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 №56) [1] «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [2].

Так, п. 2 Постановления устанавливает, что в ст. ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ, впервые совершившим преступление, следует считать, в частности, лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

В этом же Постановлении № 19 (в ред. Постановления № 56) особо оговаривается, что при освобождении от уголовной ответственности лиц по основаниям, предусмотренным ст. 76.1 УК РФ, необходимо также учитывать примечания к соответствующим статьям УК РФ. Исходя из этого, судам следует иметь в виду, что для целей ст. 76.1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается. [3]

Одновременно в уголовно-процессуальный закон РФ были введены корреспондирующие изменения, которые выразились в появлении новых ст. 25.1 УПК РФ и гл. 51.1 УПК РФ, предусматривающих порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Отметим, законодатель весьма непоследователен в наименованиях данного вида особого производства: так, гл. 51.1 УПК РФ именуется «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности», тогда как формулировка ч. 2 ст. 446.1 УПК РФ звучит как «производство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового ха-

рактера в виде судебного штрафа». Отмеченный факт вносит неясность в понимание правовой природы рассматриваемого процессуального института и, несомненно, требует дальнейших законодательных разъяснений.

В качестве основания к прекращению уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа выступает право суда прекратить уголовное дело, если подозреваемое или обвиняемое лицо (при условии, что характеристика его как субъекта преступления отвечает всем предъявляемым ст. 76.2 УК РФ требованиям) возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Об этом говорится в ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ.

Мерой наказания в этом случае выступает судебный штраф – денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ (ст. 104.4 УК РФ).

Мы солидарны с Т.В. Трубниковой, которая отмечает, что «…у рассматриваемого производства есть свойства, роднящие его как с альтернативами уголовному преследованию, так и с основным производством по уголовному делу. С альтернативами уголовному преследованию его сближает:

1) цель введения данного института. Согласно пояснительной записке к законопроекту, такой целью является исключение негативных последствий, свойственных для «традиционной» уголовной юстиции, а также нецелесообразность применения уголовного наказания в ряде случаев [4];

2) в рамках рассматриваемого производства происходит прекращение уголовного дела или уголовного преследования в отношении лица (совершаемое под условием оплаты штрафа, назначенного судом);

3) у лица, которому назначается мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не возникает судимость.

В то же время данное производство содержит ряд важных признаков, позволяющих отнести его скорее к «ущербному» основному производству, чем к числу альтернатив уголовному преследованию, а именно:

1) альтернативы уголовному преследованию могут применяться только тогда, когда виновность лица в совершении преступления не установлена [5]. Напротив, если в ходе производства дается определенный ответ на вопрос о том, совершило ли лицо преступление (происходит решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и его содержании) – речь идет об основном производстве по делу. Между тем, в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести. В соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, суд должен отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного

штрафа, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайств. Таким образом, данные положения закона означают, что в ходе решения вопроса о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа происходит установление и признание того факта, что возникло уголовно-правовое отношение (совершено преступление), и что преступление совершено лицом, в отношении которого решается вопрос о назначении судебного штрафа, то есть в положительной форме разрешается вопрос о его виновности в совершении уголовного преступления;

2) в соответствии со ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа определяется судом с учетом, в частности, тяжести совершенного преступления. Таким образом, в ходе производства о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа происходит и установление объема права государства на наказание;

3) учет характера и тяжести последствий для лица, в отношении которого назначается судебный штраф, позволяет утверждать, что судебный штраф является мерой уголовной ответственности и сравним по тяжести с уголовным наказанием;

4) хотя в случае назначения судебного штрафа судимость, действительно, не наступает, другие последствия прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа совпадают с последствиями признания лица виновным в совершении уголовного преступления» [6].

Таким образом, на сегодняшний день неясно, какую именно позицию занимает законодатель, вводя, по сути, очередную особую форму производства по уголовному делу, и какова суть этого вида уголовно-правовой меры: это форма освобождения от уголовной ответственности или форма упрощенного судебного слушания дела по существу.

Как указывает Л.В. Головко, «…в классическом понимании судебный штраф должен назначаться без обсуждения доказательств и оценки виновности – как альтернатива уголовному преследованию и рассмотрению дела по существу…» [7]. Однако в настоящее время «…суд должен оценить обоснованность обвинения, то есть речь идет о слушании дела по существу в упрощенном виде, что похоже на так называемую систему судебного приказа… При нынешнем судебном штрафе в УПК РФ суд рассматривает вопрос по существу, решает, виновен подсудимый или нет… При этом в ст. 49 Конституции РФ указано, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда… Судебный штраф, в его сегодняшнем виде, – это приговор, и его либо нужно включить в гл. 40

УПК РФ, либо от него отказаться, так как в случае изучения судом вопроса виновности принимаемое решение ничем не отличается от приговора» [8].

Более того, обратим внимание на тот факт, что Постановление № 19 (в ред. Постановления № 56) не содержит разъяснений относительно того, может ли применяться судебный штраф по уголовным делам о преступлениях с формальным составом, о неоконченных преступлениях, о покушениях, при совершении которых не возникает никаких общественно опасных последствий, в том числе причинения вреда [9].

Поэтому мы солидарны с Л.В. Головко и придерживаемся мнения, что «…не только применительно к судебному штрафу, но и к другим видам прекращения уголовного дела, например, к деятельному раскаянию, суд должен исходить не из технического, слепого следования букве закона, а из его духа и смысла, …тот факт, что обвиняемый не причинил ущерб своим преступлением, не может быть препятствием для применения к нему более мягкой меры воздействия. Из этого исходит, например, вся логика преступления и наказания в уголовном законе. Оконченное преступление всегда опаснее неоконченного, соответственно, оно влечет более суровое наказание» [8].

---

1. Здесь и далее по тексту – Постановление № 19 (в ред. Постановления № 56).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48, от 29.11.2016 № 56) // ЭСПС КонсультантПлюс.
3. Постановление № 19 (в ред. Постановления № 56).
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» / Электронный ресурс. URL: http://asozd.duma.gov.ru. Цит. по: Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования». Международная конференция «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 20-21 октября 2016 года: [к 60-летию доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка: сборник материалов] / редкол. А.В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. С. 368-370.)

5. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора юридических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Москва, 2003. С. 19-20.
6. Ограничение трудовой деятельности (в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних), как для лиц, имеющих или имевших судимость за совершение ряда уголовных преступлений, так и для лиц, в отношении которых уголовное преследование по обвинению в совершении тех же преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 331, 351.1 Трудового кодекса РФ; кроме того, такие лица не имеют права быть усыновителями (ст. 127 Семейного кодекса РФ).
7. Подробнее см.: Головко Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия. // Уголовный процесс. 2017. № 1 // URL: http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=520112.
8. Головко Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия. // URL: http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=520112.
9. Из курса уголовного права известно, что одним из главных условий назначения штрафа является возмещение ущерба или иной способ устранения вреда. Кроме того, проблемной является ситуация, когда лицо, совершившее преступление (к примеру, предусмотренное ст. 158 УК РФ), и возместившее ущерб от этого преступления, суд может освободить от уголовной ответственности и назначить ему штраф, а лицо, которое это преступление до конца не довело, не может; либо к обвиняемому в незаконном предпринимательстве, фиктивной постановке на учет иностранных граждан и т. п., также нельзя применить положения гл. 51.1 УПК РФ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьменко Елена Сергеевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Нижегородская академия МВД России, 603950, БОКС-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Ключевые слова: судебный штраф, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, уголовная ответственность.

УДК: 343.1

Кузнецов Д. Ю.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО И ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Автор анализирует актуальную в современной юридической литературе и правоприменительной практике проблему обеспечения баланса прав потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) при производстве по уголовным делам.

В настоящее время в специальной юридической литературе и следственной практике значительное внимание уделено проблеме обеспечения и соблюдения баланса правового статуса потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) при производстве по уголовным делам [1, 2, 4, 6].

Рассматривая обозначенную проблематику, следует отметить, что отечественное законодательство в этой части изначально наделило потерпевшего, как одного из основных участников уголовного процесса, значительным по своему объему массивом прав. В этой связи содержание статьи 42 УПК РФ свидетельствует о наличии у потерпевшего обширных возможностей практически на всех стадиях движения уголовного дела, что в свою очередь предполагает необходимость установления реальных гарантий реализации данных прав. В этой связи, думается, что главным аспектом надлежащего соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе должно быть обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь и участие представителя по делу, при необходимости, бесплатно.

Как видно из положений приведенной выше нормы, многие из предусмотренных прав потерпевшего, такие как заявление ходатайств и отводов, ознакомление с протоколами следственных действий, выступление в судебных прениях и т.д., едва ли могут быть реализованы на должном уровне потерпевшим-обывателем, не имеющим юридического образования.

В связи с этим, ученые-правоведы в настоящее время отмечают, что роль гаранта безопасности и обеспечения всех предусмотренных законом элементов правового статуса должен осуществлять правоохранительный орган [5].

Однако, как показывает практика, обычного, пусть даже подробного, разъяснения потерпевшему всего спектра его прав следователем, дознавателем или судом зачастую бывает недостаточно для их правильного понимания и применения указанным участником уголовного процесса. Представляется, что содержание тех или иных следственных действий либо процессуальных решений не может быть понято лицом, не имеющим спе-

циального юридического образования, даже в случае получения копии соответствующего протокола или иного документа.

В специальной литературе по данному вопросу все чаще в качестве отдельного вектора государственно-правовой политики в анализируемой сфере отмечается значительное расширение уголовно-процессуальных прав потерпевших [3].

В этом случае, право и возможность потерпевшего воспользоваться услугами квалифицированного представителя возникает, как своего рода, элемент баланса прав с его процессуальным оппонентом – подозреваемым (обвиняемым), которым закон предоставляет гарантированное право на защиту, в том числе, бесплатно.

Учитывая платный характер оказания квалифицированной юридической помощи, законодатель предусмотрел возможность последующего возмещения отдельных расходов, понесенных потерпевшим. Об этом свидетельствует внесение Федеральным законом от 28.12.2013 года № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» дополнения в статью 131 УПК РФ и установление нового вида судебных издержек в виде сумм, выплачиваемых потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего.

Впрочем, такая законодательная формулировка представляется недостаточно полной, поскольку фактически не предусматривает реального и абсолютного права потерпевшего на полное возмещение всех расходов, понесенных, в связи с участием представителя-юриста по делу. В действительности же, квалифицированного представителя потерпевшие привлекают к участию по делу редко, что, как довольно давно отмечается авторами, дает подозреваемому (обвиняемому) с профессиональным адвокатом ряд неоспоримых преимуществ при производстве по уголовным делам [2].

Озвученную проблему можно рассматривать и под другим углом, как сугубо практическую – малообдуманные и не вполне грамотные с юридической точки зрения действия потерпевшего, совершенные в условиях отсутствия квалифицированных консультаций и помощи, часто открывают обширные возможности для необоснованного затягивания уголовного процесса стороной защиты и злоупотребления подозреваемыми (обвиняемыми) своими процессуальными правами.

В этой связи весьма примечательным является пример из следственной практики автора. Потерпевший А. был приглашен для участия в очной ставке с подозреваемым Б. по уголовному делу, возбужденному по факту хищения имущества. Пребывая в состоянии негодования и фрустрации по поводу кражи накопленных за долгое время хозяйственных предметов, потерпевший А. достаточно эмоционально выражал намерение высказать подозреваемому Б. свои претензии. Следователь, оценив данные намерения,

пригласил в кабинет двоих сотрудников полиции для обеспечения порядка, случай различного рода эксцессов. Видя это, потерпевший А. посоветовал подозреваемому Б. поблагодарить сотрудников полиции за обеспечение его безопасности. Участвовавший при проведении очной ставки защитник подозреваемого Б. квалифицировал слова потерпевшего А. как угрозу, высказанную в адрес его подзащитного, и ходатайствовал о внесении их в протокол следственного действия. Следователь при этом отразил в протоколе очной ставки слова потерпевшего А. дословно, после чего адвокат составил письменное замечание о том, что в адрес его подзащитного была высказана угроза, а следователь отказался внести ее в протокол.

Итогом приведенной ситуации стало фактическое затягивание производства по уголовному делу, в связи с подачей стороной защиты жалобы, являющейся по своей правовой природе, в сущности, проявлением злоупотребления правом.

Думается, что подобные ситуации, безосновательно создающие препятствия в производстве предварительного расследования по уголовным делам, могут значительно минимизированы при условии обеспечения потерпевшему квалифицированной юридической помощи, в том числе, бесплатно, в случае отсутствия достаточных средств для приглашения представителя. Представляется очевидным, что грамотный представитель стороны защиты несомненно указал бы потерпевшему на недопустимость возможных диалогов с подозреваемым, потенциально открывающих возможности для злоупотребления своими процессуальными правами.

Учитывая изложенное, хочется снова подчеркнуть, что законодатель, расширяя правовые возможности потерпевшего при производстве по уголовным делам, неизбежно сталкивается с необходимостью реального эффективного обеспечения и гарантирования данных юридических инструментов. Обеспечение права на бесплатное квалифицированное представление интересов потерпевшего профессиональным юристом, в этой связи, может решить многие проблемы, возникающие в следственной практике, а последовательная и продуманная с правовой точки зрения, позиция потерпевшего при реализации своих законных интересов способна обеспечить должный баланс со стороной защиты на всех стадиях уголовного судопроизводства.

---

1. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»: офиц. текст // СЗ РФ, 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 6997.
2. Винокуров С.И. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 49-53.

3. Денисов Л.А. Баланс прав и обязанностей потерпевшего и обвиняемого-подозреваемого в состязательном уголовном процессе // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2006. № 1. С. 81-84.
4. Лелетова М.В. Некоторые проблемы обеспечения прав потерпевшего // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 121-122.
5. Наумов М.В. Право подозреваемого на зашиту: пробелы в механизме его реализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. опросы теории и практики. 2014. № 3-2 (41). С. 141-144.
6. Плахотнюк Ю.И. Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). СПб., 2013. С. 109-114.
7. Тишков С.А., Тишков Д.С. К вопросу об обеспечении прав организаций, признанных потерпевшими по уголовным делам о хищении безналичных денежных средств // Актуальные проблемы российского права. 2015. №10. С. 156-161.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Дмитрий Юрьевич. Кандидат юридических наук, следователь СО ОМВД России по Орловскому району.
УМВД России по Орловской области, 302040, г. Орел, ул. Андрианова, д. 2.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный статус; баланс прав; права потерпевшего; права подозреваемого (обвиняемого).

УДК 343.1

Курилова Е. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье затрагиваются отдельные аспекты расследования преступлений коррупционной направленности

Вопросам выявления, предупреждения, пресечения и расследования преступлений коррупционной направленности правоохранительными органами традиционно уделяется особое внимание. В Стратегии националь-

ной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с коррупцией отнесено к одному из направлений в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу.

Уголовные дела о преступлениях коррупционной направленности охватывают всю палитру категорий преступлений: от небольшой тяжести до особо тяжких.

Ряд преступлений совершается организованными группами и преступными сообществами, а также лицами, обладающими особым правовым статусом.

Специфика таких преступлений предполагает необходимость производства значительной совокупности следственных и процессуальных действий, назначения экспертиз, в числе которых фоноскопические, лингвистические, строительно-технические и ряд других предопределяют длительность расследования преступлений коррупционной направленности.

Особый следственный интерес представляет определение статуса конкретного лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, для чего требуется тщательное изучение документов, определяющих его правовое и служебное положение, круг должностных обязанностей и полномочия, а также документов, подписанных таким лицом.

К уголовному делу следует приобщать положения, инструкции, договоры, приказы и другие нормативные акты, регламентирующие деятельность данного лица, а также надлежаще заверенные копии уставных документов юридического лица, являющегося работодателем.

Помимо истребования документов весомую помощь в доказывании могут оказать допросы в качестве свидетелей сотрудников тех или иных организаций и учреждений, допросы подозреваемых и обвиняемых.

При осуществлении расследования по одному эпизоду преступной деятельности конкретного лица целесообразно отработать версию о многократном совершении им тождественных преступлений коррупционной направленности, тщательно проверять версии стороны защиты, в целях своевременного их опровержения.

В целях надлежащей организации и проведения предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности, связанных с хищениями путем обмана, растратой либо присвоением денежных средств, в том числе выделенных из федерального, регионального, местного бюджетов, следует направить усилия на установление конечного получателя денежных средств.

На практике же при описании преступного деяния следователи зачастую ограничиваются указанием на поступление денежных средств на расчетные счета организаций, оставляя без внимания дальнейшее движение

похищенного. Неустановление местонахождения таких денежных средств, обычно составляющих по коррупционным преступлениям не один миллион рублей, представляет сложность в доказывании виновности того или иного лица, у которых в ходе обысков эти денежные средства не обнаружены, ввиду чего закрадываются обоснованные сомнения в виновности.

Установление местонахождения похищенных денежных средств неразрывно связано с выявлением легализации имущества, полученного преступным путем, и не должно осуществляться по остаточному принципу.

При документировании противоправной деятельности, сопряженной с нецелевым использованием либо хищением бюджетных средств, в ходе оперативно-розыскных мероприятий оперативным сотрудникам в планы работы необходимо включать мероприятия, направленные на выяснение имущественного положения фигурантов, установление имущества с целью обеспечения в дальнейшем возмещения причиненного ущерба, возможной конфискации и иных имущественных взысканий, как того требует статья 160.1 УПК РФ.

Наиболее действенным инструментом является своевременное наложение ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ, позволяющее предотвратить возможное его отчуждение на начальном этапе уголовного судопроизводства, предупредить негативные последствия в виде дальнейшего признания сделок недействительными, истребования имущества из чужого незаконного владения и тому подобное.

При проведении проверок сообщений о преступлениях коррупционной направленности правоохранительным органам следует активнее задействовать возможности подразделений Росфинмониторинга в целях выявлений фактов легализации (отмывания) преступных доходов.

Для повышения эффективности работы оперативных сотрудников по выявлению имущества, полученного преступным путем, представляется целесообразным создать специализированное подразделение, предоставив ему право самостоятельного доступа по защищенным каналам связи к базам данных кредитных организаций, налоговых и регистрирующих органов, что существенным образом ускорит получение сведений и сократит возможность разглашения оперативно-значимой информации.

Основная масса уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, помимо взяточничества, связана с преступлениями, предусмотренными ч. 3 или ч. 4 ст. 159, чт. 159.2, ст. 160 УК РФ, сопряженными с хищениями бюджетных средств при выполнении государственных или муниципальных контрактов, получении субсидий, а также присвоениями или растратами бюджетных средств главами муниципальных образований.

Проблемным вопросом является то обстоятельство, что по фактам хищения бюджетных средств муниципальных образований и бюджетных

учреждений представители органов местного самоуправления и организаций отказываются быть потерпевшими, а при рассмотрении уголовных дел в судах заявляют о несущественности ущерба.

При расследовании уголовных дел анализируемой категории возникают сложности, связанные с проведением в государственных экспертных учреждениях строительно-технических судебных экспертиз, без чего невозможно подтвердить факты хищений при строительстве путем непроведения скрытых работ, отступления от проектно-сметной документации, экономии на материалах и сокращения объемов работ.

Для повышения эффективности работы на исследуемом направлении необходимо увеличение штатного числа экспертов в государственных экспертных учреждениях.

В целях совершенствования законодательства предлагается рассмотреть вопрос о внесений изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, согласно которым за совершение коррупционных преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 159, 160 УК РФ, установить наказание в виде штрафа, кратного сумме похищенного либо размеру причиненного ущерба.

Анализ коррупционных уголовных дел о должностных преступлениях в сфере распоряжения государственным имуществом свидетельствует о несформированности подхода к определению критериев существенности и значительности вреда (ущерба), причиненного действиями должностных лиц публичным государственным и муниципальным образованиям.

С учетом изложенного, назрела необходимость в выработке и нормативном закреплении понятия и показателей эффективности управления федеральной, региональной, муниципальной собственностью как правовой категории.

После дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 291.2 (мелкое взяточничество), относящейся к категории небольшой тяжести, подразделения правоохранительных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, сконцентрировали усилия на выявление и пресечение коррупционных преступлений, связанных с получением и дачей взяток в значительном, крупном и особо крупном размерах, хищением бюджетных средств.

Стоит отметить, что, несмотря на сумму взятки, способы выявления данного преступления, с учетом латентного характера, требуют значительных усилий оперативных подразделений для проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

В настоящее время в системе МВД России факты мелкого взяточничества должны выявлять участковые уполномоченные полиции, а расследовать преступления дознаватели, не имеющие необходимого опыта.

В связи с невозможностью выявления преступлений небольшой тяжести, к которым отнесено мелкое взяточничество, путем проведения опе-

ративно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», предлагается ужесточить ответственность по ст. 291.2 УК РФ, переведя её в категорию преступлений средней тяжести, что позволит выявлять такие коррупционные преступления оперативным путём.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Курилова Екатерина Владимировна. Кандидат юридических наук, прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции.
Прокуратура Орловской области, 302040, г. Орёл, ул. Красноармейская, д. 17а.

Ключевые слова: расследование, преступление, коррупция, коррупционная направленность.

УДК 343.1

Куценко С. М.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье определяется роль и значение международных стандартов по защите прав и свобод личности в ходе осуществления уголовного преследования. Уделено внимание системе принципов уголовного судопроизводства, их ориентации на охранительный характер прав и свобод личности в соответствии с международными стандартами в области прав человека. Освещается дискуссионный вопрос о приоритетности личности и его прав над публичными интересами общества.

Результатом развития государства по приведению национального государства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, наряду с ними и международными договорами, является закрепление в ч. 4 ст.15 Конституции РФ и ч. 3 ст. 1 УПК РФ приоритетных правил международных договоров РФ над положениями внутреннего законодательства.

В современном российском обществе институт международных стандартов становится одним из важнейших элементов механизма реализации прав, свобод и законных интересов личности. Без продуктивно

функционирующей системы по защите прав и свобод человека и гражданина немыслимо успешное осуществление уголовного судопроизводства.

Являясь ориентиром, международные стандарты закрепляют принципы: уважение чести и достоинства личности, презумпции невиновности, права на справедливый суд, обеспечения права на защиту, гарантии прав личности при применении мер процессуального принуждения и другие, непосредственно влияющие на социальную ценность всего уголовно-процессуального права. По мнению ученого З. В.Макаровой «социальная ценность уголовно-процессуального права, как и любой другой отрасли права, заключается в его возможности выражать, обеспечивать как интересы всего общества, так и права, свободы, законные интересы каждого человека и гражданина»[1].

Особое внимание международным сообществом уделяется выработке и закреплению в соответствующих актах основных правовых гарантий, удовлетворяющих представлениям о справедливом правосудии. [2]. Наиболее остро стоит вопрос обеспечения прав человека в деятельности правоохранительных органов, в ходе реализации функции уголовного преследования.

О недоверии общества к действиям сотрудников органов внутренних дел, свидетельствуют факты совершения должностных преступлений со стороны самих сотрудников. Так, в 2015 году к уголовной ответственности было привлечено 3,5 тысячи сотрудников. Большая часть преступлений связана с превышением или злоупотреблением должностных полномочий, взяточничеством. Рост преступлений среди сотрудников органов внутренних дел в 2015 году, в сравнении с 2014 годом, составляет: должностных на 20%; коррупционных на 10% [3].

Процессуальная деятельность должностных лиц, должна неукоснительного основывается на Конституции РФ и принципах уголовного судопроизводства, закрепленных во второй главе уголовно-процессуального кодекса РФ и действующих на всех стадиях уголовного процесса: назначение уголовного судопроизводства (ст.6), разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6^1), законность при производстве по уголовному делу (ст.7), осуществление правосудия только судом (ст. 8), независимость судей (ст. 8^1), уважение чести и достоинства личности (ст. 9), неприкосновенность личности (ст.10), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11), неприкосновенность жилища (ст. 12), тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13), презумпция невиновности (ст. 14), состязательность сторон (ст.15), обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16), свобода оценки доказательств (ст. 17), язык уголовного судопроизводства (ст. 18), право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19).

Конституционные нормы, являются базовой основой для системы принципов уголовного судопроизводства [4] и обеспечивают их нормативно-правовой характер.

Анализируя перечисленные принципы, следует отметить, что в сравнении с УПК РСФСР их перечень не только расширился, но и произошла переориентация значимости соблюдения и защиты прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства. В эпоху «советского времени» важнейшей задачей перед правоохранительными органами стояла раскрытие преступления и изобличение виновного в его совершении, и как условие, обеспечивающее ее выполнение – соблюдение и защита прав и свобод человека. Переосмысление положения человека в обществе, поворот к признанию и уважению прав личности, построение новых взаимоотношений между государственной властью и гражданином, послужило выдвижению на первое место обеспечение прав человека в ходе уголовного преследования. В последствие в УПК РФ было закреплено в качестве первостепенного назначения уголовного судопроизводства защита прав и законных интересов личности, в том числе и от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Вся система принципов действующего УПК РФ ориентирована на охранительный характер прав и свобод личности в соответствии с международными стандартами в области прав человека.

Очень точно в данном случае звучит выражение И. Я. Фойницкого «сосредоточив в своих руках «право суда» над человеком, государственная власть приняла на себя заботу и о человеке» [5]. Однако продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, что является приоритетным для уголовно-процессуального права: человек и его права, связанные с защитой потерпевших от преступления наряду с защитой лица от необоснованного обвинения и ограничения его прав; или публичные интересы общества (А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Ю. К. Орлов, А Б. Соловьев и др.) выражающиеся в раскрытии преступления и привлечения виновных к ответственности, с назначением им справедливого наказания. Мы едины во мнении с И. Л. Петрухиным, М. С. Строгович, В. И. Каминской, В. А. Лазаревой, А. А. Тарасовым и др. позиция которых основывается на том, что интересы личности, соблюдение и защита их прав и свобод, должны превосходить над публичными интересами в борьбе с преступностью.

Проводя анализ норм международного права предусмотренных в Конституции РФ, можно сделать вывод о том, что права и свободы, закрепленные во втором разделе Основного закона нашего государства «Права и свободы человека и гражданина», соответствуют требованиям международных стандартов [6], устанавливающих права личности в ходе производства предварительного расследования и закрепляет положения, соответствующие многим принципам и нормам международного права.

Применительно к обозначенной нами проблеме среди них можно выделить следующие:

– право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 2 ст. 22 Конституции, ст. 3 Всеобщей декларации прав человека), ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод);

– право на судебную защиту прав и свобод (ст. 46 Конституции, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах);

– презумпция невиновности (ст. 49 Конституции, п. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, п.2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) и другие.

Однако, по мнению А. С. Таран независимо от того, получили ли нормы международного права закрепление в Конституции или нет, их реализация в отечественном уголовном судопроизводстве имеет особое значение. Исходя из общих начал права, можно заключить, что применение принципов и норм международного права в области прав человека в уголовном процессе России должно иметь две формы:

– первая основана на действии презумпции соответствия закона международному праву, которая устанавливает принцип благоприятного толкования норм закона. Он заключается в том, что закон толкуется таким образом, чтобы его содержание не противоречило международно-правовым нормам. В данном случае можно говорить о косвенном применении норм международного права;

– вторая используется при явном противоречии законодательства международному праву. В этом случае правоприменитель, осуществляя свою деятельность, непосредственно опирается на международно-правовые нормы. При этом происходит их прямое применение [7].

На значимость норм международного права обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ указав, что решения, действия (бездействие) органов государственной власти, должностных лиц, в том числе дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, должны соответствовать не только Конституции РФ и законодательству РФ, но и общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам РФ, включая ЕКПЧ и протоколы к ней в толковании ЕСПЧ. Доказательства по делу являются недопустимыми как в случае их получения в нарушение положений процессуального или иного законодательства РФ, так и в случае их получения с нарушением данной Конвенции или Протоколов к ней в толковании ЕСПЧ [8].

Многие изменения и дополнения нравственных принципов и этических норм, внесенных в российское законодательство за последние годы, стали результатом признания Российской Федерацией важности реализа-

ции в Конституции РФ, и, в частности, в уголовном судопроизводстве России нравственных международных норм и стандартов по защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка.

К сожалению, провозглашение и признание основных прав и свобод человека это лишь начало к долгому и трудоемкому процессу, направленному на создание действенного государственного механизма по их соблюдению и защите.

---

1. Макарова З. В. Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции 16–17 октября 2003г. Часть I. Уфа: РИО БашГУ, 2003. // URL: http: kalinovsky-k.narod.ru. (дата обращения 12.12.2016).
2. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Система международно-правовых норм противодействия посягательствам на свободу личности // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3. № 5. С. 49.
3. Преступность в МВД [Электронный ресурс] newrezume.org› Материалы журнала›2016-12-07-18111 (дата обращения 08.06.2017г.).
4. Процессуальные и криминалистические аспекты следственной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // VII Международная НПК «EurasiaScience». 2017. С.133.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб. : Альфа, 1996. Т.1. С. 8.
6. Социально-правовая ценность международных стандартов по защите прав и свобод личности в ходе производства предварительного расследования / Р. М. Исаева, С. М. Куценко. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016. С. 73.
7. Таран А. С. Некоторые аспекты обеспечения в уголовном процессе РФ международных стандартов в области прав человека / А. С. Таран // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу российской Федерации : материалы Межрегиональной научно-практической конференции 18 – 19 декабря 2002 г., г. Самара / под ред. С. А. Шейфера. Самара : изд-во «Самарский университет», 2003. С. 154.
8. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней [Электронный ресурс] : п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Куценко Светлана Михайловна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.
Уфимский юридический институт МВД России, 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Ключевые слова: международные стандарты; права и свободы человека; принципы уголовного судопроизводства.

УДК 343.13

Лазаренко О. Н., Морозова Н. В.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОГО ПОРТРЕТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются общие положения, касающиеся исследования внешнего облика человека в ходе проведения портретной экспертизы. Более подробно раскрыты стадии экспертного исследования, обращается внимание на особенности их выполнения с учетом содержания стадий и решаемых при этом задач.

В уголовном судопроизводстве внешний облик человека является носителем информации, позволяющим установить его личность путем осуществления многоаспектной деятельности субъектов правоприменения. В связи с этим знания положений криминалистического учения о внешнем облике человека являются основополагающими для эксперта, выполняющего данный род исследований.

Для иллюстрации этого положения достаточно вспомнить, что, прежде всего, эксперт должен обладать знаниями значимыми для целей идентификации и диагностики свойств и признаков внешнего облика человека; знанием научно обоснованных и апробированных практикой методов и средств точного выделения в процессе диагностики и идентификации признаков элементов внешности, характеризующих исследуемое лицо; определение возможностей их использования для решения задач, поставленных перед экспертом.

Необходимо сразу же оговориться, что знание закономерностей отображения внешнего облика человека в различных носителях информации, методов и средств исследования этих объектов в целях выявления по ним диагностических и идентификационных признаков, методики экспертной портретной идентификации является важнейшим компонентом специальных познаний, применяемых в портретной экспертизе. Причем эти знания чаще всего базируются не только на криминалистических раз-

работках, но и требуют более углубленных познаний в различных отраслях естественных и технических наук, адаптируемых для изучения объектов, поступающих на экспертизу.

Экспертная и следственная практика показывает, что в совокупность таких знаний входят сведения из антропологии, анатомии, фотографии, видеосъемки, математики и т.д. В частности из антропологии используются данные об антропологических типах, распространенности среди определенных групп людей тех или иных признаков внешности; из анатомии - представление о норме признаков, характеризующих внешнее строение человека, а также его костную основу; из фотографии - данные об особенностях получения изображения на фотоматериалах и факторах фотографического процесса, оказывающих влияние на отображение признаков внешности на фотоснимках; из проективной геометрии - методы определения положения объекта в пространстве. Все эти данные реализованы в единой методике криминалистической портретной экспертизы, позволяющей рассматривать экспертизу как вид научного исследования, являющегося главной предпосылкой ее достоверности.

Безусловно, данная методика предусматривает проведение экспертного исследования постадийно (подготовительной, или стадии предварительного исследования; стадий раздельного экспертного исследования и сравнительного исследования; завершающей стадии) и в строгой последовательности, что позволяет правильно выявлять и анализировать признаки внешности, осуществлять их сопоставление, оценить природу совпадений и различий и на основании такой оценки сформулировать выводы по результатам исследования.

Характеризуя каждую стадию, отметим, что на стадии предварительного исследования происходит изучение носителей информации о признаках внешности, а именно: условий отображения признаков внешности, факторов, влияющих на этот процесс, определение пригодности объектов для отождествления, подготовка объектов к этому процессу и выбор на данной основе методов и средств дальнейшего исследования [1].

По результатам предварительного изучения внешнего облика изображенных лиц, портретов как носителей информации о признаках внешности, эксперт обычно делает вывод о пригодности или непригодности портретных изображений для идентификации.

Важным условием предварительного изучения внешнего облика изображенных лиц считается то, что портреты, пригодные для идентификации, должны быть надлежащего качества, отображать строение мелких элементов лица, не иметь дефектов, затрудняющих изучение общих и частных признаков внешности. Если качество изображения затрудняет или делает невозможной идентификацию, эксперт осуществляет поиск дополнительных материалов. В случае невозможности их получить, исследова-

ние приостанавливается с сообщением об этом инициатору проведения исследования.

По результатам предварительного исследования экспертом намечается план дальнейшего сравнительного исследования, решается, какие методы следует применять, определяется их последовательность. Кроме того, выясняется необходимость получения каких-либо дополнительных данных (фотоснимков, сведений о возникновении отдельных признаков внешности, условиях фотографирования и хранения фотоснимков), а также приглашения других специалистов для производства экспертизы (например, художника-портретиста при исследовании изображений - произведений изобразительного искусства), поскольку она может носить комплексный характер. Завершается подготовительная стадия изготовлением репродукций для последующего сравнительного исследования.

В то же время на стадии раздельного (аналитического) исследования изучаются изображения отдельных элементов внешности, устанавливаются признаки этих элементов и их качество, оценивается идентификационная значимость выявленных признаков. Как показывает практика, раздельное исследование целесообразнее начинать с изучения изображения лица, тождество которого необходимо установить. Причем при наличии нескольких портретов устанавливаемого лица сначала изучаются те, на которых признаки внешности отобразились наиболее полно. затем к выделенным по этим изображениям признакам добавляются недостающие, но отобразившиеся на других портретах. При проведении раздельного исследования изображений и анализа отобразившихся на них признаков целесообразно использовать таблицу – разработку, в которой наряду с описанием значения признаков элементов лица на изображениях (например, спинка носа прямая), целесообразно отмечать идентификационную значимость выявленных признаков, а также взаимозависимые признаки. Причем исследование лучше проводить по оригиналу портретного изображения, так как при его репродуцировании происходит неизбежное ухудшение качества изображения, в том числе утрата мелких особенностей, например, родинок, морщинок и т.п., имеющих ценное идентификационное значение.

Между тем на стадии сравнительного исследования осуществляется сопоставление по выделенным в ходе раздельного исследования признаков внешности с целью определения их различия и совпадения и устанавливается происхождение, сущность совпадений и различий.

Последовательность сравнительного исследования изображений представляется автору в виде следующего порядка: сопоставление всех характеристик внешности, выделенных на изображениях устанавливаемого лица с соответствующими признаками на изображениях, представленных для сравнения; установление и анализ различий, наблюдаемых на изображениях; установление и оценка достоверности совпадения идентификационных признаков внешности. В данном случае результаты сопоставления

на изображениях следует сопровождать разметкой, наглядно показывающей совпадения и различия на сравниваемых репродукциях (при общепринятом правиле разметки совпадений отмечать красным цветом, различий – синим цветом). Иначе говоря, разметка применяется для того, чтобы однозначно и наглядно зафиксировать результаты сравнения, обеспечить возможность проверки выявленных совпадений и различий инициатором назначения экспертизы.

На завершающей синтезирующей стадии происходит оценка совпадающих и различающихся признаков и формируется вывод о тождестве или его отсутствии, который может быть категорическим или вероятным.

Развивая выше сказанное отметим, что доказательство индивидуальности совокупности признаков состоит из суммарной информации, содержащейся в комплексе совпадающих признаков, которая должна быть достаточной для выделения из заданной совокупности лиц единственного человека. При этом в заключении эксперт указывает, что на представленных для исследования портретах изображено одно и то же лицо.

В экспертной практике бывают случаи, когда даже по портретам хорошего качества трудно выделить индивидуальный комплекс признаков внешности, что влечет за собой лишь предположительный вывод о тождестве лица, изображенного на разных портретах с учетом того, что если в результате сравнительного исследования портретов выявлено одно или несколько существенных различий, то следует сделать категорический отрицательный вывод, т.е. указать, что на портретах изображены разные лица.

Иначе говоря, в этом случае возможны отдельные совпадения, но комплекс совпадающих признаков не может быть индивидуальным. Выявленные различия могут быть существенными лишь тогда, когда их происхождение нельзя объяснить условиями воспроизведения черт внешности на портрете, возрастными или другими изменениями внешности и если эксперт не может однозначно объяснить происхождение наблюдающихся различий, то обычно делается предположительный вывод о различии изображенных на портретах лиц.

Резюмируя сказанное отметим, что при явной недостаточности идентификационной значимости комплекса совпадающих признаков и отсутствии достоверно установленных различий на исследуемых портретах следует отказаться от вывода и запросить дополнительные изображения устанавливаемого или проверяемого.

И в рамках данной статьи в качестве итога согласимся с Алексом Финном в том, что «…внешность для многих важнее внутреннего мира. Такова печальная реальность».

---

1. Зинин А.М. Особенности стадий экспертного исследования при проведении судебной портретной экспертизы // Судебная экспертиза № 4(44).

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. С. 45. Волгоград, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лазаренко Ольга Николаевна. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики.
Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 143100, Московская область, поселок Старотеряево.
Морозова Наталия Владимировна. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: исследование внешности, судебная портретная экспертиза.

УДК 343.91

Лапшин В. Е.

НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ВЕРСИИ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ ВЫДВИГАЕМЫЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследуются вопросы, связанные выдвижением и проверкой наиболее типичных следственных версий при расследовании преступной деятельности (мошенничества), связанной с хищениями при получении пособий, субсидий и иных социальных выплат.

Появление новых видов мошеннических посягательств, сложность квалификации этих деяний, несовершенство законодательства о назначении и получении социальных выплат, издержки практики его применения способствуют росту преступлений данной категории. Практика показывает, что преступления быстро и полно раскрываются в том случае, если с самого начала было избрано правильное направление их расследования, основанное на всестороннем анализе и оценке имеющейся и вновь поступающей информации, а также выдвижении версий о подлежащих установлению обстоятельствах преступления.

Для расследования любых преступлений, в том числе и мошенничества при получении социальных выплат, важной составляющей является построение и проверка типичных версий. Следственные версии могут возникать в разное время, по мере поступления новой информации о произо-

шедшем событии. Последовательность опровержения или подтверждения версий зависит от содержания имеющейся у следователя информации о расследуемом событии.

В юридической литературе версию понимают как обоснованное предположение относительно какого-либо познаваемого события в целом либо его отдельных частей (обстоятельств, сторон, аспектов) [1].

По делам данной категории можно выделить следующие версии:

1) имело место мошенничество при получении социальных выплат по обстоятельствам, указанным в заявлении;

2) признаки состава мошенничества при получении социальных выплат отсутствуют, имело место добросовестное заблуждение.

Выдвинутые версии одновременно и параллельно проверяются в ходе проведения таких неотложных мероприятий, как опросы заявителей, свидетелей и очевидцев. В процессе опроса выясняются обстоятельства, подлежащие установлению, и принимается решение об объективности информации и достаточности данных для возбуждения уголовного дела.

Лицу, производящему предварительную проверку, в ходе опроса заявителя необходимо максимально установить круг обстоятельств произошедшего события с целью установления всех признаков совершенного деяния для дальнейшей его квалификации. Также необходимо выяснить признаки похищенного имущества, определить, относятся ли они к социальным выплатам. Именно в ходе опроса заявителя можно установить признаки похищенного, в какой период подозреваемый обращался с просьбой о назначении выплат, когда производился сбор документов и каких именно, кем были рассмотрены данные документы и назначены выплаты. Необходима проверка данных лиц сотрудниками, осуществляющими ОРД, для того чтобы подтвердить либо опровергнуть версию о причастности сотрудников органов социального обеспечения к совершенному противоправному деянию.

Для проверки версий необходим сбор всех сведений о событии, указанном в заявлении. Проверка всех документов, находящихся в органах социального обеспечения, по которым назначены выплаты, требует привлечения специалистов данной области, а также назначения экспертиз. Кроме того, для проверки информации, содержащейся в документах, необходимо привлечение сотрудников оперативных подразделений, чтобы выявить факт незаконного получения денежных средств либо удостовериться в законности совершенных сделок, правильности составленных документов. Иногда, чтобы установить факт незаконного получения выплат, достаточно посетить по месту жительства гражданина, которому назначены выплаты, с целью установления наличия основания данных выплат.

Так, например, факт хищения средств материнского капитала был выявлен прокуратурой Семикаракорского района. Следствие установило, что гражданка С. свидетельство о рождении второго ребенка 2013 г. полу-

чила на основании подложных документов – справки и выписки из медицинской карты амбулаторного больного. Как сообщили в прокуратуре Ростовской области, по результатам рассмотрения ее заявлений отделением пенсионного фонда выдан государственный сертификат в размере более 400 тысяч рублей на улучшение жилищных условий, но проверка выявила, что данного ребенка в семье не имеется [2].

Следует заметить, что фальсификация справок о рождении детей – случай не единичный. По данным МВД России, сотрудниками правоохранительных органов Казани выявлены аналогичные случаи незаконного получения материнского капитала [3]. Целые преступные группы действовали на территории Ингушетии [4], и в других регионах России. В арсенале средств, используемых сотрудниками оперативных подразделений, имеется целый комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на проверку версий о совершении мошенничества при получении выплат. К их числу можно отнести опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, оперативное внедрение и т.д. Поэтому дача письменного поручения о проведении ОРМ является для следователя обязательной составляющей в организации проверки версий.

Действующее законодательство о регулировании уголовно-процессуальной деятельности позволяет качественно провести предварительную проверку, что благоприятно сказывается на дальнейшей работе следователя по установлению обстоятельств дела. Становится реальным установление важных для квалификации преступления обстоятельств, а именно:

- имело ли место мошенничество;
- место, время, условия, способ совершения мошенничества;
- кто был очевидцем преступления;
- предмет мошенничества;
- в отношении кого совершено мошенничество; первоначальные данные о личности преступника.

Если в ходе комплекса процессуальных и непроцессуальных мер указанная в заявлении информация, а соответственно, и версия о совершенном преступлении подтвердилась, то следователь, дознаватель возбуждает уголовное дело.

У потерпевшего, которым в данном случае признается орган социального обеспечения в лице его руководителя, как можно скорее не обходимо изъять все важные документы, являющиеся носителями информации о событии преступления и о лице, его совершившем, такие как справки, договоры, расписки, заявления – анкеты, иные документы, поданные подозреваемым с целью получения выплат. Указанные документы изымаются в

ходе выемки и в дальнейшем признаются в качестве вещественных доказательств.

На первоначальном этапе расследования уголовного дела следователю необходимо активно заниматься накоплением информации о событии преступления, переходя от общих версий произошедшего к частным. Например, при получении заключения эксперта о наличии подделки документов может возникнуть подозрение о том, что в совершении преступления были задействованы иные лица. В результате выдвигаются версии относительно субъекта преступления, т.к. в большинстве случаев другие элементы криминалистической характеристики уже известны.

После установления события преступления целесообразно выдвижение и проверка следующих частных версий относительно субъекта преступления:

1. Мошенничество совершено одним лицом.
2. Мошенничество совершено группой лиц.
3. Мошенничество совершено лицами, состоящими в родстве.
4. Мошенничество совершено лицом, раннее судимым за аналогичные преступления.
5. Мошенничество совершено местным жителем.
6. Мошенничество совершено преступником-гастролером.
7. Преступление совершено преступником-профессионалом.

Приведенные типичные версии, безусловно, не являются исчерпывающими, т.к. совершенное деяние содержит в себе уникальные признаки, присущие лишь конкретному событию преступления.

После выдвижения указанных версий дальнейшая работа следователя сводится к их подтверждению либо опровержению путем сбора данных:

- о личности преступника, образе жизни, месте жительства, месте работы, судимости, мотивах и т.д.;
- об учреждениях, в которые подозреваемый обращался для получения различных справок, наличии коррумпированных связей в данных структурах;
- о наличии соучастников, их проверке по различным криминалистическим и оперативным учетам, составе, численности, технической оснащенности и вооруженности, специализации.

На первоначальном этапе расследования перед следователем стоит ряд основных задач:

1) установление наличия либо отсутствия события хищения социальных выплат и способа его совершения;

2) установление круга лиц, причастных к совершению преступления, а также могущих располагать сведениями об обстоятельствах подготовки, совершения и сокрытия мошенничества;

3) установление основных элементов обстановки хищения (время, место, особенности документооборота и оформление сделок);

4) определение источников и круга документов, отражающих механизм подготовки, стадии совершения и деятельность по сокрытию мошенничества;

5) установление основных характеристик похищенного, его стоимости, примерной суммы ущерба;

6) пресечение преступной деятельности и возможных путей сокрытия информации о преступлении, предупреждение возможного или осуществляемого противодействия расследованию.

Таким образом, версии по делам о мошенничествах, совершенных при получении выплат, представляют собой определенную структуру, состоящую из предположений общего и частного характера, напрямую зависящую от степени информированности следователя об обстоятельствах совершенного преступления.

1. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. М., 1995. С. 68.
2. Незаконно получен материнский капитал на Дону [Электронный ресурс] // Материнский капитал. URL: http://semeykapital.ru/ovosti/ezakoo-poluche-materiskij-kapital-a-dou.html.
3. Полицейские Казани выявили крупные махинации с получением материнского капитала [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: https://mvd.ru/ews/item/903059.
4. В Республике Ингушетия полицейскими задержаны врачи-акушеры по подозрению в мошенничестве с материнским капиталом [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: https://mvd.ru/ews/item/887857.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапшин Вячеслав Евгеньевич. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики.
Нижегородская академия МВД России, 603950, БОКС-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Ключевые слова: следственная версия, расследование преступной деятельности связанной с мошенничеством, хищения при получении пособий, субсидий и иных социальных выплат.

УДК 343.9

Латыпов В. С.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ СОДЕЙСТВИЯ В ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Статья посвящена анализу функции содействия в системе основных уголовно-процессуальных функций. Автором сформулирована позиция о необходимости рассмотрения содействия, как самостоятельной функции в уголовном процессе. В работе рассмотрены имеющиеся в теории уголовного процесса понятии, системы и классификация функций, приведенные различными авторами. Сформулировано собственное определение понятия «уголовно-процессуальная функция».

Сущность, значение и правовая природа процессуальных функций всегда представляла интерес для правоведов. Еще во второй половине XIX века А.А. Квачевский [4] относил функции не только к общеправовым, но и к общенаучным понятиям юриспруденции.

Несколько позднее М.А. Чельцов предложил определить функцию как «направление деятельности, рассматриваемое законодателем в виде обязанности соответствующего органа или лица» [14, с. 11]. Я.О. Мотовиловкер, в своей работе определил функцию как «основное направление процессуальной деятельности». Именно такой подход, он считает, позволяет выдержать «границы между отраслевыми уголовно-процессуальными функциями (обвинения, защиты и разрешения дела) и функциями участников уголовного процесса (в частности уголовного преследования, создания условий реализации прав и обязанностей участникам процесса, оказания юридической помощи и т.п.)» [8, с. 17]. Как «определенные направления, особым образом отграниченные стороны уголовно-процессуальной деятельности, различающиеся по своим ближайшим целям и формам», рассматривает категорию процессуальных функций А.П. Гуляев [1, с. 7].

В последующем, определение функций через направление уголовно-процессуальной деятельности получило свое признание и в более поздних работах современных ученых процессуалистов, и мы полагаем, что данный подход является наиболее распространенным в юридической литературе. К примеру, З.Д. Еникеев определял понятие уголовно-процессуальной деятельности через процессуальные функции: «Уголовно-процессуальная деятельность, - сложная деятельность, сложная в том смысле, что она имеет определенные стороны, определенные направления, не совпадающие друг с другом и не поглощаемые друг другом. Эти отдельные стороны уголовно-процессуальной деятельности называются уголовно-процессуальными функциями» [3, с. 104].

Изобилие авторских позиций к пониманию природы уголовно-процессуальных функций требует систематизации. И.Ю. Чеботарева [13, с.

27] в ходе изучения уголовно-процессуальной функции контроля предложила собственную систему подходов. К первой группе она относит суждения ученых, понимающих функцию как направление деятельности в уголовном судопроизводстве (М.С. Строгович, В.М. Савицкий, К.Ф. Гуценко, А.М. Ларин, А.П. Гуляев, С.И. Гирько и др.). Во второй она объединила ученых рассматривающих функцию как роль участников уголовно-процессуальной деятельности, как обязанности (полномочия) субъекта выполнять задачи и достигать целей (назначения) уголовного процесса (П.С. Элькинд, А.А. Тушев, Б.А. Тугутов, С.В. Романов и др.). И третья группа, рассматривает функцию как направление правового воздействия (Т.Н. Радько, В.А. Толстик и др.).

Относя функцию к общенаучным терминам, следует подчеркнуть, что, исходя из устойчивых взаимоотношений элементов отдельных уровней, в общей системе процессуальных функций выделить подсистемы гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных функций. Подсистема уголовно-процессуальных функций является в свою очередь самостоятельной системой, включающей в себя минимальные компоненты, выраженные в функциях отдельных участников и субъектов уголовного процесса, которые в свою очередь целесообразно систематизировать в самостоятельные элементы (к примеру, основные уголовно-процессуальные функции и дополнительные).

Анализ мнений каждой из представленных групп ученых о содержании и характерных признаках функций в уголовном судопроизводстве позволяет предложить авторскую позицию применительно к функциям в уголовном процессе.

Полагаем, что понятие уголовного процессуальной функции необходимо рассматривать как минимум в двух аспектах: широком и узком.

В первом случае под уголовно-процессуальными функциями следует понимать уголовно-процессуальную деятельность, выраженную в уголовном преследовании лица, совершившего либо готовящегося совершить преступление; в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; в разрешении уголовного дела (юстиция).

Во втором случае следует исходить из роли и назначения каждого участника уголовного процесса, из конкретных задач, стоящих перед ним, и преследуемых целей. Перспективным направлением является рассмотрение функций в узком смысле.

Данный подход к пониманию функций позволит объединить в себе как сторонников «деятельностного» подхода процессуальной функции, так и приверженцев раскрытия сущности функции сквозь призму процессуального статуса участников уголовного судопроизводства.

А.П. Гуськова к вспомогательным уголовно-процессуальным функциям рекомендует отнести помимо поддержание гражданского иска и защиты от него еще и реабилитацию [2, с. 60].

С.Г. Павлов к самостоятельным функциям относит «процессуальное руководство и разрешение дела» [9, с. 34], более расширенный перечень предложен А.М. Лариным, включивший в указанную систему процессуальных функций такие функций как: «рассмотрение и разрешение дела, процессуальное руководство делом, обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, устранение и возмещение вреда, защита от гражданского иска, уголовное преследование и исследование обстоятельств совершенного преступления» [5, с. 12]. Иными словами, автор дополнил указанные ранее функции, исследованием обстоятельств совершенного преступления, что на наш взгляд, должно поглощаться уже существующей, более объемной по смыслу и значению функцией «рассмотрение и разрешение дела». Существенные расхождения в перечне функций имеются и в других проанализированных нами работах авторов [10, с. 33; 11, с. 134].

Проведенный историко-правовой анализ научной литературы, а также действующего уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в вопросе классификации уголовно-процессуальных функций позволяют выделить несколько оснований для критики. Во-первых, мы разделяем позицию авторов, полагающих, что концепция трех основных функций является узкой и не полной. Она априори не способна раскрыть всю многогранность уголовного процесса как вида государственной деятельности, со всеми вовлекаемыми в эту деятельность участниками и субъектами уголовного судопроизводства. Во-вторых, в большинстве классификаций ученые раскрывая функцию правосудия рассматривают ее исключительно с позиции суда, забывая при этом, что далеко не каждое уголовное дело из-за фактических обстоятельств способно «дойти» до суда. Нельзя забывать об институте прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования, что также является одной из процессуальной функции лица, проводящего расследование. В-третьих, достаточно условно разграничение функций предварительного расследования и обвинения с практической точки зрения.

Анализ законодательно установленных функций позволяет определить их основные характеристики: 1. Прямо регламентированы уголовно-процессуальным кодексом РФ; 2. Носят комплексный характер; 3. Определяют построение и логику уголовного процесса страны; 4. Содержат в себе самостоятельные системы уголовно-процессуальной деятельности.

Функция содействия априори не может быть отнесена ни к одной из основных процессуальных функций. Осуществление уголовно-процессуального содействия в процессе расследования может быть оказано как в пользу обвинения, так и защиты [6, с. 108]. Не обойтись без со-

действия и в решении упомянутым выше автором «конфликтов». Таким образом, считаем необходимым, отразить основные признаки присущие уголовно-процессуальной функции содействия.

Первое, позволяет определить направление деятельности, как участников уголовного судопроизводства, так и его субъектов. Как правило, содействие в уголовном процессе России оказываю так называемые иные участники уголовного судопроизводства, однако рассмотрение этого вопроса под более широким углом не позволяет ограничиваться исключительно данной категорией участников [12, с. 124].

Второе. Функция содействия позволяет определить пределы границ процессуальных полномочий участников (субъектов) уголовного процесса, а также устанавливает случаи невозможности их в качестве лиц, оказывающих содействие в осуществлении уголовного судопроизводства.

Третье. Не исключается, что как лица, принимающие участие в уголовном судопроизводстве на стороне обвинения или защиты в процессе расследования, в силу определенных юридических фактов, могут осуществлять содействие в осуществлении правосудия, так и наоборот – лица, изначально вовлеченные в уголовный процесс для оказания содействия в последующем, могут быть отнесены к стороне защиты или обвинения.

Четвертое. Реализация функции содействия позволяет сформировать систему однородных задач, возложенных на лиц, его осуществляющих: оказание помощи в принятии законных и обоснованных процессуальных решений; способствование достижению назначения уголовного судопроизводства [7, с. 58]; осуществление как процессуальной, так и не процессуальной деятельности (предусмотренной законом) в целях оказания содействия в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Содействие, являясь самостоятельной функцией уголовного процесса предполагает решение вытекающих из данного утверждения задач: 1) определение ее места и роли в системе других уголовно-процессуальных функций; 2) возможность признания содействия самостоятельным уголовно-процессуальным институтом и его соотнесение с другими правовыми институтами.

Разрешение поставленных задач позволит теории уголовного процесса сформировать представление об институте содействия и определить векторы законодательного регулирования и совершенствования уголовного судопроизводства.

---

1. Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя. М., 1981. 192 с.
2. Гуськова А.П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // ВЕСТНИК ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 59-62.
3. Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 131 с.

4. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1 [Электронный ресурс] / А. Квачевский. - СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. – 352 с. - Режим доступа: http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=522216 (дата обращения 15.09.2017).
5. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 224 с.
6. Латыпов В.С. Несовершеннолетние свидетели в процессуальном законодательстве России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). С. 107-109.
7. Латыпов В.С. Основополагающие начала применения специальных знаний в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1(71). С. 56-62.
8. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. 94 с.
9. Павлов С.Г. Проблемы основных функций в социалистическом уголовном процессе. М., 1961.
10. Ситдикова Г.З. Мониторинг следственной ситуации и казуальность тактики следственных действий // Вестник криминалистики. Санкт-Петербург. 2016. № 2. С. 30-38.
11. Ситдикова Г.З. Процессуальные и криминалистические аспекты следственной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // EurasiaScience: материалы VII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 133-135.
12. Ситдикова Г.З. Процессуальные и криминалистические основы тактики допроса // Гатчинские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 122-125.
13. Чеботарева И.Ю. Уголовно-процессуальная функция контроля в иерархической системе иных конкурирующих функций, осуществляемых должностными лицами государственных органов в досудебном производстве: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск. 2016. 218 с.
14. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. 624 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпов Вадим Сагитьянович. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса.
Уфимский юридический институт МВД России, 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, функция, содействие, иные участники уголовного процесса, помощь.

УДК 343.1

Литвин И. И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье рассмотрены теоретико-прикладные аспекты использования в доказывании по уголовному делу сведений, полученных с помощью технических и электронных средств за рамками уголовно-процессуальной деятельности. Автором исследуются вопросы внепроцесуального получения доказательств, их проверки и оценки. Предлагаются направления дальнейшего совершенствования нормативного регулирования применения технических средств в уголовном судопроизводстве.

Основным средством доказывания в уголовном судопроизводстве являются следственные действия. Посредством следственных действий осуществляется обнаружение, фиксация и закрепление доказательственной информации непосредственно следователем или судом [5].

В то же время существуют случаи внепроцессуального собирания информации, имеющей значение для разрешения уголовного дела, с дальнейшей трансформацией полученных сведений в доказательства путем проведения соответствующих следственных действий. К таким случаям можно отнести полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности материалы и представленные в орган, осуществляющий предварительное расследование. В этом случае сведения, полученные за рамками уголовного процесса, как бы «вводятся» в процесс доказывания по уголовному делу и трансформируются в доказательства.

Подобная ситуация содержит в себе ряд проблем. Сведения, полученные без соблюдения процессуального порядка, не могут быть допустимыми, поскольку процедура получения доказательств является гарантом соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим к подобным сведениям должны применяться требования о том, что они должны быть получены в соответствии с законом. Иными словами, без нарушения российского законодательства. К материалам, полученным в ходе оперативно-розыскных мероприятий, это требование выполнимо, так как оперативно-розыскная деятельность регулируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон

об ОРД), однако существуют и другие случаи. Информация и объекты могут поступить следователю непосредственно от граждан по их инициативе. Это могут быть как обнаруженные следы преступления, так и самостоятельно произведенная фиксация самого события преступления.

Тем не менее, следует заметить, что в уголовно-процессуальной науке нет единого мнения по поводу закрепления подобных сведений. Например, В.А. Семенцов, В.Ю. Сафонов, С.А. Шейфер считают, что результаты не процессуальных мероприятий можно использовать для формирования лишь вещественных доказательств и «иных» документов [4: 99; 6: 114-115]. Другие авторы в принципе исключают такую возможность. Однако на данном вопросе следует остановиться и подробнее рассмотреть особенности сведений, полученных вне рамок уголовного процесса, в том числе отличающие их и от материалов, полученных в ходе ОРД.

Первое различие - это статус субъекта.

Если субъектом собирания доказательств является следователь, а оперативно-розыскные мероприятия проводит должностное лицо органа, имеющего право на осуществление оперативно-розыскной деятельности, то во всех других случаях субъектом получения информации может быть любое лицо. В том числе и лицо, не являющееся участником уголовного судопроизводства.

Второе - установленная УПК РФ процедура. В первом случае она соблюдается, во втором случае применяются требования закона об ОРД, в третьем случае она полностью отсутствует. Процесс получения сведений об обстоятельствах уголовного дела гражданами, находится за рамками уголовно-процессуальной деятельности и осуществляется в процессе их нормальной жизнедеятельности.

Третье - применение технических средств.

При производстве следственного действия за применение технических средств отвечает следователь либо специалист, при производстве оперативно-розыскных мероприятий - сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность и специалист. Однако функции по применению специальных технических средств при производстве оперативно-розыскных мероприятий могут также возлагаться и на граждан, осуществляющих помощь на добровольной основе. Например, при необходимости осуществления записи разговора, в котором невозможно участие оперативных работников. В таком случае записывающее специальное техническое средство размещается на теле (одежде) гражданина. Тем не менее, настройку оборудования, осмотр и копирование полученной информации все равно осуществляет оперативный работник либо специалист. В то время как в иных непроцессуальных случаях применения технических средств с целью фиксации информации и эксплуатация средства фиксации осуществляются непосредственно гражданином. При этом он может, как обладать специальными знаниями (например, знаниями произ-

водства масштабной съемки и др.), так и нет. И полученная таким образом информация может быть недостаточно качественной, а в некоторых случаях даже нести следы монтажа, что непременно повлияет на ее оценку.

При этом следует отметить, что вопрос применения технических средств в ходе получения доказательственной информации вне рамок уголовного процесса носит принципиальное значение. Во-первых, это связанно с распространенностью технических средств в жизнедеятельности граждан, а также с количеством информации, хранящейся на соответствующих носителях информации, которые являются частью этих технических средств. Таким образом, в случае совершения преступления с помощью технических средств, например при сбыте наркотиков посредством телефонной связи либо сети интернет, сведения имеющие значения для уголовного дела могут быть извлечены из технических средств [1]. Во-вторых, это связано с возможностью подтвердить достоверность собранных сведений, так как информация, полученная с помощью технических средств, отличается полнотой, наглядностью и объективностью. Уже только поэтому важно рассмотреть вопрос предоставления полученных с помощью технически средств сведений.

В тоже время следует отметить, что современные технические средства при производстве фотографирования, аудио- и видеозаписи преобразуют зафиксированные сведения в электронный (цифровой) вид. Отсюда возникают сложности при использовании полученных материалов в доказывании. Прежде всего, это связанно с возможностью коррекции электронной информации [3: 31]. В настоящее время существует множество способов как технического, так и программного монтажа подобной информации. Наложение звуковых и световых фильтров, вырезание кадров и др.

Таким образом, оценка сведений предоставленных гражданами на добровольной основе, если эти сведения были получены с помощью технических средств, имеет ряд особенностей. Для проверки их объективности, следует установить, каким путем были получены сведения, с участием физического лица, либо программно-техническим комплексом автономно? Предоставляется информация непосредственно с внутреннего носителя информации технического средства, либо осуществлялось ее предварительное перемещение и копирование? Имеется в наличии только копия или первоосновной файл? Указанные факторы влияют на возможность монтажа сведений и на дальнейшую проверку их достоверности, что имеет непосредственное значение для уголовно-процессуального доказывания.

При наличии указанных нерешенных вопросов, в УПК РФ отсутствует и регламентация процедуры принятия подобных сведений в связи, с чем некоторые авторы считают, что необходимо предусмотреть составление «протокола принятия представленных материалов (доказательств)» [2: 139]. В то же время на практике выработано мнение о необходимости оставления «протокола выемки» в данном случае. И не смотря на разум-

ные аргументы в пользу необходимости особого правового регулирования «представления материалов (доказательств)», производство выемки предоставленных третьим лицом материалов (например, видеозаписи) позволяет сформировать уголовно-процессуальные доказательство, используя предоставленные законом возможности без дополнительных процессуальных сложностей, и является на данный момент наиболее разумным выходом из ситуации.

Таким образом «введение» в уголовное дело информации, изначально полученной с помощь технических средств за рамками уголовного процесса, осуществляется после ее проверки и оценки следователем, и оформляется путем производства выемки.

В завершение хотелось бы отметить, что в настоящее время процессуальные нормы, регламентирующие способы применения технических средств, не образуют единую целостную систему и рассредоточены по тексту УПК РФ. Не говоря уже о вопросах использования в процессе доказывания сведений полученных с помощью технических средств за рамками уголовного судопроизводства. Отсутствие соответствующего регламентирования сдерживает эффективное применение технических средств в борьбе с преступностью. Поэтому необходимо продолжить работу по исследованию вопроса разработки процессуального порядка «введения» в процесс доказывания сведений, полученных за рамками уголовного судопроизводства с помощью технических средств.

---

1. В Брянске завершено расследование уголовного дела о создании преступного сообщества// URL: https://мвд.рф/news/item/10122168.
2. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия : учеб. Пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2015. 172 с.
3. Малюка А.А. Возможности и пределы использования графических редакторов при работе с цифровыми изображениями – носителями доказательственной информации // Эксперт-криминалист. 2012. № 4.С. 31-32.
4. Семенцов В.А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург, 2006. 215 с.
5. Стельмах В.Ю. Концептуальные основы следственных действий: монография. М., 2017. 288 с.
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. 240 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвин Илья Ильич. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.
Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, технические средства, электронные средства, представление доказательств, внепроцессуальное получение доказательств.

УДК 343.14

Логачев К. К.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Рассматриваются проблемные вопросы принятия решения при прекращении уголовного дела по экологическим преступлениям в связи с деятельным раскаянием. Анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие изучаемую проблему.

Анализ сложившейся правоприменительной практики при расследовании уголовных дел в сфере экологии свидетельствует о допускаемых нарушениях Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ). Нарушения совершаются органами предварительного расследования при производстве по уголовным делам, связанным с решением вопроса о определении судьбы приобщенных к уголовному делу вещественных доказательств, в частности распространена практика принятия решений о прекращении уголовных дел о преступлениях в сфере экологии за деятельным раскаянием. Так в 2015 году Прокуратурой Алтайского края было вынесено представление об устранении нарушений уголовно процессуального законодательства, где указанно, что дознавателями ГД ОП по Бурлинскому району МО МВД России «Славгородский» 10 уголовных дел, ОД МО МВД России «Каменский» 1 уголовное дело, ОД МО МВД России «Петропавловский» 1 уголовное дело, самостоятельно решена судьба вещественных доказательств. В соответствии с требованиями п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и ч. 1 ст. 104.1 УК РФ решение вопроса о конфискации вещественных доказательств являющихся орудиями преступления является исключительной компетенцией суда при вынесении обвинительного приговора.

В соответствии со ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы: которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного суда РФ постановление от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования» указанно, что «при разрешении дел о незаконной охоте, незаконной добыче водных животных и растений, незаконной порубке деревьев и кустарников судам следует иметь в виду, что орудия, с помощью которых совершался вылов рыбы, отстрел зверей, порубка деревьев и т.д., а также использовавшиеся при этом транспортные, в том числе плавучие средства, принадлежащие виновным, рассматриваются как вещественные доказательства и могут быть конфискованы на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ в случае умышленного использования их самим осужденным либо его соучастниками в качестве орудия совершения преступления»[1].

Указанные предметы, должны быть осмотрены, признаны вещественными доказательствами и приобщены к уголовному делу, о чем составляется необходимое постановление.

Порядок хранения вещественных доказательств определяется ст. 82 УПК РФ, в соответствии с которой вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, предусмотренных указанной статьей.

По данному вопросу Конституционный Суд РФ высказал свое правовое отношение, согласно которого «временное изъятие имущества, представляющее собой процессуальную меру обеспечительного характера, не вызывающий перехода права собственности на имущество, не может расцениваться как нарушение конституционных прав и свобод, в том числе как нарушение права собственности, при этом лицам, в отношении которых применяются меры, связанные с ограничением прав владения имуществом, обеспечивается закрепленное части 2 ст. 46 Конституции РФ право обжаловать такое решения и действия в судебном порядке».[2]

При принятии решения о прекращении уголовного преследования по ст. 28 УПК РФ по преступлениям в сфере экологии, органы предварительного расследования столкнулись с проблемой, так как законодательно не урегулирован, вопрос, как поступать с вещественными доказательствами, такими как (лодка, снегоход и т.п.), которые не могут храниться при уголовном деле, и которые согласно УПК РФ должны быть конфискованы или переданы в соответствующие учреждения, или уничтожены.

Анализ уголовных дел в сфере экологии, находящихся в производстве органов предварительного расследования Алтайского края, свидетельствует о том, что 70% уголовных дел признанные вещественными доказательствами орудия преступления (лодки, снегоходы, автомобили) возвращаются собственникам под сохранную расписку. В связи с тем, что как

правило указанные орудия преступления являются дорогостоящими, органы предварительного расследования не берут на себя ответственность по хранению указанных вещественных доказательств.[3].

Некоторыми учеными предлагается, что в случае прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования решение о вещественных доказательствах должно быть принято только судом в порядке гражданского судопроизводства по заявлению прокурора в защиту публичных интересов, что на наш взгляд приведет к ненужным финансовым затратам, а так же к увеличению и без того большой нагрузке судейского аппарата.

Мы считаем, что необходимо предусмотреть в УПК РФ норму регламентирующую порядок обращения органов ведущих предварительное расследование в суд для принятия решения о конфискации или уничтожения имущества принадлежащего обвиняемому и являющееся орудием преступления.

---

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». Электрон. дан. [М.]. URL: http //www.consultant.ru.

2.Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2008 № 9-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева"[Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». Электрон. дан. [М.]. URL: http //www.consultant.ru.

3. Результаты анализа 95 уголовных дел 2015-2016 г.г. находящихся в производстве органов предварительного расследования УМВД России по Алтайскому краю.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Логачев Константин Константинович. Преподаватель кафедры уголовного процесса.
Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Ключевые слова: экологические преступления вещественные доказательства, прекращение.

УДК 343.125

Марковичева Е. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ ПРИ ОГЛАШЕНИИ В СУДЕ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

В статье анализируются актуальные проблемы обеспечения права обвиняемого на защиту при оглашении в суде свидетельских показаний, данных в досудебном производстве. С учетом прецедентной практики Европейского Суда по правам человека автором вносятся предложения по созданию компенсаторного механизма, обеспечивающего обвиняемому реализацию права на защиту при оглашении в суде показаний свидетелей.

Среди сложных задач, которые стоят перед современным российским уголовным судопроизводством, особое место занимает обеспечение справедливости судебного разбирательства, которое, в свою очередь, является залогом постановления законного и справедливого приговора. Решение данной задачи на практике сопряжено с целым рядом разноплановых проблем, однако особое место среди них занимают вопросы обеспечения права обвиняемого на защиту при оглашении показаний свидетелей, данных ими в ходе предварительного расследования.

Явка свидетелей является болевой точкой не только российского уголовного процесса. Зарубежный уголовный процесс знает достаточно примеров, когда судебное разбирательство затягивается во времени в связи с невозможностью обеспечить явку свидетелей в судебное заседание. В качестве средства разрешения подобной патовой ситуации отечественный законодатель допустил возможность отхода от правила непосредственности в исследовании судом доказательств, закрепив в ст. 281 УПК РФ норму, позволяющую оглашать показания потерпевшего или свидетеля.

Казалось бы, что такой механизм способен решить одну из сложнейших проблем российского уголовного судопроизводства, но характерно то, что одновременно он породил новую проблему, связанную с реализаций права обвиняемого на защиту.

С позиции норм международного права, признаваемых Российской Федерацией, оглашение свидетельских показаний в суде не подразумевает по общему правилу ограничение права обвиняемого на защиту. Реализация данного права предполагает наличие реальной возможности для обвиняемого допросить свидетеля, дающего против него показания. Такая позиция отражена и в решениях Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Например, в известном решении ЕСПЧ 2010 г. по делу «Мельников против Российской Федерации» ЕСПЧ указал, что прецедентная практика суда требует, «чтобы обвиняемый располагал адекватной возможностью допроса свидетеля, или того, чтобы он был допрошен на той или иной стадии разбирательства, и является предпочтительным, чтобы такой допрос имел

место в ходе состязательного разбирательства перед независимым и беспристрастным судом» [1]. Такая позиция ЕСПЧ высказывалась в решениях неоднократно и является достаточно определенной, поскольку право обвиняемого на допрос свидетеля в присутствии судьи, принимающего итоговое решение по рассматриваемому уголовному делу, однозначно трактуется как гарантия справедливого судебного разбирательства.

Необходимость реагирования на вполне определенную прецедентную практику ЕСПЧ вынудила отечественного законодателя (не без участия Конституционного Суда РФ) скорректировать в 2016 г. нормы ст. 281 УПУ РФ [2]. В новой редакции указанная статья содержит норму, предусматривающую обязательность создания условий для реализации права обвиняемого оспорить показания свидетеля или потерпевшего, данные последними на предварительном следствии и оглашаемые в суде, тем самым была предпринята попытка нормативного закрепления компромисса между вынужденной необходимостью использовать полученные в досудебном производстве доказательства, которые невозможно непосредственно исследовать в суде, и правом обвиняемого на защиту.

Свое отношение к данной проблеме высказал и Верховный Суд РФ, специально указавший в Постановлении Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», что «суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)» [3]. Такая позиция высшей судебной инстанции в целом видится взвешенной и не противоречащей позиции Европейского суда по правам человека.

Следует оговориться, что нормы международного права и прецедентная практика ЕСПЧ в целом допускают использование такого рода доказательств, как оглашение показаний неявившихся свидетелей. Но при этом в решениях ЕСПЧ обычно делается акцент на том или ином компенсационном механизме, позволяющем решить задачи судопроизводства и обеспечить право обвиняемого на защиту и справедливое судебное разбирательство. Оглашение в суде аудиовидео- показаний свидетеля или потерпевшего может быть рассмотрено как определенная альтернатива стандартной процедуре судебного допроса, поскольку хотя бы позволяет судье, который будет принимать решение по делу, каким-то образом оценить заявления свидетелей. В одном из решений ЕСПЧ высказал свою позицию по данному вопросу следующим образом: «Показания свидетеля могут

быть представлены суду в одной из двух форм: записи речи (письменной, аудио- или видеозаписи) или непосредственной, средствами устного допроса этого свидетеля сторонами в суде. Как следует из текста подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, она придает особое значение непосредственному состязательному допросу свидетеля перед судьями. Однако это не исключает того, что стороны могут также использовать запись более ранних заявлений и показания свидетеля в качестве доказательств, например, для устранения противоречий в его устных показаниях или чтобы поставить под сомнение их достоверность… С этой точки зрения использование показаний, ранее данных свидетелем, не является несовместимым с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, по крайней мере, само по себе» [4].

К сожалению, норма, закрепленная в ст. 281 УПК РФ, на сегодняшний день не оправдывает ожидания законодателя, а практика ее применения остается крайне непоследовательной и противоречивой. В частности, остро стоит вопрос выбора тех самых компенсационных процедур, которые бы реально обеспечивали реализацию права обвиняемого оспорить оглашаемые показания допрошенных ранее лиц. На практике чаще всего «сторона защиты имеет возможность ознакомиться с показаниями потерпевших и свидетелей, а значит, принять решение об их оспаривании лишь по окончании предварительного расследования» [5].

Разрешить данную ситуацию следственная практика пытается с помощью различных средств, но чаще всего используются возможности очной ставки. Целесообразность массового использования данного следственного действия сомнительна. Во-первых, в соответствии с ч. 1 ст. 192 УПК РФ производство очной ставки является правом следователя, а не его обязанностью, а необходимым условием для ее производства выступает наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Во-вторых, если ориентироваться на ту же практику ЕСПЧ, то следует иметь в виду, что в решении 2012 г. «Карпенко против Российской Федерации» была четко обозначена позиция Европейского Суда по правам человека по данному вопросу: «…принципы, выработанные его практикой, не позволяет ему заключить, что факт участия обвиняемого лица в очной ставке со свидетелями на этапе предварительного расследования сам по себе может лишить его права на вызов этих свидетелей в суд. Суд неоднократно указывал, что доказательства необходимо предъявлять «лично» в тот орган, который занимается оценкой доказательств и установлением фактов. В первую очередь это касается судебного заседания, которое является ключевой стадией уголовного разбирательства и применяется к показаниям свидетелей…» [6].

Очевидно, что перед отечественным уголовным процессом стоит важная задача по созданию, возможно, принципиально новых компенсаторных механизмов, которые бы в достаточном объеме обеспечивали об-

виняемому возможность реализации его права на допрос лица, свидетельствующего против него. Однако это не исключает необходимости принятия тех самых «разумных мер», направленных на обеспечение явки свидетелей в суд, поскольку ситуация оглашения свидетельских показаний не должна стать обычной практикой. В этой связи заслуживают внимания предложения исследователей, предлагающих, в том числе, обоснованным возложение на стороны обязанности по обеспечению явки свидетелей [7].

В целом отечественному законодательству и правоприменительной практике предстоит решить сложную задачу по поиску баланса между правами обвиняемого и необходимостью решения задач, связанных с естественным движением уголовного дела в стадии судебного разбирательства.

1. Постановление ЕСПЧ от 14.01.2010 «Дело «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 23610/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 6. С. 76–92.
2. Федеральный закон от 02.03.2016 № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 10. Ст. 1314.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Доступ из СПС Консультант Плюс.
4. Постановление ЕСПЧ от 27.03.2014 «Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4(04). С. 3–44.
5. Сидоров А.С. К вопросу о новых основаниях для оглашения показаний потерпевших и свидетелей в суде // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2. С. 27–33.
6. Постановление ЕСПЧ от 13.03.2012 «Дело «Карпенко (Karpenko) против Российской Федерации» (жалоба № 5605/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 4. С. 71–90.
7. Аширбекова М.Т. Новое в порядке оглашения показаний потерпевшего и свидетеля // Мировой судья. 2016. № 7. С. 13–19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марковичева Елена Викторовна. Доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства.
Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.

Ключевые слова: обвиняемый, свидетель, потерпевший, оглашение показаний, право на защиту.

УДК 343.1

Мерецкий Н. Е.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДЛОГА В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье исследуются некоторые концептуальные проблемы распознавания подлога в документах, которые используются в механизме совершения преступления для получения материальной выгоды.

На сегодняшний день в российском уголовно-процессуальном законодательстве преступления, совершаемые с использованием подложных документов, характеризуются высокой степенью общественной опасности, поскольку поддельные документы (бланки, оттиски печатей, штампов и т.д.) дают возможность преступникам искажать действительную информацию, посягать на порядок документального удостоверения фактов, имеющих юридическое значение.

Законодатель все противоправные деяния, совершаемые с использованием документов, разделил на две группы. К первой группе он отнес преступления против экономической свободы, а ко второй - против государственной власти. Это позволило закрепить обозначенные преступления в разделах 8 и 10 УК РФ. Если проанализировать указанное в законодательстве направление, то создание и использование подложных документов можно отнести к экономическим преступлением, направленным на получение материальной выгоды. Следовательно, согласно закрепленным положениям в Уголовном кодексе РФ подлог – это преступления, регламентированные гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». С этой точки зрения данное положение может быть обусловлено следующим образом: экономический характер имеют деяния, которые составляют основу легальной и «теневой» экономики, например, незаконный оборот оружия, наркотиков, порнографических материалов, медицинских препаратов. К сожалению, перечисленные составы преступлений не включены в вышеупомянутую главу 22 УК РФ, но при этом цель их совершения конкретным субъектом состоит, в первую очередь, в извлечении материальной выгоды в получение личного интереса.

Преступления, совершаемые с заранее предполагаемым обманным умыслом, известны с давних времен. Так, с появлением и развитием письменности, а также достоверных письменных источников, таких как грамоты, крепостные акты (рядницы) и различные письма, начали зарождаться способы незаконного изменения в обозначенных источниках. Внося конкретные изменения в определенные документы, субъект заранее стремится к какому-то имеющему юридическое значение результату, а в конечном итоге - к материальной выгоде.

Согласно общепринятому пониманию слово «документ» происходит от лат. слова documentum – образец, свидетельство, доказательство. По мнению Н.Г. Шурухнова, «документом в криминалистике считается материальный объект, в котором с помощью одного или нескольких способов фиксации отражены какие-либо сведения о юридических фактах или обстоятельствах» [3, с. 198]. Исходя из обозначенного определения, мы считаем, что документы относятся к актам применения права, способам удостоверения или изложения фактов, имеющих юридическое значение.

Если внимательно ознакомиться со ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков», то следует, что предметом подделки необходимо признавать различные документы, предоставляющие право на проезд или свидетельствующие об оплате транспортных услуг (абонементные книжки, проездные и единые билеты, железнодорожные и авиабилеты и др.). Обратим внимание на то, что в ст. 327 УК РФ не конкретизируется принадлежность официальных документов российским государственным органам, организациям или предприятиям, в отличие от государственных наград, чье происхождение указывается.

Не вызывает сомнений тот факт, что подлог является деструктивным элементом документа. Исследование документа, как неотъемлемого предмета преступления, выявление его подложности, последствий его применения должно осуществляться не только работниками правоохранительных органов, а, прежде всего, субъектами, обрабатывающими их. Правовые действия, связанные с изучением документов, полученных в результате проведения следственных действий, позволяют в дальнейшем проводить правильное расследование преступных деяний, а также создают возможность пресечения их совершения в будущем и привлечения к уголовной ответственности виновных. Грамотные действия правоохранительных органов, исполнение работниками своих функциональных обязанностей, а также сотрудниками, в том числе экспертами-криминалистами, своих служебных обязанностей, позволяет снижать уровень преступности, который существует на сегодняшний день в регионах России. Уменьшение количества преступлений, совершаемых с подложными документами, должно благоприятствовать стабильному обеспечению и развитию экономической деятельности в стране, а также социальной защищенности граждан нашего общества, но, как отмечает С.А. Синенко, «при этом необходимо ориентироваться на то, что права и интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве должны быть приоритетными» [2, с. 223].

Механизм совершения преступления представляет собой сложный процесс, определяющий содержание преступной деятельности. Механизм преступления непосредственно связан с такой наукой, как криминалистика. Исследуемый нами механизм преступлений, совершаемых с подложными документами, находит свое отражение в таких областях правовых

наук, как криминология, судебная бухгалтерия, прокурорский надзор, а также в других отраслях права (уголовное право, уголовный процесс, гражданский процесс, криминалистика), которые оказывают влияние на расследование противоправных деяний.

Кроме того, российский законодатель в ч. 1 ст. 14 УК РФ официально закрепил дефиницию «преступление» как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания. Следовательно, подлог документов может рассматриваться в двух аспектах: как в качестве самостоятельного преступления, так и в качестве неотъемлемого элемента в совершении иного преступления. В свою очередь, ключевым условием законодательного деления подлогов документов на различные виды выступает основополагающий критерий, влияющий на классификацию всех преступлений – степень общественной опасности. Представляется целесообразным отметить, что подлог как составной элемент преступления отражен в ст. 159, 160, 171, 174, 176, 188, 198, 199, 287 УК РФ. Изучение судебно-следственной практики показывает, что подложные документы зачастую создаются на подготовительной стадии готовящегося преступления. Следовательно, подлог как элемент криминалистической характеристики выступает, с одной стороны, предметом преступления, а с другой – способом совершения или сокрытия преступного деяния. В связи с этим можно констатировать, что «объективный информационный поток воздействует на деятельность субъекта при исследовании доказательств, на их познание, оценку и т.д. Дело в том, что при расследовании преступлений необходимо правильно ориентироваться в существе и особенностях совершенного противоправного деяния, его обстоятельствах, в том, какие действия подлежат доказыванию в каждом конкретном случае» [1, с. 125].

В то же время очевидным является и тот факт, что криминалистическую характеристику подлога желательно рассматривать более подробно с помощью классификации законодательства, которая служит дополнительным средством познания подлога, иными словами, углубленного исследования подлога как элемента противоправного деяния, так и самостоятельного преступления. Например, одним из главных ориентиров классификации различных изменений (подчистка, дописка, подделка подписей и т.п.) в документах оценивается в российском уголовном праве по определенным критериям, основанием чего является законодательное определение различных видов подлога согласно конкретным составам преступлений.

Также, рассматривая место подлога в механизме совершения преступления, следует отметить, что подлог должен быть основополагающим действием в способе совершения преступления и квалифицирующим признаком противоправного деяния. Иначе говоря, в период расследования преступления, в котором используется подлог документов, действия работников правоохранительных органов необходимо направить на правильное установление, во-первых, всех признаков, указывающих на внесенные

изменения в документе, во-вторых, на выявление всех доказательств, относящихся к совершенному преступлению, в-третьих, на изобличение виновных и назначение правильного наказания, установленного Уголовным кодексом РФ. В механизме совершения преступления субъект является ключевым звеном всех противоправных действий, поскольку на изобличение лица, его совершившего, и назначение ему соответствующего наказания направлена вся деятельность правоохранительных органов и суда.

Изучение практики показывает, что отношение субъекта, использующего подложные документы, напрямую зависит от его социального статуса, рода деятельности, корыстного интереса, а это, в свою очередь, влияет на выбор предмета преступного посягательства. Если начать подробно разбираться в обозначенной проблеме, то выяснится, что согласно теории уголовного права отношение субъекта к преступлению составляет субъективную сторону состава преступления, которая характеризуется только прямым умыслом. Все действия, совершаемые с фальсификацией, занесением ложных сведений в документы, реестры (например, путем создания поддельных бланков различного назначения, изменения сведений в приказы и т.д.), направлены на получение материальной выгоды от оборота данных документов, достижение конкретных целей, получение своего личного интереса.

Характерное поведение субъекта преступления, связанное с подлогом документов, - руководствуется корыстными или иными личными побуждениями. Виновный достоверно знает, что он вносит в документы изменения, которые наделяют его правами или освобождают от обязанностей кого-либо, в силу чего ложные сведения искажают их. Все действия, направленные на реализацию подложных документов, имеют умышленные намерения. Иными словами, конечной целью подделки документов и его существенных элементов выступает реализация преступной заинтересованности. Подложные документы выступают руководящим элементом в механизме совершения преступного деяния. Очевидно, что результатами исследования (выявление, анализ, изучение признаков подделки в вышеуказанных документах) экспертами-криминалистами предопределяются будущие действия по расследованию, раскрытию, пресечению преступлений, связанных с использованием подложных документов, а также способствуют установлению и изобличению винновых лиц, совершающих то или иное преступное деяние.

Таким образом, результаты исследования документов на эмпирическом уровне в последующем применяются следователями и дознавателями в проведении расследования преступлений, совершаемых с подложными документами. Однако следует отметить, что для экспертизы нужны подлинники документов, поскольку, например, при проведении почерковедческой экспертизы по копии документа невозможно узнать, во-первых, использовались ли для выполнения подписи технические средства, во-

вторых, в каких условиях был написан текст, в-третьих, последовательность выполнения того или иного элемента (например, текст, подпись, печать и т.д.), в-четвертых, конкретного исполнителя. Кроме того, по копии рукописи нельзя определить степень нажима, координации движений, темпа выполнения подписи и т.д.

Нельзя не отметить, что основная цель проведения технико-криминалистической экспертизы заключается в исследовании документов с «внутренней стороны», что позволяет изобличить поддельные документы, выявить способы их изготовления. Полученную по результатам исследования информацию в проведенных экспертизах желательно применять на этапах предварительного расследования для установления мотива, цели совершения преступления, его раскрытия и в последующем для привлечения виновных лиц к ответственности, предусмотренной российским законодательством.

Обратим внимание на то, что судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее в производстве установленным законом порядке исследования различных объектов специалистами в науке, технике, искусстве или ремесле и даче ими заключений по вопросам, возникающим в ходе расследования по уголовным делам.

Применение специальных познаний при расследовании и раскрытии преступлений играет решающую роль, т.к. от выбора правильных методов исследования зависят результаты и точность проводимой экспертизы, что влияет на проведение дальнейшей методики расследования. Специальные знания, используемые экспертами, могут быть охарактеризованы в качестве теоретической базы, обеспечивающей решение задач технической экспертизы документов. Документальная экспертиза включает в себя основополагающие знания данной специальности и методы, привлекаемые из различных научных областей для проведения конкретного исследования.

Более того, следы преступной деятельности, обнаруженные в поддельных документах, содержат в себе криминалистически значимую информацию, которая может стать доказательством лишь после того, как она будет выявлена, собрана и зафиксирована определённым (в соответствии с законом) способом, например, в результате экспертного исследования. Мы полагаем, что следы преступления представляют собой результат отражения события, в то время как доказательства – это отражение информации о преступном деянии в результате ее познания процессуальным субъектом, например, следователем или экспертом.

Из изложенного следует, что механизм преступления представляет сложный процесс, включающий в себя не только стадии его совершения, но и охватывающий все стороны содеянного, то есть всех участников, а также взаимосвязанные между собой элементы, такие как цель, способ и результат. Установление подлога в документах имеет самое непосред-

ственное значение, поскольку именно документ выступает предметом совершения преступного деяния. В частности, от того, какой документ, каким способом и против каких общественных отношений будет использован преступником, зависят негативные последствия, причиненный вред, а также выбор тактики по проведению расследования данного преступления и назначению последующего наказания виновному.

1. Мерецкий Н.Е. Соотношение процессуального и криминалистического аспектов доказывания при проведении вербальных и невербальных судебных действий /Н.Е. Мерецкий, С.С. Ким // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016 №3 (36). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД РФ, 2016. С. 121-127.
2. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография /С.А. Синенко. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД РФ, 2013. 320 с.
3. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник /Н.Г. Шурухнов. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Эксмо, 2008. 720 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мерецкий Николай Евгеньевич. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики.
Дальневосточный юридический институт МВД России, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

Ключевые слова: подлог, противоправные деяния, обман, умысел, механизм преступления, субъект, способ, факт.

УДК 343.9

Михайлина Ю. В.

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТЕРПЕВШЕГО

В данной статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы правового регулирования назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы потерпевших в уголовном судопроизводстве. Проанализированы проблемы экспертной оценки психических расстройств потерпевших. Полученные выводы могут использоваться для

разработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства РФ.

Как известно, чтобы диагностировать психическое расстройство у человека, необходимо провести тщательный осмотр и беседу с ним. И только исключительно при наличии определенной симптоматики психической патологии можно утверждать об имеющимся психическом заболевании. Психическое расстройство представляет собой сложное, постоянно изменяющееся, окончательно не изученное явление, в связи с чем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает положения об обязательном назначении и производстве судебно- психиатрической экспертизы в отношении отдельных участников уголовного процесса.

Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших является одним из наименее изученных разделов судебной психиатрии. На протяжении почти всего исторического периода развития этой отрасли науки вопросы судебно-психиатрической экспертизы (освидетельствования) потерпевших находились вне поля зрения большинства исследователей, поскольку основное внимание направлено на решение задач, связанных с судебно-психиатрической экспертизой подозреваемых (обвиняемых) [1].

Анализ современного состояния судебно-психиатрической экспертизы потерпевших свидетельствует о недостаточной разработанности многих важных аспектов данной проблемы. Большое значение приобретает вопрос об обеспечении процессуальных прав потерпевшего, для реализации которых в качестве необходимой предпосылки выступает определенная степень психической сохранности субъекта. Кроме того, вопрос о необходимости обязательного учета последствий преступления для психического здоровья потерпевшего, имеет значение для возможности в полной мере оценить характер и тяжесть деяния. Следует отметить, что российское уголовно-процессуальное законодательство имеет ряд неточностей в регулировании вопроса о назначении и производстве экспертизы, что приводит к проблемам в практике применения и, как следствие, нарушению прав потерпевших.

Прежде всего, это связано с тем, что не урегулирован вопрос относительно момента назначения судебно-психиатрической экспертизы в ходе расследования уголовного дела. В связи с этим, отсутствует правильное и единообразное применение в практике уголовно-процессуального законодательства в этой части.

Запоздалое назначение судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего лишает его возможности воспользоваться помощью представителей для защиты своих прав и законных интересов. Кроме этого, несвоевременное назначение психиатрической экспертизы приводит к нарушению сроков расследования уголовных дел. Поэтому назначать су-

дебно-психиатрическую экспертизу необходимо на ранних этапах производства по уголовному делу, что необходимо отразить в ст.196 УПК РФ.

Стоит отметить, что существует также проблема несвоевременного ознакомления с постановлением о назначении судебной-психиатрической экспертизы (как правило, после получения заключения эксперта).

Эта проблема была затронута Конституционным судом Российской Федерации, который указал на необходимость знакомить участников уголовного процесса с постановлением о назначении судебной экспертизы до начала ее производства [2].

Более подробно стоит остановиться на некоторых проблемных вопросах, касающихся обязательного назначения судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего. Уголовно-процессуальный кодекс РФ излагает указанную норму следующим образом: «Назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания» (п.4 ст. 196 УПК РФ). Из этого следует, что потерпевший, как участник уголовного процесса, важен только с позиции возможности дачи им показаний. Защита прав и законных интересов потерпевшего остаются за пределами этой нормы. Следовательно, из этого можно сделать вывод, что содержание данной уголовно-процессуальной нормы не соответствует ч.1 ст. 6 УПК РФ, согласно которой законодатель приоритетным принципом уголовного судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов потерпевших.

Кроме этого, статья 196 УПК РФ закрепляет возможность производства обязательной судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего, но при этом не определяет ее вид. Это, в свою очередь, порождает вопрос, может ли быть назначена и проведена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в отношении потерпевшего. Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство содержит норму о помещении в психиатрический стационар (ст. 203 УПК РФ). Однако ее содержание свидетельствует о том, что указанная экспертиза может быть проведена в отношении подозреваемого или обвиняемого, потерпевший в ней не указан [3].

В тоже время, на практике имеют место случаи назначения стационарной судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего. Напрашивается вывод о том, что потерпевшего, которому и так причинен вред преступлением, в дополнение лишили свободы, то есть ограничили его конституционные права на свободу передвижения и др.). По этому поводу в научной литературе имеется мнение о том, что для усиления воздействия регулирующих норм, в случаях нарушения прав граждан, в законе необходимо использовать прямо сформулированные запреты. [4].

С учетом вышеизложенного имеется целесообразность корректирования положений статьи 196 УПК РФ.

Для реализации своих процессуальных функций потерпевший должен быть способным самостоятельно осуществлять предоставленные ему процессуальные права и возложенные на него обязанности. Эта способность может быть нарушенной вследствие психического расстройства, в связи с чем выявление психических расстройств, нарушающих возможность самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и обязанности, представляет предмет судебно-психиатрической экспертизы по определению уголовно-процессуальной недееспособности потерпевшего. Судебно-следственные органы, назначающие экспертизу потерпевшего, должны учитывать, что в случае сомнений в психической полноценности потерпевшего постановка вопроса о психических расстройствах, нарушающих его процессуальную дееспособность, столь же закономерна, как и вопросы о психической беспомощности или способности давать показания. Скорейшее законодательное урегулирование вопроса об уголовно-процессуальной дееспособности потерпевшего будет способствовать реализации гуманного принципа обеспечения процессуальных прав [5].

Так, испытуемая И., 24 лет, потерпевшая по изнасилованию. С детства отставала в физическом и умственном развитии, обучалась во вспомогательной школе, где закончила 9 классов. Проживает с родителями, не работает, помогает по хозяйству. Из материалов уголовного дела установлено, что изнасилована соседом, воспользовавшимся тем, что она оказалась дома одна. В период следствия давала показания: сообщила о внешности, имени преступника, рассказала о его действиях, продемонстрировав при этом явное непонимании сущности последствий. В ходе экспертизы отвечала на вопросы односложно. Имеет чрезвычайно скудный запас знаний и представлений, конкретность мышления, примитивность суждений. О правонарушении рассказала односложно. Сказала, что сопротивлялась, так как «было больно». В вопросах взаимоотношения полов не осведомлена. По заключению экспертной комиссии: обнаруживает признаки умеренно выраженной дебильности. Может давать показания, однако не способна участвовать в судебном разбирательстве. [6].

В связи с ростом внимания к различным аспектам виктимологии, актуальным является вопрос о последствиях преступления для психического здоровья потерпевшего.

Подводя итог, следует отметить, что правовое регулирование вопросов назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы, нуждается в совершенствовании, а внедрение в практику результатов проведенных в этом направлении научных исследований становится насущной необходимостью.

---

1. Судебная психиатрия: учеб. пособие/ под ред. З.О. Георгадзе. М.: ЮНИТИ-ДАНА.2004. С 54.

2. См.: Определение Конституционного суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195,198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru.
3. Жариков Н.Н., Морозов Г.В., Хритинин Д.Ф. Судебная психиатрия: учебник для вызов. М.: Норма, 2006.
4. Алексеева Л.Б. «О механизме уголовно-процессуального регулирования//Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности/ отв. редактор В.М. Савицкий. М.;1979. С 140-141.
5. Майлис Н.П. Моя профессия- судебный эксперт. М.,2006.С.73-75.
6. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: Практикум. - М., 1997.
7. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 дек.2010 г. № 28// Бюл. Верховного суда РФ.2011.№ 2. [Электронный ресурс] URL: http://www.vsrf.ru/.(дата обращения: 16.08.2017).
8. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия: Учебник. М., 1995.
9. [Электронныйресурс] URL: http://www.cennunst.by.ru/ humanrights/ documehts/ O.71. shtml. (дата обращения: 15.08.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлина Юлия Владимировна. Преподаватель цикла общеправовых и социальных дисциплин.
ЦПП Главного управления МВД России по Московской области имени героя России В.А. Тинькова, 142700, Московская область, г. Видное-2, Петровский проезд, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная-психиатрическая экспертиза, потерпевший, заключение эксперта.

УДК 343.148.3

Морозова Н. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье уделяется внимание рассмотрению проблем, возникающих при использовании аудио-, видео- и кинозаписей в качестве доказательств при расследовании уголовных дел.

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотрения проблем формирования доказательств при помощи технико-криминалистических средств, а также специфику их использования при доказывании.

Аудио-, видео- и кинозаписи зачастую применяются при расследовании уголовных дел. Такие записи с запечатленными на них фактами, обстоятельствами, которые имеют значение для расследования и раскрытия уголовного дела, на предварительном следствии, равно как и в суде могут послужить основой для формирования вещественного доказательства при соблюдении рассмотренных ниже требований.

Запись должна быть официально представлена уполномоченным органом, а также должна иметь соответствующий сопроводительный документ. В таком документе должны содержаться сведения, касающиеся происхождения видеозаписи, то есть о времени, месте, условиях, а также обстоятельствах ее получения, о технических характеристиках использованной аппаратуры, о лице, которое осуществило запись. Отличительные характеристики записи, относящиеся к уголовному делу, ее состояния и свойства должны восприниматься органами чувств следователя(судей, прочих участников уголовного процесса) в процессе ее просмотра (прослушивания) с применением необходимых технических средств, с привлечением специалистов.

Кроме того, такие характеристики должны быть надлежащим образом отражены в протоколе. О признании указанных свойств и состояний видео-, аудио - или кинозаписи содержанием вещественного доказательства и о его приобщении к уголовному делу должно быть вынесено постановление (или определение), на основании которого в уголовном деле будет установлен надлежащий правовой режим обращения с таким доказательством (это связано с тем, что обеспечиваются условия сохранения записи в неизменном виде, так как она хранится при деле).

Сведения, касающиеся происхождения видеозаписи, являются важными не только для правильного ее осмотра и, следовательно, для формирования самого содержания вещественного доказательства, но также для последующей надлежащей проверки и оценки такого доказательства.

В связи с этим полагаем, чтобы признать определенный предмет вещественным доказательством нужно установить связь данного предмета с преступным деянием, то есть его относимость к уголовному делу. Если это сделать без допроса оперативного работника, который обнаружил предмет в процессе производства оперативно-розыскного мероприятия, либо допроса лица, которое оказывало содействие осуществляющим оперативно-розыскную деятельность органам (то есть когда такое лицо получило интересуемый предмет в рамках участия в оперативно-розыскных мероприятиях), не представляется возможным, то допрос указанных лиц необходим.

В случае использовании информации, которая получена с применением видео- или аудиозаписи, кино- или фотосъемки, равно как и при помощи иных технических средств как основы для формирования массы вещественных доказательств, на практике зачастую возникает вопрос, когда следует выносить постановление о признании таких материалов вещественными доказательствами и о приобщении их к делу.

По нашему мнению, признавать такие материалы вещественными доказательствами, а также приобщать их в данном качестве к уголовному делу только после того, как будет проведена их проверка, неверно, так как такой подход не учитывает уголовно-процессуальной природы вещественных доказательств и особенностей процесса доказывания.

Подход, заключающийся в приобщении указанных результатов оперативно-розыскной деятельности к уголовному делу в качестве вещественных доказательств после установления достоверности содержащихся в них сведений, также является ошибочным, потому как он не учитывает специфики уголовно-процессуальной природы доказательств данного вида и, в частности, роли постановления, в виде которого принимается решение, касающееся признания предмета вещественным доказательством и приобщения его к уголовному делу (согласно ч.2 ст.81 УПК РФ). [1]

Е.А. Доля указывает на то, что содержание вещественных доказательств образуются теми свойствами и состояниями предметов, которые связаны с обстоятельствами предмета доказывания, а также с побочными фактами, неотделимыми от них и доступными непосредственному восприятию органами чувств человека при проведении осмотра. Сведения о вещественных доказательствах отражены в протоколе осмотра предмета. Вынесение постановления, касающегося признания предметов вещественными доказательствами, а также приобщения их к уголовному делу направлено именно на то, чтобы обеспечить сохранение указанных свойств и состояний таких предметов в неизменном виде. Именно вынесение такого постановления констатирует появление в уголовном деле того или иного вещественного доказательства, на основании чего создается особый правовой режим обращения с такими предметами в рамках уголовного процесса. Утрата, изменение рассмотренных выше свойств или состояний либо утрата самого предмета, выступающего их носителем, приводит к не-

возможности установления связи свойств и состояний предмета с событием преступления и, следовательно, к утрате вещественного доказательства, если надлежащий осмотр предмета произведен не был.

По этой причине приобщение материалов в качестве вещественных доказательств должно осуществляться непосредственно сразу после того, как будет установлена относимость (то есть вероятная связь с преступным деянием) таких материалов до разрешения вопроса относительно их достоверности. Иначе по причине изменения либо утраты вышеуказанных свойств и состояний предмета проверка, оценка и использование в качестве вещественного доказательства может просто не состояться по причине утраты предмета.

Имеется еще одна причина, по которой материалы, являющиеся результатами применения средств и методов криминалистической техники, должны признаваться вещественными доказательствами, а также приобщаться к уголовному делу сразу после проведения их осмотра.

На практике в процессе производства по уголовным делам зачастую изымается множество документов и иных носителей информации, являющихся значимыми для расследования и разрешения дела. Владельцы таких материалов, нацеленные на противодействие расследованию, могут под каким-либо предлогом, к примеру, под предлогом производственной необходимости, потребовать возврата таких носителей. Признание указанных материалов вещественными доказательствами, а также их приобщение к делу является основанием для отказа в заявленном владельцем ходатайстве. Если имеет место несвоевременное признание изъятых предметов, документов вещественными доказательствами, то правовое основание для отказа в ходатайстве и для сохранения названных материалов в уголовном деле будет отсутствовать.

На практике могут также возникать ситуации, когда оперативное подразделение в силу технических причин не имеет возможности представить тот носитель, на котором изначально были зафиксированы результаты, к примеру, негласного прослушивания в процессе проведенного оперативно-розыскного мероприятия. Это может относиться, в частности, к телефонным переговорам, содержание которых имеет определенное значение для уголовного дела, подлежащего расследованию. В таких ситуациях можно формировать доказательства на основе результатов оперативно-розыскной деятельности, для чего соответствующим оперативным подразделением должно быть проведено копирование значимой для уголовного дела информации, которая содержится на указанном носителе, с применением соответствующих технических средств. Копия такого носителя с сопроводительным документом (который содержит сведения не только относительно того, при производстве какого именно оперативно-розыскного мероприятия получен оригинал носителя, но также о месте, дате, времени копирования, о характеристиках технических носителей и средств, кото-

рые были использованы при этом), должны быть представлены органу, осуществляющему расследование, либо в суд. На основе данной копии носителя в рамках уголовном процессе может быть сформировано вещественное доказательство, если соблюдены требования, которые предъявляются к данному виду доказательств. [2]

В случае использовании в доказывании по уголовным делам той информации, которая получена с применением специальных технических средств, определенную трудность на практике вызывает разрешение вопросов, которые связаны с обязательностью, а также с пределами представления суду данных, касающихся технических характеристик указанных средств. Законом установлено правило, согласно которому в процессе производства следственных действий могут использоваться технические средства и способы обнаружения, фиксации, а также изъятия следов преступления, равно как и вещественных доказательств (согласно ч.6 ст.164 УПК РФ).

В ч.5 ст.166 УПК РФ прямо указывается на необходимость отражения в протоколе следственного действия данных, касающихся технических средств, которые были применены в процессе производства следственного действия, условий и порядка их использования, объектов, к которым были применены такие средства, а также полученных при этом результатах. Как представляется, в основе такого решения законодателя лежит забота о формировании доброкачественных доказательств, которые получаются при помощи соответствующих технических средств, равно как и о возможности проверки и оценки таких доказательств в условиях гласного судопроизводства. [3]

В процессе формирования доказательств при производстве следственных (или судебных) действий могут использоваться исключительно те технические средства, которые позволяют обеспечивать неискаженное отображение фактов и обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела, равно как и их фрагментов таких фактов и обстоятельств либо сведений о них. Технические средства, которые не соответствуют данному требованию, не могут применяться в процессе производства следственных действий.

Указание в протоколе на использованное техническое средство (то есть отражение его характеристик) дает возможность всем участникам уголовного процесса убедиться в том, что соблюдены требования соответствия технического средства требованиям государственного стандарта, который установлен для соответствующего вида техники, чтобы тем самым осуществить контроль за качеством формируемого доказательства.

В то же время, отражение сведений о характеристиках технического средства, которое применяется в процессе производства следственного действия, необходимо не только для формирования доброкачественного доказательства. В совокупности со сведениями, касающимися условий и

порядка его применения данные сведения необходимы для возможности осуществления правильной проверки, а также оценки полученного доказательства. Без таких данных не обойтись, если необходимо воспроизвести результаты киносъемки, видеозаписи либо звукозаписи для проверки запечатленных на них фактов, обстоятельств в условиях другого следственного либо судебного действия, для чего следует применять аппаратуру с техническими характеристиками, которые схожи с техническими характеристиками той криминалистической техники, на которой выполнялась соответствующая съемка либо звукозапись. Данные о технических характеристиках, к примеру, фотоаппаратуры, а также условиях, при которых выполнялась фотосъемка, необходимы также для того, чтобы при необходимости по фотоснимку, выполненному в процессе осмотра места происшествия, установить действительные размеры тех предметов, которые имеют значение для уголовного дела, данные о которых можно получить по фотоснимку.

Роль сведений, касающихся характеристик технических средств, условий и порядка их применения в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий, имеет особое значение для сбора, проверки, а также оценки тех судебных доказательств, которые сформированы на основе негласных результатов проведенной оперативно-розыскной деятельности, полученных посредством использования специальных технических средств. Главным образом, соответствующие сведения необходимы для того, чтобы в процессе производства следственного либо судебного действия (обычно таковым является осмотр результатов видео- либо аудиозаписи, кино- либо фотосъемки, которые представлены осуществляющим оперативно-розыскную деятельность органом) иметь возможность применить аппаратуру с надлежащими техническими характеристиками, которые позволяют не только воспроизвести запись или съемку без искажений, но также не привнести при этом какие-либо необратимые изменения в них. [4]

Таким образом, информация и материалы, которые получены при помощи технико-криминалистических средств, могут быть признаны в качестве доказательств, если они относятся к существенным обстоятельствам дела (согласно по ст.73 УПК РФ), собраны, проверены и оценены по правилам ст. 17, 88 УПК РФ и уголовно-процессуального закона, которым регламентировано собирание, проверка и оценка доказательств того вида, к которому предлагается отнести результаты, полученныепри помощи технико-криминалистических средств, в каждом конкретном случае. Принятие решения, касающееся использования информации и материалов, добытых при помощи технико-криминалистических средств в процессе доказывания по уголовным делам, должно подразумевать не только положительные ответы на вопросы, которые связаны с относимостью к уголовному делу содержащихся в делах оперативного учета данных, с невозможностью без них установить существенные обстоятельства дела, с выбором вида доказательства, через который такие данные будут введены в уголовный

процесс, но также с представлением органу расследования (или суду) тех сведений, которые необходимы для формирования, проверки, а также оценки соответствующих видов доказательств для целей доказывания. Отрицательный ответ даже на один из вышеперечисленных вопросов должен стать основанием отказа от использования результатов применения тех или иных средств криминалистической техники в доказывании по уголовному делу. Вместе с тем это не исключает возможность использовать такие результаты для поиска возможных источников фактической информации, для выработки оптимальной тактики производства определенных следственных действий или методики расследования.

Организация использования технико-криминалистических средств для расследования и раскрытия преступлений является одним из элементов технико-криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Применение таких средств должно быть допустимым, научно обоснованным, не должно противоречить нормам этики, безопасности, не должно причинять имущественный ущерб гражданам, учреждениям, предприятиям, а также организациям всех сфер собственности.

---

1. Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 89-93.
2. Мусеибов А.Г. Правила применения цифровой аппаратуры и компьютерной техники при производстве следственных действий. М.: Проспект, 2011. С. 124-127.
3. Семенов Е.А. Особенности применения технических средств специалистами при расследовании преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 190-195.
4. Романов В.И. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений. Казань, 2001. С. 175-179.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Наталия Владимировна. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: аппаратура, доказательства, технико-криминалистические средства, протокол.

УДК 343.91

Москвичев С. А.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕРТВ «ГРУПП СМЕРТИ» В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье проводится правовой анализ характеристики несовершеннолетних жертв «групп смерти» в сети Интернет с виктимилогической точки зрения.

С 2015 года в российских средствах массовой информации стали появляться публикации о так называемых «группах смерти», интригующих подростков манящими хэштегами (хэштег (метка) или хэш-тег (англ. hashtag от hash - знак «решетка» + tag - метка) - тип пометки или тега, используемый в микроблогах и социальных сетях, облегчающий поиск сообщений по теме или содержанию). Наибольшую известность среди них приобрели группы «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Я в игре», «Тихий дом». Каждая случайно совпавшая (или спровоцированная) гибель подростка сопровождалась наличием обильных комментариев крайне агрессивной и жестокой окраски, большая часть из которых публиковалась ботами (под которыми понимается англ. bot, сокращение от «робот», от чеш. robot) - программа, выполняющая автоматически и/или по заданному расписанию какие-либо действия, и имеющая в этом некое сходство с человеком).

Суть контента «групп смерти» заключалась в том, что в них присутствовали элементы игры, образы животных, основанные на суггестивных практиках, ореоле загадочности, сочетании романтики и трагизма. Каким либо существенным входным барьером игра не обладала и начиналась с банальной переписки, в ходе которой манипулятор убеждал ребенка в его собственной уникальности и в то же время одинокости, предлагая затем сыграть в игру. В дальнейшем рекрут происходил в упрощенном варианте: адепты «отмечались» в ленте группы с помощью хэштега #синийкит, #яждуинструкций #тихийдом и прочими вариациями. После этого куратор группы присваивал потенциальной жертве номер и выдавал заранее сформулированные задания. Многоступенчатый квест начинался с определения своей геолокации, после чего подросток переходил по предоставляемой куратором ссылке где запускался таймер обратного отсчета, отмеряющий потенциальной жертве время жизни. Ссылка закреплялась за персональным IP адресом, поэтому таймер всегда показывал точный отсчет времени. Одним из первых заданий было нарисовать кита на листе бумаги или на руке.

Кроме того подростку предоставлялся музыкальный минорный контент, где низкие частоты перемешивались со звуками моря и китов, вводящие его активнее в транс. Далее задания усложнялись: нужно было сделать надрезы на руке, убить животное, стоять на краю крыши или моста. Запрещалось общаться с друзьями, которые отказывались играть. В качестве доказательной базы с ребенка требовался постоянный фотоотчет выполненных заданий. Таким образом, подписчиков групп смерти социальной сети планомерно подводили к суициду, погружая в транс и окружая мрачной обстановкой, изолируя от друзей. В случаях отказа следовали угрозы в адрес его семьи, так как в расположении манипулятора была геолокация с известным местонахождением ребенка.

За прошедший год правила игры несколько изменились. Если раньше нужно было вступать в закрытые группы в социальной сети «ВКонтакте», то сегодня стало известно о переходе суицидального контента в социальные сети Instagram, Facebook и Twitter. Подростки сами публикуют нужный хэштег (#синий кит, #тихий дом, #разбуди меня в 4:20, #я уже не жилец, #хочу в игру, #я в игре, #жду инструкций, #жду куратора) на своей странице (чаще всего тщетно) и ждут приглашения в игру.

Психометрический анализ жертвы «групп смерти» в социальных сетях позволяет утверждать, что 58 % подписчиков составляют девушки и подавляющее большинство это подростки (14-17 лет). Новаторов среди подписчиков большинство - 68%, а реалистов меньше всех, что позволяет сделать вывод о том, что целевая аудитория оторвана от жизни и живет в собственном виртуальном мире грез и фантазий.

Причин таких опасных форм «самоутверждения» и деструктивных (саморазрушающих) способов привлечения к себе внимания среди молодежи довольно много. В совокупности они создают крайне неблагоприятную среду для формирования здоровой личности ребёнка. Достаточно вспомнить особенности подросткового периода (так называемый подростковый кризис), который каждый проживает по-разному. Больше всего в этот период подросткам не хватает родительской любви и признания себя, как более взрослой, самостоятельной и самодостаточной личности. В то же время для них важно социальное общение и вполне естественное желание выделиться среди сверстников, получить признание и одобрение.

Недостаток внимания, признания и поддержки со стороны родителей, проблемы в общении со сверстниками, проблемы в школе, «одинокое» переживание своих психологических проблем часто толкают подростков к необдуманным поступкам и попыткам любым способом привлечь к себе внимание. Эти факторы учитывают авторы «групп смерти» и, манипулируя особенностями подростковой психики, толкают их на суицид. В таких группах ведётся настоящая пропаганда суицида с использованием различных психологических манипуляций - стильно оформленных картинок и видеороликов; имеется даже свой «кумир» - девочка, покон-

чившая жизнь самоубийством, из которой сделали культовую фигуру среди подростков. Детей вовлекают в среду деструктивного общения, поощряют депрессивные и суицидальные настроения, затем целенаправленно подготавливают и формируют личность, готовую к суициду. С помощью специального алгоритма - процесса «посвящения в избранные» - проводят отбор наиболее внушаемых и личностно неблагополучных детей, которых впоследствии вовлекают в «игру-квест», итогом которой является попытка суицида.

На первый взгляд, может показаться, что угроза преувеличена, но следует заметить, что статистика подростковых самоубийств за 2015-2016 года вызывает серьезнейшую озабоченность государства. Одной из прямо предусмотренных законодательством направлений деятельности по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию является выявление и блокирование интернет-ресурсов, содержащих информацию о способах совершения самоубийства, а также призывы к совершению суицида (ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») [1]. По данным Роскомнадзора, с 2012 года в рамках функционирования Единого реестра запрещенных интернет-ресурсов (eais.rkn.gov.ru) было получено более 50 тыс. сообщений о размещении такой информации в сети, ее наличие подтвердилось на 15 тыс. URL, большинство из которых (59%) - социальные сети и блог-платформы. В последнее время количество подобных обращений существенно увеличилось. Так, с начала текущего года на горячую линию реестра поступило уже более 9 тыс. обращений, тогда как за весь 2016 год - 12 тыс. По мнению ведомства, повышенное внимание общества к этой проблеме вызвано рядом публикаций в СМИ, посвященных так называемым «группам смерти» в социальных сетях [2].

Массовое распространение подростковых «групп смерти» в социальных сетях, побуждающих детей к суицидальному поведению, потребовало от государства более решительных действий. Так с принятием Федерального закона от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [3] усилена уголовная ответственность за доведение до самоубийства до шести лет лишения свободы, а если преступление совершено в отношении детей, находящихся в беспомощном состоянии граждан или беременных женщин, с помощью СМИ или интернета - до восьми лет лишения свободы.

Основными признаками участия подростка в «группах смерти» являются: 1) ребенок участник групп: «F57», «Тихий дом», «Море китов» и др.; 2) упоминает, пишет имя Рина; 3) на личной странице в соц. сетях есть видеозаписи, фото, тексты, связанные с суицидом; 4) рисует, имеет в элек-

тронном или бумажном виде оккультную символику (пентаграммы, сатанинские знаки и т.п.); 5) стихи, цитаты на тему смерти или с мистическим уклоном; 6) рисует, есть изображения на странице в социальных сетях: китов, бабочек, бритв, ножей, крови и т.п.; 7) появление на теле следов порезов, ожогов и иных признаков членовредительства;

8) ребёнок упоминает о каких-то оставшихся днях: «Осталось 35 дней»;

9) нарушение режима сна, ранний подъем утром или невозможность разбудить ребёнка утром и т.д.

Это приблизительный перечень тревожных симптомов, заметив которые, каждый родитель должен вникнуть в деятельность подобных групп, узнать как можно больше информации о них, чтобы правильно оценить ситуацию со своими детьми и степень их участия в таких группах. Желательно выстроить прямой, открытый диалог с ребёнком и рассказать о сути данных групп. Подросток может стесняться, закрываться, уходить от разговора. Во многом это может зависеть от степени близости родителей с ребёнком.

Стоит согласиться с Л.Ю. Щербаковой и В.Н. Чаплыгиной в том, что «…для профилактики возникновения проблем взаимоотношений с детьми необходимо заботиться о сохранении здорового психологического климата в семье». [4] Безусловно, родителям стоит обращать пристальное внимание на детей и иметь представление о том, чем они занимаются в соцсетях и насколько долго проводят там времени. Полагаем, что своевременную психологическую помощь по профилактике суицидального поведения среди подростков могут оказать педагоги, психологи, дефектологи, социальные работники образовательных организаций в области распознавания маркеров депрессии и суицидального риска у детей (проведение профилактических акций «День здоровья», выступления на радио и телевидении, распространение практических пособий для родителей «Детская агрессия и суицид. Как избежать беды» и др.).

В заключение следует отметить, что данная социальная проблема особенно сложна для решения, т.к. большинство родителей, в той или иной форме, больше всего боятся потерять детей. Жесткая реакция взрослых может подогреть и усилить интерес подростков к данным группам и вызвать обратный эффект. Нельзя поддаваться страху, нужно серьезно вникнуть в ситуацию, оценить степень угрозы и действовать очень аккуратно.

---

1. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 120-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ от 03.01.2011. № 1. Ст. 48.

2. Шувалова М. Экспертное сообщество: противодействие подростковым суицидам не должно ограничиваться борьбой с «группами смерти» // Доступ с информационно-правового портала ГАРАНТ.РУ [Электронный ре-

сурс]: http://www.garant.ru/news/1101253/#ixzz4uLCAedkX (дата обращения 02.10.2017 г.).
3. Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Собрание законодательства РФ от 12.06.2017. № 24. Ст. 3489.
4. Щербакова Л.Ю., Чаплыгина В.Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью» Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. С. 383.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Москвичев Сергей Александрович. Следователь по особо важным делам отдела № 1 (по расследованию организованной преступной деятельности в сфере экономики и компьютерной информации).
СЧ СУ УМВД России по Липецкой области, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 35.

Ключевые слова: «группы смерти», несовершеннолетний, подросток, #синийкит, #яждуинструкций #тихийдом.

УДК 343.1

Муравьев К. В.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье обосновываются предложения по оптимизации норм УПК РФ, регламентирующих производство по делам частного обвинения.

Согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ч. 1 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ. Мировой судья принимает заявление к своему производству (ч. 7 ст. 318 УПК РФ), либо выносит решения: о возвращении заявления с предложением привести его в соответ-

ствие с требованиями закона; об отказе в принятии заявления, не содержащего данных о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, и о его направлении органам предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ; об отказе в принятии заявления и о его направлении руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении дела в порядке, предусмотренном ст. 448 УПК РФ (чч. 1–1^2 ст. 319 УПК РФ).

Закон устанавливает серьезные требования к форме и содержанию заявления (ч.ч. 5 и 6 ст. 318 УПК РФ), что обусловлено его особым значением: оно признается не только исключительным поводом к возбуждению дела, но и выступает в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование [1]. Причем, реализуя функцию обвинения, потерпевший должен описать фактическую сторону преступления, а также указать норму уголовного закона, предусматривающего деяние как преступное [2]. Выполнить эти требования под силу не каждому пострадавшему. Имеется широкая практика возвращения заявлений, не содержащих ссылку на норму закона, по которой частный обвинитель желает привлечь обидчика к ответственности [3]. В ряде случаев потерпевший вынужден отказываться от обвинения, что снижает авторитет правоохранительных органов и вызывает неуважение к закону [4].

В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «диспозитивность в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению. Её использование в законодательном регулировании производства по делам этой категории не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека» [5]. В резолютивной части документа признаны не соответствующими Конституции РФ положения УПК РФ в той их части, в которой они не обязывают следователя (дознавателя) принять по заявлению потерпевшего меры, направленные не только на установление личности виновного в преступлении, но и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном законом порядке. Следовательно, даже в ситуациях, при которых данные о личности правонарушителя известны заявителю, но он не желает самостоятельно доказывать виновность своего обидчика в судебном заседании, а требует применения сил государственных органов для его привлечения к ответственности, с органов предварительного расследования не снимается обязанность по осуществлению преследования. В этих ситуациях гражданину целесообразно разъяснить его право обратиться непосредственно к мировому судье, тем самым показать, что имеется более короткий путь к наказанию виновного. Но отказ в принятии заявления при наличии сведений о правонарушителе неправомерен [6].

Таким образом, право потерпевшего по уголовным делам частного обвинения выдвигать и поддерживать обвинение недопустимо генерировать в обязанность по осуществлению уголовного преследования. Возбуждение дела в особом порядке, предусмотренном ст. 318 УПК РФ, должно происходить в случаях, когда потерпевший не только может, но и желает самостоятельно поддерживать обвинение в судебном заседании.

Считаем, что чч. 1 и 2 ст. 147, ч. 5 ст. 318, а также чч. 1 и 1^1 ст. 319 УПК РФ целесообразно скорректировать с тем, чтобы:

а) в заявлении по делу частного обвинения потерпевший указывал норму УК РФ, предусматривающую ответственность за преступление;

б) в ситуациях, при которых заявитель не может квалифицировать деяние, равно как и в иных случаях, когда поданное заявление не отвечает требованиям чч. 5 и 6 ст. 318 УПК РФ, мировой судья предлагал бы привести жалобу в соответствие с требованиями, а при неисполнении указания – направлял заявление органам предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в обычном порядке;

в) уголовное дело частного обвинения возбуждалось в порядке ст. 318 УПК РФ в тех случаях, когда потерпевший желает самостоятельно осуществлять уголовное преследование. В иных ситуациях производство начиналось в обычном порядке по правилам, установленным для дел частно-публичного обвинения.

Согласно ч. 7 ст. 318 УПК РФ о принятии заявления частного обвинителя к своему производству мировой судья выносит постановление. Возникает вопрос, вправе ли судья в этом документе давать правовую оценку деяния, которая отличается от содержащейся в жалобе потерпевшего (может ли указывать на наличие обстоятельств, исключающих производство по делу; квалифицировать деяние иначе, чем в заявлении)?

Отсутствие по делам частного обвинения досудебного производства приводит к гипотезе, что у судьи должно быть такое право. Однако, если в ст. 469 УПК РСФСР прямо отмечалось, что мировой судья выносит постановление о принятии жалобы к своему производству лишь в случаях, если установит отсутствие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, то в действующем УПК это требование не содержится.

Б. Б. Булатов обращает внимание на то, что иные решения, которые мировой судья уполномочен принимать по жалобе потерпевшего (чч. 1–1^2 ст. 319 УПК РФ), основаны на предписаниях формального свойства. Он приходит к выводу, что «судья не оценивает ни личность провинившегося перед заявителем лица, ни его умысел в связи с обсуждаемыми действиями, ни тяжесть последствий, т. е. ничего, что имеет юридическое значение в плане законности преследования или оснований освобождения от него. По крайней мере, закон не обязывает судью производить хотя бы общую оценку обвинительного тезиса, содержащегося в заявлении»; «здравый смысл подсказывает, что судья не должен принимать заявление к произ-

водству в случаях явного (не вызывающего сомнений) отсутствия состава преступления. Но… разработчики закона настолько увлеклись идеей обеспечения доступа к правосудию граждан, пострадавших от деяний, относящихся к преследуемым в частном порядке, что даже сама мысль о возможном контроле суда за юридической обоснованностью его обращения, видимо, показалась им неприемлемой»; судья «не вправе отказать (по общей терминологии) в возбуждении уголовного дела…» [7].

Обращаем внимание, что к моменту вынесения постановления о принятии заявления потерпевшего к производству мировой судья не исследует фактические обстоятельства, соответствующие нормам УК РФ. Таким образом, как и иные постановления формального свойства, связанные с возвращением заявления потерпевшему или о направлении в компетентные органы, обсуждаемый процессуальный документ не является актом применения уголовного закона. Он выполняет организующую роль: заявитель уведомляется о принятии его жалобы к производству и получает статус частного обвинителя. Ему разъясняются права, предусмотренные ст.ст. 42 и 43 УПК РФ, о чем составляется протокол (ч. 7 ст. 318 УПК РФ).

Для лица, в отношении которого подано заявление, постановление мирового судьи о принятии заявления потерпевшего к производству не несет правоограничительных последствий. Они возникают только после появления оснований для назначения судебного заседания. При их наличии судья в течение 7 суток со дня поступления заявления вызывает лицо, в отношении которого оно подано, знакомит его с материалами дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в судебном заседании. Таким образом, в законе предусмотрено двухэтапное изменение статуса преследуемого лица. С момента принятия судом заявления к своему производству «лицо, в отношении которого частным обвинителем подано заявление» наделяется лишь соответствующими правами. При назначении судебного разбирательства он становится «подсудимым» (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Второе решение предполагает не только предоставление прав, но и ограничения процессуального и непроцессуального (связанные с возможностью претендовать на должность судьи, с выездом за пределы РФ и т. п.) характера. Кроме того, за этим решением следует шлейф негативного восприятия общественным мнением всего происходящего с конкретным гражданином. Поэтому оно должно приниматься судьей только при наличии достаточных к тому доказательств [7].

Итак, решение о назначении судебного заседания может выноситься только при наличии оснований, что предполагает оценку должностным лицом содержательной стороны заявления частного обвинителя и дополнительно полученных сведений. Если прошли сроки, предусмотренные п. «а» ч. 1 ст. 78, ст. 94 УК РФ, а также если имеются основания к прекращению производства вследствие акта амнистии, то мировой судья может

отказать в назначении судебного заседания, но лишь тогда, когда лицо, в отношении которого подано заявление, не возражает против этого [8].

Вместе с тем закон не допускает прекращение мировым судьей производства в связи с отсутствием события (отсутствием в деянии состава) преступления. Такие полномочия имеют только органы предварительного расследования (ст. 212, 213 и 223 УПК РФ). Положения ч. 1 ст. 239, п. 1 ст. 254, пп. 1 и 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ обязывают суд не прекращать дело, а выносить оправдательный приговор. Такое правовое регулирование нельзя признать оптимальным.

Полагаем, что если до назначения судебного разбирательства мировой судья устанавливает обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу и (или) уголовное преследование (ст. 24 и 27 УПК РФ), а равно выясняет признаки преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, судья не должен назначать судебное разбирательство. Ему следует принимать решение, отражающее правильное применение норм уголовного закона. В УПК РФ необходимо внести изменения, подтверждающие полномочия мирового судьи на этапе назначения судебного разбирательства прекращать уголовные дела или направлять их по подсудности.

---

1. По запросу Ванинского районного суда Хабаровского края о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 26 января 1999 г. № 11-О // СПС «КонсультантПлюс».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. № 268-О // СПС «КонсультантПлюс».

3. Корякин А. Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 96–97.

4. Куссмауль Р. Институт частного обвинения нуждается в преобразовании // Рос. юстиция. 2002. № 11. С. 41–42.

5. По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кальницкий В. В. Конституционный Суд РФ о порядке возбуждения и рассмотрения дел частного обвинения // Законодательство и практика. 2005. № 1. С. 34.

7. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 176–190.
8. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 454, 459.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьев Кирилл Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Омская академия МВД России, 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Ключевые слова: частное обвинение, заявление, возбуждение уголовного дела, назначение судебного разбирательства, мировой судья.

УДК 343

Нечушкина К. А.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Научная статья посвящена анализу уголовно-процессуального законодательства, научных публикаций, посвященных проблеме участия заявителя в уголовно-процессуальных отношениях, а также обозначению некоторых аспектов, связанных с процессуальным положением заявителя при проверке сообщения о преступлении.

Одним из ключевых участников проверки сообщения о преступлении выступает заявитель. Вопросы терминологического и процессуального содержания статуса заявителя в уголовном судопроизводстве России являются дискуссионными [1, 9, 10, 11, 12]. Это обусловлено, с одной стороны, неоднократным употреблением в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) термина заявитель в разном контексте (в некоторых нормах этот термин приравнивается к термину потерпевший (ст. 141, 144, 145, 146, 148, 219, 318, 399, 404, 463 УПК РФ), в других – к лицу, обладающему правом заявления ходатайства (ст.ст. 119, 120,124, 125 УПК РФ). С другой стороны, отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве норм, в полном объеме регламентирующих процессуальный статус заявителя как участника на разных стадиях уголовного судопроизводства. При этом недостаточная нормативная регламентация про-

цессуального положения заявителя приводит к нарушению его прав и законных интересов, начиная уже с момента его обращения в компетентные органы при приеме и регистрации его заявления о преступлении.

Действующий УПК РФ не содержит определения понятия «заявитель». Вместе с тем учеными неоднократно предпринимались попытки сформулировать дефиницию этого понятия. Так, Н.Е. Муженская и Г.В. Костылева под заявителем понимают «физическое или юридическое лицо, обратившееся в орган внутренних дел, мировой суд с намерением сделать в устном или письменном виде заявление о совершенном либо готовящемся преступлении в порядке, установленном статьей 141 УПК РФ» [2].

Положительным моментом приведенного определения является то, что авторы к заявителю помимо физического лица относят также и юридическое лицо, что отвечает содержанию п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, которое сводится к защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Вместе с тем, процессуальный статус юридического лица уголовно-процессуальный закон не определяет, что является отдельным предметом исследования в науке уголовного процесса.

Однако, учитывая положения уголовно-процессуального закона, признать такую дефиницию полной и точной не представляется возможным. Подтверждением изложенного является то, что заявителем помимо лица, обратившегося в компетентные органы с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении, в соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РФ, признается также и лицо, заявившее ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений …для обеспечения его прав и законных интересов лица, либо представляемых им лица или организации.

Учитывая это обстоятельство, Н.С. Амельков определяет заявителя как «лицо, подавшего заявление органам предварительного следствия, дознания, прокурору, суду о совершенном или готовящемся преступлении, а также о нарушении своих конституционных прав и свобод или уголовно-процессуальных интересов производимыми процессуальными действиями и принимаемыми процессуальными решениями [3]. В приведенном определении автор приравнивает процессуальный статус лица, обратившего с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении, а также лица, чьи права и интересы были нарушены производимыми процессуальными действиями и принимаемыми процессуальными решениями.

По сути, речь идет о двух видах заявителя: 1) заявитель, сообщающий о совершенном или готовящемся преступлении; 2) заявитель, сообщающий о нарушенных прав и свобод производимыми процессуальными действиями и процессуальными решениями. Процессуальный статус таких заявителей, а также предметное содержание их обращений будет разным. Однако уголовно-процессуальный закон не дифференцирует их, что обуславливает наличие терминологических неточностей. Более верным было

бы использование в ст.ст. 119, 120,124, 125 УПК РФ термина «ходатайствующий» вместо термина «заявитель».

Другой аспект, подлежащий исследованию, сводится к обозначению процессуального статуса заявителя среди участников уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон выделяет четыре группы участников: гл. 5 «Суд»; гл. 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», гл. 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты», гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Заявитель не входит ни в одну из имеющихся групп. Вместе с тем, термин заявитель используется в отдельных дефинициях УПК РФ, регламентирующих проверку сообщения о преступлении, процедуру подачи и разрешения ходатайств и жалоб.

Среди ученых-процессуалистов не сформировано единого мнения относительно этого вопроса.

Ряд авторов предлагают дополнить главу 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» статьей 41.1 «Заявитель», предав ему процессуальный статус самостоятельного участника со стороны обвинения [4].

Очевидно, что авторы имели в виду ситуации, когда в качестве заявителя выступает лицо, которому преступлением причинен вред или адвокат, представляющий интересы лица, которому преступлением причинен вред. После принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела лицо, которому преступлением причинен вред, может приобрести процессуальный статус потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, а адвокат – процессуальный статус представителя потерпевшего, и тогда их включение в эту главу будет обоснованным. Но как поступить в ситуации, когда с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении в правоохранительные органы обращается другое лицо, которому в силу разных обстоятельств стало известно о совершенном или готовящемся преступлении (лицо, явившееся с повинной; лицо, задержавшее преступника с поличным, которому в результате совершения преступления вред причинен не был, сотрудник медицинской организации, в которое поступило пострадавшее от преступления лицо; знакомый лица, которому преступлением причинен вред и др.)? После принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела такие участники, вероятнее всего, приобретут процессуальный статус свидетеля, который включен в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства». Поэтому более обоснованной будет позиция ученых, которые предлагают включить заявителя в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства», дополнив ее статьей 60.1, апеллируя это тем, что в случае принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела заяви-

тель так и останется заявителем без приобретения процессуального статуса конкретного участника уголовного судопроизводства [5].

Кроме того, процессуальный статус участника зависит от выполняемой им функции. При проверке сообщении о преступлении участники не выполняют функции обвинения и защиты. Основной функцией проверки является установление фактических и юридических оснований для начала уголовного преследования. Следовательно, заявитель до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела и признания его участником уголовного судопроизводства со стороны защиты или обвинения должен обладать процессуальным статусом самостоятельного участника уголовного судопроизводства и относиться к иным участникам уголовного судопроизводства, и включен в гл. 8 УПК РФ.

Данную позицию можно обосновать тем, что заявитель, принимая участие в уголовном судопроизводстве, наделен целым рядом, свойственных только ему прав. Так, в соответствии со ст. 144, 145 УПК РФ заявитель вправе:

1) знать о принадлежащих ему правах и обязанностях, предусмотренных УПК РФ;

2) не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;

3) пользоваться услугами адвоката;

4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ;

5) обжаловать прокурору или в суд в порядке, установленном ст. 124 и 125 УПК РФ, отказ в приеме сообщения о преступлении;

6) знакомиться с решением, принятым по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, и обжаловать его прокурору или в суд в порядке, установленном ст. 124 и 125 УПК РФ, решение;

7) при необходимости обратиться с заявлением об обеспечении его безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ и др.

Помимо этого в соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РФ заявитель вправе обратиться с ходатайством о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации.

Несмотря на такой развернутый перечень прав, он нуждается в расширении и уточнении. В УПК РФ отсутствует указание о праве заявителя на принятие его заявления о совершенном или готовящемся преступлении дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следствен-

ного органа. Вместе с тем в ч 1. ст. 144 УПК РФ указано, что принятие, проверка сообщения о преступлении в пределах компетенции является обязанностью дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. Регламентируя такую норму, уголовно-процессуальный закон не предполагает произвольный отказ в принятии поданного в соответствии с законом сообщения о преступлении, в проведении по нему проверки и в вынесении законного, обоснованного и мотивированного решения (Определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1992-О) [6]. Поэтому право заявителя на принятие его сообщения о совершенном или готовящемся преступлении является его основным правом и должно быть предусмотрено в нормах УПК РФ.

Отсутствует в законе право на пользование родным языком, а также право на пользование услугами переводчика в случае, если заявитель не владеет языком, на котором проводится проверка сообщения о преступлении, что противоречит принципу языка уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 18 УПК РФ.

Для реализации права обжалования принятого по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 124 и 125 УПК РФ, одного ознакомления заявителя с таким решением недостаточно. Для обоснования своей позиции заявитель должен быть ознакомлен со всеми материалами проверки по сообщению о преступлении, которые непосредственно затрагивают его права и законные интересы, для чего необходимо такое право предусмотреть в нормах УПК РФ. Тем более, согласно позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 18 февраля 2000 г. № 3- П гражданам должны предоставляться для ознакомления материалы, непосредственно затрагивающие их права и свободы, даже если такое право прямо не предусмотрено законом [7]. Гражданин может быть ограничен в доступе к информации только в том случае, если, для такой информации законодательством предусмотрен специальный правовой статус в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты, что отражено в Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О [8].

Основываясь на предложенной позиции, считаем необходимым включить заявителя к участникам уголовного судопроизводства и дополнить гл. 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» ст. 61 «Заявитель», в которой обозначить его права и обязанности. Помимо регламентируемых уголовно-процессуальным законом прав заявителя, добавить в их перечень: право на принятие сообщения о совершенном или готовящемся преступлении; право пользоваться при участии в проверке сообщения о преступлении родным языком, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика; право на ознакомление с материалами проверки по заявлению о преступлении. Внесение таких изменений будет выступать

гарантией обеспечения прав и законных интересов заявителя при проверке сообщения о преступлении.

---

1. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела: Учебное пособие / В.Н. Григорьев, А.В. Новиков, Е.А. Прохорова, Д.Н. Слабкая. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2016. 107 с.
2. Муженская Н.Е., Костылева Г.В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7. С. 52-56.
3. Амельков Н.С. Заявитель в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5. С. 590-594.
4. Муженская Н.Е., Костылева Г.В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7. С. 52-56.
5. См. напр.: Амельков Н.С. Заявитель в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5. С. 590-594; Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. …д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 119-121; Башинская И.Г. О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 157-160 и др.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степаненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Федеральных законов «О прокуратуре Российской Федерации» и «О Следственном комитете Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1992-О // URL: http://base.garant.ru/70260932/ (дата обращения 30.08.2017 г.).
7. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ, 28.02.2000, № 9, ст. 1066.
8. По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О // Собрание законодательства РФ, 07.07.2003, № 27 (ч. 2), ст. 2872.
9. Амельков Н.С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю и свидетелю в уголовном судопроизводстве: дис. … к-та юрид. наук. М., 2014. 172 с.
10. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела: монография / Марфицин П.Г., Синенко С.А., Филиппов Д.В. Омск: Омск. акад. МВД России, 2013. 144 с.

11. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 352 с.
12. Семёнов Е.А., Нечушкина К.А.Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 30-33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нечушкина Кристина Александровна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: заявитель, потерпевший, процессуальный статус, уголовно-процессуальные отношения, проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, предварительное расследование, участники уголовного судопроизводства.

УДК 343.13

Николюк В. В.

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В СВЕТЕ ДАННЫХ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Научная статья посвящена кризисным явлениям в российской уголовной юстиции в свете данных судебной статистики и правоприменительной практики. В статье говориться о некоторых «болезнях» отечественной уголовной юстиции и их причинах, участии суда в исполнении наказаний и проблема «заочного» правосудия, уголовно-процессуальные аспекты исполнения наказания; обсуждаются дилеммы дифференциации или упрощения (примитивизации) уголовного процесса, реальности или имитации судебного контроля за досудебным производством.

О некоторых «болезнях» отечественной уголовной юстиции и их причинах

Состояние современного российского уголовного судопроизводства оценивается специалистами критически. Главные его «пороки» усматри-

ваются, в том числе, в следующем: чрезмерное упрощение досудебного и судебного производства и, как следствие этого, отступление от ряда уголовно-процессуальных принципов, в первую очередь от требования всесторонности и полноты установления обстоятельств уголовного дела; перегруженность судебной системы из-за перманентного расширения полномочий суда в сфере уголовного процесса, в связи с чем базовое для уголовной юстиции понятие «правосудие» оказалось «размытым»; неэффективность реформированных апелляции и кассации, что провоцирует новую «грандиозную» реформу по аналогии с арбитражным судопроизводством (имеется в виду одобренный 13 июля 2017 г. Пленумом Верховного Суда РФ законопроект о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции); репрессивность уголовного процесса в связи с отданием судами приоритета аресту как мере пресечения и наказанию в виде лишения свободы; рассогласованность уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, породившая, в том числе, распространенность практики «заочного» направления в места лишения свободы осужденных условно, к штрафу, обязательным и исправительным работам, ограничению свободы.

Нестабильность, разбалансированность уголовного судопроизводства в значительной степени вызываются постоянной, безсистемной и часто неоправданной изменчивостью его нормативной основы. С момента введения в действие УПК РФ принято около 200 федеральных законов, которыми в него внесены новеллы, в том числе настолько принципиальные, что они поменяли в целом конфигурацию отечественного уголовного процесса. Многочисленные правовые позиции Конституционного Суда РФ, часто истолковывающие конкретные процессуальные нормы по-иному, вопреки изначально заложенному в УПК РФ смыслу, существенно осложняют правоприменение. В этих условиях органу расследования, прокурору, суду приходится дополнительно решать задачу выбора поведения между неинкорпорированной в уголовно-процессуальное законодательство правовой позицией Конституционного Суда РФ и действующей нормой УПК РФ.

Таким образом, уголовную юстицию сопровождают серьезные организационно-правовые проблемы, препятствующие выполнению уголовным судопроизводством своего назначения, продекларированного в Конституции РФ и УПК РФ.

Дифференциация или упрощение (примитивизация) уголовного процесса?

Законодатель последовательно продолжает взятый им курс на увеличение особых порядков уголовного судопроизводства. В настоящее время производство по уголовным делам о преступлениях может происходить в

нескольких упрощенных либо усложненных процессуальных режимах. В УПК РФ им посвящаются самостоятельные рубрики (главы, разделы, части). В их названиях фигурируют выражения «особенности производства», «особый порядок уголовного судопроизводства». Дифференциация превратилась в главный способ организации отечественного уголовного судопроизводства, фактически противопоставлена его унификации.

Выделение в уголовно-процессуальном законодательстве альтернативных, дополнительных процедур в сравнении с обычным порядком досудебного и судебного производства по уголовному делу кардинально изменило суть и содержание российского уголовного процесса. Отдельные уголовно-процессуальные процедуры (в частности, предусмотренный главой 40 УПК РФ особый порядок судебного разбирательства), в силу их чрезмерного распространения, вытеснили некогда обычный порядок рассмотрения уголовных дел, базирующийся на полноценном доказывании. В результате подавляющее большинство судебных актов, разрешающих уголовное дело по существу, принимается судом в условиях фактического отказа от процессуальных гарантий, образующих обязательные стандарты правосудия. Если принять во внимание, что реальный процент дел, рассмотренных в особом порядке (т.е. тех дел, по которым имеется такая возможность), составляет около 91-93 %[1], то очевидно, что отечественное уголовное судопроизводство «выдает на гора» преимущественно «квазиприговоры». Такими приговорами в 2015 г. было осуждено с назначением наказания 544,2 тыс. лиц, в 2016 г. –544,3 тыс. [2].

С применением особого порядка, урегулированного главой 40 УПК РФ, выносятся не только обвинительные приговоры, но и принимаются решения о прекращении уголовного дела. В 2016 г. с использованием процедуры, предусмотренной главой 40 УПК РФ, по нереабилитирующим основаниям дела прекращены в отношении 116 тыс. лиц., что составляет примерно половину от общего числа лиц, дела о которых прекращены судом. Несмотря на то, что такие решения прямо не заложены в рассматриваемый процессуальный институт, они получили на практике широкое распространение. И в этой связи вполне закономерен вопрос: не используется ли данный институт для принятия «спорных» судебных решений об освобождении лиц от уголовной ответственности, когда даже для вынесения «особого» обвинительного приговора недостаточно доказательств?

Придание ускорения уголовному процессу фактически безграничным внедрением в него особого порядка судебного разбирательства уголовных дел, при котором нет доказывания в традиционной для уголовного судопроизводства его трактовке, не реализуются принципы судопроизводства, не достигаются цели и задачи последнего, привело к выхолащиванию уголовного правосудия, ввело его в состояние глубокого кризиса. Выход из него возможен, как представляется, при условии полного отказа от указанной процедуры в том виде, как она закреплена в УПК РФ.

Реальность или имитация судебного контроля за досудебным производством

Многолетние история и опыт функционирования судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ как самостоятельной формы уголовного правосудия показывают, что он также находится в кризисном состоянии.

1. Нормативная основа данного вида судебного уголовно-процессуального контроля получила широкое истолкование в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Длительный период стороны могли обжаловать практически любые действия (бездействие) и решения органа расследования и прокурора. При этом одно лицо (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) способно инициировать сотни судебных процессов в связи с расследованием уголовного дела. Несмотря на многочисленные законодательные «инъекции» в главу 16 УПК РФ (только в ст. 125 были внесены изменения и дополнения десятью федеральными законами, введена новая ст. 125.1 «Особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб»), «золотая середина» в обеспечении оптимального правового регулирования оснований, порядка рассмотрения судом жалоб на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, а также реального исполнения принимаемых в рамках судебного контроля решений так и не была найдена.

2. Попытки на подзаконном уровне ограничить предмет судебного обжалования оказались малоуспешными. В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [3] разъяснено, что предметом обжалования в таком производстве не могут быть действия (бездействие) и решения, проверка которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (например, отказ следователя или дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств; постановление следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы; решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков). Основная масса процессуальных решений и действий, сопровождающих возбуждение и расследование уголовных дел, с учетом конструкции ст. 125 УПК РФ по-прежнему подпадает под ее юрисдикцию.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от от 24 мая 2016 г. № 23 не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ реше-

ния и действия (бездействие) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу. Однако в судебной практике более половины жалоб из числа рассматриваемых в порядке ст. 125 УПК РФ вызваны процессуальными действиями и решениями в стадии возбуждения уголовного дела, где об уголовном преследовании не может быть и речи. Поэтому введенный высшим судебным органом страны запрет на судебное обжалование ряда действий (бездействия) и решений прокурора, руководителя следственного органа на основании сомнительного с точки зрения его правовой определенности и строго ограниченного временными процессуальными рамками критерия, в качестве которого выступает «связанность либо несвязанность с уголовным преследованием», в большей части не работает.

3. Фактический объем судебной деятельности, инициируемый в порядке ст. 125 УПК РФ, существенно увеличивает нагрузку на судебный корпус и в некотором смысле дестабилизирует его работу. В условиях действующего правового регулирования стороны злоупотребляют соответствующим правом, противодействуют расследованию уголовного дела, используя предписания ст. 125 УПК РФ.

В разные годы судами в порядке ст. 125 УПК РФ рассматривалось до 200 тыс. жалоб. В 2015 г. учтено 130,9 тыс. таких судебных производств, в 2016 г. - 127,1 тыс. Большая часть вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ судебных постановлений «проходит» апелляционную проверку, что дополнительно отягощает судебную систему (районные суды при обжаловании решений мировых судей и областные (краевые) суды при обжаловании решений судей районного суда).

Обращает на себя внимание низкий удельный вес удовлетворенных судами жалоб, рассмотренных в соответствии с требованиями ст. 125 УПК РФ: в 2015 г. – 6,2 %, в 2016 г. – 5,0 %. Еще 3 года назад этот показатель был в несколько раз выше – 18,8 %. Не менее примечательно также следующее обстоятельство: почти 65-70 % жалоб, рассмотренных в порядке ст. 125 УПК, остаются без разрешения по существу (возвращены заявителю в связи с неподсудностью материалов; производство по ним прекращено). В ч. 5 ст. 125 УПК РФ, что принципиально важно, подобные судебные решения не предусмотрены для процедуры рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения органов расследования, прокурора.

Еще одна «ахиллесова пята» судебного контроля, осуществляемого по правилам ст. 125, 125.1 УПК РФ, - отсутствие законодательного механизма исполнения судебных постановлений, вынесенных по результатам рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов расследования, прокурора. По данным репрезентативных исследований, в отношении87% таких постановлений суда сведения об их исполнении от органов предварительного расследования и прокурора в суды не поступали[4].

Таким образом, предусмотренный ст. 125 УПК РФ судебный контроль, трактуемый Верховным Судом РФ как самостоятельная форма правосудия, находится в состоянии своеобразной организационно-правовой «турбулентности». Отвлекая значительные ресурсы судебной системы (мировая юстиция – районные суды – областные и краевые суды), данный уголовно-процессуальный институт неэффективен в плане реализации заинтересованными лицам конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) при ведении уголовного производства, часто используется сторонами защиты и обвинения во вред ему. Он требует радикального пересмотра. В частности, целесообразно еще раз вернуться к вопросам: а) о круге решений и действий, подлежащих судебному обжалованию; б) об установлении определенного срока обжалования, введения процедуры обязательного предварительного обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц органа расследования, прокурора их вышестоящему руководителю; в) включение правила, согласно которому вынесение судьей в порядке ст. 125 УПК РФ постановления о признании незаконным и необоснованным процессуальных действий и решений органа предварительного расследования, прокурора является достаточным для того, чтобы считать их утратившими юридическую силу[5].

Участие суда в исполнении наказаний и проблема «заочного» правосудия

Регулируемая главой 47 УПК РФ судебная деятельность, связанная с исполнением приговора, оказывает серьезное влияние на содержание российского уголовного процесса и играет важную роль в механизме обеспечения достижения целей, задач и назначения уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства. По правилам главы 47 УПК РФ осуществляется большой объем фактической уголовно-процессуальной деятельности. Количество рассматриваемых судами уголовных дел и дел, связанных с исполнением приговора, практически одинаково.

В результате замены судом лишением свободы исправительных, обязательных работ, штрафа, ограничения свободы, а также отмены условного осуждения, условно-досрочного освобождения, отсрочки отбывания наказания в исправительные колонии и колонии-поселения ежегодно направляется 45-50 тыс. осужденных. Таким образом, до 20 % осужденных или почти каждый пятый из направляемых в места лишения свободы отбывают наказание не по приговору[6], как это вытекает из ст. 43 УК РФ, а на основании судебных постановлений, вынесенных в установленном ст. 399 УПК РФ упрощенном в сравнении с судебным разбирательством уголовного дела порядке. Данные судебные решения не указываются и в ст. 7 УИК РФ, где перечислены судебные акты, на основании которых и могут испол-

няться наказания (приговор либо изменяющее его определение или постановление суда).

Уголовно-процессуальные аспекты исполнения наказания

В криминологическом плане, а также с точки зрения рационального использования сил и средств должностных лиц государственных органов, применяющих нормы УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, предусмотренный законом порядок исполнения отдельных весьма востребованных в судебной практике наказаний крайне неудачен. Это объективно детерминировано конструкцией данных видов наказаний, не учитывающих уголовно-процессуальные аспекты их исполнения. А в более общем плане такие ситуации – следствие недостаточной гармонизации норм УПК РФ и УИК РФ. Проиллюстрируем их на примере наказания в виде обязательных работ (ст. 49 УК РФ).

На протяжении всего периода действия данное наказание относится к числу наиболее востребованных в российской судебной практике: за 2005–2016 гг. обязательные работы назначены 809,8 тыс. осужденным. Чаще применяются только лишение свободы на определенный срок и условное осуждение к лишению свободы.

Удельный вес осужденных к обязательным работам в общем количестве осужденных к основным видам наказаний увеличился с 4, 1% в 2007 г. до 18,9% в 2016 г., т. е. почти в 5 раз. В 2016 г. обязательные работы назначены 145,3 тыс. осужденных против 77,6 тыс. в 2015 г. При этом общее число осужденных в эти годы принципиально не отличалось: 2015 г. — 733,6 тыс.; 2016 г. — 740,4 тыс. Таким образом, в 2016 г. произошел существенный «скачок» в отечественной уголовной карательной практике в части применения данного наказания, который пока никак не прокомментирован специалистами в области уголовного и уголовно-исполнительного права.

В механизме применения наказания, предусмотренного ст. 49 УК РФ, важное значение для достижения задач уголовного законодательства имеют нормативные предписания, регулирующие основания и порядок замены обязательных работ более строгим наказанием. В отношении каждого пятого осужденного к обязательным работам в дальнейшем перед судом ставится вопрос об их замене лишением свободы.

При установлении злостности уклонения осужденного от отбывания обязательных работ и принятии решения об их замене в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ суды вынуждены часто назначать краткие, в пределах 5-10 дней, сроки лишения свободы. Это объясняется тем, что обязательные работы устанавливаются в размере от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов и заменяются лишением свободы из расчета один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ. В связи с этим направление

осужденных в исправительную колонию, что специально оговаривается в судебном постановлении, становится технически невозможным, если иметь в виду 10-дневный срок апелляционного обжалования таких судебных актов (ст. 401 УПК РФ), в течение которого осужденный находится в следственном изоляторе.

По многим делам анализируемой категории возникает парадоксальная для уголовного судопроизводства ситуация: осужденный, которому неотбытый срок обязательных работ заменяется лишением свободы на срок до 10 дней, должен признаваться отбывшим наказание еще до вступления в законную силу судебного постановления, принятого в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ.

Точно так же осужденный подлежит освобождению из-под стражи, когда определенный судом срок лишения свободы в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ заканчивается до даты рассмотрения дела в апелляционном порядке при подаче осужденным, его адвокатом апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции о замене обязательных работ лишением свободы. Длительность прохождения дел данной категории в апелляционной инстанции с учетом 10-дневного срока обжалования в среднем составляет 1,5–2 месяца.

Согласно ч. 3 ст. 88 УК РФ обязательные работы назначаются несовершеннолетним осужденным на срок от 40 до 160 часов. При замене их лишением свободы в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания максимальные сроки лишения свободы, определяемые по правилам ч. 3 ст. 49 УК РФ, колеблются в пределах от 5 до 20 дней. В уголовном законе, таким образом, изначально заложена весьма сомнительная идея краткосрочного, «символичного» помещения этой категории несовершеннолетних осужденных в СИЗО.

Таким образом, исполнение большинства судебных решений о замене обязательных работ лишением свободы ограничивается нахождением осужденного в течение нескольких дней в следственном изоляторе. При этом осужденный считается отбывшим наказание еще до вступления таких судебных актов в силу. Данное положение нельзя признать нормальным.

В заключение надлежит отметить, что судебная статистика и данные правоприменительной практики наглядно показывают: уголовный процесс «перегружен», в нем накопилась усталость от постоянных реформ и новаций, у него выработался своеобразный защитный иммунитет, что во многом объясняет неприятие или только частичное (вопреки ожиданиям авторов законопроектов) внедрение в практику конкретных процессуальных новелл и даже целых уголовно-процессуальных институтов (один из ярких последних примеров тому – продолжающееся отторжение правоприменительными органами института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа). Вместе с тем отдельные направления функционирования уголовной юстиции, которые нами обозначены в

статье, нуждаются в безотлагательной научной, профессиональной экспертизе и законодательной корректировке.

---

1. Пиюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Томск, 2017. С. 24-25.
2. Все приводимые в статье статистические данные взяты из отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции (форма № 1, разделы 1, 3 и 4).
3. Рос. газета. 2009. 18 февр.; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.
4. Маркина Е. А. К вопросу об исполнении судебных решений, принятых в порядке статьи 125 УПК РФ // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н. В. Радутной): мат-лы 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 95–97; Николюк В. В., Терекян В.А. Реализация потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении судом жалоб в порядке ст.125 УПК РФ: монография. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2014. С. 90-98.
5. Необходимость и направления реформирования судебного контроля, предусмотренного ст. 125 УПК РФ, обсуждаются и в Верховном Суде РФ (см.: Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 28-29).
6. Лишение свободы на определенный срок назначено в 2015 г. и 2016 г. соответственно 220,5 тыс. и 214,9 тыс. осужденным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Николюк Вячеслав Владимирович. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства.
Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, исполнение наказаний, исполнение судебных решений.

УДК 343.1

Новикова Е. А., Чаплыгина В. Н.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗМОЖНЫМ ВНЕДРЕНИЕМ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с возможным внедрением института следственных судей в современное уголовное судопроизводство Российской Федерации.

На сегодняшний день в уголовном процессе сложилась логичная, выработанная длительной практикой схема осуществления уголовного судопроизводства, когда есть сторона обвинения, сторона защиты и являющийся между ними независимым арбитром суд. Следователь, не поддерживающий ни одну из сторон, является в этой схеме установителем истины по уголовному делу. При этом сторона защиты, обвинения и следователь обладают собственной компетенцией. Такой баланс сил необходим для соблюдения законности, прав и свобод человека и гражданина на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Между тем ряд инициаторов пытается внести дисбаланс в работу на сегодняшний день сильной правоохранительной структуры - Следственного комитета Российской Федерации, предлагая установить за следователями еще один контрольный орган. Речь идет о следственном судье как новом участнике уголовного судопроизводства.

В настоящее время цель создания института следственных судей в России состоит в коренной модернизации российского уголовного процесса с тем, чтобы в нем было полностью реализовано требование Конституции РФ о состязательном построении судопроизводства, а активное судебное участие и реальный судебный контроль распространились на все стадии уголовного процесса[1]. Задача следственного судьи должна состоять в осуществлении активного судебного контроля за расследованием, однако, без принятия на себя функции уголовного преследования. Следственный судья ни в коем случае не должен вести уголовное преследование, так как это естественная функция органов обвинения. Следственный судья не должен проявлять инициативу и по собиранию новых доказательств в целях подтверждения или опровержения версий обвинения и защиты, а уполномочен лишь проверять и оценивать сведения, представленные ему сторонами.

При этом судебная функция должна осуществляться следственным судьей в форме судейских следственных и иных процессуальных действий или в форме состязательных судебных слушаний, в промежутках между которыми расследование в установленном порядке осуществляют только стороны. Если же стороны по соображениям избранной ими процессуаль-

ной тактики не заинтересованы в немедленной легализации в качестве судебных всего объема имеющихся у них сведений и материалов, они вправе представить собранные ими протоколы, предметы, свидетелей, экспертов и на последующих судебных стадиях, где может решаться вопрос о признании таких материалов в качестве допустимых в судебном разбирательстве. Впрочем сторона обвинения в любом случае обязана на предварительном следствии предпринимать усилия для получения и легализации перед следственным судьей той совокупности судебных доказательств, которая, как минимум, достаточна для привлечения лица в качестве обвиняемого, а впоследствии и для предания обвиняемого суду [2].

Благодаря переходу к такой системе, процесс должен стать полностью состязательным: судебная функция по рассмотрению и разрешению процессуальных вопросов на предварительном следствии существенно выровняет возможности сторон обвинения и защиты.

Введение института следственных судей, по мнению сторонников концепции, благотворно скажется на работе всей судебной системы в целом:

во-первых, участие в процессе следственного судьи полностью освободит районные суды от бремени разрешения вопросов в порядке ст.ст. 29 (ч.ч. 2-3), 125, 165 УПК РФ;

во-вторых, наличие протоколов допросов, полученных в ходе предварительного расследования следственным судьей и уже приобретших тем самым статус судебных доказательств, облегчит их использование в судебном разбирательстве без соблюдения таких условий, как оглашение ранее данных показаний свидетелей и потерпевших с согласия обеих сторон (ч. 1 ст. 281 УПК РФ); практически исключит случаи, когда показания подозреваемого или обвиняемого надо признавать недопустимыми доказательствами, если они были получены на предварительном следствии без участия защитника и не подтверждены им в судебном разбирательстве (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ);

в-третьих, во многом снимается проблема возвращения уголовного дела судом прокурору для дополнительного расследования или для исправления иных недостатков предварительного следствия. Таким образом, можно полагать, что все это позволит снизить нагрузку на суды как при рассмотрении ими дел по существу в первой инстанции, так и в вышестоящих судах.

Достаточно хорошо обозначены в российской уголовно-процессуальной доктрине и основные средства, посредством которых возможна реализация обсуждаемых процессуалистами новаций. Во-первых, следует обеспечить такую организационную автономность специализированного следственного судьи от иных органов, отправляющих правосудие, которая, исключала бы возможность непроцессуального воздействия на него, в том числе посредством отмены принятых им решений или формулирования

обязательных для исполнения указаний или же обеспечивала действительно своевременный и объективный контроль за законностью и обоснованностью, принимаемых им в ходе оперативного судебного контроля актов.

Во-вторых, следственный судья должен быть в принципе исключен от дальнейшего участия в отправлении правосудия в судах любой из инстанций, так как он не сможет быть объективным арбитром ни в оперативном судебном контроле, ни в суде первой инстанции. В-третьих, не менее остро встанет вопрос о преюдициальной силе решений следственного судьи. Например, по вопросу о допустимости доказательств, не принятых следственным судьей в качестве легитимных обосновывающих материалов в рамках оперативного судебного контроля при разрешении того же уголовного дела по существу.

В-четвертых, закономерно встанет вопрос о структурных формах деятельности указанного судьи, количестве указанных судей на определенный участок, формах их замены во время болезни или отпуска. Однако, создание нового должностного лица - судебного следователя не решит всех проблемных вопросов, которыми оперируют сторонники введения следственного судьи.

Решение данных проблем, как представляется, состоит, прежде всего, в совершенствовании процессуального статуса следователя. В частности, для оптимизации работы следственных подразделений, исключения волокиты, перенаправления уголовных дел от одного органа к другому назрела необходимость передачи права утверждения обвинительного заключения от прокурора руководителю следственного органа в соответствии с подследственностью и подсудностью. А именно руководитель следственного органа, согласившись с объемом собранных доказательств, утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд. Одновременно он направляет прокурору надзорное производство с копией обвинительного заключения и основных процессуальных документов по принятым решениям.

Такое положение следственного судьи, при котором он будет независимым арбитром между сторонами защиты и обвинения, вызывает вопросы: а не будет ли данное лицо наиболее подверженным к совершению коррупционных преступлений, сколько следователям Следственного комитета Российской Федерации придется расследовать новых уголовных дел в отношении следственных судей за преступления коррупционной направленности? Очевидно, что на независимое лицо - следственного судью, обладающего всей информацией по уголовному делу, могут оказывать давление обе стороны уголовного процесса. Можно выдвинуть предположение, что следственные судьи - это очередные рычаги воздействия на участников уголовного судопроизводства. В подтверждение данного тезиса следует привести результаты проведенного анкетирования. Так в период с 1 декабря 2015 года по 1 марта 2016 года в Орловской области про-

водился опрос сотрудников подразделений ОВД на предмет целесообразности создания института следственных судей в России. 45% от общего числа опрошенных (более 300 респондентов) полагают, что в этом нет необходимости.

Кроме того, процессуальный статус следственного судьи вызывает больше вопросов, чем ответов: если он принимает участие в следственном действии, то каким образом будет указываться в протоколе следственного действия, будет ли это лицо предупреждаться об ответственности, и каким образом будет решаться вопрос о тайне следствия; какие квалификационные требования будут предъявляться к лицу, назначаемому на должность следственного судьи?

Суд, руководитель следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, органы процессуального контроля Следственного комитета Российской Федерации, прокуратура Российской Федерации и другие органы и подразделения так или иначе осуществляют контроль за предварительным следствием.

Особая роль принадлежит руководителю следственного органа. На практике направление расследования дела определяет следователь. Свои действия по раскрытию преступления, установлению виновных лиц, причин и условий, способствующих совершению преступления, следователь, как правило, согласовывает с руководителем следственного органа. Такая совместная работа приносит положительные результаты. Руководители следственных отделов организовывают оперативные совещания с сотрудниками оперативных служб правоохранительных органов, на которых совместно вырабатываются версии, направленные на раскрытие преступлений. Руководители следственных подразделений, взаимодействуя со следователем, определяют вопросы и обстоятельства, которые необходимо выяснить по каждой версии, эпизоду или по делу в целом. Они определяют источники доказательственной информации, которые должен исследовать следователь, с определением следственных действий, необходимых для установления объективных обстоятельств.

Сторонники введения института следственных судей считают, что «по завершении следствия, в котором обвинение было доказано, именно следственный судья должен принимать постановление о направлении дела в суд» [3]. Ряд сторонников введения в уголовный процесс следственного судьи в оправдание данной необходимости пишут, что в ситуациях, когда один и тот же судья в уголовном процессе и производит судебный контроль за следствием, и выносит решения по тому же делу в судебном заседании, не могут не возникать сомнения в независимости и беспристрастности юридического результата.

Данное обстоятельство вряд ли может свидетельствовать о необходимости создания целого корпуса следственных судей, чей правовой ста-

тус, объем полномочий, подконтрольность и подведомственность являются до сих пор неопределенными и заведомо сомнительными.

Напротив, такое положение дел говорит о недоверии судей друг к другу (что очевидно подрывает авторитет судебной власти как честной и независимой), и необходимости что-то поменять в работе судебных органов, внести изменения в соответствующие регламенты их работы, создать такое положение дел, чтобы судья, который решал вопрос о применении мер процессуального принуждения к подозреваемому по уголовному делу, не назначался на последующее рассмотрение данного уголовного дела. Недостатки в работе судебных органов вовсе не основание усиливать контроль за следствием, учитывая, что выбор и назначение судьи на рассмотрение конкретного дела не зависят от воли следователя либо руководителя следственного органа.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, в настоящее время отсутствует необходимость многочисленного контроля за работой следователя [4] и, соответственно, содержания целого аппарата работников - следственных судей, которые только лишь заберут часть привычных соответствующих законам Российской Федерации полномочий судей. На сегодняшний день необходимо все силы направить на создание более благоприятных с процессуальной точки зрения условий для следователя, при которых он бы мог в кратчайшие сроки установить истину по уголовному делу, проводить расследование, не обремененное тотальным контролем.

Резюмируя сказанное, полагаем введение в уголовное судопроизводство института следственных судей, по нашему мнению, невозможно, так как, во-первых, проведение данной реформы потребует большого количества денежных затрат, во-вторых, практика существования данного института в далеком 1864 году показала, что население с большим недоверием относилось к деятельности следственных судей, полагая, что они относились к своим обязанностям формально, небрежно, вызывая тем самым антипатию со стороны граждан, в-третьих, в литературе обращалось внимание на практическую опасность совмещения в деятельности следователя различных процессуальных функций: защитника, обвинителя и судьи.

---

1. Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия в системе МВД России: автореф. дисс. … канд. юр. наук. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 13.

2. Чаплыгина В.Н.Следственный судья в уголовном процессе России: TO BE OR NOT TO BE // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-1. С. 226-228.

3. Смирнов А.В. «Следственный судья - такая должность появится в уголовном процессе» // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс.

4. Багмет А.М. Место и роль принципа процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 20 - 22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Екатерина Анатольевна. Кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, УПК РФ, следственный судья.

УДК 343.1

Овчинников Ю. Г.

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена системе основополагающих начал уголовного судопроизводства. Критикуя «раздувание» системы принципов в научной литературе, автор полагает включить в нее требование о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, а также публичность, вместе с тем, исключив назначение уголовного судопроизводства.

Система принципов, является генетической основой построения всего уголовного процесса, его концептуальной моделью [9, с. 73]. Находясь, в прочной логической связи друг с другом, являясь звеньями одной цепи, они различным образом взаимодействуют между собой, отражая сущность российского уголовного судопроизводства в целом. Каждый из них – неотъемлемая часть целого. Поэтому система, как правило, не будет правильно функционировать без какого-либо элемента, так же как один или несколько элементов данной системы в отрыве от нее не могут быть использованы должным образом.

Анализ содержания второй главы УПК РФ позволил прийти к выводу, что она построена на платформе защиты прав и законных интересов личности, что полностью соответствует статье 2 Конституции Российской Федерации. Доминирующее количество основных начал уголовного судопроизводства направлено на обеспечение прав личности. Следовательно, уголовно-процессуальная политика в современной России, отталкиваясь от принципов уголовного процесса, на законодательном уровне прописала, что она уже созидается на платформе защиты прав и законных интересов личности.

В науке уголовно-процессуального права, остается дискуссионным вопрос относительно признания того или иного положения принципом и тем самым включение его в систему таковых.

Большинство исследователей-правоведов убеждены, что принципами являются исключительно такие идеи и положения, которые получили свое выражение в соответствующих нормах уголовно-процессуального законодательства. Обязательную силу они приобретают только после закрепления их в законодательстве, тем самым облекая важнейшим свойством (критерием) всех фундаментальных основ правосудия – нормативностью. Не закрепленные идеи в законе остаются лишь элементами правосознания, научными положениями, выводами, но не более того.

Другие ученые, придерживаясь практически схожего мнения, в части закрепления их в нормах процессуального законодательства, все же полагают, что количество принципов, а соответственно и их система, несколько отличается от системы законодательной.

В настоящий момент во второй главе УПК РФ, закреплено пятнадцать принципов уголовного судопроизводства: 1) разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6^1); 2) законность при производстве по уголовному делу (ст. 7); 3) осуществление правосудия только судом (ст. 8); 4) независимость судей (ст. 8^1); 5) уважение чести и достоинства личности (ст. 9); 6) неприкосновенность личности (ст. 10); 7) охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11); 8) неприкосновенность жилища (ст. 12); 9) тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13); 10) презумпция невиновности (ст. 14); 11) состязательность сторон (ст. 15); 12) обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16); 13) свобода оценки доказательств (ст. 17); 14) язык уголовного судопроизводства (ст. 18); 15) право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19). По логике, все основные положения, закрепленные в соответствующей главе, являются принципами уголовного судопроизводства, и только они составляют систему. Однако такое умозаключение отдельным ученым видится спорным.

Относительно ст. 6 УПК РФ, закрепляющей назначение уголовного судопроизводства, мы убеждены в нелогичности законодателя её «влива-

ния» во вторую главу. С научной точки зрения и требований юридической техники, неправомерно ст. 6 УПК вносить в главу 2 УПК. Нельзя задачи относить к системе принципов уголовного процесса. Каждая рассматриваемая основополагающая категория имеет самостоятельное значение. Необходимо отдельную статью посвященную задачам (целям) уголовного процесса, расположить или в главе 1 УПК РФ «Уголовно-процессуальное законодательство» или главу 2 назвать «Задачи и принципы уголовного судопроизводства» [6, с. 41-47].

У многих ученых-процессуалистов вызвало и вызывает до сих пор в настоящее время отрицательную реакцию то, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует такой принцип уголовного судопроизводства, как требование о необходимости всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Возникшая ситуация не идет на пользу эффективности предварительного расследования, поскольку это положение является основной идеей, пронизывающей всю ткань уголовно-процессуальной деятельности, а институт доказывания, в особенности. Кроме того, выявлений обстоятельств подлежащий доказыванию по уголовному делу (ст.ст. 73, 421, 434 УПК РФ) способствует беспристрастному и непредвзятому отношению к обвиняемому [4, с. 174-177].

В науке уголовно-процессуального права в настоящий момент нет единства взглядов о сущности и месте публичности в ряду основных положений уголовного процесса. Значительная часть процессуалистов относит публичность к принципам уголовного процесса, поскольку он своей идеей пронизывает весь уголовный процесс в целом. Вместе с тем, в УПК РФ он не нашел закрепления в главе, посвященной принципам, а размещен в третьей главе «Уголовное преследование», что, по нашему мнению, также является концептуально неверным [5, с. 182-184].

В настоящее время, в научной литературе встречаются различные точки зрения по вопросу о количестве принципов уголовного процесса. Освещая вопросы в данном процессуальном срезе, ученые предлагают свою систему принципов, которая порой принципиально отличается от системы законодательной. Так, А.С. Александров, приводит аргументы (2003 г.), что основополагающих начал должно быть всего девять [1, с. 83]. Э.Ф. Побегайло и Г.Д. Побегайло (2006 г.), являясь сторонниками расширительного толкования системы принципов, кардинально отличающейся от позиции большинства процессуалистов: «правовые принципы существуют независимо от того, получили ли они нормативное закрепление или нет… они действуют безотносительно формы их закрепления, подчиняя своим требованиям поведение субъектов права», выделяет их одиннадцать [7, с. 178, 181-209]. На взгляд авторов коллективного учебного пособия под редакцией О.А. Галустьяна, А.В. Ендольцевой, А.П. Кизлыка (авторство в пособии не разделено) (2006 г.), основополагающих начал пятнадцать [10, с. 28-40]. В.П. Божьев считает, что в уголовном процессе восемнадцать

принципов [3, с. 56]. А.В. Победкин и В.Н. Яшин (2004 г.), с полной уверенностью настаивают, что перечень принципов далеко не исчерпывается гл. 2 УПК РФ, их количество равняется двадцати трем [8, с. 32-33].

Таким образом, ни один из подходов к исследованию принципов процесса не дает однозначного ответа на вопрос о системе этих принципов. Эта проблема все еще находится в поисках своего метода исследования, она по-прежнему существует и постоянно решается в науке.

В юридической литературе, в период действия УПК РФ, многие исследователи также предлагали идеи о существовании многочисленных принципов: справедливость; гуманизм; демократизм; целесообразность (дискреционность); разумный процессуальный формализм; объективная истина; допустимость доказательств; недопустимость злоупотребления правами в уголовном судопроизводстве; процессуальной самостоятельности следователя; процессуальная независимость должностных лиц – участников уголовного процесса; обеспечение прав участников; обеспечение безопасности личности в уголовном процессе; защита прав потерпевших от преступлений; обязательность учета мнения потерпевшего при производстве по уголовному делу; повышенная защита прав и законных интересов несовершеннолетних; недопустимость оказания отрицательного воздействия на несовершеннолетних; обеспечение доступа участников процесса к материалам уголовно-процессуального производства; информирование заинтересованных лиц; обязательность возмещения ущерба, причиненного преступлением; возмездность затрат уголовного судопроизводства, проистекающего из компенсационно-восстановительной функции судебной (уголовной, уголовно-правовой) ответственности подозреваемого – осужденного за преступление; оптимальная организации и дифференциация процесса; диспозитивность; сочетания начал единоличности и коллегиальности (ст.ст. 30, 31, 163 и др.); равенство всех перед законом и судом; неотвратимость ответственности; виновной ответственности; профилактика преступлений; экономия принудительных мер; рационализации (уголовно-процессуальная экономия); гласность судебного разбирательства; непосредственность; очность (по аналогии с принципом непосредственности); устность; непрерывность судебного разбирательства; неизменность состава суда; судебный контроль; международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве; недопустимость повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же деяние и многих других.

Отдельные ученые в своих трудах, справедливо убеждают о недопустимости расширительного толкования системы принципов в учебной литературе. Их доводы, в целом сводятся к следующему аргументу – поскольку на законодательном уровне закреплена отдельная глава в УПК РФ, именуемая «Принципы уголовного судопроизводства», следовательно, считать иные фундаментальные основы, не вошедшие в указанную главу, не позволительно.

Таким образом, в настоящее время вопрос, касаемый построение системы принципов уголовного судопроизводства остается спорным среди ученых-процессуалистов, что оставляет поле для научных дискуссий в данном направлении. Между тем, умозаключение исследователей о «вливании» в основополагающие начала тех или иных положений, могут быть сделаны, только после комплексного научного анализа каждого из них, определения его места в системе принципов, а также сущности, характера и направленности для всего уголовного судопроизводства. Кроме того, рассматриваемые положения (идеи) безусловно, должны быть законодательно закрепленного в нормах уголовно-процессуального закона.

Поскольку принципы определяют построение всего уголовного процесса, то в случае отсутствия правового регулирования возникающих в следственно-судебной практике ситуаций принципы должны восполнять образовавшийся пробел. В данной связи, принципы права должны закрепляться в соответствующих нормах, а именно во второй главе УПК РФ, либо вычленяться из их совокупности [2, с. 56].

---

1. Александров А.С. Уголовный процесс России: учебник / под ред. В.Т. Томина. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 83.

2. Баранов А.М., Кузора С.А., Овчинников Ю.Г., Чердынцева И.А. Равенство в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 56.

3. Божьев В.П. 3.1. Понятие и система конституционных принципов уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьва. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 56.

4. Овчинников Ю.Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела, как необходимое условие его эффективного расследования // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития (к 15-летию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации): матер. междунар. науч.-практ. конф. (27 октября 2016 г.). М.: Московский. ун.-т МВД России им. Кикотя, 2017. С. 174-177.

5. Овчинников Ю.Г. О закреплении принципа публичности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: матер. XX междунар. науч.-практ. конф. (20-21 апреля 2017 г.): в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 182-184.

6. Овчинников Ю.Г. Преследует ли современный УПК РФ задачу полного и быстрого раскрытия и расследования преступлений: теоретический взгляд на проблему // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2. С. 41-47.

7. Побегайло Э.Ф., Побегайло Г.Д. Курс уголовного судопроизводства. Учеб.: В 3 т. / под. ред. В.А. Михайлова. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006. С. 178.

8. Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Н. Григорьева. М.: Книжный мир, 2004. С. 32-33.
9. Тертышник В., Щерба С. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // Уголовное право. 2001.№ 4. С. 73.
10. Уголовно-процессуальное право: учеб. пособ. для вузов / под ред. О.А. Галустьяна, А.В. Ендольцевой, А.П. Кизлыка. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. С. 28-40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Овчинников Юрий Георгиевич. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, 690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, д. 21.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, система, всесторонность полнота и объективность, публичность, назначение уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

Омарова М. Р.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ

Научная статья посвящена актуальным вопросам, связанным с процедурой предъявления обвинения, анализом соответствующего понятия, определением путей реформирования института предъявления обвинения.

Одной из важных целей реформирования отечественного законодательства является приведение его к общепринятым нормам континентальной системы права и избавление от различных недостатков, появляющихся в процессе правоприменения.

Исследованием процессуального статуса подозреваемого (обвиняемого) в отечественной уголовно-процессуальной науке занимались многие ученые [1]. Однако, анализируя различные научные и научно-практические источники, можно прийти к обоснованному выводу о необходимости переосмысления ряда положений законодательства в целях совершенствования механизма обеспечения реализации прав участников процесса.

В российском уголовном процессе обвинение традиционно рассматривается как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое против указанного лица в порядке, предусмотренном п.22 ст.5 УПК РФ. И, таким образом, уголовное преследование, определяется, как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого и обвиняемого в совершении им преступления, что согласуется с нормой, закрепленной в п.55 ст.5 УПК РФ. Это позволяет говорить о наличии не только процессуального, но и материально-правового основания для предъявления обвинения – наличии деяния, которое запрещено уголовным законом.

Полагаем, что в современном российском уголовном процессе институт предъявления обвинения находится в кризисном состоянии и может быть безболезненно утрачен. Обосновывая возможность упразднения института предъявления обвинения, необходимо обратиться к ч.4 ст.46 и ст. 47 УПК РФ. Анализ указанных позволяет заметить рассогласованность отдельных норм.

Необходимо понимать, что подозреваемый вправе «знать, в чем он подозревается, и получать копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения», о чем гласит п.1 ч.4 ст.46 УПК РФ. Идентичное право и у обвиняемого, однако оно сформулировано иначе, а именно: «знать, в чем обвиняется, получать копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения или обвинительного акта», согласно п.2 ч.4 ст.47 УПК РФ.

В свою очередь, законодатель ставит следователя в ошибочную позицию, заставляя его выяснять у лица «считает ли он себя виновным, если да, то полностью или частично» после предъявления обвинения. Мы считаем, что данная позиция нецелесообразна в связи с тем, что решение данного вопроса на более раннем этапе предварительного расследования, например, в ходе допроса лица, совершившего преступление, в качестве подозреваемого, позволит установить готовность лица оказывать содействие в расследовании, а возможно и зафиксировать факт деятельного раскаяния.

Таким образом, если подозреваемому предоставить ряд дополнительных прав, в частности право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела после вынесения соответствующего обвинительного заключения, то данные действия помогут гораздо быстрее разрешить исход уголовного дела, исключая нарушение прав лица, совершившего преступление.

Следует сказать и о том, что в действующем УПК РФ предусмотрен особый порядок уведомления лица о подозрении по уголовным делам, которые расследуются в форме дознания. При этом уголовно-процессуальное законодательство обязывает дознавателя вынести не только уведомление,

но и составить протокол о вручении лицу копии данного уведомления. Вручение копии должно сопровождаться разъяснением лицу его правового статуса, и в течение трех суток с момента вручения копии данного процессуального документа, лицо должно быть допрошено по существу подозрения. Впоследствии копия данного документа (уведомления) о подозрении должна быть направлена прокурору.

Данные процессуальные действия могут позволить должностному лицу, производящему расследование по уголовному делу, как можно раньше наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого и предоставить ему возможность противостоять подозрению, а не откладывать производство данного процессуального действия на завершающий этап расследования, как часто это происходит с привлечением лица в качестве обвиняемого.

Можно говорить о том, что за время применения уголовно-процессуального законодательства в практической деятельности дознавателя, накоплен достаточный опыт предварительного расследования, и возможно вести речь о расследовании уголовных дел без предъявления обвинения. Это позволит обеспечить такое состояние законности и уровень реализации прав участников уголовного судопроизводства, которые не будут уступать аналогичным механизмам предварительного расследования.

Полагаем, что можно говорить о возможности введение в предварительное следствие института уведомления лица об имеющемся подозрении в отношении него в совершении преступления, что позволит исключить при этом процедуру привлечения лица в качестве обвиняемого.

В целом о необходимости видоизменения института предъявления обвинения неоднократно говорилось и в юридической литературе [2]. Подтверждением необходимости введения досудебного производства в упрощенной форме, могут служить положения п.1 ст.6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод», Пекинских правил, Рекомендаций комитета министров Совета Европы от 17.09.1987 «Об упрощении уголовного правосудия» [3], а также концептуальные положения современной уголовной политики [4].

На наш взгляд, одним из выходов из сложившейся ситуации может послужить упрощение расследования по отдельным категориям уголовных дел, в том числе исключение института предъявления обвинения по уголовным делам небольшой и средней тяжести. Параллельно целесообразно решить вопрос о расширении перечня следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. Все это послужит оптимизации механизма объективного расследования в максимально сжатые сроки.

1. Андреянов В.А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации: дис….к.ю.н. Екатеринбург, 2009.
2. Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства// Российский следователь. 2011. №16; Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М., 2010. С.19-21.
3. Совет Европы и Россия: сб.документов. М.,2004. С.502.
4. Доклад генерала армии Рашида Нургалиева на расширенном заседании коллегии МВД России от 06.02.2006 г.// Щит и меч. 2006. №884.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Омарова Маргарита Руслановна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовный процесс, обвинение, привлечение в качестве обвиняемого, предварительное расследование.

УДК 343.1

Пимакова О. Г.

СПЕЦИФИКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВУ

Научная статья посвящена особенностям возбуждения уголовного дела по факту изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг. В частности, рассмотрены поводы для возбуждения уголовных дел данной категории, типичные следственные ситуации, освещены некоторые аспекты квалификации.

Эффективность решения задач всего уголовного судопроизводства зависит от стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии с УПК РФ возбуждение уголовного дела является одной из важнейших стадий публичного обвинения. Указанные в ст. 146 УПК РФ должностные лица в пределах своей компетенции при наличии поводов и оснований возбуждают уголовное дело, предварительно изучив материалы сообщения о преступлении.

Первоначальным этапом деятельности по делам, связанным с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг, на стадии возбуждения уголовного дела является получение и

фиксация первичной информации о готовящемся, совершенном или совершаемом преступлении, то есть получение повода к возбуждению уголовного дела, и процесс выявления факта совершенного преступления.

Действия следователя в каждом конкретном случае будут определяться наличием или отсутствием в полученном сообщении таких оснований. Если они есть, следует немедленно возбудить уголовное дело и приступить к его расследованию. Если же основания к возбуждению уголовного дела в сообщении отсутствуют, необходимо провести дополнительную проверку в порядке ст. 144 УПК РФ.

Согласно ст.140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовных дел данной категории могут быть: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Заявление о преступлении представляет собой сообщение о совершенном либо готовящемся противоправном деянии, которое непосредственно поступает в ОВД. Сообщения о появлении в обращении поддельных денег или ценных бумаг поступают в основном от учреждений и предприятий, сотрудники которых в процессе своей служебной деятельности принимают наличность от населения. В редких случаях с такими заявлениями в полицию обращаются граждане, которые обнаружили среди своих денег поддельные купюры. При более тщательной подделке поддельные деньги или ценные бумаги обнаруживают работники банков.

При обнаружении поддельных денежных знаков или ценных бумаг работниками кредитных организаций извещаются ОВД. Формой извещения выступает информация, которая незамедлительно передается по каналам телефонной или иной связи и соответствующее письменное сообщение. Сотрудниками полиции поддельные денежные купюры изымаются, о чем составляется акт передачи поддельных денежных знаков, в котором также указывается от кого и когда поступили поддельных денежные знаки. К материалам также приобщается акт экспертизы денежных знаков, проведенный головным расчетно-кассовым центром территориального учреждения Банка России. Сообщение граждан о наличии поддельного денежного средства или ценной бумаги оформляется в форме заявления в произвольной форме, либо составляется протокол принятия устного заявления, лицом, которому стали известны обстоятельства совершенного деяния.

Явка с повинной, согласно ст.142 УПК РФ – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Заявление явившегося с повинной лица может быть также и о готовящемся преступлении (приготовлении или покушении). Как показывает практика, 90% уголовных дел содержат протокол явки с повинной. По нашему мнению, это чисто формальный подход, так как явка с повинной составляется без защитника и,

как правило, в большинстве случаев, после возбуждения уголовного дела. Да и мотивом явки с повинной является не раскаяние преступника в совершенном им преступлении, а тот факт, что явка с повинной будет в дальнейшем учтена судом как смягчающее ответственность обстоятельство при назначении наказания.

Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Оперативные работники, как правило, получают необходимую информацию из следующих источников:

- документов, отражающих результаты наблюдения, контроля телефонных переговоров и иных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» (рапортах, справках, актах и др.);

- заявлений, писем и иных сообщений граждан, представителей средств массовой информации и т.п.;

- объяснений лиц, участвующих в оперативно-розыскных мероприятиях;

- сообщений конфидентов [1].

После приема и регистрации сообщения о преступлении начинается его проверка, в ходе которой устанавливается наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении регламентируется ст. 144 УПК РФ. В соответствии с данной нормой следователь при проверке сообщения об изготовлении, хранении, перевозки или сбыте поддельных денег или ценных бумаг вправе:

- получать объяснения,

- истребовать документы,

- назначать технико-криминалистическую экспертизу документов, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок,

- производить осмотр места происшествия, документов и предметов.

На стадии возбуждения уголовного дела по факту изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг могут складываться три типичные следственные ситуации в зависимости от источника получения информации о преступлении. Эти ситуации влияют на программу действий следователя по проверки сообщения об изготовлении, хранении, перевозке или сбыте поддельных денег или ценных бумаг.

1. Источником информации о преступлении является головной расчетно-кассовый центр территориального учреждения Банка России. В данной ситуации на этапе возбуждения уголовного дела нет необходимости назначить технико-криминалистическую экспертизу документов, поскольку уже имеется акт экспертизы денежных знаков, который впоследствии приобщается к материалам уголовного дела в качестве иного доку-

мента. Данную экспертизу следует назначить уже после возбуждения уголовного дела.

2. Источником информации о совершенном преступлении являются сотрудники (работники) юридического лица, ставшие очевидцами, как правило, сбыта поддельных денег или ценных бумаг и принявшие меры к задержанию лица, их сбывающего. Разновидность данной ситуации является обнаружение поддельных денежных знаков у лиц, перевозящих их через таможенные контрольные пункты. Следователи часто испытывают затруднения при решении вопроса о возбуждении уголовных дел в отношении таких лиц. Проблема заключается в том, что, сам по себе факт перевозки поддельных денег не образует состав преступления, необходимо доказать, что лицо их перевозит с целью последующего сбыта. В тоже время, лица, у которых они обнаружены, дают объяснения о добросовестном заблуждении относительно подлинности денежных знаков.

Наличие или отсутствие умысла на сбыт поддельной валюты в таких случаях выясняется путем установления ряда обстоятельств.

Во-первых, необходимо обратить внимание на количество поддельных денежных знаков. Обнаружение у одного лица единичных фальшивок при подавляющем большинстве подлинных банкнот, как правило, свидетельствует о том, что они приобретены случайно. Наличие нескольких тождественных фальшивых банкнот, напротив, указывает на возможность ввоза поддельной валюты «эмиссаром». В такой ситуации необходимо тщательно изучить личность держателя поддельной валюты (гражданство и страна постоянного проживания, род занятий, цель прибытия в Россию или поездки за рубеж, наличие судимости за фальшивомонетничество и т.д.) и другие обстоятельства дела (частый приезд в Россию из одной и той же страны, кратковременность пребывания в России или стране, откуда прибыл и др.)

Во-вторых, важно проанализировать действия лица до момента обнаружения у него поддельной валюты: внешне нелогичные, неоправданные сделки, преждевременный отъезд, сомнительные знакомства и т. п. могут свидетельствовать о противоправных намерениях. Необходимо выяснить, вся ли валютная наличность была внесена в таможенную декларацию.

Для выяснения этих обстоятельств дополнительно к предыдущему алгоритму необходимо получить объяснения у родственников лица, у которого изъяты поддельные деньги; изъять таможенную декларацию.

3. Источником информации о совершенном преступлении являются сотрудники оперативных подразделений, собирающиеся реализовать материалы оперативной разработки.

Необходимо учитывать, что при реализации материалов оперативной разработки у задержанных может быть изъято большое количество поддельных денег или ценных бумаг. Поэтому, чтобы получить необходи-

мые основания для возбуждения уголовного дела в максимально короткие сроки на данном этапе на экспертизу, по нашему мнению, следует направить только одну купюру. Технико-криминалистическую экспертизу по другим изъятым купюрам или ценным бумагам следует проводить после возбуждения уголовного дела.

Уже на этапе возбуждения уголовного дела следователь должен собирать сведения, которые относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию:

1. Изъятая купюра или ценная бумага является поддельной, но имеет существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами.

2. Способ, место и время изготовления, хранения, перевозки и сбыта фальшивых купюр и ценных бумаг.

3. Цель изготовления, хранения и перевозки фальшивых денег и ценных бумаг – сбыт.

4. Лица, совершившие изготовление, хранение, перевозку и сбыт фальшивых денежных знаков и ценных бумаг.

5. Осведомленность лица, у которого изъяты поддельные деньги или ценные бумаги, что они являются фальшивыми.

6. При совершении преступления группой лиц – что данная группа является организованной. Так, действия Д., связанные с изготовлением в целях сбыта и сбытом банкнот, и действия Т., связанные с их изготовлением в целях сбыта, были квалифицированы следователем как совершенные организованной группой. Однако в обвинительном заключении следователь вообще не указал, какие действия совершил Т. по изготовлению указанных банкнот, кроме того, что предложил Д. их изготовить, а затем, получив от него поддельные банкноты, часть из них сбыл. Из установленных судом обстоятельств по изготовлению Д. по предложению Т. поддельных банкнот, передаче их Д. Т. и последующем их сбыте Т. не следует, что между подсудимыми возникла такая степень соучастия, которая характеризуется повышенной по сравнению с предварительным сговором устойчивостью, сплоченностью, распределением ролей между членами группы. Об этом свидетельствует и тот факт, что последующие действия Т., связанные со сбытом поддельных банкнот, следователь квалифицировал не как совершенные в составе организованной группы, а как неквалифицированный сбыт (ст. 186 ч. 1 УК России). В связи с изложенным, а также с учетом того, что в УК России не предусмотрена уголовная ответственность за совершение указанных действий группой лиц по предварительному сговору, действия Д. были переквалифицированы со ст. 186 ч. 3 УК России на ст. 186 ч. 1 УК России как изготовление в целях сбыта и сбыт поддельных банковских билетов ЦБ РФ, иностранной валюты, а действия Т., предложившего изготовить и заранее обещавшего приобрести поддельные банк-

ноты, - на ст. 33 ч. ч. 4, 5, ст. 186 ч. 1 УК РФ как подстрекательство и пособничество в их изготовлении [2].

Одной из проблем проверки сообщения о преступлении является установление – признаки какого преступления выявлены. При получении объяснений необходимо акцентировать внимание на качестве подделок, т.е. была ли подделка грубой, имела ли внешнее отличие от подлинных денежных знаков или ценных бумаг, что имеет существенное значение для квалификации деяния либо как изготовление, хранение, перевозка или сбыт, либо как мошенничество, учитывая при этом сумму причиненного ущерба. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ «при решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст.186 УК РФ, необходимо установить, имеют ли поддельные купюры существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками. В тех случаях, когда явное несоответствие фальшивой денежной купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество» [3]. Оценка «существенности сходства» предмета подделки с подлинной валютой или ценными бумагами носит субъективный характер и зависит от восприятия предмета подделки в целом. Объективная и единообразная его оценка исключается в силу различного уровня знаний виновного, потерпевшего и сотрудников правоохранительных органов [4].

В судебной практике не признаются предметом преступления, предусмотренного ст. 186 УК России, купюры с наклеенным номиналом, надписями, изображениями, несоответствующими сторонами как не имеющие существенного сходства с находящейся в обращении валютой [5].

Уголовной ответственности за сбыт поддельных валюты и ценных бумаг в валюте подлежат не только лица, занимающиеся их изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом, но и лица, в силу стечения обстоятельств ставшие обладателями поддельных ценностей, указанных в ст. 186 УК России, сознающие это и использующие их как подлинные [6].

Вместе с тем подход здесь должен быть иным, нежели в случаях, когда виновный изготовляет поддельные деньги или бумаги, а затем пытается их сбыть. В первом случае виновное лицо пытается незаконным путем «возместить» причиненный ему ущерб, во втором - руководствуясь корыстными мотивами, стремится к получению прямой материальной выгоды. Кроме того, на настоящий момент не до конца разработан механизм добровольной сдачи фальшивых денежных знаков населением.

В соответствии с ч.1 ст.145 УПК России по результатам рассмотрения сообщения о преступлении по факту изготовления, хранения, перевоз-

ки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг должно быть принято одно из следующих решений:

1) о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст.146 УПК России;

2) об отказе в возбуждении уголовного дела;

3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст.151 УПК России, следователем, руководителем следственного органа в каждом конкретном случае по своему внутреннему убеждению.

Практика показывает, что успех в раскрытии указанного вида преступления определяется своевременностью возбуждения уголовного дела, качеством осмотра предъявленной денежной купюры или ценной бумаги и места преступления, проведением экспертиз и других неотложных следственных действий с использованием достижений научно-технического прогресса.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

Типичные ситуации, складывающиеся на этапе возбуждения уголовного дела, зависят от источника и объема полученной информации о преступлении.

Для сбора достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, необходимо установить, что 1) изъятые документы (поддельные деньги или ценные бумаги) имеют существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим реквизитам с находящимися в обращении подлинными документами; 2) лицо преследовало цель сбыта данных документов. Данные обстоятельства устанавливаются в ходе осмотра изъятых документов; назначения технико-криминалистической экспертизы документов; осмотра места происшествия; опросов свидетелей.

---

1. Стяжкин Ю.А. Некоторые актуальные вопросы использования и легализации органами предварительного следствия и суда результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Российский следователь. 2006. N 4. С. 6; Пугачев Е.В. Некоторые предложения по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Оперативник (сыщик). 2006. N 3. С. 36 - 39.

2. Архив Нижегородского областного суда, уг. дело № 1-33/ 2006.

3. О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 N 2 (ред. от 06.02.2007).

4. Бабий Н.А. Фальшивомонетничество и мошенничество: две грани соприкосновения //Борьба с изготовлением или хранением с целью сбыта поддельных денежных знаков, ценных бумаг Беларуси, России и других государств. Минск, 2010.

5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. N 8. С. 14.

6. Корпушин М.П. Изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Ответственность за государственные преступления. М.: Юрид. лит., 1988. С. 173; Загародников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрид. лит., 1976. С. 288.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пимакова Ольга Геннадьевна. Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: поводы для возбуждения уголовного дела, заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, типичные ситуации.

УДК 343.1

Пищулин А. И.

РОЛЬ УСМОТРЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Усмотрение следователя – это неотъемлемый атрибут его процессуальной самостоятельности, которую он реализует при производстве по уголовному делу в случае необходимости для разрешения возникшего вопроса. Реализация усмотрения находится в психологической плоскости его деятельности. Осуществление усмотрения в ходе предварительного расследования оказывает существенное влияние на формирование и становление профессионального мировоззрения следователя.

Вопрос формирования профессионального мировоззрения следователя на предварительном расследовании находится в плоскости психологической структуры его деятельности. Без учета данной специфики работа следователя не может эффективно осуществляться, так как усмотрение является одним из важнейших средств достижения целей законодателя в реализации уголовно-процессуальных норм. В свою очередь, влияние усмотрения следователя на формирование его профессионального мировоззрения, как представляется, не может быть рассмотрено только в рамках психологической плоскости. Необходима совокупность, позволяющая обнаружить понятие, признаки и структуру и свойства профессионального ми-

ровоззрения следователя и то, какое влияние на его формирование и развитие оказывает усмотрение.

Профессиональное мировоззрение следователя можно представить как систему его взглядов на уголовно-правовую и уголовно-процессуальную политику государства, и отношения, возникающие и развивающиеся в сфере уголовного судопроизводства между ним, его руководителем, прокурором и судьей по вопросам усмотрения, в рамках своего правового статуса и при наличии профессиональных качеств.

Профессиональное мировоззрение следователя необходимо рассматривать в двух качествах – широком и узком. В узком смысле – это система взглядов следователя, ограниченная определенными пределами по осуществлению усмотрения в рамках конкретного уголовного дела. В широком смысле – это система устоявшихся взглядов, как на ход предварительного следствия, так и место данной деятельности в политике государства, на общественные отношения, по поводу которых осуществляется данная деятельность, на полномочия по осуществлению усмотрения и возможные варианты разрешения возникших противоречий.

В связи с этим, целесообразно выделить признаки профессионального мировоззрения при осуществлении деятельности следователем в ходе производства по уголовному делу: а) данное явление предполагает понятийное отражение потребностей, вызванное в положениях судебной практики и нормах действующего законодательства; б) носит нормативный характер, который выражается в том, что мировоззрение следователя представляет собой осознание обязательности правовых норм, законности и правильности разрешения спора по усмотрению; в) предполагает оценку собственных перспектив и возможностей; г) предполагает неразрывную связь с внутренним убеждением; д) постоянно находится в динамике (развитии); е) является результатом правового воспитания; ж) основано на понимании приоритетности права; з) предполагает ответственности за возможную допущенную ошибку в результате усмотрения; и) учитывает нравственные качества следователя.

Говоря о структуре профессионального мировоззрения следователя, то можно заключить, что под влиянием усмотрения получают развитие: интеллект, профессиональное мышление, память, наблюдательность; волевые и организаторские способности; профессиональное мастерство как совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, как способность принимать решение [1]; психологическая подготовка.

Саму же структуру профессионального мировоззрения следователя образуют субъективные представления о справедливости, разумности и целесообразности применительно к осуществлению каждого процессуального действия при производстве по уголовному делу. Субъективные представления для него выступают в качестве личных качеств при уяснении смысла и содержания правовой нормы. Но для правильной квалификации

деяния следователь, прежде всего, должен руководствоваться объективными критериями, такими как правовая норма, положения судебной практики и фактические обстоятельства дела.

Таким образом, профессиональное мировоззрение следователя предполагает сочетание его профессиональных знаний и мастерства со способностями исследователя фактической основы дела. Сочетание и постоянное развитие данных качеств, предоставляет следователю возможность правильно осуществлять полномочия по усмотрению.

Рассматривая влияние усмотрения на мировоззрение следователя, целесообразно выделить предпосылки этого влияния: организация труда следователя (внутренний трудовой распорядок, планирование рабочего дня, процессуальный порядок ведения дел, представление следователя о стандартах должного и юридически необходимого поведения и т.д.); корпоративные нормы, определенные кодексами поведения и этикетом; экономические процессы (развитие отношений по поводу производства, обмена и потребления благ, порождающие потребность в правовой защите прав и свобод граждан и организаций); культурные источники (это ценности, в соответствии с которыми складываются традиции и обычаи одобряемого обществом поведения следователя); жизненный опыт следователя, взаимоотношения с руководителем следственного органа, прокуратурой и судом; судебная практика; усмотрение следователя следует рассматривать как правовую предпосылку формирования его профессионального мировоззрения. Здесь роль усмотрения выражено в том, что оно определяет особенность правового статуса следователя.

Итак, усмотрение в рамках предварительного следствия оказывает как непосредственное, так и опосредованное влияние на формирование профессионального мировоззрения следователя. Это значит, что на мировоззрение следователя оказывают влияние цели уголовного процесса и задачи, стоящие при производстве по конкретному уголовному делу. Являясь разновидностью сознательной волевой деятельности, процессуальная деятельность следователя не может не иметь цели. Усмотрение же лишь способствует достижению общих целей в рамках производства по конкретному уголовному делу и задач уголовного процесса.

В свою очередь, усмотрение следователя основано на императивных и диспозитивных началах в формировании профессионального мировоззрения следователя. Профессиональное мировоззрение следователя основано на законе и в этом плане выражается императивное начало усмотрения. Диспозитивное начало находит свое отражение в нормах морали и нравственности, которые и формируют мировоззрение следователя.

Связь указанных сторон влияния усмотрения на профессиональное мировоззрение такова, что императивное начало первично и его влияние сильнее диспозитивного. Связь этих сторон за счет норм морали позволяет

усиливать диспозитивную сторону воздействия усмотрения на мировоззрение следователя.

При определении роли усмотрения в формировании профессионального мировоззрения следователя существуют и определенные проблемы. К примеру, при разграничении субъективных представлений следователя и объективных критериев возникают трудности, связанные с несовершенством законодательства, определением содержания закона.

Усмотрение следователя предполагает, что все его поведение в рамках производства по уголовному делу должно свидетельствовать о его стремлении познать сущность имевших место событий, взаимоотношений личностей, которые принимали участие в этих событиях.

В свою очередь, необходимо указать стадии развития профессионального мировоззрения следователя: 1) переход от теоретических знаний к практическим; 2) становление взглядов на различные схожие ситуации, возникающие в следственной практике; 3) преодоление неправильных (ошибочных) представлений коллег о способах защиты нарушенных прав и поверхностных взглядов.

В конечном итоге профессиональное мировоззрение следователя приобретает такие свойства как научность, устойчивость, упорядоченность и обобщенность.

Таким образом, подводя итог исследованию влияния усмотрения на формирование профессионального мировоззрения следователя, необходимо отметить, что она направлена на формирование целевых установок при производстве по уголовному делу, способствует преодолению субъективизма в следственной практике и выражена в уяснении следователем смысла и содержания нормы права.

---

1. Андросюк В.Г., Ромашко А.В. Педагогика и психология в деятельности ОВД. Общая часть. Киев. 1988. С.34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищулин Андрей Игоревич. Аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной.
Российский государственный университет правосудия, 117418, г. Москва, ул. Ратная, д.10, корп. 2, кв. 109.

Ключевые слова: следователь, профессиональное мировоззрение следователя, предварительное расследование, усмотрение, уголовное дело.

УДК 343.13

Плетников В. С., Плетникова М. С.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

В статье поднимаются проблемы законодательной техники уголовно-процессуального закона. Особое внимание уделено отраслевой типизации текста уголовно-процессуального кодекса России, а также недоработкам законодателя в части использования возможностей компаративистики. Вносятся предложения по совершенствованию отдельных положений процессуального закона.

Юридическая техника – совокупность правил и инструментов (средств, приемов, способов и методов) разработки, оформления, систематизации и учета правовых предписаний (документов) в целях их ясности, понятности и эффективности реализации в процессе юридической деятельности[1]. Исходя из механизма правового регулирования, а также особенностей правовых предписаний, имеющих место на каждой стадии и этапе правового регулирования, выделяют следующие виды юридической техники:

- правотворческая;
- интерпретационная;
- правореализационная;
- правоприменительная.

Законодательная техника представляет собой разновидность техники правотворческой и результатом ее применения является качественно и доступно написанный закон, в нашем случае Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], на который в процессе реализации норм права должен принципиальное внимание обращать правоприменитель, добиваясь оптимизации текстов правоприменительных актов.

УПК РФ, приятый более пятнадцати лет назад, в течение последних двух лет меняется не в лучшую сторону. Так, помимо того, что он не в полно мере отражает те процессы, которые имеют место в реальности, так еще и текст самого закона постепенно становится похожим на «решето» – можно наблюдать за правовой культурой законодателя различного созыва.

Как известно, в практике правотворчества выработаны типичные, характерные для определенной отрасли словесные выражения, и законодатель должен принимать это во внимание [3]. Отдельные изменения, вносимые в период 2016-2017 годов, в текст УПК РФ не соответствуют данному требованию, и, что немаловажно, правоприменители, на данном этапе, на данное обстоятельство даже не обращают внимания.

В период 2001-2015 годов нормой считалось изложение положений закона в соответствии с требованиями, обозначенными в методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов (далее – Рекомендации) [4]. В Рекомендациях приведены примеры возможных вариантов структуры частей статьи и предложено их написание в тексте закона, а в п. 25 прямо указывается, что «при необходимости дать ссылку не на весь законодательный акт, а только на его структурную единицу сначала указывается эта конкретная единица (начиная с наименьшей)», т.е., например, сначала указываются пункты, потом части, далее статья и наименование закона. В принципе текст УПК РФ так и выглядел до 2016 года, например, ч. 1 ст. 71, которая не испытала на себе тлетворного влияния, звучит так: «Решение об отводе специалиста принимается в порядке, установленном **частью первой статьи 69** (выделено нами – М.П., В.П.) настоящего Кодекса». Даже в изменениях 2015 года можно найти аналогичные, верные, примеры ссылки на структурные единицы законодательного акта, например, ч. 5 ст. 28.1 закрепляет: «Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в **частях первой, третьей и третьей.1 настоящей статьи** (выделено нами – М.П., В.П.), не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает». Правда, здесь же, в ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ, которая была изложена в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 325-ФЗ [5], уже встречаем формулировку следующего характера: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 170.2, 171 частью первой, 171.1 частями первой и первой.1, 172 частью первой, 176, 177, 178 частью первой, 180 частями первой - третьей, 185 частями первой и второй, 185.1, 185.2 частью первой, 185.3 частью первой, 185.4 частью первой, 185.6 частью первой, 191 частью первой, 192, 193 частями первой и первой.1, 194 частями первой и второй, 195 - 197 и 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии оснований, предусмотренных статьями 24 и 27 настоящего Кодекса, и в случаях, предусмотренных частью второй статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». В одной статье законодатель использует одновременно два варианта изложения ссылки на структурные единицы законодательного акта, что само по себе должно показаться странным и заставить задуматься о правильности использования юридико-технических средств в тексте УПК РФ.

С сожалением, приходится констатировать тот факт, что в дальнейшем данная тенденция только усиливается, и во всех изменениях 2017 года встречаем подобное изложение ссылки на структурные единицы УПК РФ.

Казалось бы, мелочи, на которые законодателю и не следует обращать внимания, но именно с таких мелочей, в дальнейшем, начинаются

проблемы в правоприменительной деятельности. Может быть, законодателю следует быть внимательней? Не обращая внимания на отраслевую типизацию, законодатель рискует стереть существующие грани между различными отраслями права. И если сегодня только обыватель задается вопросом: «В чем разница между уголовным и административным процессом?», то при таких действиях законодателя данный вопрос будут вынуждены задавать и юристы-практики.

В конечном итоге, важен тот факт, что это не единственная проблема, связанная с отраслевой типизацией текста УПК РФ. Требует внимания цифровое и буквенное написание числительных. В большинстве статей УПК РФ числительные имеют цифровое выражение, например, ч. 1 ст. 10, ч. 4 ст. 39, ч. 2 ст. 46, ч. 3, 4 ст. 50, ч. 1, 4 ст. 92, ч. 2 ст. 94, ч. 1 ст. 96 и т.д., но в отдельных случаях они имеют и буквенное выражение. Отдельные оптимисты могут начать выдвигать гипотезы, что цифровое выражение числительных свойственно тем из них, которые обозначают периоды времени меньше месяца, года и т.д., но ситуация здесь аналогична представленной выше, с одним лишь оотличием период времени. Для подтверждения возьмем в качестве примера ч. 1 ст. 109 УПК РФ, которая не подвергалась изменению, и ч. 2 ст. 107 УПК РФ, которая представлена в редакции федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ [6]. Текст ч. 1 ст. 109 УПК РФ содержит числительное в цифровом выражении: «Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать **2 месяца** (выделено нами – М.П., В.П.)», а в 2011 году в ч. 2 ст. 107 УПК РФ «2 месяца» уже предстают перед нами в буквенном выражении: «Домашний арест избирается на срок до **двух месяцев** (выделено нами – М.П., В.П.)». Такое отношение законодателя к тексту закона демонстрирует низкий уровень его правовой культуры и влечет за собой проблемы в деятельности правоприменителя, с подготовкой (однотипной) актов применения права.

И завершая описание отдельных проблем законодательной техники УПК РФ обратим внимание на тот факт, что законодатель не успевает за происходящими в реальности процессами. Так, уже давно и весьма серьезно ведется полемика о статусе «заявителя» в уголовном процессе[7, 8], и, что немаловажно данное лицо, статус которого до сих пор не получил юридического закрепления, опосредовано присутствует в законе с первых минут его существования. Другой факт, законодатель перестал отслеживать ситуацию, которая складывается в бывших республиках СССР, но как мы знает юридическая наука и практика не стоят на месте. Так, например, сегодня в уголовно-процессуальном кодексе республики Таджикистан закреплена мера принуждения – задержание лица, которая включает в себя: задержание лица, задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, право граждан на захват лица, совершившего преступление, задержание подозреваемого, задержание обвиняемого для предъявления обвинения, задержание обвиняемого на основании

постановления органа, ведущего уголовный процесс, до заключения его под стражу [9]. Такая четкая регламентация задержания лица, позволяет четко структурировать правоприменителям свою деятельность. К сожалению, в отечественной уголовно-процессуальной реальности имеются пробелы в данной области уголовно-процессуальных отношений.

Подводя итог, отметим, законодателю необходимо более серьезно подходить к работе с текстом УПК РФ, а научно-исследовательским институтам, занимающимся вопросами уголовно-процессуального обеспечения, и контрольно-надзорным органам необходимо принять меры для повышения качества отечественного уголовно-процессуального законодательства.

---

1. Теория государства и права: учебник/ отв. ред. А.С. Шабуров, В.С. Плетников. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. 330с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.co№sulta№t.ru.
3. Юридическая техника: учебное пособие /А.С. Шабуров, В.С. Плетников. Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2015. 218с.
4. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (направлены письмом Аппарата ГД РФ от 18 ноября 2003 г. № вн2-18/490). [Электронный ресурс]. URL: http://www.co№sulta№t.ru.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.co№sulta№t.ru.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[Электронный ресурс]. URL: http://www.co№sulta№t.ru.
7. Плетников В.С., Огнева Е.А. Правовой статус заявителя в уголовно-процессуальном законодательстве России. // Правоохранительные органы: теория и практика. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014, № 1. С. 25-27.
8. Семёнов Е.А., Нечушкина К.А. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 30-33.
9. Уголовно процессуальный кодекс Таджикистана. [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Плетников Виктор Сергеевич. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права.
Уральский государственный юридический университет, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23.

Плетникова Мария Сергеевна. Кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса.
Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: проблемы уголовно-процессуального закона, отраслевая типизация УПК РФ, совершенствование УПК РФ.

УДК 343.1

Политыко О. Е.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В статье автор анализирует мнения процессуалистов к назначению процессуальных гарантий. Автор рассматривает проблемные вопросы, которые касаются гарантий конституционных прав уголовно-преследуемого лица при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Институт мер пресечения является обязательной и неотделимой составляющей уголовного судопроизводства. Он предназначен для достижения надлежащего поведения уголовно-преследуемого лица. Независимо от того, какую меру пресечения избрали в отношении подследственного, каждая из них, так или иначе, притесняет его права. В связи с этим следует тщательно подходить к выбору оптимальной меры пресечения. Этот определение этого критерия напрямую связан с требованиями уголовно-процессуальным законодательством.

Применяя в отношении обвиняемого (подозреваемого) арест, лицо, производящее расследование, в большей степени ограничивает его права и свободы. Однако на досудебной стадии на подследственного распространяется принцип невиновности, так как на этом этапе судом он еще не признан виновным в совершении преступления.

Принцип презумпции невиновности лица, подвергнутого уголовному преследованию, содержащийся в УПК РФ, основан на ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, где закреплено, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном Федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1]. Залогом соблюдения данного принципа является порядок получения, проверки и оценки доказательств, который регламентирует процедуру расследования и разрешения уголовного дела.

Также, в соответствии с положением ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, что устанавливает путь для совершенствования законодательства в сфере мер пресечения с целью усиления гарантий прав лиц, которые подвергались такому принуждению. В связи с этим считаем необходимо рассмотреть вопрос о процессуальных гарантиях применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Следует указать, что в юридической литературе существует ряд мнений в области процессуальных гарантий. Одни юристы считают, что уголовно-процессуальные гарантии являются средством для обеспечения решения задач правосудия. Фундаментом данной точки зрения служит утверждение о единстве гарантий прав граждан и гарантий достижения целей уголовного судопроизводства [2].

Их оппоненты предлагают разграничить гарантий прав граждан и гарантий решения задач и достижения цели уголовного судопроизводств, указывая на значимость своего мнения. Так, ученые Л.Д. Кокорев и В.З. Лукашевич считают, что «предусмотренные законом меры, направленные на реальное обеспечение прав и законных интересов» являются процессуальными гарантиями прав и законных интересов личности [2]. Представитель третей точки М.С. Строгович полагает, что «процессуальные гарантии - это установленные процессуальным законом средства, которые обеспечивают правильное осуществление по каждому уголовному делу задач правосудия» [3].

Данное определение Н.В. Ткачев, хотя и расценивает не полным, все же признает его и считает, что оно указывает на неразрывную связь процессуальных гарантий надлежащего осуществления правосудия и гарантий интересов личности [4]. Б.Б. Булатова полагает, что общим и специфичным для процессуальных принудительных средств является их нацеленность на обеспечение соответствующего нормам уголовно-процессуального права поведения участников уголовно-процессуальных отношений и получения доказательств [5]. С точки зрения А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца необходимо различать «как научную проблему процессуальных гарантий правосудия, так и проблему процессуальных гарантий прав личности, но... в качестве основного вида процессуальных гарантий правосудия» [6].

По нашему мнению, эти меры следует анализировать во взаимосвязи. Поэтому наиболее точным мы считаем определение уголовно-процессуальных гарантий, которое дано И.И. Карпецом. Уголовно-процессуальными гарантиями является система правовых средств обеспечения успешного решения задач правосудия и охраны законных интересов всех участвующих в деле лиц, предполагающая строгое соблюдение установленных законом форм и принципов судопроизводства, закрепление прав участников процесса и условий их реализации, точное исполнение обязанностей должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность [6].

Следует отметить, что основной обязанностью должностных лиц является обеспечение прав и законных всех участников, которые вовлечены в уголовный процесс.

Таким образом, важнейшей задачей уголовно-процессуальных гарантий является охрана интересов правосудия и охрана интересов личности. При этом данные гарантии не являются частью друг друга, поскольку отсутствует конфликт и совпадение между общественными и личными интересами.

Например, подследственный, преследуя цель избежать наказание, может прибегнуть к различным ухищрениям. Однако он и в данном случае пользуется всеми гарантиями его процессуальных прав.

Уголовное судопроизводство уделяет большое внимание процессуальным гарантиям, в том числе уголовно преследуемого лица, в связи с тем, что именно в отношении данного участника уголовного процесса суд или органы расследования имеют право применять меры пресечения, которые предусмотрены законом.

Деятельность правоприменителей свидетельствует о том, что на стадии предварительного расследования меры пресечения избираются в отношении 98% обвиняемых (подозреваемых) [7].

В последнее время в уголовно-процессуальном законодательстве наблюдаются изменения в сторону либерализации. Это ярко подтверждается введением в статью 108 УПК части 1.1, которая регламентирует порядок использования меры пресечения в виде заключения под стражу по отдельным категориям преступлений, связанных с малым и средним бизнесом.

Кроме того, в постановлениях Пленума Верховного Суда обращено внимание на необходимость следователю при возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, доказывать обстоятельства невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения [8].

Для соблюдения гарантий прав личности, законодательством определены основания, условия и порядок избрания и применения мер пресечения, которые обязаны учитывать субъекты уголовного процесса, наделенные полномочиями применять заключение под стражу. Это предостав-

ляет возможность индивидуально подходить к выбору меры процессуального принуждения, учитывать не только тяжесть совершенного преступления, но также и личность обвиняемого. Таким образом, органы предварительного расследования будут ориентированы на учет всех интересов привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

Анализ следственной практики показывает, что должностные лица часто применяют заключение под стражу в отношении подозреваемого. Согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ мера пресечения в отношении данного участника может использоваться лишь в исключительных случаях. Однако в постановлении следователя, представленном в суд, и в материалах дела зачастую отсутствуют сведения, подтверждающие исключительность избрания данной меры пресечения. Принимая во внимание, что в уголовно-процессуальном законодательстве не определен указанный выше показатель, то следователь, дознаватель и суд, рассматривая вопрос об избрании меры пресечения, могут, по-своему усмотрению, признать ту или иную информацию, имеющуюся в деле, исключительным случаем.

Защитники в своих обращениях, направленных в суд, обжалуют незаконное применение меры пресечения в отношении подзащитного, указывая, что постановление суда не мотивированное и нарушает права и интересы подследственного.

В науке эти нарушения подразделяются на три группы: юридические, фактические и этические [9]. Первая группа нарушений влечет незаконные действия, производящих расследование. Вторая группа норм связана с недооценкой или переоценкой обстоятельств, которые являлись основанием для ареста, и влекут необоснованное принятие решения о заключении под стражу. К этическим нарушениям относятся те, которые посягают на конституционные права уголовно преследуемого лица.

Статистика показывает, что арест из исключительной меры пресечения стал нормой. Разнообразие и расплывчивость оснований для избрания заключения под стражу позволяет использовать ее почти в отношении каждого уголовно преследуемого лица. Ряд ученых предлагают ограничить законодательные рамки для применения данной меры пресечения только делами о преступлениях, наказание за которое предусматривает лишения свободы сроком от трех лет лишения свободы, запретить применение ареста по делам о преступлениях, совершенных по неосторожности, за которые может быть назначено наказание не свыше 5 лет лишения свободы [10].

В ходатайствах перед судом следователями указываются основания, которые предусмотрены ст. 99, 108 УПК РФ. При этом должностные лица к выбору обстоятельств, учитываемых судом при выборе меры пресечения, подходят формально, не обдуманно. В связи с этим, в последнее время отмечаются случаи отказа судом в удовлетворении заявленного ходатайства, так как органами расследования не представлены документы, подтвер-

ждающие те или иные сведения, дающие возможность принять законное и мотивированное решение о применении данной меры пресечения.

Мы считает, что с целью гарантии конституционных прав уголовно преследуемого лица, необходимо на законодательном уровне определить и закрепить в ст. 100 УПК РФ пределы исключительных случае применения меры пресечения в отношении подозреваемого.

Кроме того, рассматривая вопрос об избрании меры пресечения, суду требуется давать оценку условиям и основаниям, которые следователь (дознаватель) указал в своем постановлении, и учитывать наличие доказательств совершения лицом преступления.

---

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс]. URL: http://www. consultant.ru.
2. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 261-263.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. / М.С. Строгович. Москва., 1968. Т. 1. С. 56.
4. Ткачёва Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: Монография / Н.В. Ткачёв. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 192 с.
5. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. / Б.Б. Булатов. Омск.: Омская Академия МВДРоссии, 2003. 320 с.
6. Курс советского уголовного процесса. Общая част./ Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 640.
7. Статистика ГИЦ МВД России: Состояние преступности [Электронный ресурс]. URL:https://мвд. рф/reports/item/ 8922474.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [Электронный ресурс]. URL:http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71305372/#ixzz4sLesS Omg.
9. Комарова К.С. Защита от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Комарова К.С.; Краснодар, 2009.- 191 с.: [Электронный ресурс]. URL:http://www.dslib.net/kriminal-process/zawita-ot-nezakonnogo-i-neobosnovannogo-zaderzhanija-i-zakljuchenija-pod-strazhu-v. html.
10. Струков А.В. Правовые пределы принуждения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.09 / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. [Электронный ресурс]. URL:http://www. dissercat.com/content/pravovye-predely-prinuzhdeniya-v-dosudebnykh-stadiyakh-ugolov -nogo-sudoproizvodstva-rossii.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Политыко Ольга Евгеньевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса.
Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: заключение под стражу, конституционные права, уголовно преследуемое лицо, назначение процессуальных гарантий.

УДК 343

Пушкарев В. В.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯВКИ С ПОВИННОЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

В работе проводится юридико-генетический анализ норм о явке с повинной в дореволюционном законодательстве России. Обосновывается тезис о её комплексной материально-правовой и уголовно-процессуальной природе. Последняя безусловно закрепляет место явки с повинной в качестве начального момента уголовного преследования.

Историко-правовой анализ норм отечественного законодательства показывает, что явка с повинной не была известна в российском праве вплоть до принятия Соборного Уложения 1649 года.

Источником нормы о явке с повинной для Соборного Уложения 1649 года [6], по утверждению В.А. Линовского [2, с. 141] и М.Н. Тихомирова [6, с. 22-23] явилась ст. 20 «Если бы кто-нибудь убил вора на месте преступления» «Раздела 13, последнего «О воровстве» Статута Великого княжества Литовского 1529 года [5, с. 216], в соответствии с которой «... если бы вор вошел в чей-нибудь дом воровать и этого вора обнаружили и хотели поймать, а он защищался и не давал себя поймать и его убили бы на месте преступления, тогда на другой день тот, кто его убил, взяв понятых, окрестных соседей, должен им показать это и послать тех понятых к тому пану, чей человек, если бы пан был близко, и сообщить ему, что его человек убит при совершении кражи. А если не будет самого пана, то должны сообщить его управляющему, чтобы тот послал или сам поехал осмотреть убитого человека. А если бы имение того пана, чей человек убит, было далеко, тогда должен с теми посторонними людьми привезти этого убитого человека на наш великокняжеский двор и о происшедшем заявить властям. И если он заявит об этом, а тот пан, чей человек, захочет взыскать голов-

щину, то убивший не платит. А если бы убил и никому не заявил, то должен платить за убийство» [5, с. 21].

Анализ нормы, изложенной в ст. 21-22 главы XXII Соборного Уложения 1649 года показывает, что по прошествии 120-ти лет она во многом копировала норму вышеупомянутого Статута и исключала ответственность и наказание, за преступление, совершенное в обстановке защиты жизни, имущества от преступных посягательств (за убийство вора, застигнутого с поличным): «21. А будет чей человек убьет кого-нибудь до смерти, или ранит, обороняя того, кому он служит, и тому человеку того в вину не ставить, а спрашивать того убийства на том, кому он служит. 22. А будет он над кем смертное убийство учинит своим умышлением, без ведома того, кому он служит, и тот кому он служит, очищая себя, изымав его приведет в приказ, и про такое убийство сам известит, и тому, чей тот человек, того убийственного дела в вину не ставить, а человека его, которой такое смертное убийство учинит, казнити смертию» [6, с. 292].

Свое развитие в отечественном праве нормы о явке с повинной получили в именном Указе от 10 февраля 1763 года (11750) «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству», в статье 4 которого явка с повинной названа в качестве обстоятельства, которое исключало розыск, пристрастный расспрос в его отношении. Разбойник называется раскаявшимся и побуждается к даче обстоятельных показаний о других разбойника, притоносодержателях и т.п., в отношении которых розыск проводился в полном объеме. Явившийся с повинной - «раскаявшийся злодей» - должен был отдать похищенное имущество, сохранившееся в натуре. Однако, если в последствии выяснится, что он утаил таковое, «не с истинным признанием учинил раскаяние», то явка с повинной в буквальном смысле аннулировалась и с ним надлежало поступить как с остальными, изобличенными им преступниками, «... ибо раскаяние его не есть раскаяние, когда оно учинено не чистосердечно» [3, с. 156].

Необходимо обратить внимание на особый гуманизм Екатерины II, которая даже в таких обстоятельствах установила, что показания изобличенных им преступников, данные под пытками, не могут быть использованы в доказывании и положены в основу его обвинения. Более того, императрица нормативно предполагала, что раскаявшиеся преступники, почувствовав монаршую милость и прощение оставшиеся дни своего века проживут в обществе спокойно и благотишно [3, с. 156].

Путь формирования нормативных предписаний о явке с повинной характеризует её как необходимое побудительное начало для действий лиц, которые хоть и совершили противоправные действия, защищая себя или свое имущество, однако подлежат освобождению от ответственности и наказания при соблюдении требований законодательства о явке с повинной (доносе на себя). Таким образом, первоначальная природа явки с по-

винной раскрывается при её описании с позиции обстоятельства, устраняющего или смягчающего ответственность, легитимизирующего, тем самым, правомерность причинения вреда нападавшему.

В то же время, приведенные правовые предписания о явке с повинной отражают её комплексную материально-правовую и уголовно-процессуальную природу.

Характерно, что в уголовно-процессуальном смысле исторически она служила поводом к началу расследования, доказательством и основанием недопустимости применения к раскаявшемуся инквизиционных мер дознания, в связи с чем, обратный вывод некоторых авторов представляется неверным [1, с. 42-43].

В п. 3 ст. 297 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [7] (далее по тексту - УУС) явка с повинной прямо называется законным поводом к началу предварительного следствия.

В соответствии со ст. 310 УУС судебный следователь был обязан приступить к следствию при явке с повинной, но если признание явившегося с повинной опровергается имеющимися у следователя сведениями, то он составлял протокол о причинах, побудивших его оставить явку с повинной без последствий, и направлял копию протокола прокурору или его товарищу.

Явный недостаток правового регулирования явки с повинной и широкое ее применение на практике привело к всплеску научного интереса к данному правовому феномену. Значение и сущность явки с повинной в уголовном судопроизводстве подвергалось осмыслению со стороны многих видных ученых того периода, положивших в основу своих исследований данные судебно-следственной практики и сравнительно-правового анализа.

Совершенно справедливые мнения Н.Н. Розина о том, что зачастую оторванные от правосудия моральные причины явки с повинной и непонимание юридического значения того, в чем сознается обвиняемый отнимает у сознания действительно доказательственное значение [4, с. 402-405], и И.Я. Фойницкого, призывавшего к осторожному отношению к признанию подсудимого, настаивавшего на обязательной его проверке и оценке, поскольку, как и другие доказательства, оно не устраняет необходимости судебного исследования [8, с. 268-269], не теряют актуальности и по сей день.

---

1. Винницкий Л.В., Классен М.А. Эволюция явки с повинной в уголовном судопроизводстве. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7 (266). С. 33-43.

2. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / Сочинение Профессора Ришельевско-

го Лицея Владимира Линовского. Одесса: В типографии Л. Нитче, 1849. - 262 с.
3. Указ от 10 февраля 1763 года (11750) «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649-1825). Том 16. (28 июня 1762-1764). Законы (11582-12301). С. 154-157.
4. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям / Розин Н.Н. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. 603 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под редакцией академика АН Литовской ССР К.И. Яблонскиса. Мн.: Издательство Академии наук БССР, 1960. 253 с.
6. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высш. школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
7. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс] // http://base.garant.ru/57791498/19/ (дата обращения – 07.07.2017).
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / Фойницкий И.Я.; Общ. ред., послесл., прим.: Смирнова А.В. С.-Пб.: Альфа, 1996. 606 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарев Виктор Викторович. Кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: уголовное преследование, начало уголовного преследования, явка с повинной, историко-правовой анализ.

УДК 343.1

Ретюнских И. А.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» И «ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ» ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УПК РФ

В статье проводится разграничение двух смежных институтов: следственные действия и иные процессуальные действия. Законодатель предпринял попытку оптимизировать систему способов собирания дока-

зательств, выделив два: путем следственных и иных процессуальных действия. В результате законодатель не только не снял всех имеющихся противоречий, но добавил новые, более существенные проблемы в практике их применения. Автор выделяет признаки, позволяющих определить процессуальную природу следственных действий.

В статье 86 УПК РФ прямо установлено, что собирание доказательств осуществляется путём производства следственных и иных процессуальных действий.

Вместе с тем, разграничив способы собирания доказательств на следственные и иные процессуальные действия, закон не даёт чёткого определения этих понятий, а также их перечня. В этой связи справедливо отметить, что отсутствие дефиниций обусловило различное понимание способов собирания доказательств в науке уголовного процесса и вызывает определенные трудности, связанные с признанием доказательствами полученных сведений при их производстве, на практике.

Основное содержание предварительного расследования составляют следственные действия. Термин следственное действие может трактоваться как любое действие следователя и дознавателя, производимое им в ходе уголовно – процессуальной деятельности. В языке уголовного процесса существуют два близких, но не тождественных понятия: «процессуальное действие» и «следственное действие». Первое – широкое, охватывающее все, что делается в соответствии с уголовно-процессуальным законом, тогда как второе – более узкое, касающееся лишь части процессуальных действий [1]. Подавляющее большинство авторов склоняются ко второму значению и под следственными действиями понимают обеспеченные государственным принуждением действия следователя, дознавателя по собиранию доказательств с целью установления обстоятельств уголовного дела [2].

Определить правовую природу следственных действий, а также разграничить их с иными процессуальными действиями поможет исследование признаков, присущих данному явлению.

Во-первых, следственные действия присуща познавательная направленность. Этот признак выражается в том, что в результате проведения следственных действий следователь получает фактические данные, сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу. При этом он использует целый арсенал познавательных методов таких как: наблюдение, измерение, описание, опрос, сравнение, моделирование, эксперимент. Если эти фактические данные получены законным способом и зафиксированы в предусмотренной законом форме, то они становятся доказательствами. Производя следственные действия, следователь обнаруживает следы определенного события, извлекает содержащуюся в них информацию и фиксирует ее в процессуальных актах. Но это не означает, что доказательство от начала и до конца создается следователем в ходе следственного

действия. Следы изучаемого события возникают независимо от сознания следователя и являются объективной основой доказательств. На следователя ложится обязанность обнаружить эти следы, используя вышеперечисленные методы познания, и правильно отобразить их в протоколе, отчего зависит полнота выявления и сохранения фактических данных.

Во-вторых, производство следственных действий связанно с применением государственного принуждения, которое должно основываться на надлежащих нравственных началах. Недопустимо разглашать сведения, составляющие интимные стороны жизни, допускать унижение чести и достоинства личности, создание условий, опасных для жизни и здоровья, причинение излишнего повреждения имущества и т.д. В то же время при производстве следственных действий следователь наделен правомочиями применения определенных мер принуждения с целью обеспечить выполнение участниками следственных действий возложенных на них обязанностей. Таковыми являются привод, денежное взыскание, привлечение к уголовной ответственности (например, в случае отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, или за дачу ложных показаний (ст. 42,56 УПК РФ).

3. Следственные действия, будучи эффективным средством познания истины, всегда в большей или меньшей степени сопряжены с ограничением прав граждан, каждое из них в той или иной мере допускает вторжение органа расследования в сферу личных интересов свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых и других лиц. В свете положений Конституции РФ, в соответствии с которыми человек, его права и свободы являются высшей ценностью, провозглашается неприкосновенность личности, жилища и частной жизни, возникает необходимость установления четких пределов возможного ограничения прав граждан в ходе производства следственных действий, предотвращения неоправданного ущемления их интересов. Поэтому любое следственное действие может проводиться только при наличии определенной цели и достаточного основания для ее проведения.

Цель следственного действия – это указание на вид и содержание информации, которую предстоит получить. Для большинства следственных действий цель производства названа самим законом. Так, выемка проводится для изъятия определенных предметов и документов, если точно известно, где и у кого они находятся.

Правовым основанием производства следственных действий является совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом условий, дающих следователю право произвести то или иное следственное действие. Соответственно фактическими основаниями являются конкретные сведения о возможности извлечения доказательственной информации из следов определенного вида. Этой же цели служит требование закона о вынесении мотивированного постановления о производстве следственного

действия, получение санкции суда на проведение следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права граждан (обыск, осмотр и выемка в жилом помещении и т.д.

4. Наличие детально разработанной и закрепленной в уголовно-процессуальном законе процедуры производства следственных действий. Любое следственное действие представляет собой первичный элемент уголовно-процессуальной деятельности, подчиненный, как и вся эта деятельность, строгому правовому регулированию. УПК РФ закрепляет общие правила производства следственных действий: необходимость разъяснения прав участникам, запрет производить следственные действия в ночное время, возможность применения научно-технических средств и научно обоснованных способов собирания доказательств и др. Предусмотренная уголовно-процессуальным законом процедура производства следственных действий отличает их от иных процессуальных способов собирания доказательств [3].

По-нашему мнению, определение следственных действий должно получить законодательное закрепление. Предлагается дополнить ст.5 УПК РФ новым пунктом 41.1 следующего содержания: «Следственные действия – предусмотренные настоящим кодексом действия дознавателя, следователя, прокурора и суда по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленные на установление и доказывание имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением» [4].

---

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2011. С. 5-6.
2. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство. Курс лекций. Екатеринбург, 2016. С.174.
3. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия: Учебн.пособие, М., 2006. С. 6.
4. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): Монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2006. С. 26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ретюнских Ирина Алексеевна, Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Уральский юридический институт МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: следственные действия, иные процессуальные действия, предварительное расследование.

УДК 343.14

Россинский С. Б.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Настоящая статья посвящена проблемам судебного контроля за проведением следственных действий в досудебном производстве по уголовному делу.

В статье пересматривается ранее высказываемая автором точка зрения о надежности последующего судебного контроля и делается вывод о том, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым будет частичная реставрация механизмов прокурорского надзора, располагающего достаточным потенциалом защиты прав и законных интересов личности.

В последние годы на фоне общей тенденции, направленной на имплементацию в систему национального судопроизводства международно-правовых ценностей, в уголовно-процессуальной науке достаточно пристальное внимание уделяется проблемам судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. Этот институт предварительного расследования – предмет постоянных дискуссий.

Закон предусматривает предварительный и последующий судебно-контрольные механизмы за проведением следственных действий, различающиеся по времени рассмотрения судом соответствующих материалов. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве основной формы использует предварительный контроль. По общему правилу, установленному ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следователю вначале надлежит заручиться соответствующим судебным решением и лишь потом произвести осмотр, обыск, выемку и т.д. И только в исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодатель допускает возможность использования механизмов последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Очевидно, это объясняется желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве такой юрисдикционный режим обеспечения прав и свобод личности, который бы полностью соответствовал международно-правовым стандартам и Конституции РФ. Но анализ основополагающих актов международного

права показывает, что ни в одном из них не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного контроля за производством следственных действий. Кстати, по этому поводу не наблюдается и какой-либо определенности в решениях Европейского суда по правам человека.

Получается, что приоритет предварительного судебного контроля в части производства следственных действий – это внутренний вопрос Российской Федерации, требующий разрешения на уровне национального законодательства? Однако анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что она прямо устанавливает необходимость получения судебного решения лишь в связи с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В отношении неприкосновенности жилища ст. 25 Конституции РФ содержит менее резкое предписание: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или (!) на основании судебного решения». Таким образом, судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом.

Судебной контроль за некоторыми другими следственными действиями привязан к тексту Конституции РФ вообще достаточно условно и с очень большой натяжкой. Например, подобная ситуация складывается в сфере правового регулирования осмотра, обыска или выемки у адвоката, судебную защиту которого можно лишь косвенно обосновать конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи и весьма спорными позициями Конституционного Суда РФ, увязывающими адвокатскую тайну с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной.

В вопросах правового регулирования следственных действий УПК РФ почему-то пошел по наиболее сложному пути, очевидно, продиктованному желанием как можно более наглядно продемонстрировать переход РФ к принципиально новой идеологии уголовного судопроизводства.

На первый взгляд, указанные идеи являются безупречными. Но правовые иллюзии законодателя о судебной защите прав личности при производстве следственных действий развеиваются, когда речь заходит уже не о самих либеральных принципах, а о конкретных механизмах их реализации, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. Будучи направленным, главным образом, на обеспечение материальных ценностей, предварительный судебный контроль оказывается не лишенным целого ряда существенных недостатков организационного и процессуального характера.

Один из них заключается в том, что посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые пре-

грады для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования. Вполне очевидно, что и осмотр, и обыск, и даже выемка зачастую являются первоначальными следственными действиями и нередко осуществляются в условиях цейтнота. Сотрудники органов дознания и предварительного следствия в ряде случаев просто физически не успевают выполнить все предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ условия и получить в установленном порядке судебное решение. К тому же на практике подобные процедуры зачастую оказываются слишком забюрократизированными, требующими подготовки целого комплекса различных документов.

Сложность получения предварительного судебного решения на производство следственного действия порождает еще одну практическую проблему – тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление осмотра, обыска или выемки в условиях безотлагательности. В ряде случаев органы предварительного расследования просто маскируют следственные действия под безотлагательные либо искусственно создают соответствующие условия. Вследствие этого осмотр, выемка и особенно обыск проводятся без предварительного судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

На первый взгляд, можно предположить, что рассмотренный недостаток судебного контроля имеет исключительно организационно-кадровый аспект и вполне устраним посредством повышения профессионализма, правосознания, правовой культуры и личной ответственности следователей. Однако данный механизм имеет и еще одну «ахиллесову пяту» уже сугубо процессуального характера. Дело в том, что ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ устанавливают такую форму предварительного судебного контроля за производством следственных действий, которая осуществляется в условиях тайны, то есть посредством двусторонних правоотношений между судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения.

И действительно, как можно не сохранять в тайне решение о производстве обыска, если его эффективность напрямую зависит от внезапности проведения. Кстати, эта позиция прямо вытекает и из п. 6 недавно увидевшего свет постановления Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Установленный законом порядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти. Предварительный судебный контроль в этой части, скорее, напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру, которую отдельные авторы называют судебным санкционированием [2, С. 20; 3, С. 331]. Он мало чем отличается от существовавшего ранее (по УПК РСФСР) прокурорского порядка санкционирования обыска; разница

по существу заключается лишь в том, что роль прокурора теперь выполняет другое должностное лицо – судья. А решение по-прежнему принимается исключительно на основании представленных следователем материалов.

Кстати, на данный факт указывают и статистические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении следственных действий практически в 100% случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями.

Ввиду обозначенных выше проблем мы уже неоднократно писали, что основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой весьма слабую, малоэффективную и достаточно сомнительную процессуальную гарантию. А его использование оказывает, скорее, негативное влияние на современную правоприменительную практику. И в своих прежних публикациях мы предлагали в качестве выхода из сложившейся ситуации полную замену предварительного судебного контроля последующим судебным контролем. Однако наши дальнейшие изыскания по данному вопросу сильно поколебали эту позицию, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, невзирая на всю благонадёжность и высокую степень правовых гарантий судебной власти, судья, рассматривающий поступивший материал в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, остается в конкретном уголовном деле «случайным», временным участником, в нужной мере не владеющим его содержанием, не способным (с учетом и без того колоссальной нагрузки) за предоставленный законом 24-часовой срок досконально разобраться во всех хитросплетениях и нюансах, предопределяющих законность (незаконность) и обоснованность (необоснованность) того или иного следственного действия. Проведенное нами выборочное интервьюирование правоприменителей свидетельствует о практически 100%-й судебной поддержке результатов подобных следственных действий, что превращает установленную законом гарантию доброкачественности в очередную профанацию.

Во-вторых, возможность последующего судебного контроля за производством следственных действий фактически дублируется посредством установленного ст. 125 УПК РФ механизма обжалования правоприменительных актов органов предварительного расследования, причиняющих ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющих доступ граждан к правосудию. Поэтому если кто-либо из заинтересованных лиц и намерен активно оспаривать законность и обоснованность проведенного осмотра, обыска, выемки, то он (его защитник или представитель) вполне может подать в суд соответствующею жалобу.

В уголовно-процессуальной науке в последнее время усиливается тенденция, связанная с нормативной реставрацией прежних прокурорско-

надзорных механизмов как средств обеспечения законности производства следственных действий [1, С. 196–197]. Разделяя данную точку зрения, полагаем, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым является частичная реставрация советского механизма прокурорского надзора за законностью и обоснованностью следственных действий. Представляется, что полноценный прокурорский надзор содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить и обеспечить конституционные права и законные интересы лиц, вовлеченных в орбиту досудебного производства по уголовному делу.

1. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М.: Юрлитинформ, 2017.
2. Рябцева Е.В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2010.
3. Татьянина Л.Г. Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. Т. 2. М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права.
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ключевые слова: судебный контроль, следственные действия, прокурорский надзор, осмотр жилища, обыск.

УДК 343.1

Рудич В. В.

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УКАЗАННЫХ В СТ. 99 УПК РФ, ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО

Рассматриваются особенности установления фактических обстоятельств, учитываемых при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении обвиняемого в совершении преступления и

определении ее вида. Особое внимание уделено исследованию сведений о личности обвиняемого и состояния его здоровья. Анализируются правовые позиции Европейского Суда по правам человека, а также решения Конституционного Суда Российской Федерации в рассматриваемой сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении обвиняемого по уголовному делу необходимо учитывать все данные о его личности, в том числе состояние его здоровья, финансового благополучия, социальных связей, семейного положения и пр., которые могут повлиять на вид и продолжительность применения меры пресечения.

Обязательность установлению указанных фактических обстоятельств имеет прочную международно-правовую составляющую, закрепленную в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. В его решениях был сформулирован стандарт о необходимости индивидуального подхода к каждому лицу, в отношении которого применяется мера пресечения в виде заключения под стражу [1]. К примеру, по делу Худобин (Khudobin) против Российской Федерации Европейский Суд по правам человека посчитал, что такие факторы, как юный возраст заявителя, его проблемы со здоровьем требовали тщательной проверки его ходатайств об освобождении и их анализа в судебных решениях [2].

Наличие судимости, а тем более факт привлечения заявителя к административной ответственности не оправдывает его длительного содержания под стражей. Европейский Суд по правам человека указал, что аргумент о предыдущих судимостях и привлечении к административной ответственности имеет значение при оценке опасности того, что заявитель продолжит заниматься преступной деятельностью. Однако в числе других условий необходимо, чтобы эта опасность была достоверной и мера целесообразной с учетом обстоятельств дела и особенно – биографии и личности заинтересованного лица [3].

Состояние здоровья обвиняемого, как обстоятельство, влияющее на применение меры пресечения и как элемент гарантии от неправомерного, чрезмерного, неоправданного применения к нему мер пресечения (заключения под стражу), с недавних пор вошло в анализируемый правовой стандарт в виде ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ. Согласно указанной норме при наличии тяжелого заболевания, удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с Правилами медицинского освидетельствования обвиняемого в совершении преступления, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 [4], он не может быть арестован или подлежит освобождению из-под стражи. При установлении у обвиняемого заболевания, препятствующего его содержа-

нию под стражей, эта мера пресечения должна быть изменена на более мягкую или вообще отменена. Суд не вправе продлить срок содержания под стражей, если у обвиняемого выявлено препятствующее содержанию под стражей заболевание, которое удостоверено медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в установленном порядке.

Подтверждением вхождения данного стандарта в правоприменительную практику служит следующее разъяснение Свердловского областного суда, даваемого нижестоящим судам: «Мотивируя вывод о заключении лица под стражу, суд может ссылаться на следующие основания и обстоятельства: 1. Состояние здоровья обвиняемого А. таково, что в случае изменения меры пресечения на более мягкую (или избрания более мягкой меры пресечения) обвиняемый может скрыться от органов предварительного расследования и суда либо вступить в сговор с не установленными следствием лицами, которые могли являться соучастниками деяния, в совершении которого обвиняется А. 2. Состояние здоровья А. не является достаточным основанием для того, чтобы перевесить его право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Риск того, что обвиняемый может скрыться от органов предварительного расследования и суда, существует даже при указанных А. изменениях в состоянии его здоровья [5].

Следует отметить, что суды входят в обсуждение данного вопроса не только по ходатайству стороны защиты, но и по собственной инициативе, что находит отражения в описательно-мотивировочной части большинства постановлений о применении меры пресечения (в виде заключения под стражу). При этом негативную оценку вышестоящей судебной инстанции встречают случаи, когда в судебном заседании не было представлено документов, отвечающих требованиям ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ и свидетельствующих о наличии у обвиняемого заболеваний, препятствующих его содержанию под стражей, а выводы суда оказались голословными [6].

К.Б. Калиновский указывает на две актуальные проблемы, возникающие на практике при применении меры пресечении в отношении обвиняемого, страдающего болезнью, которая исключает его содержание в местах предварительного заключения [7. С. 36-57].

Первая проблема касается сроков освобождения из-под стражи. Так, в конкретном деле следователь, усомнившись в достоверности полученного медицинского заключения о состоянии здоровья обвиняемого, стал его проверять и назначил повторное освидетельствование. В результате обвиняемый содержался под стражей свыше месяца уже после получения «первичного» заключения. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 3 июля 2014 г. № 1484-О указал, что получение «первичного» заключения влечет за собой обязанность следователя незамедлительного – без неоправданных задержек – принятия решения об изменении

или отмене данной меры пресечения. Решению этой проблемы посвящен принятый 15 февраля 2017 г. в первом чтении проект Федерального закона № 30082-7 «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления предельного срока изменения меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием) (постановление № 946-7 Государственной Думы Федерального Собрания РФ). Проектом предлагается установить трехсуточный срок с момента получения медицинского заключения для изменения меры пресечения.

Вторая проблема состоит в том, что ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ допускает толкование, согласно которому любые другие доказательства (кроме специального медицинского заключения, полученного в предусмотренном этой нормой и Постановлением Правительства РФ порядке) отвергаются или признаются недопустимыми для установления соответствующего заболевания. Так, в конкретном деле было проигнорировано заключение экспертов, первоначально полученное по гражданскому делу и представленное следователю. Это толкование воспроизводит конструкцию, известную в юридической науке как позитивную систему формальных доказательств, и, по сути, противоречит принципу свободы оценки доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК). Как указал Конституционный Суд РФ в определении от 3 июля 2014 г. № 1485-О, на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и администрацию места содержания под стражей возлагается публично-правовая обязанность заботиться о жизни и здоровье заключенных. Из этой обязанности, как представляется, вытекает возможность доказывания их состояния здоровья и в общем порядке, предусмотренном главой 11 УПК РФ, то есть с помощью любых других доказательств [7. С. 55-57].

В части 11 ст. 107 УПК РФ говорится, что в случае госпитализации лица, взятого под домашний арест, местом исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста считается территория соответствующего учреждения здравоохранения. Очевидно, что не может быть расхождений в трактовке места домашнего ареста в ситуациях, которые являются по сути одинаковыми. Местом нахождения лица, взятого под домашний арест, в подобных случаях будет вся территория учреждения здравоохранения, лечебного учреждения. Основанием для избрания в качестве места домашнего ареста лечебного учреждения следует понимать данные о заболевании, исключающего его содержание под стражей, иного рода тяжком заболевании, ранении, требующем госпитализации, или такое болезненное состояние обвиняемого, которое требует специализированного ухода за ним в условиях стационара. Диагноз должен быть удостоверен только медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования. Порядок медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения определены в постановлении Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 (ред. от 4 сентября 2012 г.) «О медицинском освиде-

тельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

В качестве «лечебного учреждения» по смыслу ст. 5, 26 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» надо понимать медицинскую организацию государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, осуществляющую лечение гражданина [8].

В судебной практике мы находим достаточно широкий круг причин, связанных с состоянием здоровья обвиняемого, при наличии которых суд отказывает в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избирает домашний арест в условиях пребывания обвиняемого в медицинском учреждении. Примером может служить такое решение, содержащее в постановлении суда о применении меры пресечения: «Учитывая данные о личности подозреваемого Тернового А.В., который является гражданином РФ, зарегистрирован и проживает на территории ..., состоит на диспансерном учёте в ГБУЗ АО «Областной клинический ... диспансер» с ..., где после проведенного в отношении него оперативного вмешательства в... по комбинированной резекции ..., он получает медицинские препараты для продолжения лечения, суд апелляционной инстанции находит возможным достижение следственных интересов в условиях меры пресечения - домашнего ареста, который будет являться достаточной гарантией как явки подозреваемого в органы предварительного расследования и в суд, так и иных аспектов его надлежащего поведения» [9].

В заключение следует отметить, что гуманизация, либерализация уголовно-процессуальной политики по применению мер пресечения, безусловно, необходимы. В этом состоит закономерность правового развития нашего государства и общества.

---

1. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июня 2006 г. по делу «Корчуганова (Korchuganova) против Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

3. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Алексей Макаров против России» // СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 (ред. от 04.09.2012) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» // Рос. газета. 2011. 21 января.

5. Постановления суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: Методические рекомендации. Утверждены постановлением президиума Свердловского областного суда от 6 августа 2014 г.

6. Обобщение судебной практики рассмотрения ходатайств органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ). Уфа: Верховный Суд Республики Башкортостан. 2012.
7. Калиновский К.Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Сборник статей по материалам круглого стола: 02 ноября 2016 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Сост. К.Б.Калиновский, Л.А.Зашляпин. Под общей редакцией А.В.Шишлова. СПб: ИД «Петрополис», 2017. С. 36-57.
8. Собрание Законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
9. Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 10 июля 2017 г. (материал № 22-1596/2017) // СПС КонсультантПлюс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудич Валерий Владимирович. Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Уральский институт экономики, управления и права, 620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 194.

Ключевые слова: фактические обстоятельства, УПК РФ, избрание меры пресечения.

УДК 343.1

Сальников Е. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНКВИЗИЦИОННОГО ПРОЦЕССА КАК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Отказываясь от идеологических и моральных оценок, автор рассматривает инквизиционный процесс как исключительно юридический феномен. Автор демонстрирует, что появление и развитие инквизиционного процесса представляло собой значительный шаг в развитии процессуального права, появлении или возрождении целого ряда институтов. Автор подчеркивает тот факт, что прадигмальные основания современ-

ного уголовного процесса и инквизиционного процесса являются качественно различными.

В условиях, когда трансформации современного общества диктуют необходимость развития и изменения правовых институтов особое значение приобретает обращение к историческому наследию правовой мысли. Для уголовно-процессуальной области важным историко-правовым пластом предстает эпоха средневековья, в изучении которой еще несколько десятилетий назад преобладали идеологические штампы и оценочные суждения морально-этического характера, на позволившие полноценно осмыслить правовые аспекты данной эпохи и отразить специфику правовых институтов и процессов. Прежде всего, это касается инквизиционного процесса.

Инквизиционный процесс часто не вполне верно представляется «наиболее одиозной разновидностью европейского розыскного процесса XV-XVI веков, периода становления абсолютизма» [5; с. 70]. Хронологически более точным будет датировать начало инквизиции рубежом XII-XIII веков, беря за точку отсчета либо создание первой епископальной инквизиции папой Луцием III в 1184 г., либо 1233 г., когда папа Григорий IX передал расследование еретических заблуждений в руки доминиканцев, назначаемых и подотчетных только Святому престолу, либо же с момента окончательного закрепления пыток в инквизиционном процессе папой Иннокентием IV в 1252 г. Однако же и эти временные рамки следует считать не вполне правильными. Инквизиционный процесс воплощает в себе всю логику развития права в Средние века. Инквизиция это вершина средневековой процессуальной мысли. «Неправильно утверждать, - пишут британские историки, - что инквизиция появилась в готовом виде со всеми ее принципами и учреждениями. Это был результат или, вернее, еще один шаг вперед в процессе развития, начало которого восходит по крайней мере к IV столетию» [2; с. 29].

Более того инквизиция не была напрямую связана с процессами становления абсолютизма. Как особый институт она возникла, исходя из потребностей церкви, а ее жестокость во многом манифестировала углубляющийся кризис традиционного уклада жизни, крушение мира средневековья. Процессы становления абсолютизма, безусловно, нашли свое отражение в праве, но они шли, скорее параллельно инквизиции. Так только в 1538 году королевский прокурор становится стороной во всех делах. В Британии значительную роль сыграли реформы Генриха II. Усиление королевской власти, становление абсолютизма все это задавало уже иной тип общественного устройства, это были уже провозвестники новоевропейского государства. Инквизиция же воплощала в себе дух средневековья.

Между тем церковный и королевские суды все же не существовали оторвано друг от друга. Они были тесно переплетены. С одной стороны

подобное положение дел определялось тем, церковь стремилась к максимально возможному расширению собственной юрисдикции. Ее суду подлежала ересь, вероотступничество, колдовство, святотатство, нарушение супружеской верности, кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевета, подделка документов, ложная присяга, ростовщичество. Поскольку договоры весьма часто скреплялись религиозными клятвами, церковь объявила своей компетенцией область обязательственных отношений. С другой стороны, практика конфискации имущества виновного позволила церкви получить значительные богатства. которые не могли не вызывать зависть у светской власти. Отсюда стремление светских судов к покушению на церковную юрисдикцию и, как минимум, перенятие ее юридических достижений. Один из крупнейших исследователей проблемы ведовства Р.Х. Робинс открыто указывал на то, что именно перспектива получения дополнительных источников способствовала преследованию светскими судами преступлений собственно религиозного характера. «Вся история ведовства, - писал он, - это постепенное прибирание к рукам епископами и светскими властями того, что начали инквизиторы... Несмотря на то, что утверждение и управление ведовскими процессами перешло преимущественно в руки светских властей, техника – применение пыток с целью вырвать признание вины у обвиняемого и конфискация имущества у осужденного – была доведена до такой степени совершенства, что ее переняли без изменений. Городские и епископские суды не могли придумать ничего, что смогло бы заставить эту систему работать еще эффективнее» [1; с. 229]. Как отмечал Г.Ч. Ли, до конца XVIII века в большей части Европы инквизиционное судопроизводство сделалось обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых [3].

Столь же несостоятельны и оценочные суждения, связывающие инквизицию всецело с «невежеством, фанатизмом, неразборчивостью в средствах» [5; с.157]. Инквизиция это не торжество невежества, а доминиканцы отнюдь не царство глупости. По мнению таких крупных исследователей данного вопроса как А. Хунко и А. Шэннон инквизиция есть шаг вперед в юриспруденции, прогресс в церковном законодательстве. Ее столь нелицеприятные оценки сегодня навеяны в определяющей степени тем, что в инквизиции чуждые современному праву принципы пришли к своему наиболее полному выражению.

В свое время доминиканцы и францисканцы обладали лучшей сетью университетов в Европе, причем по качеству образования их превзошли только несколько позднее иезуиты. Инквизиторы были достаточно просвещенными людьми своего времени, чего стоит пример кардинала Беллармино; известным специалистом по ведовству, оправдывающим инквизиторские практики был Ж. Боден. Инквизиция – это не только террор и пытки. Инквизиция это юридический феномен, необходимым участником которого являлся не только инквизитор, но и профессиональный, хорошо

обученный юрист. Дело в том, что на первоначальном этапе материал доноса, показания свидетелей или подследственного, выдвинутые против третьего лица, предъявляли квалификаторам. последние должны были дать юридическое заключение о том, следует ли предъявить подозреваемому обвинение в ереси или нет. Инквизиция есть суд церковный, а потому и квалификаторы были чаще всего представителями духовенства. Здесь то и пригодились средневековые юридические факультеты, годами приучавшие богословов к схоластическим тонкостям, глубоко знающих каноническое право, а потому способных очень тонко квалифицировать любую ересь.

Открытость истины в средневековье позволяла сформулировать важнейший принцип инквизиции – презумпцию виновности. Обвиняемый считался виновным до тех пор, пока ему не удалось доказать обратное. В рамках инквизиции это означало, что вину не надо доказывать, надо дать ей сказаться самой, дать бытию явить самое себя. Если дьявол пытается совратить всех верующих с истинного пути, то никто не может поручиться за свою чистоту, и каждый верующий – потенциальный еретик. Донос в инквизиции считался чуть ли не мистическим актом провидения. Доносчик выступал в роли оракула, глаголящего истину. Отсюда целью следствия было не проверка доноса, а добыча признания обвиняемого в инкриминируемом ему деянии, его раскаяние и примирение с церковью.

Следствие проводилось, и инквизиционный трибунал выносил свой приговор обоснованно, но он обосновывал «не для выяснения объективной истины, а ... для того, чтобы убедить обвиняемого признать себя виновным и раскаяться. Иначе говоря, если и собирались улики против обвиняемого, то это делалось в интересах спасения его души» [2; с.115]. Подобного рода процесс стоит на совершенно иной парадигме, трансцендентный характер права требовал переосмысления правовых принципов и сущности юридических лиц.

Теоретически вина может быть доказана двумя путями: личным признанием и свидетельскими показаниями. В ситуации неизвестности истины последние обладают большим весом, ибо обвиняемый может, исходя из неизвестных следствию причин, оговорить себя и тем скрыть настоящее положение дел. Когда исход дела неясен именно сопоставление свидетельских показаний, их очное сличение, борьба одних против других способствует приближению следствия к истине.

Но все меняется, когда истина уже известна, и важной остается лишь личность обвиняемого. Исправиться он или нет, вот в чем суть процесса. Теперь свидетель есть орудие выведения заблудшего из пут противоправного бытия. Свидетель должен не прояснять, а запутывать обвиняемого, к каковой цели равным образом должен стремиться и судья. Поэтому нет ничего удивительного, что личности свидетелей не разглашались, личная ставка исключалась, положительно характеризующим обвиняемого свидетельствам не верили, тогда как поощрялись свидетельства людей, которым

во всех иных вещах не было веры. Это лжесвидетели, малолетние дети, еретики; каждый обвиняемый должен был указать имена сообщников или показать на того, кого он сам подозревал в ереси. Основанием для процесса были слухи, сплетни, худая молва. Институт адвокатуры, действовавший определенное время в рамках инквизиционного процесса, также был призван оказать помощь не в оправдании, а в покаянии. Адвокат – дополнительное средство давления на обвиняемого.

Однако же в делах религиозных церкви в лице инквизиторов противостоял сам дьявол, а потому свидетельства были не всегда, и не всюду их хватало, чтобы запутать обвиняемого. Требуемый результат могло дать лишь собственное признание. Именно отсюда и возникала практика пытки.

Понимание сути пытки в рамках инквизиционного процесса может быть достигнуто только при условии четкого осознания того, что инквизиционный процесс свершался в открытости истины. Обвиняемый был виновен изначально и мог быть отправлен на костер и без разбирательства. «Ошибочно считать, - пишет И.Р. Григулевич, - что свою главную задачу инквизитор видел прежде всего в отправке еретика на костер. Инквизитор в первую очередь добивался превращения еретика из “слуги дьявола” в “раба господня”» [2; с.119]. Пытали не для того, чтобы узнать, а для того, чтобы дать виновному облегчить тяжесть своей вины. Инквизиционный трибунал не мог ошибаться, а даже и ошибись он, Господь на небесах воздаст невинно пострадавшему, но как Он привел человека в руки инквизиции, то тот грешен, и должен сам открыто признать свою вину, пройдя сквозь муки воссоединиться с Богом.

Ошибочным будет видеть в пытке и инквизиционном процессе в целом только «подавление человеческой личности», что «мешало установлению истины и было причиной обилия судебных ошибок» [4; с.30]. Инквизиторы прекрасно знали, что пытка может вынудить человека на любое признание, что истина под пыткой может быть искажена, но вся проблема в том, что инквизиционный процесс трансцендентен по своим основаниям. Он начинается уже с данности истины. Истину следует не открыть, а выразить, признать. Пытки в инквизиции сродни деятельности естествоиспытателя. Последний также уверен в том, что природа имеет свою истину, но упорно не хочет ее высказать, а потому нужно с помощью особых ухищрений, поставленных экспериментов – пыток - заставить ее саму подтвердить то, что в гипотезе уже было дано экспериментатору. Свидетель аналогичен контролируемому внесению изменений в эксперимент. Предположение «А если так...» может не быть почерпнуто из самой действительности, может быть порождено сознанием экспериментатора, равно как и свидетельские показания на инквизиционном процессе. Трансценденция в праве позволяет быть уверенным в наличии истины, а потому не находить ее, а заставить ее сказаться и тем примириться с уже знающим ее инквизитором.

Примечательно, что речь идет о примирении как процессе. Через это инквизиция порождает тюрьму. Ни одна прежняя форма лишения свободы не носила воспитательный характер. Каторга, галеры, долговая яма всюду наказание исчерпывало само себя, и лишь инквизиция в неотвратимости наказания заставляет увидеть необратимость искупления. Неслучайно в этой связи, что даже избежавшие смертной участи не уходили без наложения особых религиозных предписаний. Принцип тюрьмы – через долгие раздумья в условиях лишения свободы к примирению с обществом, возврату к его нормам - остался и по сей день. Как и в целом, многие нормы и институты, возрожденные инквизиционным процессом или впервые порожденные им, вошли в корпус современного права, но уже на иной парадигмальной философско-правовой основе, что и породило их качественное изменение.

1. Ведовство, которого не было. СПб., 2005.
2. Григулевич И.Р. Инквизиция. М., 1985.
3. Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. В. 2 тт. Т. 1. СПб., 1911.
4. Петрухин И.Л. От инквизиции к состязательности // Государство и право. 2003. № 7.
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб., 2005.
6. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сальников Евгений Вячеславович. Доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: инквизиция, средневековое право, история процессуального права, философии права.

УДК 343.1

Семенцов В. А.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНА О ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ

Обосновывается, что следственные действия, связанные с неприкосновенностью жилища, должны производиться по судебному решению. Предлагается «прописать» в УПК РФ статус члена совета адвокатской

палаты или иного представителя. Критически оценивается ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ в части дозволения на производство осмотра жилых и служебных помещений адвоката до возбуждения уголовного дела. Подчеркивается, что разъяснения Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г.– первый опыт формирования единства практики производства следственных действий по судебному решению.

Производство следственных действий, основанных на применении наиболее жестких мер принуждения, связанных с вторжением в сферу гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод личности, требует судебного разрешения, процедура получения которого предусмотрена в ст. 165 УПК РФ.

Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 г. в ходе досудебного производства было заявлено 594 848 ходатайств о даче разрешения на производство следственных действий, в том числе: 1) о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц – 127 422; 2) о производстве обыска и (или) выемки в жилище – 65 924 3) производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи – 4 017; 4) о производстве личного обыска – 4 656; 5) о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях – 78 461; 6) о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи – 21 010; 7) о контроле и записи телефонных и иных переговоров – 167 052; 8) о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – 126 306. Из числа заявленных удовлетворено судами 556 876 ходатайств органов досудебного производства о даче разрешения на производство следственных действий или 93,6 % от общего числа [1].

В первом полугодии 2017 г. судами Краснодарского края рассмотрено в ходе досудебного производства в общей сложности 6 492 ходатайств о даче разрешения на производство следственных действий, из которых удовлетворено 6423 или 98,9 % [2].

Эти цифры наглядно демонстрируют объем производимых по судебному решению следственных действий в рамках досудебного производства. При этом следует учитывать, что в типовых бланках отчетов судов указаны лишь те следственные действий, перечень которых содержится в п. 4–8 и 11–12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Наряду с этим в ч. 3 ст. 178 УПК РФ предусматривается получение разрешения суда на эксгумацию трупа, если близкие родственники или родственники покойного возражают против этого. В ч. 3 ст. 183 УПК РФ закреплено, что на основании судебного решения производится выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в

банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. Статья 450.1 УПК РФ содержит требование о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката на основании судебного решения.

Вместе с тем по обстоятельствам уголовного дела может возникнуть необходимость проверки ранее данных показаний, проведения опытных действий в жилом помещении при отсутствии на то согласия проживающих в нем лиц. Для производства указанных действий закон не только не требует дозволения суда, но и не предусматривает вынесения постановления следователя, что вряд ли можно признать правильным с точки зрения защиты конституционного права гражданина на неприкосновенность жилища.

Дело том, что в ст. 12 УПК РФ, гарантирующей неприкосновенность жилища, упоминаются только три следственных действия, производство которых осуществляется на основании судебного решения: осмотр, обыск и выемка. Но производство и иных следственных действий (проверка показаний на месте, следственный эксперимент и др.) может быть сопряжено с проникновением в жилище помимо воли проживающих там лиц. Считаем, что правомерным подобное проникновение будет при наличии судебного решения, а это требует соответствующего дополненияст. 12 УПК РФ.

До 17 апреля 2017 г. в ст. 29 УПК РФ не предусматривалось обязательное получение решения суда для производства обыска в помещениях, используемых для адвокатской деятельности. Однако Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) в определении от 8 ноября 2005 г. признал, что положения ст. 7, 29 и 182 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании и системном единстве с положениями п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможности производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения [3].

В другом своем решении от 17 декабря 2015 г. Конституционный Суд РФ также отметил, что смысл норм об обыске (выемке, осмотре), связанном с доступом к материалам адвокатского производства, в системе действующего правового регулирования предполагает наличие судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения[4].

На основе указанной правовой позиции Конституционного Суда РФ 17 апреля 2017 г. законодатель включил в текст ч. 2 ст. 29 УПК РФ новый пункт (5.2), предусмотрев там возможность производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката по судебному решению. Кроме того, гл. 52 была дополнена ст. 450.1 УПК РФ, где прописаны особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката [5].

Новеллы закона о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при осуществлении профессиональной деятельности способствуют укреплению защиты прав, свобод и интересов граждан, обеспечению их доступа к правосудию, развивают уже закрепленные в УПК РФ требования по оказанию квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Названные решения «имеют для адвокатуры исключительно важное значение. Они должны обеспечить повышение роли и авторитета адвокатуры, способствовать осуществлению активной защиты в уголовном судопроизводстве»[6].

Теперь в постановлении судьи о разрешении обыска, осмотра и (или) выемки в отношении адвоката должны быть указаны конкретные отыскиваемые объекты, а изъятие других объектов не допускается. Кроме того, «запрещается изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей, а также фотографирование, киносъемка, видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства» (ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ). Такие меры направлены на обеспечение конфиденциальности отношений адвоката и его доверителя, которая является необходимым условием реализации права каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

В целом позитивно оценивая решение законодателя о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката по судебному решению и с соблюдением тех правил, что закреплены в ст. 450.1 УПК РФ, все же выскажем некоторые опасения относительно его реализации на практике.

Так, в ч. 1 и 3 ст. 450.1 УПК РФ назван новый участник производства следственных действий – член совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации или иной представитель, уполномоченный президентом этой адвокатской палаты, который присутствует при проведении обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, обеспечивая неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну. Но если член совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации участник следственного действия, то в законе должен быть определен его процессуальный статус, регламентирован порядок участия в производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката.

Нет ясности и по вопросу о том, кто такой иной представитель, уполномоченный президентом адвокатской палаты присутствовать при проведении обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, и даже обеспечивать неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну. В привычном понимании представительство в уголовном судопроизводстве предполагает одновременное участие представителя и представляемого – потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Если основываться на правовых позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, то иной представитель, уполномоченный президентом адвокатской палаты – независимый наблюдатель

от адвокатского сообщества при производстве поисковых следственных действий в отношении адвоката.

В методических рекомендациях для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката конкретизированы его полномочия: 1) знакомиться с постановлением суда о проведении в жилых и служебных помещениях, используемых адвокатом для адвокатской деятельности, обыска, осмотра и выемки; 2) приносить свои возражения на действия следователя как в ходе производства следственных действий, так и по его окончании в протоколе следственных действий; 3) общаться с адвокатом, в помещении которого производится обыск, выемка, осмотр, в целях определения защищаемых адвокатской тайной предметов и документов, и недопущения их разглашения; 4) знакомиться с предметами, документами и сведениями, которые могут содержать адвокатскую тайну, до того, как следователь ознакомится с ними; 5) знакомиться с протоколом следственного действия и приносить на него свои замечания; 6) обжаловать действия (бездействие) и решения следователя [7].

Однако методические рекомендации не могут подменять уголовно-процессуальный закон, поскольку порядок уголовного судопроизводства определяется в УПК РФ, основанным на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права. Поэтому порядок участияиного представителя, уполномоченного президентом адвокатской палаты, в производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката должен быть системно прописан в УПК РФ.

А теперь перейдем к анализу ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ в части дозволения на производство до возбуждения в отношении адвоката уголовного дела осмотра жилых и служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, когда в указанных помещениях обнаружены признаки совершения преступления. Критически оценивая указанные положения закона считаем необходимым сделать ряд пояснений.

1. На практике имеют место случаи фактической подмены осмотра обыском, тем более, что ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ, хотя и косвенно, но подтверждает это, допуская возможность отыскания конкретных объектов не только при производстве обыска, но также выемки и осмотра. Однако здесь следует иметь в виду, что отыскание объектов (в ч. 13 ст. 182 УПК РФ используется иное, но близкое по значению, словосочетание «обнаружение предметов, документов или ценностей») – это цель производства обыска. При выемке следователь знает, где и у кого находятся определенные предметы и документы (ч. 1 ст. 183 УПК РФ) и необходимости в их отыскании не возникает (этим выемка отличается от обыска). Целью осмотра может быть обнаружение, но не предметов, документов или ценностей (как при обыске), а «следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 176 УПК РФ).

Прав профессор С.А. Шейфер, отмечающий, что «существенное отличие от осмотра в том, что обследование объекта при обыске осуществляется принудительно, сопряжено с вторжением в сферу личных интересов граждан, вследствие чего наблюдение (общий признак обыска и осмотра. – В.С.) приобретает отчетливо выраженный поисковый характер, направлено на обнаружение скрываемых, а не лежащих на поверхности предметов»[8, с. 67].

2. Из текста закона не ясно, каким образом устанавливается факт обнаружения признаков совершенного преступления к моменту вынесения судьей постановления о разрешении производства осмотра жилых и служебных помещений адвоката, если проверка сообщения о преступлении только началась.

3. Следует помнить, что расширительное толкование термина «обнаружение признаков совершенного преступления» искажает смысл предписаний ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ и позволяет производить активные поисковых действий, присущие обыску, но не осмотру, например, вскрывать помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ).

1 июня 2017 г. впервые вопросы производства следственных действий на основании судебного решения, относительно которых в правоприменительной практике были разночтения, разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [9], где обращено внимание на порядок действий судьи по поступившему в суд ходатайству о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан. Напоминается, что при разрешении ходатайств следует проверять не только соблюдение требований уголовно-процессуального закона, но и обоснованность самого следственного действия.

Например, если ставится вопрос о производстве обыска жилища, то в материалах дела должны быть достаточные данные, чтобы предполагать наличие там орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела. Пока же суды удовлетворяют 93,6 % ходатайств органов досудебного производства о даче разрешения на производство следственных действий (отметим это еще раз), которые ограничивают конституционные права граждан и поэтому должны иметь исключительный характер.

Учитывая не совпадение понятий «жилище» в УК РФ и УПК РФ, Пленум разъяснил, что для целей процессуальной деятельности при определении, является ли помещение жилищем, следует руководствоваться положениями п.10ст. 5 УПК РФ. Подчеркивается, что с учетом положений ч. 5 ст. 177 УПК РФ на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра, а подача апелляционных жалобы, представления не приостанав-

ливает исполнение постановления судьи о производстве следственного действия. Отмечается, что при необходимости сохранения охраняемой законом тайны судьи могут проводить закрытое судебное заседание, не предполагающее присутствия в зале суда посторонних лиц, но поскольку такое решение связано с ограничением гласности при осуществлении правосудия, то оно должно быть мотивировано.

Верховным Судом сделан акцент на исключительных случаях безотлагательного производства следственных действий: 1) если необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; 2) когда промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; 3) при возникновении реальной угрозы уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; 4) если имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

Подводя итог исследованию вопроса о новеллах закона о производстве следственных действий по судебному решению отметим главное.

1. Не только осмотр, обыск и выемка в жилище, но и иные следственные действия, связанные с вторжением в сферу гарантированного Конституцией РФ права неприкосновенность жилища, должны производиться на основании судебного разрешения, что требует соответствующего дополнения ст. 12 УПК РФ.

2. Дозволение законодателя на обыск, осмотр и выемку в отношении адвоката по судебному решению не подкреплено системным подходом к «прописке» в УПК РФ статуса члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации или иного представителя.

3. Критически оцениваются предписания ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ в части дозволения на производство до возбуждения в отношении адвоката уголовного дела осмотра жилых и служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, когда в указанных помещениях обнаружены признаки совершения преступления.

4. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. по вопросам производства следственных действий на основании судебного решения – первый опыт, имеющий целью формирование единства практики применения норм УПК РФ в этой сфере уголовно-процессуальной деятельности.

---

1. Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ:www.cdep.ru.

2. Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2017 г.: управление Судебного департамента в Краснодарском крае // usd.krd.sudrt.ru.
3. По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О // Собрание законодательства РФ. 2006. № 5. Ст. 633.
4. По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других: постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П // Российская газета. 2015. 30 декабря.
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // Российская газета. 2017. 19 апреля.
6. Резолюция о Федеральном законе от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: принята VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. // Новая адвокатская газета. 2017. № 9 (242).
7. Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката: утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов, протокол от 16 мая 2017 г. № 2) // Интернет-версия системы «ГАРАНТ».
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.
9. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Российская газета. 2017. 9 июня.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса.
Кубанский государственный университет, 350063, г. Краснодар, ул. Кирова, д. 2,63 ОПС, а/я 4851. Семенцову.

Ключевые слова: следственные действия, решение суда, конституционные права, адвокат, разъяснения.

УДК 343.13

Семёнов Е. А., Щербакова Л. Ю.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ ПО УПК РОССИИ И УПК МОНГОЛИИ

Предметом анализа представленной статьи является стадия подготовки к судебному разбирательству в рамках сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства России и Монголии, особенности проведения предварительного слушания с точки зрения обеспечения надлежащих условий судебного разбирательства по уголовному делу.

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии [1] (далее – УПК Монголии) построен по образу континентальной правовой системы, являясь своеобразной комбинацией обвинительного и состязательного процесса. Именно эта проблематика является крайне сходной в теории российского уголовного процесса. Существенный интерес представляет сопоставление двух практически одновременно вступивших в силу УПК - Монголии и России [2], особенно в контексте того, что «уголовно-процессуальное право Монголии в течение длительного времени испытывало мощное советское правовое влияние». Вместе с тем в УПК Монголии недостаточно проработан вопрос о месте предварительного слушания в стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству.

Проведенное исследование статистических данных судебной практики показало устойчивую тенденцию по увеличению числа рассматриваемых судами Российской Федерации уголовных дел на предварительном слушании. Если в 2011 году судами назначалось предварительное слушание по 10,24 % уголовных дел от общего количества рассматриваемых судами уголовных дел, то в 2016 году увеличилось число уголовных дел, по которым назначалось предварительное слушание, до 18,43 % [3]. Незначительно в 2016 г. уменьшилось число уголовных дел в областных и приравненных к нему судах, по которым проводилось предварительное слушание (с 0,5 тыс. до 0,45 тыс.), что составило 30,5 % оконченных производством уголовных дел. В районных судах по 50,1 тыс. дел (11,0 % от числа оконченных производством дел) проводилось предварительное слушание. В мировых судах отмечено увеличение на 10,2 % числа уголовных дел, по которым проводилось предварительное слушание, с 42,4 тыс. до 46,2 тыс. дел [3].

В районных судах Орловской области в 2016 г. по 335 (16,7 % от числа оконченных производством дел (2001 уголовное дело) уголовным делам было проведено предварительное слушание [4]. Мировые судьи

назначали предварительное слушание по 272 уголовным делам (12,4 %) из 2197 оконченных в 2016 г. [4].

В уголовно-процессуальном законодательстве Монголии на стадии обеспечения привода обвиняемого в суд и подготовки судебного заседания, которая является аналогом подготовки к судебному заседанию в российском уголовном процессе, отсутствует возможность проведения судебного разбирательства, связанного с проверкой наличия предпосылок для слушания дела судом первой инстанции, а также с обеспечением надлежащих условий судебного разбирательства по уголовному делу.

В российском уголовно-процессуальном праве вопрос о месте предварительного слушания в уголовном процессе является дискуссионным. Ряд авторов [5, 9, 10] высказывают мнение о том, что предварительное слушание не является самостоятельной стадией уголовного процесса, а представляет собой не что иное, как процессуальную форму стадии подготовки к судебному заседанию. Другие указывают на то, что предварительное слушание является самостоятельной стадией процесса [6]. В уголовно-процессуальном законодательстве существует расхождение в отведении определенного места институту предварительного слушания в осуществлении уголовного судопроизводства по делу. Из анализа и сопоставления между собой положений глав 33 и 34 УПК РФ предварительное слушание представляется как форма стадии подготовки к судебному заседанию. Однако в ст. 378 УПК РФ содержится указание на то, что предварительное слушание является стадией уголовного судопроизводства.

Ученые-процессуалисты называют предварительное слушание особым порядком подготовки к судебному заседанию или вторым способом назначения судебного заседания [7, 8].Как известно, проведение предварительного слушания возможно только при наличии предусмотренных ст. 229 УПК РФ оснований:

1) при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства;

2) при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ;

3) при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела;

4) при наличии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ;

5) для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей;

6) при наличии не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело за ранее совершенное им преступление;

7) при наличии основания для выделения уголовного дела;

8) при наличии ходатайства о соединении уголовных дел в случаях, предусмотренных УПК РФ.

Как было указано ранее, подобная форма проведения судебного заседания в УПК Монголии отсутствует и судья согласно ст. 227.1 УПК Монголии обязан самостоятельно, без участия сторон, рассмотреть ходатайства государственного обвинителя, потерпевших, их защитников, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, если они заявлены, относительно изменения меры пресечения и принятия мер по обеспечению гражданского иска.

Кроме того, в соответствии со ст. 227.2 УПК Монголии судья может получить объяснение от лиц, которые представили ходатайства, и должен уведомить их относительно принятого решения по ходатайству.

Другой порядок разрешения ходатайств представлен в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Так, при наличии ходатайства об исключении доказательств (ст. 235 УПК РФ) проведение предварительного слушания создается сторонами, по собственной инициативе судья не может назначить по указанному основанию предварительное слушание.

Судья на предварительном слушании проводит исследование поступивших в суд материалов уголовного дела, чтобы выполнить следующие задачи: установление соответствия материалов поступившего в суд уголовного дела предписаниям УПК РФ; проверка законности произведенных следственных и иных процессуальных действий на стадии предварительного расследования и обоснованность принятых в результате этого решений; выявление и принятие мер к устранению всех нарушений УПК РФ; обеспечение и защита осуществления участниками уголовного судопроизводства принадлежащих им прав и законных интересов; организация назначенного судебного разбирательства по уголовному делу.

Таким образом, предварительное слушание - это особый этап уголовного процесса, который является обязательным при наличии оснований, указанных в ст. 229 УПК РФ, имеющий непосредственные задачи, круг участвующих субъектов и особый порядок производства процессуальных действий. Предварительное слушание проводится в особых условиях, где судом проверяется законность производства предварительного расследования, что является гарантией отправления правосудия и обеспечения прав личности.

Представляется, что подобного форма проверки наличия предпосылок для слушания дела судом первой инстанции, а также обеспечения надлежащих условий судебного разбирательства по уголовному делу должна появиться и в уголовно-процессуальном законодательстве Монголии, т.к. осуществление уголовного правосудия на основании принципа равенства и состязательности сторон, провозглашенного в ст. 17 УПК Монголии, невозможна без участия сторон в принятии решения, например, о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования дознавателю или следователю.

Предварительное слушание имеет свои непосредственные задачи, сутью которых является: проверка допустимости уже имеющихся в уголовном деле доказательств и рассмотрение ходатайств о представлении дополнительных доказательств, которые не исследовались в стадии предварительного расследования; устранение нарушений, препятствующих рассмотрению уголовного дела; создание надлежащих условий для последующего рассмотрения дела по существу. На данном этапе судом производится оценка доказательств с точки зрения их допустимости.

Кроме того, предварительное слушание, производство которого регламентировано нормами гл. 34 УПК РФ, не является самостоятельной стадией уголовного процесса, а представляет собой усложненную процессуальную форму стадии подготовки к судебному заседанию, так как характеризуется аналогичными признаками, присущими данной стадии - разрешает те же задачи, характеризуется тем же составом участников, той же процессуальной формой, завершается принятием решений, свойственных данной стадии.

Сравнительный анализ ст. 237 УПК РФ («Возвращение уголовного дела прокурору») и ст. 230 УПК Монголии («Возвращение дела для дополнительного расследования») позволяет заключить о расширенном толковании указанных оснований российским законодателем, наличие больших возможностей у суда и сторон для возвращения уголовного дела прокурору. Наиболее существенные отличия состоят в порядке принятия решения, и в этом плане российский уголовно-процессуальный закон имеет «более охранительный характер», гарантируя состязательный процесс при принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии от 10 янв. 2002 г. // Государственный бюллетень. 2002. № 7. 205с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон: [от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ : с изменениями и дополнениями]: справочная правовая система КонсультантПлюс.

3. Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [электронный ресурс] URL: http: //www.cdep.ru (дата обращения 08.08.2017).

4. Сайт Управления Судебного департамента в Орловской области [электронный ресурс] URL: http: //www http://usd.orl.sudrf.ru (дата обращения 05.09.2017 г.).

5. Белоковыльский М.С. Некоторые проблемы правовой регламентации стадии предварительного слушания в УПК РФ: вопросы исключения недопустимых доказательств // Адвокат. 2014. № 8. С. 47 - 54.

6. Шигуров А.В. Закрытая форма предварительного слушания по уголовным делам: критический взгляд // Lexrussica. 2014. № 5. С. 556 - 563; Семенов Е.А. Современное состояние и перспективы развития суда присяжных

в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2. С. 87-90.
7. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – М. Издательство Юрайт. 2013. С. 435.
8. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Курс лекций / Под общ.ред. Г.И. Загорского. М.: ВолтерсКлувер, 2010. С. 339.
9. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2012. С.23-24.
10. Ветрова О.А. Некоторые особенности проведения допроса и очной ставки с участием несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве// Наука и практика. 2015. № 3. С. 22-23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенов Евгений Алексеевич. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Щербакова Лариса Юрьевна. Кандидат юридических наук, заместитель начальника института (по научной работе).
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: стадия подготовки к судебному заседанию, предварительное слушание, УПК Монголии, возвращение уголовного дела прокурору.

УДК 343.1

Синенко С. А.

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные с реализацией правового института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в уголовном судопроизводстве и их влияние на обеспечение прав и законных интересов потерпевших. Обращается внимание на недостатки, проявляющиеся при принятии решения о прекращении производства, на конкуренцию оснований прекращения и неточности в формулировках диспозиций статей.

Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) - это одна из форм окончания предварительного расследования, когда уголовное производство на стадии предварительного расследования заканчивается без перспективы рассмотрения дела в суде. Прекращение уголовного дела чаще всего негативный результат для потерпевшего, поскольку он рушит надежды потерпевших на наказание преступников, а также возмещение имущественного и морального вреда [1]. Анализ уголовно-процессуального законодательства показывает на ущемление процессуальных прав потерпевшего в таких случаях. Поэтому обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на этапе окончания предварительного расследования в форме прекращения производства по уголовному делу или прекращения уголовного преследования представляется актуальным.

Принимая решение о прекращении уголовного дела следователь (дознаватель) должен оценить обстоятельства уголовного дела и установить наличие оснований и условий для его прекращения. При изучении материалов уголовных дел выявились некоторые типичные недостатки, допускаемые при принятии такого решения. К ним можно отнести недостаточный уровень доказанности условий принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Так, в половине случаев прекращения уголовных дел вследствие акта об амнистии, расследование, по нашему мнению, необходимо было продолжать в связи с тем, что на основании имевшейся совокупности доказательств категоричного решения о прекращении нельзя было принимать. Однако они были прекращены.

Имели место случаи, когда при принятии решения о прекращении уголовного дела следователи и дознаватели не только не оценивали доказанность того или иного условия, но и полностью игнорировали необходимость его установления. Так, почти во всех прекращенных в соответствии со ст. 28 УПК РФ уголовных делах отсутствовали доказательства, указывающие на деятельное раскаяние обвиняемого (подозреваемого), а подтверждение возмещения вреда, причиненного преступлением, удалось найти только в половине изученных уголовных дел [2].

Материалы некоторых прекращенных уголовных дел свидетельствует о необоснованности прекращения по причине недостаточности доказательств, указывающих на причастность лица к совершению преступления.

Занимаясь исследованием проблем прекращения уголовного преследования Д.М. Сафронов указывал на то, что в правоприменении существуют случаи, когда создаются основания для прекращения уголовного дела путем переквалификации категории преступления на менее тяжкую либо изменяют правовую оценку деяния с умышленного преступления на неосторожное и т. п. [3].

Совершенно очевидно, что указанные недостатки существенно ограничивают возможности потерпевших в отстаивании своих нарушенных преступлением прав и законных интересов.

Кроме указанных недостатков имеются еще вопросы, связанные с состоянием правового регулирования прекращения уголовного дела. Так, при использовании правовых институтов освобождения от уголовной ответственности возникают ситуации, порождающие конкуренцию оснований прекращения уголовного дела. Суть конкуренции в том, что регламентация схожих отношений осуществляется двумя или несколькими, не противоречащими одна другой, нормами, содержащими признаки этих отношений. Например, на практике достаточно часто возникает вопрос о том, какое основание для прекращения уголовного дела необходимо применить в ситуациях, когда производство по делу было возбуждено в отношении конкретного лица (например, по делам о получении взяток, изнасиловании, причинении вреда здоровью и др.), но причастность этого лица к совершению преступления доказать не удалось. Поскольку в данном случае противоправное событие связано с конкретным лицом, на которого, как правило, указывает потерпевший, то совершение этого деяния не может быть вменено в вину иному субъекту. Другими словами, недоказанность одного факта означает недоказанность и другого. Поэтому и возникает вопрос о том, какое из оснований для принятия решения должно быть использовано: а) отсутствие события преступления; б) отсутствие в деянии состава преступления; в) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления? Однозначного ответа на этот вопрос нет ни у ученых-процессуалистов, ни у правоприменителей. Большинство следователей и дознавателей отдают предпочтение первому основанию. Среди ученых-процессуалистов высказано мнение о том, что в таких случаях необходимо прекращать уголовное дело в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления [4; 12, С. 106]. На наш взгляд, такая позиция спорная, поскольку при неустановленном достоверно событии преступления исключается постановка вопроса о причастности конкретного лица к его совершению. Г. П. Химичева совершенно справедливо считает, что прекращение уголовного дела по такому основанию (п. 1 ч. 1ст. 27 УПК РФ) возможно в том случае, если:

1) доказано наличие события и состава преступления;

2) принято решение в отношении подозреваемого или обвиняемого;

3) исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств;

4) отсутствуют другие реабилитирующие основания прекращения уголовного дела [5].

В рассматриваемых нами ситуациях как раз и отсутствуют указанные условия. Поэтому производство по уголовному делу следует прекращать или по п. 1, или п. 2 ч. 1ст. 24 УПК РФ в зависимости от обстоятельств произошедшего события.

Имеют схожесть основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), указанные в ст. 25 УПК РФ (в связи с примирением

сторон) и в ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием). Так, при прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК РФ предполагается совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, заглаживание причиненного вреда, наличие согласия руководителя следственного органа (или прокурора), отсутствие возражений подозреваемого или обвиняемого. Подобные условия указаны и для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием. Однако в этих двух уголовно-процессуальных нормах есть одно существенное различие. Для того чтобы прекратить производство по уголовному делу в соответствии со ст. 25 УПК РФ, требуется волеизъявление потерпевшего, чего нет в случае применения ст. 28 УПК РФ.

Такое состояние законодательного регулирования позволяет следователям (дознавателям) в ситуациях, когда есть формальные условия для использования любого из рассматриваемых оснований,беспрепятственно применить положения ст. 28 УПК РФ, если потерпевший по каким-либо причинам не желает примириться с обвиняемым.Такая конкуренция норм реально ущемляет положение потерпевшего в отстаивании своих нарушенных прав и законных интересов.

Конкуренция оснований прекращения уголовного дела проявляется еще в большей степени, когда следователи осуществляют расследование в отношении несовершеннолетних. При производстве по таким делам применяются все общие правила, но имеются и особенности, установленные главой 50 УПК РФ [6; 12, С. 420]. К ним относится возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). В такой же степени производство по уголовному делу может быть прекращено в связи с примирением несовершеннолетнего обвиняемого с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ) или при его деятельном раскаянии (ст. 28 УПК РФ). Таким образом, ситуация может создать конкуренцию между тремя основаниями для прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Сходство указанных самостоятельных оснований прекращения уголовного дела обусловлено объективно, но в таких условиях нередко выбор основания для прекращения уголовного дела в конкретном случае определяется усмотрением правоприменителя и, к сожалению, часто не в пользу потерпевшего.

В уголовном процессе права и законные интересы потерпевшего должны быть защищены в первую очередь [7]. Именно поэтому прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, а также в связи с деятельным раскаянием поставлено в зависимость от того, заглажен (возмещен) или нет причиненный потерпевшему вред. Поэтому, как нам представляется, в таких ситуациях необходимо получать согласие потерпевшего (или, по крайней мере, выяснять его позицию) на прекращение уголовного дела.

Именно так побуждает действовать ч. 3ст. 213 УПК РФ, где говорится: «В случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом прекращение уголовного дела допускается только при согласии обвиняемого или потерпевшего, наличие такого согласия отражается в постановлении». Однако ни в одной иной уголовно-процессуальной норме не содержится на это указаний. Даже в ст. 25 УПК РФ речь идет не о согласии потерпевшего, а о его заявлении, содержание которого, кстати, законом не определяется. Поэтому приведенная выше выдержка из закона оказалась «мертвой» нормой [8].

В то же время согласие подозреваемого или обвиняемого является необходимым условием применения многих оснований прекращения уголовного дела. Так, прекращение уголовного дела по основаниям, указанным в пп. 3 и 6 ч. 1ст. 24, ст. ст. 25, 28 и 28^1 УПК РФ, а также пп. 3 и 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Сюда же следует отнести основание, предусмотренное ст. 427 УПК РФ. Это еще раз подтверждает неравенство уголовно-процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого. Для «выравнивания» сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо ч. 2 ст. 27 УПК РФ после слова «обвиняемый» дополнить словами «а также потерпевший». Подобное дополнение необходимо сделать и в ч. 6 ст. 427 УПК РФ.

Возникают вопросы и при рассмотрении диспозиции ст. 25 УПК РФ [9]. К сожалению, в юридической литературе при значительном числе работ, посвященных примирительным и согласительным процедурам, не уделяется должного внимания исследованию соотношения понятий, оснований, процедуры, иных вопросов, связанных с указанным правовым институтом, что сказывается на качестве законодательных предписаний и правоприменении. В данной статье законодатель ведет речь о прекращении уголовного дела. Однако в уголовно-процессуальном законе употребляется две несколько разные категории: «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Первая из них указывает на одну из форм окончания производства по уголовному делу, заключающуюся в завершении исследования конкретного события с помощью уголовно-процессуальных средств [10]. Вторая – на завершение стороной обвинения в соответствии с предусмотренными в законе основаниями процессуальной деятельности, направленной на изобличение конкретного лица в совершении преступления, без прекращения уголовного дела [11].

При расследовании уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения нередко бывает ситуация, когда преступление было совершено несколькими обвиняемыми, один из которых примирился с потерпевшим. Возможно ли в этих случаях прекратить уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых? Представляется, что да. При

этом производство по делу в отношении иных обвиняемых должно быть продолжено. Однако законодатель в названии ст. 25 УПК РФ указывает на прекращение уголовного дела, а не уголовного преследования. Кроме того, в содержании данной статьи он употребил выражение «прекратить уголовное дело в отношении лица…», которое явно не вписывается в соотношение понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Данная погрешность, на наш взгляд, должна быть исправлена.

Другой вопрос касается указания на то, между кем происходит примирение. Статья 25 УПК РФ предписывает, что при принятии решения о прекращении уголовного преследования со стороны обвинения участвуют, кроме потерпевшего, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, прокурор. Все ли они должны примириться с обвиняемым или только потерпевший? Ответ очевиден. Но тогда возникает вопрос в отношении названия данной статьи, в котором используется фраза «…в связи с примирением сторон». Думается, что здесь уместней название следующего содержания: «Прекращение уголовного преследования в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым».

---

1. Синенко С. А. Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток, 2007. С. 119.
2. Николюк В. В., Магомедов А. Ю., Шаламов В. Г. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием в стадии предварительного расследования. Омск, 1999. С. 22, 61, 63. Эти результаты были подтверждены и нашим исследованием.
3. Сафронов Д. М. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 185.
4. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 335.
5. Химичева Г. П. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. С. 131.
6. Николюк В. В., Дунин В. А. Прекращение предварительного следствия с передачей уголовного дела в комиссию по делам несовершеннолетних. Омск, 1983. С. 5.
7. Кашепов В. П. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства // Правовая реформа: Концепция развития российского законодательства. М., 1995. С. 206.
8. Муравьев К. В., Писарев А. В. Участники уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Омск, 2011. С. 33–34.
9. Синенко С. А. Примирение с потерпевшим по делам частного и публичного обвинения // Рос. юстиция. 2012. № 9. С. 27–31.

10. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М., 2007. С. 57.
11. Виноградова О. Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, 5-е изд., перераб. и доп. М. П. Поляков. М., 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Синенко Сергей Андреевич. Доктор юридических наук, доцент, начальник института.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовное дело, прекращение уголовного дела, уголовное дело публичного и частно-публичного обвинения, УПК РФ.

УДК 343.1

Ситдикова Г. З., Чаплыгина В. Н.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье проводится правовой анализ особенностей реализации предварительного расследования в конце XIX века. В ходе исследования авторами проанализирован генезис института «судебного следователя» и «следователя» как должностных лиц, непосредственно осуществляющих функции предварительного следствия; охарактеризован их процессуальный статус; выявлены особенности взаимодействия с другими участниками уголовного судопроизводства; проанализированы этапы предварительного расследования по рассматриваемым источникам; выявлены основные задачи каждого из них; обоснованы конкретные функции, осуществляемые следователем на данном этапе. В статье проведено изучение научных и документальных, в том числе малоизвестных архивных материалов, позволивших охарактеризовать институт предварительного расследования и выявить закономерности становления и развития органов предварительного следствия, как с функциональной точки зрения, так и с точки зрения причин организационных изменений системы, тенденций таких изменений и перспектив их развития.

Сегодня, как никогда, обращение к историческому опыту несет в себе огромные политические и нравственные импульсы. Чтобы не повторять былых ошибок, их надо знать, однако при этом не разрушая свое прошлое, а восстанавливая его во всей полноте и диалектической сложности.

Исторический опыт свидетельствует, что коренные изменения социально-политического устройства, как правило, влекут за собой реформирование судебно-правовой системы, а в частности следственного аппарата России. Вся история российского предварительного следствия представляет собой борьбу сторонников и противников идей, положенных в свое время в основу судебной реформы второй половины XIX столетия, которая преследовала цель создать сильную и независимую судебную власть. На стадии предварительного досудебного производства эта идея тогда воплотилась в судебном следователе, который являлся представителем судебной власти и должен был быть независим от власти административной» [1].

Во второй половине XIX века произошла реорганизация следствия на новых для России началах. Первые шаги в этом направлении были предприняты раньше других коренных преобразований в стране. Правительству Александра II было ясно, что после освобождения крестьян от крепостной зависимости обязанности полиции по охране порядка значительно расширялись. Такая задача стала бы не под силу полицейскому аппарату итак перегруженному несвойственными ему функциями. Свою прямую функцию полиция могла бы выполнить при условии, что освободиться от производства предварительного следствия в полном объеме. Так созрела идея о создании в России самостоятельной следственной части.

Таким образом, 8 июня 1860 г. Александр II издал письменный указ Правительствующему Сенату об отделении от полиции производства следствий по преступлениям и проступкам, «подлежащим рассмотрению судебных мест» [2]. К указу прилагались 3 законодательных акта: «Учреждение судебных следователей»; «Наказ судебным следователям»; «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок».

Согласно перечисленным нормативным актам предварительное расследование подразделялось на две стадии. Первая стадия получила наименование дознания и включала установление самого факта преступления, закрепление улик, розыск преступника. Осуществление дознания возложили на полицию. Во вторую стадию - предварительное следствие - вошли сбор и оценка доказательств по делу, предварительное установление виновности лица [3].

Указом предписывалось «отделить следственную часть от полиции в 44 губерниях и назначить в сих губерниях особых, подведомственных министерству юстиции чиновников…, наименовав их судебными следовате-

лями» [4]. За полицией оставалось право расследования по маловажным преступлениям и проступкам, «которые предоставлялись разбору и суждению самих полицейских властей, а также первоначальное дознание в происшествиях, кои могут по связи с преступлением более важным подлежать рассмотрению судебных мест». Один из видных профессоров полицейского права того времени И.Е. Андреевский так оценивал этот Указ: «Изданное 8 июня 1860 года Учреждение судебных следователей явилось началом реформ полицейского управления» [5].

В «Учреждении судебных следователей» проявились: с одной стороны, наличие целого ряда провозглашенных гарантий независимости следователя от административной власти, а с другой, - неброские вкрапления в законодательную материю таких прав полиции и губернатора, которые в необходимых случаях могли нейтрализовать эту независимость. Согласно «Учреждению судебных следователей» для расследования уголовных дел, разрешаемых судами, в уездах и городах учреждались судебные следователи, что подчеркивало принадлежность их к судебному ведомству. Их назначали, как правило, из лиц, имеющих высшее или среднее образование, обладавших навыком в расследовании дел, отличающихся добросовестностью (ст. 3). Вводился институт кандидатов в судебные следователи, которые являлись членами уездного суда и назначались на должность министром юстиции по представлению начальника губернии (ст. 2). Не загруженный расследованием дел следователь «участвовал в делах уездного суда наравне с прочими членами оного», однако ему запрещалось участвовать в рассмотрении тех дел, которые он расследовал.

Данным нормативным актом подробно регламентировалась компетенция судебного следователя. В соответствии со ст. 9 «Учреждения» «по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест», к обязанности полицейских органов «относятся только первоначальные изыскания и раскрытие тех существенных обстоятельств», которые свидетельствовали о совершении преступления или проступка. К обязанности судебных следователей, говорилось далее в этой статье, относятся все дальнейшие следственные действия, необходимые для того, чтобы «изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора о преступлении или проступке и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащего ведению судебных мест». Закреплялись и основания «к производству следствия». Это были: письменные требования судебных мест, губернского прокурора, городской и земской полиции, исправника и становых приставов уезда, в котором служит следователь.

Следователь самостоятельно возбуждал дело в случае явки с повинной по заявлению лиц «или же когда преступление или проступок усмотрены им во время их совершения или обнаружены при производстве следствия по какому-либо другому преступлению или проступку» (ст. 11). Чет-

кий перечень оснований возбуждения уголовного дела был своеобразной превентивной мерой от возможных злоупотреблений следствия. С этой же целью (и для обеспечения гарантий прав обвиняемого) сохранился институт депутатов от сословий на предварительном следствии.

Должность судебного следователя имела самостоятельный характер. Одной из гарантий этой самостоятельности служило положение о том, что «право делать судебным следователям указы и предписания, проверять их действия, назначать преследования, останавливать производство следствия, определять передачу дел от одного судебного следователя другому», прекращать производство дела, направлять расследование вверялось только суду, в котором разрешалось дело (ст. 24, 18). Жалобы на действия следователя рассматривал суд, при котором он числился. Гарантией независимости следователя являлось то, что от должности он мог «быть удален не иначе, как с преданием суду». Взыскания по службе кроме удаления от должности налагались на него «судами второй степени» (ст. 28). Ограничивалось и вмешательство в дела следствия со стороны суда, прокурора и стряпчих, которые вправе были требовать «от судебного следователя письменные сведения о положении производимого им следствия только в случае жалобы на неправильное задержание лица (ст. 25)» [6]. Выше перечисленные положения закона олицетворяют стремления разработчиков придать должности судебного следователя относительно самостоятельный и процессуально независимый от судебной власти характер.

Однако реформа не была последовательна в стремлении создать независимое положение судебному следователю. Так, следователи находились в зависимости от губернаторов, которые их назначали, перемещали, увольняли, распределяли по участкам. Начальники губерний давали судебным следователям предписания, получая от них рапорты. Таким образом, в организационном плане провозглашенные судебный характер, независимость от административной власти и самостоятельность следователя законодательно были в значительной степени ограничены.

Порядок действия судебного следователя при расследовании преступлений определялся «Наказом судебным следователям». Процессуальный порядок производства следствия, устанавливавшийся Наказом, в своей принципиальной основе оставался прежним, т.к. данный закон был призван адаптировать новоучрежденных чиновников в неизменявшемся уголовно-процессуальном порядке. Вместе с тем, разработчикам Наказа удалось реализовать некоторые идеи, призванные сгладить наиболее очевидные пережитки и противоречия старого законодательства. Была предпринята попытка точной и более логичной регламентации производства следственных действий и принимаемых следователем решений. Впервые следователь обязывался выносить мотивированные постановления по наиболее значимым процессуальным решениям. Причем, закон предусматривал вручение копий таких постановлений обвиняемому. Каждое следственное

действие должно было быть протоколировано, т.к. протокол, составленный следователем без нарушения процессуальных норм, признавался законом достоверным судебным доказательством.

В отличие от прежнего законодательства, Наказом предусматривались две формы вызова свидетелей и подозреваемых для участия в производстве следственных действий:

- «призыв», который осуществлялся через милицию или местное сельское начальство путем вручения под расписку вызываемого повестки;
- «взятие и представление к следствию», которое приобретало меру процессуального принуждения в случае неявки без уважительной причины вызываемого. Оно должно было осуществляться на основании мотивированного постановления судебного следователя.

В Наказе прослеживались и попытки реформаторов улучшить положение обвиняемого на предварительном следствии. Предписывалось избегать «напрасного стеснения» и ограничиваться самыми необходимыми мерами (ст. 85). В случае задержания лица следователь был обязан в тот же день или не позднее следующего дня сообщить об этом судебному месту. Суд вправе отменить или изменить меру пресечения.

В итоге, новый процессуальный порядок, оставаясь непоколебимым в своей основе, получил целый ряд новшеств, придававших ему более цивилизованное прочтение. В «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» устанавливались обязанности полиции при расследовании преступлений и проступков, подлежащих рассмотрению судебных мест. Они ограничивались «собранием сведений, необходимых для удостоверения о том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» (ст. 3). «Наказ» содержал перечень оснований для начала дознания, в чем можно усмотреть стремление ограничить произвол полиции. В ст. 15 «Наказа» регулировались основания для задержания подозреваемого полицией. К ним относились: задержание преступника на месте преступления; в случае очевидности преступления; если на подозреваемом найдены следы преступления; когда очевидцы преступления прямо укажут на лицо, совершившее преступление; если подозреваемый пытается скрыться. Этот перечень был исчерпывающим.

Таким образом, реформа предварительного расследования была безусловным шагом вперед по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Она была с энтузиазмом воспринята общественным мнением. В. Спасович констатировал в журнале «Век»: «В основании «Учреждения судебных следователей» лежит мысль глубокая, теоретическая, испробованная опытом и признанная за одну из коренных основ полицейского устройства западноевропейских государств, - мысль о необходимости отделения суда от администрации. «Учреждение судебных следователей» представляет шаг вперед в направлении к отделению администрации от

суда.., оно изымает из полиции и вручает судам производство следствий» [7]. «Московские ведомости» (1860, 11 окт.) пророчили новому институту следствия «блестящую будущность».

Передача следствия в судебное ведомство, привлечение новых кадров на следственную работу принесла положительные результаты. Однако реорганизация все же не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались. Построенный на новых, свойственных буржуазному правосудию принципах следственный аппарат, как выразился ведущий юрист того времени Б. Бразоль: «врезался клином в существующую систему юстиции, диссонируя ей» [8].

Спустя 10 лет после начала реформы А.А. Головачев также дал ей жесткую оценку: «…можно положительно сказать, что учреждение судебных следователей не принесло ровно никакой пользы. Это было не учреждение новых судебных должностей, а просто увеличение числа становых приставов, специально предназначенных для производства следствий. Так, по крайней мере, выходило на практике, не смотря на то, что определение их зависело от министра юстиции» [9].

К судебным следователям неприязненно относились судьи, полиция, прокуроры. Административная власть нередко вмешивалась в их дела. Тульский губернский прокурор, например, писал в рапорте министру юстиции: «Губернатор принимает жалобы на действия судебных следователей и, не передавая эти жалобы на рассмотрение судебных мест, требует объяснения от следователей... Один из судебных следователей заявил прокурору, что почти по каждому делу он обязан давать объяснения губернатору, отчего проходит много времени на собирание сведений по жалобе, влекущей большей частью только затяжку дела. Губернаторы были заинтересованы в том, чтобы не обновлять следственный корпус, а формировать его из беспринципных служак, податливых административному давлению» [10]. Как отмечала комиссия, учрежденная для рассмотрения отчета министерства юстиции за 1860 г., «... на дело в выборе судебных следователей губернское начальство смотрит слишком снисходительно... Последствием сего был... достаточно плохой выбор вообще всех допущенных к должности судебных следователей» [11].

Полиция, старый аппарат юстиции (прежде всего судьи) усматривали в судебных следователях узурпаторов собственных прав. Подчиненность судебных следователей «судам первой степени при нынешней несовершенной организации этих сословных учреждений, - писал калужский губернатор В.А. Арцимович, - естественно, ставит их в неприязненное положение к членам судов, тем более что они сами - члены суда. Подобное отношение ведет к тому, что судьи не столько стараются помочь судебным следователям, сколько затрудняют их, замечая недостатки в производимых ими следствиях, нередко мелочные, не относящиеся к существу дела» [12].

Вполне понятно, что в таких условиях реформа следственного аппарата не могла достигнуть тех целей, которые ставили ее создатели. Неудачи реформы следственного аппарата наглядно свидетельствовали о невозможности радикального изменения отдельного звена аппарата юстиции, т.к. было необходимо реформировать механизм судоустройства и судопроизводства в целом. И только в этом случае можно было ожидать весомых результатов от реорганизации предварительного расследования. Однако то реформирование следственного аппарата, которое произошло в 1864 г., дало значительные законодательные результаты, на некоторые из которых мы с благодарностью ссылаемся и по сей день.

---

1. Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 3-4.
2. Учреждение судебных следователей. // Полное Собрание законов Российской империи. т. 35. разд. 2. СПб. 1864. С . 711-715.
3. Перфильев В.В. Следствие в пореформенной России // Следователь. 1995. № 1. С. 27.
4. Учреждение судебных следователей. // Полное Собрание законов Российской империи. т. 35. разд. 2. СПб. 1864. С. 718.
5. Андреевский И.Е. Полицейское право. СПБ., 1871. Т.1. С . 260.
6. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 27.
7. Спасович В. Обзор перемен в законодательстве уголовном, начиная с нового Свода законов // Век.1861. № 5. С. 11.
8. Бразоль В. Следственная часть. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Т.2 Пг. С . 68.
9. Головачев А.А. Десять лет реформе 1861-1867. СПб., 1872. С . 180.
10. ЦГИА СССР,ф. 1405,оп. 63, 1863, д.461, л. 1-2.
11. ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 24, л. 14.
12. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 60, 1862, д. 4417, л. 134.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ситдикова Гузель Зуфаровна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.
Уфимский юридический институт МВД России, 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: судебный следователь, реформа органов предварительного расследования, полицейский аппарат, дознание, взаимодействие.

УДК 343.1

Стольников П. М.

УСМОТРЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются формы реализации процессуальной самостоятельности следователя. Автор обосновывает необходимость выделения двух основных форм ее реализации. Особое внимание уделено одной из форм – усмотрению следователя при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Вопрос о границах процессуальной самостоятельности следователя остаётся одним из дискуссионных в науке отечественного уголовного процесса уже на протяжении многих лет. Полемика относительно правового положения следователя в уголовном процессе и выполняемых им функций ведётся не смотря на предпринятую законодателем попытку дать четкий и однозначный ответ на данный вопрос.

Действительно ст. 38 УПК РФ достаточно однозначно и не двусмысленно относит следователя к процессуально самостоятельным участникам уголовного судопроизводства, поскольку в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ прямо указано, что следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Однако наличие данной нормы не решает целого ряда проблем, возникающих в практической деятельности. Не в последнюю очередь такие проблемы правоприменительного характера связаны с отсутствием на нормативном уровне конкретизации содержания понятия процессуальная самостоятельность следователя и определением форм ее реализации.

В теории уголовно-процессуального права данный вопрос также недостаточно исследован. Хотя процессуальная самостоятельность следователя признавалась учеными в советский период, поскольку применительно

к нему должны были быть «надежно гарантированы процессуальная самостоятельность, независимость и подчинение закону» [1, с.120]. Отсутствие теоретических разработок логично привело к тому, что в УПК РФ получила закрепление декларативная норма, устанавливающая процессуальную самостоятельность следователя, но не создающая практического механизма для ее реализации. В этой связи особую актуальность приобретает решение задачи, направленной на теоретическую разработку данной проблемы.

В научной литературе сложились различные научные позиции на процессуальную самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве. Отечественные процессуалисты предлагают рассматривать процессуальную самостоятельность следователя как 1) особое условие предварительного расследования [2]; 2) комплекс процессуальных функций следователя [3]; 3) элемент процессуального статуса [4]; 4) право следователя [5].

Особенности построения отечественного уголовно-процессуального законодательства таковы, что позволяют говорить о наличии нормативных основ для двух форм реализации процессуальной самостоятельности следователя. УПК РФ закрепляет как абсолютно-определенные, так и относительно-определенные правовые предписания.

Первая форма реализации процессуальной самостоятельности предполагает выполнение следователем тех правовых предписаний уголовно-процессуального закона, которые могут быть охарактеризованы как абсолютно-определенные. Например, в соответствии с требованиями п. 8 ст. 164 УПК РФ, следователь обязан в ходе производства следственного действия вести протокол в порядке, установленном УПК РФ. В данном случае следователь самостоятельно, без санкционирования, контроля или согласования со стороны иных властных субъектов уголовного судопроизводства осуществляет свои процессуальные полномочия.

Однако сложность и многообразность уголовно-процессуальных правоотношений не позволяет закреплять в уголовно-процессуальном законодательстве исключительно абсолютно-определенные предписания. В силу этого обстоятельства в УПК РФ содержится значительное количество относительно определенных предписаний, позволяющих реализовать следователю процессуальную самостоятельность. В этом случае формой реализации процессуальной самостоятельности следователя выступает его усмотрение. А.Р. Вартанов предлагает понимать под усмотрением следователя «выбранный следователем в пределах своих полномочий из ряда законных альтернатив вариант процессуального поведения, отвечающий условиям досудебного производства» [5, с. 9].

Большинство своих процессуальных полномочий следователь осуществляет через усмотрение. Это позволяет ему реализовать свою процессуальную самостоятельность. Однако недостатком современного уголов-

но-процессуального закона является отсутствие в нем нормативных пределом для реализации следователем усмотрения, с одной стороны, и пределов для вмешательства иных субъектов, наделенных властными полномочиями, в его процессуальную самостоятельность, – с другой.

Решение данной задачи позволит оптимизировать законодательство и практику его применения и решить актуальную проблему соотношения процессуальной самостоятельности следователя с ведомственным и судебным контролем и прокурорским надзором.

1. Божьев В.П., Трусов А.И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. М.: Изд-во Академии МВД СССР. М., 1991. С. 118–124.
2. Никандров В.И. Общие условия производства предварительного следствия в советском уголовном праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1973.
3. Уланов В.В. Содержание процессуальных функций следователя // Российский следователь. 2008. № 17. С. 18-19.
4. Клейн А.А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальный контроль за расследованием уголовных дел // Проблемы совершенствования правового регулирования деятельности правоохранительных органов на современном этапе. Межвузовский сборник научных трудов. М.: Изд-во МВШМ МВД РСФСР, 1991. С. 155–161.
5. Вартанов А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стольников Павел Михайлович. Начальник факультета подготовки следователей.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следователь, предварительное следствие, процессуальная самостоятельность, усмотрение следователя.

УДК 343.1

Сумин А. А.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу проблемы соотношения процессуальных доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности, а также возможности и порядка их использования в доказывании по уголовным делам. Сделан вывод об отсутствии убедительных оснований для отстаивания позиции о невозможности признания результатов оперативно-розыскной деятельности видом доказательств.

В юридической литературе время от времени поднимается вопрос о соотношении процессуальных доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и возможности и порядка использования последних в доказывании по уголовным делам. Спорность вопроса обусловлена, в частности, исключительно неудачной формулировкой ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1](далее – УПК России). Неприемлемость этой правовой нормы состоит в том, что, как установил законодатель, «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом», однако названные результаты никогда не могут соответствовать таким требованиям, поскольку процессуальные доказательства получаются (собираются) в совершенно ином правовом режиме нежели результаты ОРД. Однако действительно ли различие правовых режимов может служить достаточным доводом для того, чтобы процессуальные доказательства и результаты ОРД разделялись вплоть до их противопоставления друг другу?

Известно, что теория уголовно-процессуального права, как, впрочем, и уголовно-процессуальный закон России, исходят из трёх критериев оценки того, является ли то или иное доказательство по уголовному делу: надлежащего источника такого доказательства, надлежащего субъекта и надлежащей процессуальной формы его получения. Такой подход в определённой степени является порочным.

Во-первых, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК России) не приводит понятие «источник доказательств»; считать же, что источники доказательств перечислены в ч. 2 ст. 74 УПК России невозможно хотя бы уже в силу использованной законодателем грамматической конструкции «в качестве доказательств допускаются», т.е. в названной правовой норме указаны виды доказательств, а не их источники. Во-вторых, в теории уголовно-процессуального права вопрос о содер-

жании понятия «источники доказательств» вызывает вполне обоснованные споры. Но если ни закон, ни теория вопрос о термине не решили, то полагать его в основу каких-либо дальнейших рассуждений или выводов вряд ли достаточно корректно.

Что касается требования о надлежащей процессуальной форме собирания (получения) доказательств, то выдвигая такой критерий их допустимости законодатель входит в противоречие сам с собой, поскольку предоставляя, например, защитнику право собирать доказательства (ч. 2 ст. 86 УПК России) закон не устанавливает процессуальную форму, которая должна соблюдаться при реализации тех способов собирания, которые перечислены в п. 1-3 ч. 2 названной статьи. Тем самым, установить соответствует ли полученное защитником доказательство критерию «надлежащего субъекта» невозможно.

Поэтому когда речь идёт о недопустимости признания непосредственно доказательствами результатов ОРД в связи с тем, что последние не соответствуют двум названным критериям недопустимости доказательств, такие доводы представляются не вполне обоснованными.

Рассматривая проблему использования результатов ОРД в доказывании, А.В. Агутин вполне обоснованно сформулировал вывод о том, что «Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс не только обусловлены уголовно-процессуальной целью и задачами уголовного закона, но и они близки по формам своего осуществления. Последнее обстоятельство во взаимосвязи и взаимообусловленности с уголовно-процессуальной целью влечёт за собой распространение уголовно-процессуальных институтов на правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности» [2, С. 206]. Отмечая далее отсутствие в уголовно-процессуальном законе надлежащей процедуры «вовлечения» результатов ОРД в доказывание, учёный столь же верно замечает, что такое отсутствие «говорит в пользу того, что использование исследуемых результатов лежит не правовой, а в организационной плоскости» [2, С. 209]. Если учесть и приводимый рядом учёных довод о том, что когда речь идёт об использовании результатов ОРД при решении вопроса о возбуждении уголовного дела или полученных при т.н. оперативном сопровождении предварительного расследования, то предметом познания посредством как следственных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий является, в сущности, одно и то же – обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК России, то можно констатировать о ещё большем стирании различий между доказательством в уголовно-процессуальном смысле и результатом ОРД.

Необходимо учесть ещё одно обстоятельство, редко обсуждаемое в свете рассматриваемой в статье проблемы. Согласно определению, приведённому в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК России, органами дознания являются органы полиции, «а также иные органы исполнительной власти, наделённые в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению опе-

ративно-розыскной деятельности». Таким образом, органы дознания (не смешивать с подразделениями дознания) наделены правом производства как следственных действии, так и осуществление оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). При этом запрет осуществления одним и тем же лицом по одному и тому же уголовному делу дознания и ОРМ относится, по буквальному толкованию ч. 2 ст. 41 УПК России, к дознавателю, а понятия «дознаватель» и «орган дознания» отнюдь не тождественны. Но если ОРД и дознание (как форму предварительного расследования) вправе осуществлять один и тот же орган, опять же следует признать отсутствие действительно убедительного различия между доказательством и результатом ОРД.

Некоторые авторы, обосновывающие недопустимость прямого использования результатов ОРД в доказывании, ссылаются на какую-то эфемерную «непроверяемость» указанных результатов вследствие негласного характера ОРМ. Однако совершенно непонятно, что именно может препятствовать процессуальной проверке даже негласных ОРМ. Единственным препятствием теоретически могла бы быть необходимость защиты сведений о тактике, методах, силах и средствах, использованных при проведении определённого ОРМ. Однако такой довод был бы несостоятелен. Прежде всего, Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [4] требует рассекречивания представляемых материалов. Далее, если рассекречивание невозможно, материалам уголовного дела присваивается соответствующий гриф секретности, а предварительное расследование и судебное разбирательство проводится с применением предусмотренных УПК России мер безопасности и, при необходимости, с использованием мероприятий и средств, предусмотренных Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. (в ред. от 1 июля 2017 г.) № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [5], однако и в таких случаях нет никаких препятствий к проверке результатов ОРД в досудебном производстве. Когда существует опасение, что представление названных результатов всё же может повлечь разглашение защищаемых данных или о личности штатного негласного сотрудника, эти результаты следователю или в суд вообще не представляются и, следовательно, не используются в доказывании.

Не может служить убедительным довод о невозможности проверки порядка получения результатов ОРД, поскольку организация проведения ОРМ регулируется ведомственными (межведомственными) нормативными правовыми актами, имеющими грифы секретности. Существует следственное действие «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК России). Согласно ч. 4 названной правовой нормы постановление суда о производстве данного следственного действия следователь направляет «в соответствующий орган», каковым, в зависимости от подследственности уголов-

ного дела, в специальное оперативно-техническое подразделение органов внутренних дел или федеральной службы безопасности. Собственно само действие проводится вне всякого контроля со стороны следователя, которому в ходе или по завершении контроля и записи передаётся фонограмма. Возникает вопрос: в чём же состоит принципиальное правовое различие между рассмотренным следственным действием и ОРМ, проводимом в порядке оперативного сопровождения предварительного расследования? Ни в чем, поскольку ОРМ проводятся в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования на основании письменного поручения следователя, данного в порядке ч. 1 ст. 144 или п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК России соответственно. Следовательно, изначально как при производстве следственного действия, предусмотренного ст. 186 УПК России, так и проведение ОРМ в досудебном производстве в своей основе имеют процессуальное основание. ОРМ, ограничивающие конституционные права личности, так же, как и «Контроль и запись переговоров» проводятся только при наличии соответствующего судебного решения. Наконец, результаты следственного действия подлежат проверке на наличие свойств относимости и достоверности, равно как и результаты ОРМ. И всё различие состоит лишь в том, что свойство допустимость доказательства, полученного при производстве следственного действия оценивается с точки зрения соблюдения процедуры, установленной ст. 186 УПК России, а допустимость результатов ОРД должна будет определяться не противоречия соответствующего ОРМ целям ОРД, наличия оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 144 (в стадии возбуждения уголовного дела) или п. 4 ч. 2 ст. 38 (в стадии предварительного расследования) УПК России, а также соблюдения условий, установленных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Взаимосвязанный анализ приведённых доводов убеждает в отсутствии сколько-нибудь убедительных оснований для отстаивания позиции о невозможности признания результатов ОРД видом доказательств.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Агутин А.В. Основы уголовно-процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. доктора юридических наук, профессора В.Н. Григорьева. –М.: МАЭП, 2010. С. 206.
3. Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535 // Российская газета, 13.12.2013 г. № 282.
4. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. (в ред. от 1 июля 2017 г.) № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных

и контролирующих органов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. № 17. Ст. 1455.
5. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. (в ред. от 21 декабря 2013 г.) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сумин Александр Александрович. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, доказательства, доказывание по уголовным делам.

УДК 343.1

Трубникова Т. В.

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ И ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Анализируется содержание принципа презумпции невиновности, а также гарантии его реализации в уголовном процессе РФ в обычном и в упрощенном производстве - при особом порядке принятия судебного решения. Аргументировано, что в уголовно-процессуальном законе содержится достаточный объем гарантий реализации принципа презумпции невиновности для обычного производства и недостаточный – для особого порядка принятия судебного решения. Предложены дополнительные гарантии реализации презумпции невиновности для особого порядка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект №16-03-00413.

Принцип презумпции невиновности закреплен в ст. 49 Конституции РФ, в соответствии с которой:

- каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда;

- обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;

- неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

В ч.2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод записано: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком». В соответствии с правовыми позициями, выраженными в Постановлениях Европейского Суда по правам человека, содержание принципа презумпции невиновности означает, в частности, что необходимо, чтобы:

- при выполнении своих обязанностей судьи не исходили из предубеждения в том, что обвиняемый совершил преступление;

- бремя доказывания виновности лежит на обвинении;

- сомнения в доказанности должны толковаться в пользу обвиняемого. [1]

ЕСПЧ также полагает, что презумпция невиновности нарушается, если:

- судебное решение в отношении подсудимого отражает мнение, что он виновен, в то время как его виновность не была предварительно установлена на законных основаниях [2];

- должностными лицами по поводу рассматриваемого уголовного дела, допущены высказывания, которые внушают общественности представление о том, что подозреваемый виновен, и опережают оценку фактов компетентным судебным органом [3];

- решения, принятые должностными лицами, или совершенные ими действия могли повлечь за собой формирование представления общественности о виновности лица, не признанного виновным судом в установленном законом порядке (например, в ситуации, когда по делу, к которому проявляется общественный интерес, подсудимый в зале судебного заседания находится в клетке [4] или вынужден участвовать в судебном разбирательстве (в публичном слушании) в одежде, которую носят осужденные[5]).

В УПК РФ принцип презумпции невиновности закреплен в статье 14 и конкретизируется в нормах, регламентирующих порядок доказывания по уголовному делу, порядок судебного разбирательства, требования, предъявляемые к обвинительному приговору и т.д. В юридической литературе не стихают споры относительно того, адекватно ли отражен принцип презумпции невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве РФ [6], [7], достаточны ли процессуальные гарантии его реализации, имеющиеся в уголовно-процессуальном законе [8], [9], реализуется ли он полноценно в упрощенных производствах [10], [11], а если нет, то следует ли решать эту проблему путем корректировки пределов действия самого принципа презумпции невиновности (признав, например, что данный принцип не действует в упрощенных производствах)[12] или же путем

внесения изменений в нормы УПК РФ, регламентирующие порядок осуществления судопроизводства в упрощенном порядке и порядок прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям [10], [13], [14].

Полагаем, что положения УПК РФ достаточно точно отражают содержание принципа презумпции невиновности, как с точки зрения содержания закрепляющей его конституционной нормы, так и с учетом правовых позиций ЕСПЧ, и не нуждаются, поэтому, в совершенствовании. Более того, уголовно-процессуальный закон содержит вполне достаточный объем процессуальных гарантий реализации принципа презумпции невиновности применительно к обычному порядку судопроизводства по уголовному делу (т.е. если не принимать во внимание упрощенные уголовно-процессуальные производства (например, особый порядок принятия судебного решения), и институт прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям). Это не означает, однако, что на практике нет проблем с реализацией принципа презумпции невиновности.

Так, невозможно утверждать, что принцип презумпции невиновности полноценно реализуется в уголовном судопроизводстве РФ, принимая во внимание судебную статистику. Согласно данным судебной статистики за 2016 год, приведенным на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 году судами общей юрисдикции РФ были приняты окончательные судебные решения по уголовным делам (приговор или постановление о прекращении уголовного дела/уголовного преследования) в отношении 1003216 человек. При этом оправдательные приговоры были постановлены в отношении 3515 человек, еще в отношении 12872 человек уголовное дело или уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям (осуждено 767960 человек, прекращены по нереабилитирующим основаниям уголовные дела/уголовное преследование в отношении 218869 человек). Таким образом, оправдано судами общей юрисдикции всего 1,63% от числа подсудимых, в отношении которых судами были постановлены окончательные решения.[15] При этом в апелляционной инстанции был отменен примерно один из десяти обвинительных приговоров (отменено 7769 приговоров, тогда как осуждено 767960 лиц), и примерно каждый четвертый оправдательный приговор (оправдано судами первой инстанции 3515 человек, в апелляции отменено 829 оправдательных приговоров).[16] В ситуации, когда более 98,5% решений – обвинительные (почему мы считаем таковыми постановления о прекращении дел по нереабилитирующим основаниям – см. ниже), можно, как представляется, утверждать, что суды РФ фактически руководствуются противоположной презумпцией - презумпцией виновности подсудимого, признавая последнего невиновным лишь в исключительных случаях. Однако причины этого явления, как нам кажется, лежат вне сферы уголовно-процессуального регулирования, коренясь, скорее, в области уголовной политики. Можно согласиться со словами Д.А. Медведева, который в 2013

году, давая интервью швейцарской газете «Нойе Цурхер Цайтунг», сказал: «Я, будучи Президентом, задумывался о том, почему абсолютное большинство приговоров, которые выносятся нашим судом, носит обвинительный характер, то есть это обвинительный приговор (практически больше 95%, до 97%). Почему суд не выносит оправдательный приговор? Пришёл к выводу, что это проблема политического и правового сознания, проблема отчётности, когда, например, судье кажется неуместным, неудобным вынести оправдательный приговор, поставив тем самым под сомнение, например, доводы следствия»[17]. С учетом причин данной проблемы, все попытки решить ее исключительно путем совершенствования уголовно-процессуального закона, введения дополнительных процессуальных гарантий (например, недавние попытки расширить права защиты на участие в доказывании) обречены на неудачу, поскольку их результативность, скорее всего судебной практикой будет сведена практически «к нулю».

Случаи нарушения в ходе российского уголовного судопроизводства презумпции невиновности имеют место также в связи с тем, что судья в своем промежуточном решении (например, в постановлении о заключении под стражу) допускает формулировки, позволяющие сделать вывод, что он считает обвиняемого виновным. Однако и такие ситуации не связаны с несовершенством формулировок закона, или с отсутствием в нем указаний на недопустимость такого рода формулировок, а предопределяются организационными проблемами российской судебной системы, направленностью современной уголовной политики.

Наконец, нарушают принцип презумпции невиновности по делам, рассматриваемым в обычном порядке:

- ситуации, когда должностные лица (чаще всего органов предварительного расследования) делают до окончания рассмотрения дела публичные заявления о виновности обвиняемого (подозреваемого);

- нахождение подсудимых в клетке в ходе судебного разбирательства (в том числе, в ходе открытых слушаний по делам, вызывающим общественный интерес).

Однако правовая регламентация соответствующей деятельности выходит за пределы сферы действия уголовно-процессуального закона и должно регулироваться другими нормативными актами.

Диаметрально иная ситуация имеет место в упрощенных уголовно-процессуальных производствах, в том числе при особом порядке принятия судебного решения. Прежде всего отметим, что, по нашему глубокому убеждению, упрощение уголовного процесса допустимо лишь при условии, что производство, осуществляемое в упрощенном порядке, не создает препятствий в реализации права участников уголовного процесса на судебную защиту и, в то же время, гарантирует реализацию права общества на судебную защиту значимых публичных интересов.[18] Это означает, в частности, что принцип презумпции невиновности, как и другие принципы

уголовного процесса, являющиеся элементами справедливого судебного разбирательства, должен, по общему правилу, реализовываться по каждому уголовному делу, рассматриваемому как в общем, так и в упрощенном порядке. Отступления от этого правила допустимы лишь в случае добровольного и информированного отказа участников процесса (как обвиняемого, так и потерпевшего) от своего права на судебную защиту, если такой отказ не противоречит публичному интересу, направленному на установление истины по делу. Таким образом, реализация принципа презумпции невиновности в любом упрощенном производстве предполагает, что судом будет произведена проверка того:

- является ли отказ обвиняемого и потерпевшего от своего права на судебную защиту добровольным и информированным;

- действительно ли обвиняемый признает свою вину, подтверждается ли такое признание другими доказательствами по делу.

Особый порядок принятия судебного решения

Мы полагаем, что, учитывая вышеприведенную статистику оправдания, согласие лица с предъявленным обвинением и его ходатайство о применении особого порядка принятия судебного решения в современном российском уголовном процессе неизбежно имеет не вполне добровольный характер, обвиняемый фактически вынуждается к такому ходатайству. В таких условиях особое значение приобретает требование, согласно которому суд, принимая решение по такому делу, должен, не принимая на веру факт заявления подсудимого о его согласии с обвинением, проверить, действительно ли подсудимый признает себя виновным именно в том деянии, которое ему инкриминировано, и подтверждается ли его признание другими доказательствами.

В соответствии с ч.7 ст. 316 УПК РФ, судья вправе постановить обвинительный приговор в особом порядке только если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Такая проверка может быть проведена только путем изучения судьей письменных материалов дела, что, с одной стороны, не может заменить устное и непосредственное исследование доказательств в судебном разбирательстве, но, с другой стороны, поскольку по делу было проведено полноценное предварительное расследование, может дать достаточно большой объем информации для суждения об обоснованности/недостаточной обоснованности обвинения. Однако при этом в уголовно-процессуальном законе отсутствует механизм, который обеспечивал бы реальный характер такой проверки. В связи с этим, следует, на наш взгляд, согласиться с теми авторами, которые считают, что особый порядок принятия судебного решения не содержит достаточных гарантий реализации принципа презумпции невиновности.[8], [10], [11], [13].

Для того, чтобы исправить данную ситуацию, как представляется, необходимо дополнить нормы УПК РФ, регламентирующие постановление приговора в особом порядке, положениями:

- обязывающими суд допросить обвиняемого, заявившего ходатайство об особом порядке принятия судебного решения, об обстоятельствах совершенного им деяния, а также о причинах заявления им ходатайства (чтобы убедиться, что обвиняемый действительно признает себя виновным в том деянии, которое ему инкриминировано, и что его ходатайство не стало результатом обмана или незаконных обещаний стороны обвинения);

- позволяющими обжаловать в апелляционном порядке приговор, постановленный в особом порядке, по мотивам несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Оптимальным было бы дополнить этот список еще одной гарантией – предусмотреть в законе обязанность судьи включить в приговор, постановленный в особом порядке, анализ доказательств по делу. Это заставило бы судью внимательно изучать материалы дела при принятии решения в особом порядке. В то же время введение такой гарантии реализации принципа презумпции невиновности существенно увеличит объем работы судьи по делу, рассматриваемому в особом порядке, нивелируя в значительной степени преимущества такого порядка для судебной системы. Это, само по себе, не так уж и плохо, поскольку целью введения упрощенных порядков уголовного судопроизводства не может быть исключительно удобство должностных лиц и суда. Однако в качестве компромисса возможно предложить вариант, согласно которому судья будет вправе, как и сейчас, не включать анализ доказательств в приговор, постановленный в особом порядке, но должен будет составить полный текст приговора по просьбе участников процесса (например, если они намерены подать апелляционную жалобу по мотивам несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела).

---

1. Постановление ЕСПЧ по делу «Телфнер (Telfner) против Австрии» от 20 марта 2001г. (жалоба № 33501/96). Электронный ресурс. URL: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en [Дата обращения 20.09.2017 г.].
2. Постановление ЕСПЧ по делу «Пуиг Панелья (Puig Panella) против Испании» от 25 апреля 2006 г. (жалоба № 1483/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление ЕСПЧ по делу «Хужин и другие (Khuzhin и Others) против Российской Федерации» от 23.10.2008 (жалоба № 13470/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление ЕСПЧ по делу «Ходорковский и Лебедев (Khodorkovskiy and Lebedev) против Российской Федерации» от 25.07.2013

г. (жалобы N 11082/06 и 13772/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление ЕСПЧ по делу «Самойла и Чонка (Samoila and Cionca) против Румынии» от 4 марта 2008 г. (жалоба № 33065/03) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 9. С. 19 – 22.
6. Химичева Г.П. К вопросу о корректировке принципа презумпции невиновности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 83-86.
7. Абдрашитов В.М. Актуальные проблемы и вопросы понимания и толкования принципа презумпции невиновности в современном праве // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 2 (17). С. 48 – 53.
8. Кирьянов, А. Ю. Проблемы реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Самара, 2012. 20с.
9. Конев А.Н. Идеологические основы жизненного воплощения принципа презумпции невиновности // Вестник Нижегородской Академии МВД России, 2015, №4 (32). С. 119 – 125.
10. Мурашкин, И. Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск/ 2014. 25 с.
11. Безруков С.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве ограничивает реализацию отдельных принципов уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России 2013. № 7. С. 82 – 84.
12. Григорьев В.Н., Зинченко И.А., Победкин А.В. О современных воззрениях на презумпцию невиновности // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 126 –143.
13. Деришев Ю.В., Мурашкин И.Ю. Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 44-48.
14. Ишембитов А.Ф. Реализация презумпции невиновности при производстве по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // В сборнике: Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 73-75.
15. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832 [Дата обращения 20.09.2017 г.].
16. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке// http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832 [Дата обращения 20.09.2017 г.].

17. Интервью Дмитрия Медведева швейцарской газете «Нойе Цюрхер Цайтунг». Информация на сайте Правительства РФ /// http://government.ru/news/115/ [Дата обращения 20.09.2017 г.].
18. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131 – 139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Трубникова Татьяна Владимировна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36.

Ключевые слова: презумпция невиновности, право на судебную защиту, злоупотребление правом, особый порядок принятия судебного решения, упрощенное производство.

УДК 343.14

Хайруллова Э. Т.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С МЫСЛЕННЫМ ОБРАЗОМ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СЛОВЕСНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТОВ

При раскрытии и расследовании преступлений большую роль играет информация о внешнем облике преступника. В статье раскрываются особенности работы с участниками уголовного судопроизводства при составлении словесных и субъективных портретов, грамотный и системный подход к процессу формирования мысленного образа с учетов объективных и субъективных факторов.

Информация о внешности играет огромную и весьма важную роль как источник сведений о лице, совершившем общественно опасное преступление. Это проявляется в том, что правильное и грамотное собирание, исследование и использование таких сведений существенно оказывают помощь при раскрытии и расследовании преступлений. Практика показывает действенность информации о внешности преступника в расследовании преступлений, а также востребованность в таких сведениях. Однако вместе с этим исследования подтверждают, что в настоящий момент суще-

ствует дефицит использования информации о внешности при раскрытии и расследовании преступлений [2].

Как показывает судебная, следственная, экспертная и оперативно-розыскная практика, получение отображений внешнего облика стало уже привычным явлением. В криминалистической практике принято делить отображения внешнего облика человека на субъективные и объективные. Если объективные отображения (фотографии, видеозаписи, рентгеноснимки, слепки с лица умершего и другое) в процессе раскрытия и расследования преступлений не вызывают сложности, а зависят, прежде всего, от технических характеристик фото-видеотехники, то работа с субъективными отображениями внешнего облика имеет ряд особенностей. Другими словами, когда мы работаем с субъективным отображением внешности целесообразнее говорить о мысленном образе, который сформировался в памяти потерпевшего, свидетеля и другого участника уголовного судопроизводства. Речь идет об идеальных следах и их особенностях. Учитывая специфику формирования, воспроизведения этого образа, мы можем в полной мере способствовать раскрытию и расследованию преступления в кратчайший срок.

Поскольку процесс формирования мысленного образа в криминальных условиях чаще всего весьма непродолжителен, то очевидец обычно успевает получить, в основном, лишь знание об основных признаках внешнего облика ранее незнакомого человека. Поэтому целесообразно стремиться материализовать мысленный образ в ближайшее время после его формирования. При работе с участниками уголовного судопроизводства над субъективным портретом специалист должен учитывать объективные и субъективные факторы, которые влияют на запоминание и воспроизведение информации по внешнему облику.

Процессы восприятия, запоминания, хранения и воспроизведения информации о признаках внешности человека всегда в значительной степени определяются субъективными свойствами человека. Поэтому работа по собиранию информации должна строиться с учетом этих свойств. Любой участник уголовного судопроизводства – это всегда конкретное лицо со своими индивидуальными личностными качествами. Поэтому при составлении словесного и субъективного портретов нужно учесть эти особенности. В тоже время восприятие, запоминание, хранение и воспроизведение мысленного образа участником зависит и от возраста, психофизиологической конституции, профессиональной принадлежности, состояние здоровья, процессуальному положению и т.д. Каждая из приведенных групп по-своему воспринимает, но главным образом – сохраняет и воспроизводит - приметы преступника. Так, на практике замечено, что женщины в силу своих психологических особенностей всегда лучше запоминают и воспроизводят элементы внешности, чем мужчины, особенно приметы мужчин; в приметах женщин они точнее запоминают детали одежды, при-

чески, элементы украшений, возраст, а в меньшей степени - элементы лица. В то же время необходимо иметь ввиду, что женщины склонны приукрашивать, придавать образу фантазийный элемент.

Кроме того всегда нужно помнить, что любое происшествие, преступление – это психотравмирующий фактор для человека. Внезапно возникшие эмоции, настроение могут способствовать или препятствовать процессу восприятия, сохранения или воспроизведения мысленного образа. Испуг, беспомощность, страх могут не только обуславливать фрагментарность образа, но в ряде случаев привести к его гиперболизации, в некоторых случаях – приписывание преступнику несуществующих черт. Так, нередко потерпевшие при описании признаков внешности преступника отмечают в его облике черты, характеризующие злобу, агрессию, а иногда подчеркивают его сходство с каким-либо животным или мифическим героем. Как правило, после установления личности преступника, таких черт в его внешнем облике не обнаруживается.

При оценке описания в качестве источника информации о признаках внешности необходимо оценить все факторы, влияющие на отображение информации [1]. При этом существенное значение помимо уже указанных могут иметь место, время составления описания, его происхождение, полнота, определенность и тщательность, а также форма.

Работу с очевидцем желательно проводить в отдельном помещении, способствующем снятию напряжения, тревожности, беспокойства. Комната должна быть изолирована от источников шума, вибрации, хорошо вентилироваться и отапливаться.

Необходимо отметить, что для эффективной деятельности и развития методики работы с мысленным образом, специалист, занимающийся данной проблемой, должен обладать определенными личностными качествами, а именно: умением располагать к себе, коммуникабельностью, открытостью, способностью сопереживать, уравновешенностью, эстетичностью, установкой на сотрудничество, активностью в совместной работе, и, главное, должен быть психологически образован.

---

1. Ильин, Н.Н. Проблемы идентификации человека по зарегистрированным признакам внешности/ Н.Н. Ильин// Энциклопедия судебной экспертизы. 2013. № 32.

2. Мограбян, А.С. Внешний облик физического лица как объект субъективного права на неприкосновенность внешнего облика // Вестник ВолГУ. 2011. № 11.

3. Хайруллова, Э.Т. Особенности работы с мысленным образом при раскрытии и расследовании преступлений // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пятые юридические чтения «Передовые направления обеспечения правоохранительной деятельности в России». Казань, КЮИ МВД России, 2017.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хайруллова Эльвира Тагировна. Кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики.
Казанский юридический институт МВД России, 420108, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.

Ключевые слова: внешний облик человека, мысленный образ, субъективные и объективные отображения, идеальный след, процессы восприятия, запоминания, хранения и воспроизведения информации.

УДК 343

Химичева О. В., Шаров Д. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕСЛЕДУЕМЫХ В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ

Научная статья посвящена особенностям производства по уголовным делам о преступлениях, преследуемых в частном порядке.

Уголовно-процессуальная форма, одно из базовых понятий теории уголовного процесса, обладает свойством единства, означающим в целом одинаковый порядок производства по уголовным делам вне зависимости от вида преступлений, личности обвиняемого, должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство и т.д. Единство уголовно-процессуальной формы обеспечено единым по всем уголовным делам назначением этой деятельности, определенным ст. 6 УПК РФ, общими принципами, закрепленными в главе 2 УПК РФ, одинаковым порядком принятия процессуальных решений и производства процессуальных действий.

Единый правовой режим уголовно-процессуальной деятельности по всем уголовным делам имеет важное значение прежде всего для обеспечения прав участников уголовного процесса, в каком бы процессуальном статусе они не выступали, гарантируя конституционное право равенства всех перед законом и судом.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон устанавливает определенные изъятия из правила о единстве процессуальной формы, приводящие к возникновению в уголовном судопроизводстве особых производств, весьма существенно отличающихся от общего порядка. Причем такие особенности в одних случаях состоят в усложнении процедуры (например, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних), а в других, - в

упрощении и ускорении производства (как при дознании в сокращенной форме или особом порядке судебного разбирательства).

Причины установления в уголовно-процессуальном законе таких особенностей вполне очевидны и оправданы: они обусловлены либо субъектом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, его поведением в ходе уголовного судопроизводства, либо спецификой совершенных преступлений.

При этом надо признать, что законодатель в последнее время все более и более дифференцирует уголовное судопроизводство. Так, в отечественном уголовном судопроизводстве традиционно существовали особые производства в отношении несовершеннолетних, а также лиц, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. УПК РФ расширил число особых производств за счет производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Кроме того, помимо структурно выделенных в уголовно-процессуальном законе производств, особенностями обладают и другие институты, в частности, досудебное производство и судебное разбирательство. Этот процесс продолжается: в последние годы предусмотрены разновидность дознания, осуществляемая в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), новые виды окончания предварительного расследования с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (глава 51.1 УПК РФ), особенности уголовно-процессуальной деятельности по уголовным делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности, который фактически сформировали новую разновидность особого производства (ст. 20, 28.1, 108, 144 и др. УПК РФ).

К числу особых производств можно отнести и функционирующее достаточно давно в уголовном процессе производство, осуществляемое по уголовным делам частного обвинения. Его специфика обусловлена необходимостью защиты частного интереса отдельного лица, реализуемого в уголовном судопроизводстве. Этим определяется и круг преступлений, преследуемых в частном порядке – это умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 ч. 1 УК РФ), нанесение побоев лицу, подвергнутым административному наказанию (116.1 УК РФ), и клевета (128.1 ч. 1 УК РФ).

Хотя к числу преступлений, по уголовным делам о которых уголовное преследование осуществляется в частном порядке, законодатель относит только три состава, даже такой небольшой перечень преступлений в течение последних пяти лет неоднократно подвергался коррективам. К примеру, непростой оказалась «судьба» правовой регламентации такого преступления, как клевета: законодатель в течение одного года это деяние декриминализировал (согласно Федеральному закону № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 г. ст. 129 УК РФ утратила силу), а затем - возвратил в уголовный закон (Федеральным законом № 141-ФЗ от 28 июля 2012 г. введена ст.

128.1 УК РФ «Клевета»). При этом предусмотрены новые разновидности этого деяния, существенно изменилась и санкция данной нормы: размер штрафа увеличен на порядок, однако, в качеств наказания не может быть назначено лишение свободы. Трансформировалось уголовное преследование и «побоев», теперь к делам частного обвинения относятся лишь одна разновидность данного преступления – нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст.116^1 УК РФ).

Самым очевидным отличием уголовного судопроизводства по делам частного обвинения от общего порядка является порядок возбуждения таких уголовных дел. Спецификой обладают поводы для возбуждения уголовного дела, порядок рассмотрения сообщений о таких преступлениях, процедура возбуждения уголовного дела и отказа в этом.

Если обратить внимание на особенности поводов для возбуждения уголовных дел частного обвинения, то таковым может выступить лишь заявление потерпевшего или его законного представителя, в отличие от более широкого перечня поводов, предусмотренных ст. 140 УПК РФ. Такую специфику начала уголовного судопроизводства можно объяснить необходимостью приоритетного учета интересов пострадавшего лица, мнение которого об осуществлении уголовного преследования по такого рода преступлениям имеет определяющее процессуальное значение. Именно в свободе распоряжения потерпевшим своим правом инициировать или нет уголовное производство по преступлениям, преследуемым в частном порядке, находит проявление правило диспозитивности, столь не характерное для уголовного процесса.

Вместе с тем установление дополнительных по сравнению со ст. 142 УПК РФ требований к содержанию такого заявления не может не вызывать вопросы.

Согласно ч. 5 ст. 318 УПК РФ заявление потерпевшего или его законного представителя должно содержать, помимо прочего, описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения; данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд. При этом если заявление не отвечает установленным требованиям, то мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, в котором предлагается привести заявление в соответствие с указанными требованиями в течение определенного срока. В случае неисполнения данного указания в принятии заявления отказывается.

С одной стороны, установление достаточно жестких требований к содержанию заявления по уголовным делам частного обвинения является объективной необходимостью, без которой мировой судья, не обладающий полномочиями по расследованию уголовных дел, будет просто не в состоянии разрешать их по существу. С другой стороны, данные требования

ограничивают право заявителя, который также может столкнуться с трудностями по установлению обстоятельств совершения преступления и их правильному изложению в жалобе.

Нельзя не отметить и особенности принятия заявления о преступлении, преследуемом в частном порядке. Согласно общей норме, изложенной в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, установлена обязанность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа принять сообщение о любом преступлении. В целях организации этой работы в правоохранительных органах приняты ведомственные нормативные акты. В частности, в Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736, подробно раскрыта и уточнена применительно к деятельности органов внутренних дел уголовно-процессуальная процедура, предусмотренная ст. 144 УПК РФ. Так, установлено, что заявления и сообщения о преступлениях вне зависимости от места и времени совершения преступления, а также полноты содержащихся в них сведений и формы представления подлежат обязательному круглосуточному приему во всех территориальных органах МВД России.

Иная ситуации - при приеме заявлений о преступлениях, преследуемых в частном порядке. Конечно, заявитель может подать заявление о таком преступлении в орган внутренних дел, однако, в этом случае оно будет передано без разрешения мировому судье в порядке, установленном п. 1 ч. 1 ч. 145 УПК РФ. Если же заявитель обращается непосредственно в суд, то нужно учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, установлены ограничения по месту приема таких заявлений, в соответствии с правилами о территориальной подсудности.

Во-вторых, если прием всех прочих сообщений о преступлениях осуществляется в круглосуточном режиме, то у мирового судьи – строго определенное время работы с 9.00 до 18.00. Следовательно, заявитель ограничен в возможности подать заявление о преступлении, преследуемом в частном порядке, в любое удобное для него время. Конечно, сложно представить, как бы функционировала дежурная часть мирового суда, тем не менее, заявитель о преступлении, преследуемом в частном порядке, оказывается в ущемленном положении при реализации своего основного права, гарантирующего доступ к правосудию.

В-третьих, определенные ограничения прав заявителей существуют и в части сроков рассмотрения заявления. Так, если базовый срок рассмотрения любого сообщения о преступлении, установленный ст. 144 УПК РФ, составляет трое суток, то срок рассмотрения заявления по уголовным делам частного обвинения законом вообще не установлен.

Особенностями обладает и собственно процедура принятия решения о возбуждении уголовного дела о преступлении, преследуемом в частном порядке. В процессуальной науке нет однозначного мнения, кем принимается решение о возбуждении такого уголовного дела.

С одной стороны, согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ, уголовное дело возбуждается путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд.

С другой стороны, как представляется, решение о возбуждении уголовного дела – это все же проявление публичности уголовного процесса и решение о начале уголовного производства должно принимать должностное лицо, наделенное государством соответствующими полномочиями. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска, «диспозитивность в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает … в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевшего … Ее использование … не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина … и обеспечивать установление такого правопорядка, который бы гарантировал каждому государственную, в т.ч. судебную защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления - доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба …».

Поэтому, на наш взгляд, ст. 318 УПК РФ следует интерпретировать таким образом, что дела частного обвинения возбуждаются на основании решения мирового судьи о принятии заявления к производству, в котором констатируется решение о возбуждении уголовного дела.

Действительно, заявление по делу частного обвинения, не будучи принятым мировым судьей к производству, не влечет дальнейшего производства по делу.

Согласно ч.1 ст. 319 УПК РФ если поданное заявление не отвечает установленным законом требованиям, то мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, для устранения данных замечаний. Если заявление не приведено в соответствие с требованиями, установленными законом, то мировой судья отказывает в его принятии к своему производству.

Вопрос об особенностях начала уголовного судопроизводства по уголовным делам частного обвинения в настоящее время приобрел особую актуальность в связи с дискуссией о кардинальном реформировании стадии возбуждения уголовного дела. В частности, предлагается фактически распространить порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях,

преследуемых в частном порядке, на все прочие преступления. Уголовное дело предполагается возбуждать путем подачи заявления в правоохранительный орган. Однако, как видим, такой порядок серьезно ограничивает не только права лица, в отношении которого уголовное дело может быть возбуждено без достаточных оснований, но и самих заявителей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Химичева Ольга Викторовна. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Шаров Денис Васильевич. Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовные дела частного обвинения, УПК РФ.

УДК 343.1

Чаплыгина В. Н.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ ПО ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Статья посвящена организационно-управленческому подходу в деятельности органов предварительного следствия системы МВД России по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В условиях реформирования социальных, политических и духовных сфер государственной и общественной жизни в России на первое место выходит стремление законодателя по обеспечению максимальной защищенности прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В настоящее время предприняты значительные усилия по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего деятельность правоохранительных органов и охрану конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Данная проблема в России является одной из важнейших в свете современного правового реформирования. И решение ее видится в создании реальных гарантий законности, обеспечении реальной охраны и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в гражданском обществе, а также обеспечении эффективной борьбы с преступностью правовыми методами [1].

Организация системы органов досудебного производства Российской Федерации в настоящее время, на наш взгляд, не в должной мере позволяет успешно осуществлять важнейшую правоохранительную функцию уголовного судопроизводства, особую роль в которой играет система контроля, отраженная посредством организационно-управленческого подхода, в том числе и при реализации защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

При анализе деятельности органов предварительного следствия системы МВД России по защите прав и свобод человека немаловажное значение имеет ее организационно-управленческий аспект, выраженный применительно к органам расследования через управление как воздействие на систему расследования преступлений с целью обеспечения сохранности ее качественной специфики по совершенствованию успешного движения к заданной цели.

При значительном росте интенсивности работы следователей и при этом - низком уровне социальных и материальных гарантий труда следователей - проблемы оптимизации организационно-управленческого обеспечения деятельности органов предварительного следствия при реализации защиты государством прав и свобод человека и гражданина в ходе досудебного производства, приобретает первостепенное значение. В связи с вышесказанным и при наличии иных факторов, влияющих на обеспечение на стадии предварительного расследования процессуальных гарантий всех участников уголовного судопроизводства, требуется дальнейшая проработка проблемы организационно-управленческого подхода в деятельности органов предварительного следствия системы МВД России.

Сказанное позволяет предположить, что основными составляющими организационно-управленческого подхода деятельности органов предварительного следствия системы МВД России, в настоящее время являются:

- уровень кадрового, информационного и ресурсного обеспечения деятельности следственного аппарата системы МВД России;
- четкая законодательная регламентация организационно-управленческой деятельности органов предварительного следствия данной системы;

• ведомственное нормативно-правовое регулирование указанных выше проблем с выделением ответов, требующих анализа, разработки и принятия на государственном уровне взвешенных и оправданных решений о путях построения и дальнейшего развития органов предварительного следствия системы МВД в Российской Федерации [2].

В юридической литературе указан ряд факторов, от которых зависит уровень организационно-управленческого обеспечения деятельности органов предварительного следствия системы МВД России по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина. Данные факторы непосредственно влияют на состояние законности на досудебных стадиях производства, среди которых, полагаем, следует выделить следующие:

• нормативно-правовая регламентация общей теории организации расследования преступлений;

• структура органов предварительного следствия, применяющих законодательство в целях защиты прав и свобод человека и гражданина и анализ ее современного состояния;

• четкая организация планирования и принятия управленческих решений;

• взаимодействие, ведомственный контроль;

• методическая и практическая помощь;

• активная координация деятельности по организационному обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина со стороны руководителей следственных органов;

• обеспечение процесса правоприменения по защите прав и свобод человека и гражданина через призму следующих составляющих: уровень материально-технического, финансового, кадрового, оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения органов предварительного следствия системы МВД России.

Изучение специальной литературы указывает на наличие четкой классификации системы организационно-управленческого обеспечения деятельности органов предварительного следствия по защите прав и свобод человека и гражданина, которая позволяет:

а) определить оптимальные варианты и направления управленческой деятельности по обеспечению применения законодательства о правах и свободах человека и гражданина;

б) установить круг субъектов управления и пределы их полномочий по организационному обеспечению применения законодательства, обеспечивающего соблюдение прав и свобод человека и гражданина как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования [3].

Отсутствие четкого системного подхода при разработке предложений по оптимизации организационно-управленческой деятельности орга-

нов предварительного следствия системы МВД России для защиты прав и свобод человека, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, позволяет автору сделать вывод, что необходимо уделять внимание не только практическим положениям и теоретическим выкладкам по рассматриваемой проблематике, но и осуществлять реальный анализ статистических данных о результатах работы следственного аппарата МВД России в части обеспечения качества и сроков предварительного следствия, а также обеспечения неукоснительного соблюдения законности на досудебном производстве.

Кроме того, считаем, что для дальнейшего совершенствования организационно-управленческого обеспечения деятельности органов предварительного следствия системы МВД России в целях защиты прав и свобод человека, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, необходимо уделить внимание уровню информационно-аналитического обеспечения данных органов, а также активизировать аналитическую работу в следственных подразделениях системы МВД России.

Автор ясно осознает, что решение проблемы использования в деятельности следственных подразделений современных информационных технологий позволит вывести расследование отдельных видов преступлений на принципиально новый уровень. При этом необходимо учитывать, что в настоящее время созданы все необходимые предпосылки для перехода от использования локальных информационных систем отдельных следственных подразделений к созданию единой распределительно-информационной системы органов предварительного следствия системы МВД России с последующим вовлечением ее в автоматизированную информационную систему МВД России.

Однако необходимо сразу оговориться, что для осуществления данного широкомасштабного мероприятия необходимо проводить активную работу по развертыванию системы передачи данных и обеспечения информационной безопасности, а также уделять пристальное внимание организации информационного взаимодействия органов предварительного следствия системы МВД России с другими правоохранительными органами, призванными обеспечивать создание, накопление и актуализацию межведомственных информационных ресурсов.

Кроме того, полагаем, что более четкого нормативно-правового регулирования требуют и вопросы функционирования межведомственных следственно-оперативных групп, как одного из условий обеспечения органами предварительного следствия МВД России прав и свобод человека и гражданина.

К сожалению, законодатель при решении данного вопроса:

- не разграничил понятия межведомственной следственно-оперативной группы по расследованию и раскрытию отдельных видов

преступлений и оказанию практической помощи по конкретным уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях;

- не указал четкое различие межведомственных следственно-оперативных групп и межрегиональных (одного ведомства) следственно-оперативных групп, а также не установил уровни их деятельности (местный, региональный и федеральный).

Отталкиваясь от реализации следователями функции защиты прав и законных интересов граждан, полагаем верным отметить, что ведомственное нормативно-правовое регулирование организации деятельности органов предварительного следствия системы МВД России является неотъемлемой частью их деятельности, что является надежной гарантией прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и одновременно действенным средством повышения эффективности борьбы с преступностью.

---

1. Арутюнян Д.А. Роль государственного контроля в механизме реформирования следственных органов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 34-37.
2. Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия в системе МВД России: автореф. дисс. … канд. юр. наук. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 13.
3. Валов С.В. Управление органами предварительного следствия: понятие, виды и основные характеристики // Российский следователь. 2006. № 12. С. 51-56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чаплыгина Виктория Николаевна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, МВД России, УПК РФ.

УДК 343.1

Шерстюк О. А.

ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье описаны и проанализированы правовой и организационный механизмы наложения ареста на имущество при расследовании уголовных дел, важность и необходимость применения данной меры процессуального принуждения и проблемы, возникающие при ее применении.

В современном обществе проблема преступности стоит очень остро, т.к. нарушение конституционных прав и свобод человека в глобальном смысле слова подрывает безопасность страны. Согласно ст. 52 Конституции РФ «права потерпевших от преступлений... охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»[1].

Согласно данным МВД РФ за январь- июль 2017г. почти половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи –37,2%; мошенничества - 10,5 %; грабежа и разбоя – 3,2%; присвоения либо растраты–0,9% [2]. Все эти преступления имущественной направленности, которые предполагают причинение материального ущерба. В таких случаях для реализации прав потерпевших законодатель предусмотрел наложение ареста на имущество как меру процессуального принуждения, предусмотренную ст. 115 УПК РФ. Она является достаточно эффективным способом взыскания ущерба, а также способствует реальной профилактике совершения преступлений.

Согласно положению указанной статьи арест на имущество налагается для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, обеспечения взыскания штрафа, других имущественных взысканий, возможной конфискации имущества, указанного в ч.1 ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Сущностью наложения ареста на имущество является запрет собственнику или владельцу имущества распоряжаться или пользоваться им, а также это может быть изъятие имущества и передача его на хранение другому лицу либо организации. Основанием для наложения ареста является наличие доказательств в том, что подозреваемый (обвиняемый) или лицо, несущее за него материальную ответственность, может спрятать, повредить или уничтожить указанное имущество.

Для применения данной меры процессуального принуждения следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, т.е. законных представителей, коими могут являться родители, усыновители или попечители несо-

вершеннолетнего [3]. Из понятия указанной статьи следует, что если по уголовному делу отсутствует лицо, официально получившее статус подозреваемого (обвиняемого) или его законного представителя, арест не может быть наложен.

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество указываются: основания и цели ареста, место нахождения имущества либо наименование банка или иной кредитной организации, номер счета; фамилия, имя, отчество лица, на имущество которого накладывается арест. Если арестом на имущество обеспечивается гражданский иск, в ходатайстве указывается, что описи подлежит имущество на сумму, соответствующую сумме иска. Если арест на имущество накладывается для обеспечения его возможной конфискации, в постановлении указываются конкретные, фактические обстоятельства, обосновывающие необходимость принятия такого решения.

При наложении ареста на недвижимое имущество необходимо получить выписку из государственного реестра о праве собственности на него. Если арест накладывается на денежные средства и иные ценности подозреваемого, обвиняемого, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, имеющих право осуществлять банковские операции на основании лицензии Банка России, основной целью которых является извлечение прибыли, то руководители банков и иных кредитных организаций в соответствии с ч. 7 ст.115 УК РФ и ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» по запросу прокурора, следователя, дознавателя с согласия прокурора обязаны предоставить информацию (справку) о наличии у подозреваемого, обвиняемого денежных средств на счетах, во вкладах или на хранении.

Стоимость имущества, на которое может быть наложен арест для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий, определяется исходя из средних рыночных цен в данном регионе и не должна превышать стоимости гражданского иска или имущественных взысканий.

Ходатайство о наложении ареста на имущество рассматривается единолично судьей районного суда по месту производства предварительного следствия или по месту наложения ареста на имущество не позднее 24 часов с момента его поступления. По результатам рассмотрения судья выносит постановление о наложении ареста на имущество или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа.

Данное процессуальное действие производится с участием понятых и в присутствии собственника или владельца (либо лица, его представляющего), которому предъявляется решение судьи. Возможно приглашение специалиста для оказания помощи в определении стоимости, меры, веса, индивидуальных признаков имущества. Ход и результаты ареста отражаются в протоколе, в котором описывается арестованное имущество с точ-

ным указанием наименования предметов, количества, меры, веса, материала, из которого оно изготовлено, других индивидуальных признаков, по возможности, указывается стоимость. Копия протокола под расписку вручается лицу, на имущество которого накладывается арест, или лицу, его представляющему.

Как уже отмечалось, арестованное имущество может быть изъято и храниться в уголовном деле либо передаваться по усмотрению дознавателя, следователя на хранение собственнику этого имущества, его родственнику или иному лицу (например представителю ЖЭКа, местной администрации). Должностным лицам необходимо обеспечить сохранность арестованного имущества. При необходимости данное имущество опечатывается, о чем делается отметка в протоколе. В нем же должно быть указано место хранения арестованного имущества. Лица, которым передано такое имущество на хранение, предупреждаются об уголовной ответственности по ст. 312 УК РФ за растрату, отчуждение, незаконную передачу третьим лицам, а также сокрытие арестованного имущества, о чем делается отметка в протоколе. Этим лицам вручается копия указанного протокола. Изъятые у подозреваемого, обвиняемого деньги и ценности, на которые наложен арест, передаются на хранение финансовым органам. Не позднее следующего рабочего дня они должны быть доставлены в учреждение Банка России, кредитную организацию и зачислены на текущий счет по учету средств, поступающих во временное распоряжение правоохранительных органов [4].

Если арест наложен на недвижимое имущество (дом, дачу, другие строения, находящиеся в собственности), копии постановления суда и протокола направляются в соответствующий отдел местной администрации (комитет по государственной регистрации прав на недвижимое имущество). О произведенном аресте сообщается также нотариусу по месту нахождения арестованного имущества для исключения возможности совершения с ним сделок.

Если говорить о денежных средствах, находящихся в банке или иной кредитной организации, то в постановлении суда о наложении ареста на имущество должно указываться, на какие именно суммы и ценности накладывается арест. Понятые приглашаются из числа работников указанных учреждений. Дознаватель, следователь вручает руководителю соответствующей организации копию постановления судьи, предупреждает об уголовной ответственности по ст. 312 УК РФ за осуществление банковских операций с денежными средствами, на которые наложен арест. Следует отметить, что банковские операции, связанные с привлечением и размещением денежных средств на счете, не запрещаются.

Если арест на имущество налагается с целью уплаты штрафа как основного вида наказания, то злостное уклонение от его добровольной уплаты в течение определенного судом периода времени влечет замену указан-

ного наказания на более строгое, такое как исправительные работы или арест. Ели же штраф является дополнительным наказанием, взыскание его осуществляется в принудительном порядке в пределах имущества, на которое ранее был наложен арест.

Когда в применении ареста на имущество отпадает необходимость, следователь, дознаватель на основании вынесенного им постановления отменяет данную меру принуждения [5].

Мы рассмотрели основания, цель и порядок наложения ареста на имущество, необходимость и важность данной меры процессуального принуждения для обеспечения задач уголовного судопроизводства. Как видно, сложность в данном процессуальном мероприятии заключается в том, что следователь, дознаватель в принятии данной меры процессуального принуждения несамостоятелен. Ходатайства обязательно согласуются с руководителем следственного органа для следователя и с прокурором для дознавателя. До вынесения постановления, опять же с разрешения суда, требуется информация из банковских учреждений и кредитных организаций о наличии счетов и сумм денежных средств, находящихся на них, или информация из государственного реестра о праве собственности на него, о наличии и местонахождении недвижимого имущества, находящегося в собственности преступника или его законных представителей. Получение такой информации в таком режиме затруднительно, т.к. требует довольно больших затрат материальных (предоставление в прокуратуру и в суд копий материалов уголовного дела, обосновывающих необходимость в применении данной меры процессуального принуждения по каждому запросу в каждую организацию и в обеспечении самого ходатайства), а также продолжительных временных рамок. Возможно, упрощение процедуры получения в суде разрешения на применение данной меры процессуального принуждения позволит сократить трудоемкость, временные рамки и материальные затраты в данном мероприятии. Например, решение суда о разрешении истребования данных о движимом и недвижимом имуществе, денежных средств по одному уголовному делу следует выносить одно, с указанием перечня организаций, данные из которых запрашиваются. Конечно, полностью обеспечить самостоятельность следователя, дознавателя в избрании данной меры процессуального принуждения невозможно, но это позволит существенно сократить время производства по делу в общем и реакцию правоохранительных органов для более полного и ускоренного обеспечения возмещения материального ущерба по уголовному делу.

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. М., 2017г.
2. Официальный сайт МВД России [электронный ресурс] https://мвд.рф/folder/101762/item/10888941 (дата обращения 18.09.2017).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) ст. 1074 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.06.2017).
4. Муцалов Ш.Ш. Проблемы института наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Евразийский научный журнал №3, 2016.
5. Искандиров В. Б. Особенности наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». Челябинск, 2011. № 6. С. 38-42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шерстюк Ольга Александровна. Преподаватель цикла специальной подготовки.
Центр профессиональной подготовки ГУ МВД России по Московской области, 142700, Московская область, г. Видное, Петровский проезд, д. 2.

Ключевые слова: преступление; наложение ареста на имущество; уголовный процесс.

УДК 343.1

Шурухнов Н. Г., Гаврилин Ю. В.

ИНЫЕ ДАННЫЕ, ДАЮЩИЕ ОСНОВАНИЕ ПОДОЗРЕВАТЬ ЛИЦО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И МЕСТО В НИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Научная статья посвящена иным данным дающим основание подозревать лицо в совершении преступления, и место в них оперативно-розыскной и компьютерной информации.

Теоретический анализ и практика применения ст. 91 УПК РФ («Основания задержания подозреваемого») выявили правовые положения, которые противоречат основополагающим принципам уголовного судопроизводства и посягают на конституционные права и свободы человека и гражданина при реализации, в том числе это относится к отсутствию взаимосвязи между первой и второй частями обозначенной статьи. Законодатель почему-то посчитал, что часть вторая является продолжением первой, однако этого в действующей нормативной конструкции нет.

В пунктах первом, втором и третьем части первой ст. 91 УПК РФ приводятся основания – причины, достаточные поводы, оправдывающие [1] задержание: «1) когда лицо застигнуто при совершении преступления..., 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо… и 3) когда на этом лице… обнаружены явные следы преступления». А в части второй говорится о сведениях, …«иных данных» [2] (дающих основание подозревать лицо), которые по смыслу и логике изложения как бы должны отличаться от ранее приведенных [3]. Но таковых в части первой не приведено.

Справедливости ради скажем, что существующая редакция ст. 91 УПК РФ досталась законодателю по наследству, при переписывании ст. 122 УПК РСФСР 1960 г., служившей прямым отражением соответствующих статей УПК РСФСР 1922, 1923 гг., а они, в свою очередь, заимствовали редакцию ст. 257 Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Ученые и практики, комментирующие эту статью, поступают поразному. Одни оставляют без внимания этот «частный вопрос» [4]. Другие, не утруждая себя размышлениями над приведенным законодателем определением, его связи с предыдущим содержанием нормы, дают общие, безошибочные формулировки, предлагая под «иными данными» понимать доказательства [5].

Третьи, используя свой практический и научный опыт, интеллектуальный потенциал, ориентируясь на основные положения уголовного процесса, нормы морали, домысливают за законодателя, дают расшифровку того, что он вроде бы «имел в виду».

Профессор В.Н. Григорьев, обстоятельно занимавшийся вопросами задержания подозреваемого, регламентированными УПК РСФСР 1960 года, сформировал следующий оригинальный подход, который звучит следующим образом. «Прежде всего, следует обратить внимание на то, что закон не предусматривает какой-то особой формы «иных данных». Основания задержания, указанные в ч.2 ст. 122 УПК РСФСР, отличаются от перечисленных в п.1-3 ч.1 этой же статьи степенью доказанности (очевидности) причастности лица к преступлению, а не своей формой. По процессуальной форме «иные данные» идентичны со сведениями о других основаниях задержания»[6]. Приведенное позволило Виктору Николаевичу Григорьеву сделать обоснованный вывод о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в обоснование задержания подозреваемого по ч.2 ст. 122 УПК РСФСР на общих основаниях, не обладая какими-то преимуществами [6].

Пытаясь вывести из-под удара критики законодателя, профессор А.П. Гуляев, комментируя главу 12 современного УПК Российской Федерации, пишет: «Под «иными данными»… следует понимать какие-либо конкретные обстоятельства, кроме тех, которые прямо указаны в законе, если они позволяют заподозрить человека в совершении преступления, а сведения о них получены из надлежащих источников, в том числе в ходе

оперативно-розыскных мер с соответствующим документированием или использованием технических средств фиксации» [8].

Профессор О.И. Цоколова, делая в своем докторском исследовании вывод о том, что «задержание как мера, предваряющая арест, должно действовать как самостоятельная мера принуждения», предлагала вариант редакции ч. 2 ст. 91 УПК [9].

Обратив внимание на отсутствие законодательной конкретизации «иных данных», их выбор применительно к следственным ситуациям и в зависимости от наличия, степени достоверности собранной по уголовному делу информации, позволяющей ее рассматривать в качестве таковых, А.И. Глушков предлагает относить к их компетенции органа дознания, дознавателя, следователя. По его мнению, «иными данными», дающими основания подозревать лицо в совершении преступления, могут быть:

«- данные, полученные в ходе ранее выполненных следственных действий (например, обыска, выемки, производства экспертизы);

- сведения, полученные в результате производства розыскных и оперативно-розыскных мероприятий;

- информация, основанная на результатах произведённых документальных проверок и ревизий;

- данные о том, что заподозренное лицо пыталось скрыть или уничтожить следы преступления;

- сведения, полученные в результате проведения проверок по криминалистическим и оперативно-справочным учётам;

- информация, зафиксированная посредством применения технических средств (например, видеозапись передвижения заподозренного лица при совершении преступления или непосредственно после него);

- данные применения служебно-розыскной собаки на месте происшествия;

- сведения, содержащиеся в признательных показаниях соучастников заподозренного лица» [10].

Сосредотачивая внимание на «иных данных» как сведениях, необходимых для принятия решения о задержании, попытаемся высказать собственную точку зрения, относятся ли к таковым результаты производства оперативно-розыскных мероприятий в общем и отдельные из них в частности, для чего обратимся к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно к ст. 11 «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности», в которой даны следующие направления использования результатов ОРД:

- первое – для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания,

следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших;

- второе – как повод и основание для возбуждения уголовного дела;

- третье – для использования в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В содержании ст. 11 прямо не сказано, что результаты оперативно-розыскных мероприятий используются для осуществления задержания [11] как меры уголовно-процессуального принуждения, но это имеется в виду, если анализировать нормы указанного федерального закона. Иначе как воспринимать без установления и задержания преступников возложенную на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязанность «принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства» (ст. 14)?

Специальное обращение к ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой дан перечень оперативно-розыскных мероприятий, позволяет сделать вывод о том, что их результаты в последующем должны привести к задержанию преступника, являющемуся основополагающим для раскрытия и расследования преступления. В противном случае зачем осуществлять такие оперативно-розыскные мероприятия, как «отождествление личности», «наблюдение», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи».

Наиболее образно в анализируемом аспекте представлено такое ОРМ, как «контролируемая поставка». Она заключается в установлении контроля над перемещением предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота либо являющихся объектами или орудиями противоправных посягательств, в целях выявления преступлений и лиц, причастных к их совершению.

Правовые основы проведения контролируемой поставки содержатся в международно-правовых актах [12], федеральных законах Российской Федерации. Осуществление контролируемой поставки наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров с разрешения и под контролем органов, ведущих ОРД, предусмотрено Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ст.49), а также Федеральным законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (ст. 319, 320).

Говоря об «иных данных», указанных в ст. 91 УПК РФ, следует иметь в виду, что громадный пласт информации, представляющей интерес для осуществления задержания преступников, содержится на электронных носителях информации, имеются в виду технические устройства, техноло-

гические системы, предназначенные для фиксации, хранения, накопления, преобразования и передачи компьютерной информации [13].

Обращение к нормам УПК и УК РФ позволяет констатировать, что в уголовном судопроизводстве доказательствами являются любые сведения. Они могут быть зафиксированы на любом материальном носителе непосредственно человеком (являться продуктом его мыслительной деятельности), а также специальным устройством при опосредованном участии человека по разработанному и установленному им алгоритму (быть результатом работы программы ЭВМ или других компьютерных устройств).

Отметим, что в обоих случаях рассматриваемые сведения могут быть представлены в виде компьютерной информации, которая в соответствии с примечанием 1 к ст. 272 УК РФ определяется как «…сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». «Объективно эта информация, - пишет В.Б. Вехов, - может существовать только на электронных носителях информации – на технических устройствах или в технологических системах, предназначенных для фиксации, хранения, накопления, преобразования и (или) передачи компьютерной информации. К ним относятся машинные носители информации (ферромагнитная полимерная лента (полоса) или металлическая нить, гибкий полимерный или жесткий магнитный диск, жесткий оптический или магнитооптический диск и др.); интегральные микросхемы (идентификационные карты на интегральных микросхемах типа «sim-карта» и др.); микроконтроллеры (так называемые электронные проездные документы, USB-драйверы, flash-карты и др.); электронные вычислительные машины (компьютеры, активное серверное оборудование, банкоматы, терминалы, контрольно-кассовые машины, сотовые радиотелефоны, ресиверы, видеорегистраторы и др.); комбинированные носители информации (платежная карта с магнитной полосой и интегральной микросхемой и т.п.); информационные системы; информационно-телекоммуникационные сети, например, сеть Интернет» [7, 14].

В перечисленном особое место занимают средства (системы) видеорегистрации (видеонаблюдения). Видеорегистратор – это устройство, которое позволяет записывать, хранить, воспроизводить и передавать записи (архивы) видеонаблюдения. Видеонаблюдение фиксирует разнообразную информацию, дающую основания для задержания заподозренных в совершении преступления, позволяющую, как показывает следственная и судебная практика, исключать незаконное вторжение в конституционные права и свободы человека и гражданина.

По распространенности систем видеонаблюдения лидирует Великобритания. Развитие видеонаблюдения в этой стране берет начало с 50-х годов XX века, когда британская полиция начала применять камеры видеонаблюдения на перекрестках. Импульсом к повсеместному внедрению систем видеонаблюдения стало похищение и убийство малолетнего Джеймса

Балджера в 1993 году. Изображения похитителей, выводящих Джеймса из ливерпульского торгового центра, обошли тогда все национальные и зарубежные средства массовой информации. Несмотря на невысокое качество изображения, сделанного уличной камерой слежения, полиции удалось установить и найти преступников. Сегодня количество камер видеонаблюдения в данной стране приближается к 5 миллионам. Житель Лондона в течение обычного рабочего дня становится объектом наблюдения приблизительно 300 камер [15].

По некоторым данным, в г. Москве насчитывается более 600 видеокомплексов, следящих за скоростью движения автотранспорта и за пешеходными полосами. Если к этому количеству прибавить видеорегистраторы, установленные в офисах государственных и коммерческих учреждений, то получится внушительное число. С помощью видео-комплексов выясняются и устанавливаются самые разнообразные обстоятельства. Недавний случай, произошедший в Московском областном суде при нападении участников банды ГТА на конвой, яркое подтверждение этого.

Распространенность использования видео-регистрации связана с ее особой сущностью, состоящей в: мобильности устройств и простоте их использования; легкости просмотра архивов видеонаблюдения; высоком качестве изображения, хорошем разрешении; значительном объеме памяти; большом сроке службы записанного в цифровом формате видеопотока; простоте передачи материалов видеонаблюдения должностным лицам правоохранительных органов; удаленном доступе и просмотре архивов видеонаблюдения через локальную сеть или Internet; возможности цифровых регистраторов видеонаблюдения вести запись в нескольких режимах: постоянной записи фрагментов видеонаблюдения, записи по датчику движения или по тревоге, записи в указанное пользователем время; возможности резервного копирования информации на сменные носители или на удаленный сервер в Интернете.

Задержание (захват) имеет далеко идущие правовые последствия для всего уголовного судопроизводства, особенно в тех случаях, когда противоправная деятельность преступников зафиксирована с помощью камер видеонаблюдения. Это дает информацию о механизме противоправного деяния, действиях всех соучастников и их конкретных ролях, поведении потерпевшего (если таковой имелся), свидетелях, позволяет психологически воздействовать на субъектов преступления, определяя их поведение при проведении следственных действий и расследования в целом.

В каждом конкретном случае для принятия решения об использовании информации, относящейся к «иным данным», для задержания заподозренного в совершении преступления она должна быть очевидной, подвергаемой проверке, в том числе и посредством проведения (в последующем) экспертизы.

Поскольку на практике информация, подпадающая под понятие «иные данные», может толковаться достаточно широко, она должна реализовываться с дополнительными условиями, перечисленными в ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

---

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. М., 2000. С.463.
2. Данные – сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения. Там же. С. 151.
3. Иной – другой, отличающийся от этого. Там же. С. 248.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др.; под научн. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016.
5. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. Изд. третье, изм. и доп. М., 2003. С. 306.
6. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого / В Н. Григорьев. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР»,1999. С. 154.
7. Шурухнов Н.Г. Технология и процессуальный порядок поиска, обнаружения, фиксации и изъятия электронных доказательств в компьютерных устройствах / Н.Г. Шурухнов // Электронные носители информации в криминалистике: Моногр. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2017. С. 235-248.
8. Гуляев А.П. Комментарий к главе 12 УПК РФ / А.П. Гуляев // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Практическое руководство для следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов. М., 2002. С.221.
9. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис…д-ра. юрид. наук / О.И. Цоколова. М., 2007. С. 12-13.
10. Глушков А.И. Задержание / А.И. Глушков // Криминалистика / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, С.В. Дубровина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. С. 365-366.
11. Агутин А.В. Организационно-правовой механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности в отечественном досудебном производстве: моногр. / А.В. Агутин, А.Ю. Введенский, А.Г. Саакян. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 86-102.
12. Венская конвенция Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», Шенгенская конвенция, Конвенция «О взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского Союза», Соглашение СНГ «О сотрудничестве государств в борьбе с неза-

конным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».
13. Мерецкий, Н.Е. Источники исходной информации для выдвижения версий о совершении преступлений, связанных с несанкционированным доступом к компьютерной информации / Н.Е. Мерецкий // Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований: Материалы пятой международной научно-практ. конф., г. Москва (Российская Федерация) г. Милан (Италия). 25 апреля – 3 мая 2014 г.: в 2-х ч. Ч. 2. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 322-326.
14. Вехов В.Б. Проблемы работы с электронными доказательствами / В.Б. Вехов // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сб. материалов Международной научно-прак. конф. 20-21 октября 2016 года. Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016. С. 85.
15. Интернет-ресурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шурухнов Николай Григорьевич. Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин.
Московский гуманитарный университет, 111395, ул. Юности, д. 5, ст. 5.

Гаврилин Юрий Викторович. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений.
Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Ключевые слова: иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, оперативно-розыскная информация, компьютерная информация, преступность, преступление, УК РФ, УПК РФ.

УДК 343.1

Юлдошев Р. Р.

ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В статье анализируется взаимообусловленность уголовного права и процесса Республики Таджикистан. Современная уголовная политика государства в настоящее время находится в поиске оптимальной модели сво-

его развития. Ряд поправок действующего законодательства, касающиеся сферы уголовного и уголовно-процессуального законодательства и предпринимаемые реформы определили векторы совершенствования.

Взаимосвязь законов, составляющих в своей совокупности уголовно-процессуальное законодательство, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, ибо уголовное судопроизводство есть форма применения уголовного закона. Уголовный процесс тесно связан с материальным уголовным правом. Нормы уголовного права определяют деяния (в форме действия или бездействия), являющиеся преступлениями, и наказания, подлежащие применению за совершение этих преступлений. Нормы уголовно-процессуального права определяют те средства, способы которыми устанавливаются факты совершенных преступлений и виновность совершивших их лиц. Связь взаимная обусловленность уголовного процесса и уголовного права настолько тесно и неразрывно, что уголовный процесс немыслим без уголовного права, равно как и уголовное право немыслимо без уголовного процесса.

Уголовный процесс без уголовного права был бы беспредметен, так как только уголовное право определяет, что именно является преступлением, ради установления которого ведется уголовный процесс. Уголовное право без уголовного процесса было бы бессильным, так как только уголовный процесс определяет тот порядок, в котором производится установление преступлений и лиц, несущих за них ответственность [2. С. 45-46].

Нельзя не согласиться с мнением выдающегося профессора В.П. Божьева, которое не теряет своей актуальности и по сей день, что при исследовании смежных вопросов этих двух «родственных» отраслей права необходимо учитывать, что существование уголовного процесса, хотя и детерминировано (обусловлено) уголовным правом, он (уголовный процесс) является единственным каналом применения норм уголовного закона и единственным способом реализации субъектами уголовно-правовых отношений своих материально-правовых притязаний. Уголовное право влияет на формирование ряда норм и даже институтов уголовного процесса, а уголовный процесс, в свою очередь, создает предпосылки и определяет механизм применения норм Уголовного кодекса. В связи с этим ряд материально-правовых и процессуальных понятий и конструкций взаимодействуют между собой (например, состав преступления и предмет доказывания; субъект преступления и обвиняемый и т.п.) [1. С. 6].

Следует отметить, что продолжающаяся судебно-правовая реформа в Республике по своей сути является неотъемлемой составной частью общих реформ органов государственной власти. Введенная в действие очередная Программа судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг. в Таджикистане, свидетельствует о кардинальном и продолжающемся шлифовании двух родственных отраслей права и не только их.

Непосредственной целью настоящего исследования является анализ тенденций уголовного и уголовно-процессуального законодательств в контексте продолжающихся судебно-правовых реформ Таджикистана и их взаимосвязь. С учетом поставленной цели, анализ условно разделен на несколько подпунктов.

1. Последняя кодификация уголовного и уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, по сравнению с общей кодификацией начиная с проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958-1961 гг., прошла с очень длительной остановкой по времени принятия указанных кодексов. УК Республики Таджикистан был принят 21.05.1998 г., вступил в силу с 01.09.1998 г., а новый УПК Республики Таджикистан был принят 03.12.2009 г., и вступил в силу с 1 апреля 2010 г. До этого времени все уголовно-процессуальные правоотношения регулировались УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г). Разнобой по времени принятия вышеназванных кодексов приводит к ряду проблем в теории и в правоприменительной практике уголовного судопроизводства. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство имеют органическую связь, и их кодификация должна всегда осуществляться параллельно в целях устранения противоречий и коллизий между их нормами и отдельными взаимообусловленными положениями.

Однако события, происходившие в начале 90-х годов прошлого столетия в Таджикистане, препятствовали нормальному функционированию органов государственной власти, и отсутствовала реальная возможность разработки и принятия, новых нормативно-правовых актов в соответствующих отраслях законодательства. В связи с указанными объективными факторами, разработка и принятие анализируемых документов переносилось на длительное и неопределенное время. Попытки и деятельность рабочих групп срывалось, эффективных и положительных результатов они не добивались, вплоть до принятия этих актов в окончательной редакции.

2. Реформа уголовно-процессуального законодательства является одним из важнейших условий обеспечения законности уголовного судопроизводства. Реформа, прежде всего, направлена на дальнейшее совершенствование основных руководящих начал уголовно-процессуальной деятельности по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, как жертв преступлений, так и других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве и осуществляющих производство по уголовному делу. На данном этапе развития таджикского общества в той или иной отрасли права происходят коренные изменения, принимаются новые законы, которые регулируют часть общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. Эти коренные и кардинальные изменения в некоторых частях противоречили Уголовно-процессуальному кодексу Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) и разрыв между этими правовыми актами, известная обособленность, неопределенность и противоречивость их норм

служили серьезным препятствием для уяснения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных или иных предписаний, создавая тем самым неустранимые проблемы в правоприменительной практике правоохранительных органов.

Некоторые противоречия, расхождения и упущения в кодексах, нормативных правовых актах во многих случаях дезориентировали и дезориентируют практических сотрудников и толкают некоторых из них на своевластие и на противоправные действия в производстве по уголовным делам. При расследовании некоторых категорий уголовных дел практические сотрудники часто принимают решения по своему усмотрению. Но, к сожалению, как свидетельствует практика, нередки и случаи, когда усмотрение плавно переходит в злоупотребление или превышение должностными полномочиями.

3. Безусловно, УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) утратил свою актуальность по отношению к регулированию уголовно-процессуальных правоотношений, но нельзя забывать, что в 1994 г., в Республике была принята Конституция, которая во многом определила будущие судебно-правовые реформы в действующем законодательстве. Если уточнить, то УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) – один из самых старых, если не самый старый, то документ прежнего режима, который продолжал действовать в совершенно новых политических и юридических условиях, который в таком качестве всегда нуждался в постоянном толковании, корректировке. Кроме того, на основе УПК решаются чрезвычайно острые, болевые для личности вопросы, и всякое промедление, неизбежное при обращении за ответом к законодателю, грозит тяжелыми последствиями. Вместе с тем опасно, когда следователи, дознаватели, прокуроры и судьи вынуждены руководствоваться законом, в котором просто невозможно разобраться из-за массы поправок, вступающих в непримиримое противоречие со всеми изначальными нормами уголовно-процессуального законодательства.

Принятие нового УПК Республики Таджикистан можно ознаменовать как шагом вперед, или позитивным подходом законодательной власти в упорядочении и систематизации целого ряда нормативных правовых актов, регулирующих уголовное судопроизводство в Республике. Поскольку уголовное судопроизводство должно соответствовать своим принципам, целям и задачам, то измененная норма должна отвечать данным основам. Если задачи, цели, принципы не соответствуют современной правовой ситуации, то изменениям должны подвергнуться сами основы, иначе внесенные поправки будут им противоречить. В любом случае, изменение ранее принятого кодекса нарушает его внутреннюю упорядоченность. Любой нормативно-правовой акт имеет внутреннюю структуру, его положения упорядочены согласно изначально заданной системе. Дополняя акт, меняя его положения, орган государственной власти, наделенный таким правом,

разрушает его целостную структуру, вмешивается в его внутреннюю логику и нарушает последнюю. Более того, наличие отсылочных норм предопределяет необходимость изменения целого ряда нормативно-правовых актов, регулирующих сходные правоотношения, в случае внесения поправок в соответствующую отрасль законодательства. Живым и ярким примером может, послужит УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.). После принятия Конституции Республики Таджикистан в 1994 г. в УПК Республики Таджикистан вносились изменения и дополнения, вплоть до 26.03.2009 г., которые не соответствовали и противоречили с некоторыми нормативно-правовыми актами в сфере уголовного судопроизводства, в частности с действующим УК Республики Таджикистан.

Следует отметить, что ежегодно принимаются программы, госпрограммы и концепции, которые направлены на оптимизацию и эффективную деятельность государственных органов и должностных лиц, вовлеченных в данную сферу. Увы, но абсолютное большинство указанных документов усиливают роль и полномочия судебного органа. Одностороннее реформирование отраслевых законодательств оставляет непоправимый след, где-то устраняя недостатки, создает проблемы в других родственных отраслях. От этого порока и страдают уголовное право и процесс в контексте стремительных идей и поверхностных тенденций реформаторов-разработчиков.

Итоги деятельности указанных субъектов можно будет подвести к десятилетию судебно-правовых реформ в Таджикистане.

---

1. Божьев В. П. Предпосылки обеспечения интересов потерпевшего в уголовном процессе // Законность. 2005. № 11. С. 6.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 45-46.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлдошев Рифат Рахмаджонович. Кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса факультета № 2.
Академия МВД Республики Таджикистан, 734024, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Восе, д. 123.

Ключевые слова: УПК Республики Таджикистан, уголовное право, уголовный процесс, судебно-правовые реформы, реформа уголовно-процессуального законодательства.

УДК 343.1

Якубина Ю. П.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

В статье рассматриваются недостатки, отрицательно влияющие на качество разрешения дел и снижающие общественное значение судебных процессов.

В науке принято определять правосудие как деятельность суда по разрешению конкретных дел и правовых вопросов в процессуальном порядке путем применения правовых норм к фактам и отношениям.

Юридический словарь дефинирует правосудие как форму государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел (об уголовных преступлениях и др.)[13]. Термин «правосудие» имеет и другие значения. В словаре Д. Н. Ушакова под правосудием понимается деятельность судебных органов, основанная на законе, праве[14]. С. И. Ожегов также определяет правосудие как деятельность судебных органов, только не конкретизируя[6]. Правосудие рассматривается и как «форма государственной деятельности по рассмотрению и разрешению судом уголовных дел и гражданских дел» [2, 11].

Юрист М. С. Строгович указывал, что правосудие – это государственная деятельность, которая осуществляется судом. Эта деятельность заключается в том, что суд путем разбирательства и разрешения уголовных и гражданских дел в установленных законом правовых (процессуальных) формах защищает от всяких посягательств государство, права и законные интересы граждан, учреждений, организаций, обеспечивает законность в деятельности учреждений, организаций, должностных лиц, в поведении граждан[12].

А. Е. Козлов, Е. В. Рябцева относят правосудие к функциям судебной власти[5,10]. В. В. Черников указывает, что одной из функций судебных органов как носителей судебной власти является осуществление правосудия. Отправление правосудия – это основная, стрежневая судебная функция[16].

Ю. А. Дмитриев, Г. Г. Черемных считают правосудие специфической, присущей только судам формой осуществления властных полномочий органами судебной власти [4]. В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова называют правосудие формой государственной деятельности [8].

Ю.К. Якимович, В.М. Бозров, считают, что всякая деятельность суда по разрешению отнесенных к его компетенции правовых споров будет не чем иным, как правосудием, из чего следует, что правосудие - это любая (всякая) деятельность суда, которая направлена на разрешение спора (кон-

фликта) сторон, данный спор носит правовой характер, и разрешение его отнесено к исключительной компетенции суда [17].

Х.Д. Хачароев считает, что правосудие - это система политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности его субъектов по расследованию преступлений, разрешению конституционных, гражданских, административных и уголовных дел, исполнению наказания в целях достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее ограничения, нейтрализации [15].

Е.М. Переплеснина, полагает, что современное правосудие заключается в выполнении государством в лице судебной власти задач по реализации судебной функции, в результате которой в установленной законом процессуальной форме (в форме судопроизводства) осуществляется правоохранительная деятельность государства, а также защита прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов физических и юридических лиц в частноправовых и публично-правовых отношениях в соответствии с Конституцией Российской Федерации и международными правовыми стандартами [7].

Таким образом, у разных авторов этот термин дополняется свойствами и характеристиками, которые, на их взгляд, присущи правосудию. Несмотря на это, следует в любом случае учитывать, что осуществление правосудия судом происходит в установленном законом процессуальном порядке.

В. М. Савицкий писал, что назначение правосудия заключается в защите прав и свобод человека и гражданина. На наш взгляд, назначение правосудия состоит и в том, чтобы защитить социально значимые общественные и личные отношения; восстановить нарушенные правовые связи; воздать должное (в виде юридической ответственности) правонарушителю. Тем самым обеспечиваются режим законности в обществе, выполнение социальными субъектами требований норм права[16].

Важным условием обеспечения эффективности правосудия является правильная организация и проведение судебных процессов при строгом соблюдении законности, повышение культуры в деятельности судов.

Слушание уголовных дел в судебном заседании происходит в соответствии с установленной законом процедурой, которая включает в себя не только регламентацию порядка и последовательности осуществления тех или иных процессуальных действий, но и определенные правила этикета, призванные не только обеспечить оптимальные условия для осуществления правосудия, но и поддержать авторитет судебной власти, оказать положительное воздействие на сознание участников процесса и присутствующих в суде граждан. Регламентные правила не должны игнорироваться как участниками судебного заседания, так и судом.

Большинство судов Российской Федерации осуществляет правосудие в точном соответствии с законом, обеспечивая предупредительное и воспитательное воздействие судебных решений.

Однако, несмотря на общее повышение культуры работы судов, в этом важном деле имеются недостатки, отрицательно влияющие на качество разрешения дел и снижающие общественное значение судебных процессов.

Как показывает анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ, отдельные судьи недостаточно ответственно подходят к подготовке процессов, поверхностно изучают дела, выносимые на судебное рассмотрение. Иногда судебные заседания без уважительных причин открываются с большим опозданием, нарушаются установленные законом сроки рассмотрения дел и материалов. Например, мировой судья одного из судебного участка Рыбновского района Рязанской области за 7 месяцев по делу никаких действий не производила, по другому 4 месяца передавала дело по подсудности, по третьему - два месяца передавала дело на экспертизу (см. решение ДСП от 14 июня 2011г., дело № ДСП 11-54) [18]. Мировой судья одного из судебного участка Железнодорожного района г. Курска обещал обвиняемой «порешать» её вопросы по уголовному делу за деньги (см. решение ДСП от 25 апреля 2011г., дело № ДСП 10-155) [18].

Встречаются случаи пренебрежительного отношения судей к соблюдению установленных законом правил судебного разбирательства, особенно в подготовительной части судебного заседания, невыполнения требований закона о порядке разрешения судом заявлений и ходатайств лиц, участвующих в процессе.

Судьи не всегда обеспечивают реализацию прав участников процесса. В частности, по некоторым делам при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, не принимаются меры к обязательному участию защитника в судебном разбирательстве. Отдельные судьи неудовлетворительно руководят судебным заседанием, не обеспечивают всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и не только не реагируют на неэтичное поведение некоторых участников процесса, но иногда и сами неподобающе ведут себя в судебном заседании. Например, при рассмотрении гражданского дела по иску о компенсации морального вреда судья М. допустил хамское поведение по отношению к адвокату С., представлявшему в суде интересы ответчика, прервав его выступление репликой «…это ваш собачий бред». На просьбу адвоката извиниться и не оскорблять участников процесса М. отреагировал удалением из зала судебного заседания, после чего судебное заседание было продолжено и завершилось вынесением решения[18].

Многие судьи не обращают внимания на полноту и правильность составления протокола судебного заседания. Нередко в протоколах не отражаются все обстоятельства, указанные в ст. 259 УПК РФ.

В ходе судебного заседания не по всем делам принимаются меры к выявлению и исследованию причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Все еще встречаются факты поспешности, упрощенчества и невыполнения требований закона при рассмотрении дел. Например в Абаканском городском суде Республики Хакасия судья был лишен полномочий судьи за невыполнение требований закона, в том числе за то, что, вручал копии приговоров, которые не соответствовали оригиналам [18].

По данным официальной статистики Верховного Суда Российской Федерации, в 2016 году в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации рассмотрено 6 883 надзорных представления и жалобы по уголовным делам. В порядке надзора в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации рассмотрено 161 уголовное дело в отношении 181 лица. Удовлетворены жалобы и представления в отношении 180 лиц [19].

Также согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 2016 год на судебные решения по вопросам, связанным с исполнением приговора, поступило 346 920 дел, из них из суда кассационной инстанции на новое апелляционное рассмотрение поступило 1 275 дел [19].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» (в ред. от 06.02.2007 N 5) обращено внимание судей на то, что суды должны принимать меры к устранению недостатков в организации и проведении судебных процессов, совершенствованию судебной деятельности по предупреждению правонарушений, повышению культуры в работе. Рассмотрение и разрешение дел должно проводиться судами на основе строгого соблюдения законности, в полном соответствии с материальным и процессуальным законодательством. Следует учитывать, что надлежащая подготовка дела к судебному разбирательству, имеющая целью обеспечить его правильное и своевременное разрешение, обязательна по всем делам. Суды должны слушание дел назначать на определенные часы с учетом их сложности и количества лиц, вызываемых в заседание.

Выполнение председательствующим по делу всех требований процессуального законодательства, умелое, вдумчивое и тактичное управление ходом судебного процесса обеспечивает не только надлежащее исследование обстоятельств дела и установление истины, но и воспитательное значение судебного процесса. Факты неэтичного поведения в судебном заседании должны быть полностью изжиты. При этом председательствующий по делу обязан обеспечить лицам, участвующим в судебном заседании, возможность реального осуществления прав, предоставленных им законом, неуклонно соблюдать нормы, гарантирующие равенство прав участников процесса.

Представляется, что регламент судебного заседания определен законом таким образом, чтобы обеспечить полное и объективное исследование обстоятельств дела, обеспечить равенство сторон судебного разбирательства. Регламент определяет руководящую роль и авторитет суда в судебном разбирательстве. Суды не должны оставлять без реагирования ни один факт нарушения законодательства, неэтичного поведения.

---

1. Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). Екатеринбург, 1999. С. 32.
2. Большой энциклопедический словарь. М. 2000;
3. Большой юридический словарь. М., 2003.
4. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С. 48.
5. Конституционное право: учебник / под ред. А.Е. Козлова. М.,1996. С. 344.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь. М.,1949.
7. Переплеснина Е.М. Судебная власть и правосудие в конституционно-правовой системе современной России // Российская юстиция. 2012. N 5. С. 41, 42 - 43.
8. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 38.
9. Попов А.Н. Практика привлечения судей к дисциплинарной ответственности в России http://mspa7520.ru/praktika-privlecheniya-sudey-k-disc http://mspa7520.ru/praktika-privlecheniya-sudey-k-disc.
10. Рябцева Е.В. Соотношение судебной власти, правосудия и судебного контроля // Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. «Уголовно-правовые и процессуальные проблемы отправления правосудия в современной России». Курск, 2003. С. 54–56.
11. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. М., 2010.
12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968. Т. 1.
13. Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А. Я.
14. Ушакова. Д.Н. Толковый словарь. М.,1935.
15. Хачароев Х.Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия // Российская юстиция. 2012. N 4. С. 59.
16. Черников В.В. Судоустройство и правоохранительные органы Российской Федерации: учебник. М., 2006. С. 7, 8.
17. Якимович Ю.К. Понятие правосудия и принципы его определения // Избранные статьи (1985 - 1996 гг.). Томск, 1997. С. 25.

18. Попов А.Н. Практика привлечения судей к дисциплинарной ответственности в России http://mspa7520.ru/praktika-privlecheniya-sudey-k-disc.
19. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdep.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Якубина Юлия Павловна. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное производство, судебное заседание, законность, обоснованность, эффективность правосудия.

УДК 343.1

К 300-летию российской полиции
и 100-летию советской милиции

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

19–20 октября 2017 года

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017 г.
Подписано в печать 16.10.2017 г. Формат 60x90$^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 28,5. Тираж 54 экз. Заказ № 27.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.